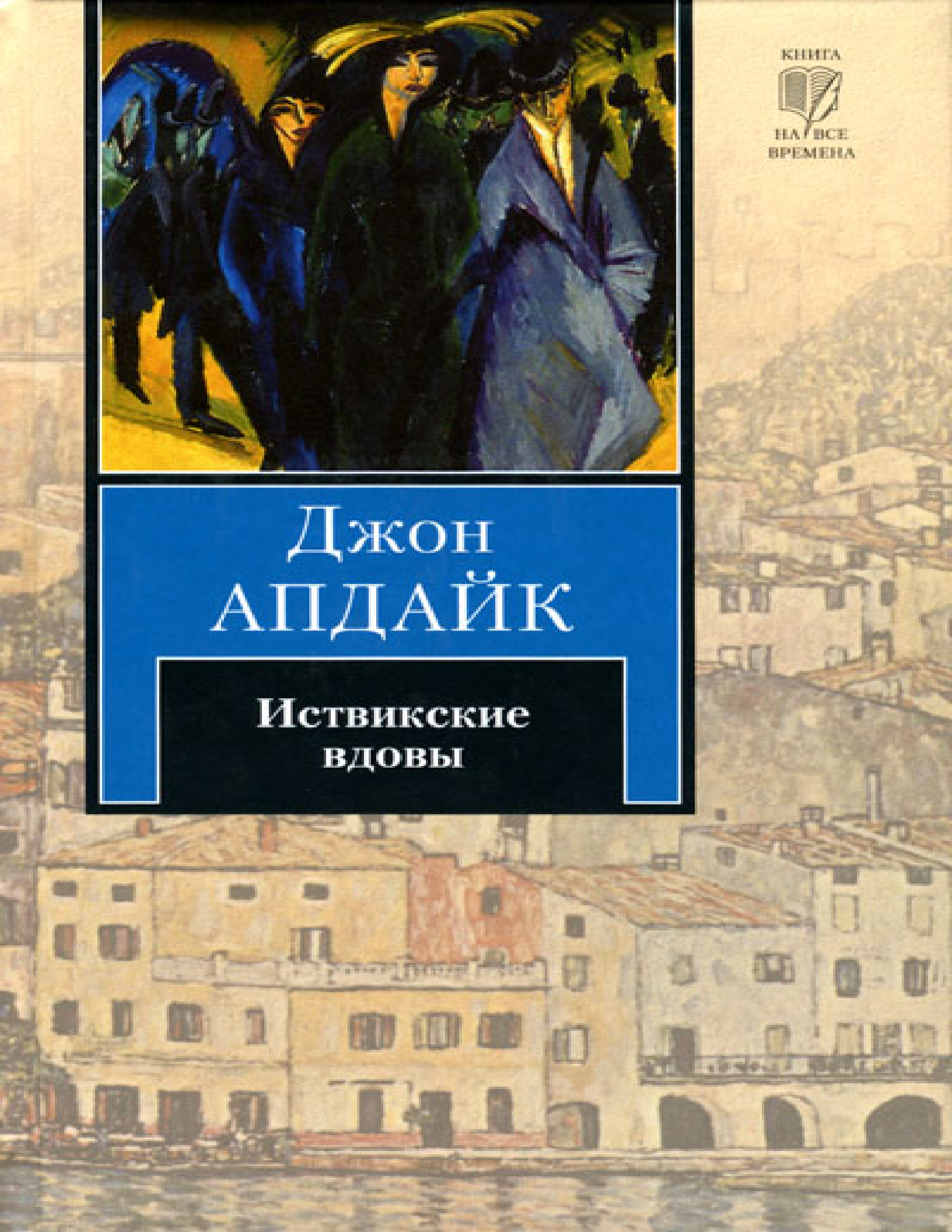

КНИГА

НА ВСЕ
ВРЕМЕНА

ДЖОН
АПДАЙК

Иствикские
вдовы

Annotation

«Иствикские ведьмы» возвращаются! Авантюристки и искательницы приключений, они никак не могут забыть демонического Даррила Ван Хорна.

А потому Александра, Джейн и Сьюки решают ненадолго заглянуть туда, где пережили самое увлекательное приключение в своей жизни.

Но... «сентиментальное путешествие» трех уважаемых дам вдруг принимает совершенно неожиданный оборот: они вновь оказываются в самом центре удивительных, невероятных событий!

- [Джон Апдайк](#)
  - [I. Возрожденный шабаш](#)
  - [II. По следам былой ворожбы](#)
  - [III. Утоленная вина](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)

- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)

- [56](#)
  - [57](#)
  - [58](#)
  - [59](#)
  - [60](#)
  - [61](#)
  - [62](#)
  - [63](#)
  - [64](#)
  - [65](#)
  - [66](#)
  - [67](#)
  - [68](#)
  - [69](#)
-

Джон Апдайк

«Иствикские вдовы»

*Тогда не смеют шелохнуться духи,
Целебны ночи, не разят планеты,
Безвредны феи, ведьмы не чаруют, —
Так благостно и свято это время.
У. Шекспир. Гамлет, акт I, сцена I*

I. Возрожденный шабаш

Те из нас, кому была известна их омерзительная и скандальная история, не удивились, когда из разных мест, где ведьмы обосновались, сбежав из нашего милого городка Иствик, штат Род-Айленд, стали доноситься слухи о том, что мужья, которых эти три богооставленные женщины состряпали себе с помощью своих темных чар, оказались недолговечными. Нечестивые методы дают слабый результат. Да, сатана симулирует Творение, но низкопробными средствами.

Александра, старшая по возрасту, самая дородная по комплекции и наиболее близкая по характеру к нормальной человеческой натуре, овдовела первой. Как случается с очень многими женщинами, внезапно обретшими свободу одиночества, первым ее порывом было — пуститься в путешествия, как будто широкий мир, познаваемый посредством эфемерных посадочных талонов, томительного откладывания рейсов и неотчетливого, но безусловно существующего риска полетов во времена растущих цен на горючее, угрозы банкротства авиакомпаний, наличия террористов-самоубийц и накапливающейся усталости металла, способен принести плодотворное воздаяние за неутраченное желание иметь спутника жизни. Джима Фарландера, мужа, которого она себе колдовским способом сотворила из выдолбленной тыквы, ковбойской шляпы и щепотки земли с Запада, соскобленной с заднего крыла пикапа с колорадскими номерами, замеченного ею припаркованным на Оук-стрит в начале семидесятых и выглядевшего там на удивление неуместно, когда их брак устаканился и окреп, оказалось почти невозможно оторвать его от гончарной мастерской и редко посещаемой покупателями керамической лавки, находившейся в захолустном переулке в округе Таос, Нью-Мексико.

Представление Джима о путешествиях ограничивалось часовой поездкой на юг, в Санта-Фе; его представление о выходных — днем, проведенным в одной из индейских резерваций — навахо, зуни, апачи, акома или ислета пуэбло, — где он высматривал, что предлагают в своих сувенирных гончарных магазинчиках американские аборигены. Он всегда надеялся задешево прикупить найденный в таком

магазинчике, в каком-нибудь запыленном индейском шкафу, подлинный старинный кувшин с типичным для племени пуэбло черно-белым геометрическим узором или хохокамский красно-желто-коричневый сосуд для хранения жидкостей, с орнаментом из сложнопереплетенных спиралей, который он смог бы за небольшое состояние всучить недавно облагодетельствованному пожертвованиями музею одного из буржуазных курортных городков юго-запада. Джиму нравилось сидеть на месте, и Александра это в нем любила, поскольку, будучи его женой, являлась частью этого места. Она любила его за стройность и стать (у него до самого дня смерти был плоский живот, притом что он никогда в жизни не делал никакой гимнастики), ей был приятен седельный запах его пота и глиняный дух, который, словно изображенная легкой сепией аура, навечно прирос к его сильным и умелым рукам. Они познакомились — на естественном уровне, — когда она, уже некоторое время состоявшая в разводе, слушала курс в род-айлендской Школе изобразительных искусств, где он временно преподавал. Четверо пасынков и падчериц — Марси, Бен, Линда, Эрик, — которых она взвалила ему на шею, не могли и мечтать о более спокойном, более умиротворяющем молчаливом заменителе отца. С ним ее детям — в любом случае уже наполовину вылетевшим из гнезда, Марси к тому времени сравнялось восемнадцать — было легче ладить, чем с собственным отцом, Освальдом Споффордом, коротышкой — поставщиком кухонного оборудования из Нориджа, штат Коннектикут. Бедолага Оззи так самозабвенно участвовал в деятельности бейсбольной Лиги малышей и играл в кегли за команду сантехнической компании, что никто, даже его собственные дети, не принимал его всерьез.

Джима Фарландера люди, особенно женщины и дети, принимали даже очень всерьез, отвечая на его хладнокровную молчаливость такой же сдержанностью. Его спокойные серые глаза мерцали, как вороненая сталь, из-под отбрасывавшей тень налицо широкополой шляпы, тулья которой потемнела там, где он обычно прикасался к ней большим и указательным пальцами. Работая за гончарным кругом, он обвязывал голову вылинявшей голубой банданой, чтобы собранные на затылке в конский хвост восьмидюймовой длины волосы — поседевшие, но все еще перемежавшиеся прядями натурального выгоревшего на солнце золотисто-каштанового цвета, — не попали в мокрую глину,

вращавшуюся на круге, который приводился в движение ногой. Еще подростком упав с лошади, Джим остался хромым, и круг, который он отказывался снабдить электрическим приводом, хромал вместе с ним, пока из вращения бесформенного куска глины его мускулистые сильные руки формировали, вытягивая вверх, изящные сосуды со стройными талиями и пышными задками.

Приближение его смерти Александра впервые почувствовала в постели. Его эрекция начинала увядать, стоило ей достичь кульминации раньше, чем он; тогда осязаемо чувствовалось, как в сплетении мышц его лежащего на ней тела наступает расслабление. Было некое вызывающее изящество в его обтягивающей манере одеваться: остроносые ботинки ванильного цвета, плотно облегающие джинсы с множеством заклепок на карманах и хрустящие клетчатые рубашки с манжетами на двух пуговках. Когда-то бывший в своем роде денди, он теперь позволял себе носить одну и ту же рубашку два, а то и три дня кряду. На скулах стали заметны белые волоски, остававшиеся после бритья то ли от небрежности, то ли по причине плохого зрения. Когда из больницы начали приходить зловеще плохие результаты анализов крови и затемнения на рентгеновских снимках стали очевидны даже ее непрофессиональному взгляду, он встретил это известие со стоической апатией; Александре приходилось вести с ним настоящую борьбу, чтобы заставить сменить задубевшую рабочую одежду на что-нибудь более приличное. Они влились в ряды пожилых супружеских пар, которые заполняют приемные покои больниц, где из-за нервного состояния сидят тихо, как родители с детьми перед показательными выступлениями в школьном отчетном концерте. Александра замечала, как другие пары празднично глазуют на них, пытаясь догадаться, который из супругов болен и обречен; ей не хотелось, чтобы это всем было понятно. Она, словно мать, впервые ведущая ребенка в школу, старалась, чтобы Джим выглядел как можно лучше; это было для нее делом чести. Те тридцать с лишком лет, что минули после того, как она покинула Иствик, они прожили, по своим собственным правилам, в Таосе; там вольный дух Лоуренсов и Мейбл Додж Лухан^[1] все еще осенял спасительной тенью останки племени художников-эпигонов — сильно пьющую компанию суеверных в духе Новой эры кустарей, которые с печалью все больше и больше предназначали свои изделия, выставленные в витринах собственных

магазинов, скорее на потребу скардным невзыскательным туристам, нежели на суд богатых местных коллекционеров юго-западного искусства. Александра возобновила было производство своих керамических «малышек», которых так приятно держать в руках, — безлицых, безногих женских фигурок в грубо намалеванной одежде, скорее напоминавшей татуировку, — но Джим, в искусстве будучи, как и все художники, ревнивым диктатором, мягко выражаясь, не горел великодушным желанием делить с ней свою печь для обжига. Так или иначе, миниатюрные женщины с расщелиной гениталий, смело впечатанной в глину с помощью зубочистки или пилки для ногтей, принадлежали неуютному предыдущему периоду ее жизни, когда она с двумя другими род-айлендскими разведенками, не имея достаточного опыта, практиковала обывательскую разновидность колдовства.

Болезнь Джима заставила и ее, и его покинуть безопасный приют эстетствующего Таоса и вывела в более широкий мир, в долины хворых, к огромному стаду, бегущему, словно ударившиеся в панику бизоны, навстречу гибельному обрыву. Вынужденная социализация — беседы с врачами, большинство из которых вселяли тревогу своей молодостью; стычки с медсестрами, от которых приходилось требовать сострадания и внимания, поскольку госпитализированный пациент был слишком подавлен и слишком по-мужски горд, чтобы просить о чем-то самому; необходимость выказывать сочувствие другим, находившимся в таком же положении, как и она, тем, кому вот-вот предстояло овдоветь, — еще недавно она избегала встреч с такими людьми на улице, а теперь обнималась и плакала вместе с ними в антисанитарных больничных коридорах, — все это подготовило ее к путешествиям в компании незнакомцев.

Прежде она бы никогда не поверила, что с уходом Джима образуется такая пустота: его отсутствие по утрам было оглушительным, как крик петуха на рассвете; и ей все еще казалось, что свои вечерние невозвращения он может в любой момент отменить шаркающим звуком ботинок, в которых, хромя, пройдет через переднюю, или скрипом гончарного круга, который донесется из мастерской. Через три месяца после его смерти Александра записалась на десятидневный тур по канадской части Скалистых гор. Ее прежнему замужнему избалованному «я» богемной снобки, гордившейся небрежной мужской манерой одеваться и

исключительной приватностью образа жизни, предстояло подвергнуться шпионскому вторжению со стороны притворного товарищества организованной туристской группы. Она предвидела ежедневную обязанность вставать в определенное время, набивать желудок в гостиничном буфете самообслуживания, перед тем как отправиться на осмотр дневной порции чудес, и попытки преодолеть непреодолимое, впрочем, желание вздремнуть в качающемся автобусе, сидя в липкой близости к чужому телу — обычно телу другой отважной вдовы, страдающей избыточным весом и бессовестно болтливой. За этим последуют наполненные беспокойными шорохами и таинственными красными огоньками бессонные часы в широченной кровати, предназначенной для двоих. Гостиничные подушки всегда бывают набиты слишком плотно, и голова покоится на них слишком высоко, так что просыпаться она будет словно с похмелья, с затекшей шеей, удивленная тем, что ей вообще удалось заснуть. Соседняя подушка останется непрямой. И до ее сознания каждое утро будет доходить, что она никогда больше не станет половинкой супружеской четы.

Но, будучи родом из Колорадо, Александра находила занятной идею проехать через Скалистые горы на север, в другую страну, волнующий и яркий пейзаж которой не тешил ненасытного тщеславия Соединенных Штатов. Канада, как оказалось, обладала и другими достоинствами: тамошние аэропорты не поддались искушению повсюду устанавливать телевизоры, из которых непрерывно изливается неотвратимое бормотание; привычный североамериканский говор смягчен здесь несколькими выжившими шотландскими гласными, а архитектура общественных зданий являет образец имперской степенности в серых тонах. Подобная национальная идентичность есть следствие разумного духа делового предпринимательства и скрепляет провинции, словно гигантские бусины, нанизанные на единую железнодорожную линию, куда лучше любых евангелических проповедей о Явном Предначертании Судьбы — явном только для ее англо-преступников, которые метнули слипшийся комок Соединенных Штатов на запад, а потом и дальше, через все океаны, туда, где их солдаты-мальчишки теряли конечности и умирали. Ежедневная дань, которую смерть собирала в Ираке, кого угодно была способна сделать эскапистом.

С другой стороны, в канадских ресторанах, видимо, бытовало мнение, что Фрэнк Синатра и Нат «Кинг» Коул — последнее слово в музыкальном сопровождении действительности, а гигантские круизные лайнеры, стоявшие в доках Ванкувера, направлялись оттуда лишь на пугающе холодную Аляску. Канада, чьи тундра, ледяные просторы и протянувшиеся на много миль леса спрессовывали ее население вдоль сорок девятой параллели, в порядке самозащиты лелеяла Природу, пытаясь сделать из нее домашнего любимца, и ради туристских долларов разрабатывала жилу ностальгии и добродетельности, которые сами по себе изначально свойственны человеку. Вернуть Природу — кто бы стал против этого возражать? Однако, с точки зрения Александры, в тотемных столбах и американских лосях было что-то неистребимо буржуазное. Она чувствовала себя здесь словно запертой на чердаке, набитом звериными чучелами. Природа была ее союзницей по колдовству, и все же она не доверяла ей, как не доверяют бессовестному убийце, моту и слепцу.

Проведя день в Ванкувере и еще один — в очень экстравагантной Виктории, вся группа — сорок путешественников, среди которых не было ни одного молодого, а восемь человек были австралийцами, — погрузилась в спальный поезд и в ночи потащилась на север. Проснулись они в горах, слепивших желтизной мелькавших за окнами осин. Для группы был зарезервирован специальный экскурсионный вагон; неуверенно вошедшую в него после плотного завтрака, который подавали в вагоне-ресторане балансировавшие на ходу официанты, Александру уже занявшие свои места супружеские пары приветствовали нерешительными улыбками. Она села на одно из немногих оставшихся свободными мест и отчетливо ощутила пустоту сбоку от себя, как будто из-за огромного безобразного нароста на щеке лицо ее утратило симметрию.

Впрочем, ей все равно никогда не удалось бы уговорить Джима пуститься в подобную авантюру. Он терпеть не мог другие страны, даже Виргинские острова, куда в первые годы их брака она несколько раз смогла-таки заставить его ее повезти, чтобы отдохнуть от долгой таосской зимы и пробок, которые в лыжный сезон постоянно возникали на дороге 552. Они прибыли тогда в Сент-Томас в арендованном «фольксвагене-жуке» ближе к концу дня и, как

оказалось, попали в вечерний час пик, при этом Джиму впервые в жизни пришлось вести машину по левой стороне шоссе. Хуже того, их окружали чернокожие водители, находившие расистское удовольствие в том, чтобы вплотную прижиматься к ним бамперами и выражать свое неудовольствие по поводу малейшего проявления Джимом шоферской нерешительности долгим и презрительным гудением клаксонов. Хотя в конце концов им удалось найти свой пансионат в конце дороги, на которой почти не было дорожных знаков, Джим обгорел в первый же день, презрительно отвергнув ее неоднократные предложения помазаться солнцезащитным кремом, и они едва не умерли, отравившись каким-то салатом с моллюсками. С тех пор каждый раз, чувствуя себя побежденным в обмене претензиями, он напоминал ей во всех подробностях о той неделе, которая чуть не угробила его — за двадцать пять лет до того, как он действительно умер.

Здесь, в канадских горах, не было видно ни машин, ни даже дорог, только рельсы и туннели, через которые поезд натужно тащил их все выше в горы, обрызганные золотом трепещущей осенней листвы.

— Это пик Робсона! — взволнованно сообщила мужу женщина, сидевшая позади Александры.

Австралиец, занимавший кресло через проход от нее, пытаясь выказать дружелюбие, повторил:

— Впереди пик Робсона, — словно она была не только одинокой, но и туговатой на ухо.

Другой голос, из-за его спины, не австралийский, менее энергичный, чуть тронутый акцентом, характерным для американского Юга, принялся объяснять ей — все остальные при этом внезапно сделались очень заботливыми, словно обращались с дефективным:

— Это самая высокая вершина в канадских Скалистых горах.

— Вот как? Уже? — воскликнула Александра и, сообразив, что прозвучало это глупо, попыталась перевести все в шутку: — Я имею в виду... я думала, что его приберегут напоследок.

Никто не засмеялся, может, не услышал или не понял ее шутки. Поезд как раз втягивался в длинный поворот, и сияющая вершина горы скрылась из виду за чащей осин; пик имел на удивление правильную форму — как пирамидка из детского конструктора, только белая.

— Какая у него высота? — громко поинтересовалась Александра, решительно настроенная побороть ощущение, будто ее здесь нет.

И снова вызвала к жизни утишающую интонацию.

— Почти четыре тысячи метров, — вызвался ответить австралийский голос.

Она затруднилась перевести эту информацию из метрической системы в понятную, но, позаимствовав немного ксенофобии у покойного мужа, вообще отказалась от попытки. Чутьочку юго-американский голос понял это и пояснил:

— Это около тринадцати тысяч футов, мэ.м.

— Бог ты мой! — воскликнула Александра, начиная получать удовольствие от собственной неосведомленности. Она повернула голову, чтобы посмотреть на своего «просветителя». Тот оказался долговязым, как Джим, с худощавым лицом, покрытым глубокими складками, и с усами, достаточно длинными, чтобы кончики чутьочку свисали. Его одежда — вылинявшие облегающие синие джинсы и рубашка в красную клетку с длинными рукавами — тоже напоминала о Джиме.

— Благодарю вас, — сказала она более тепло, чем намеревалась. Возможно, этот мужчина с печальным достоинством в облике был вдовцом. Или пребывал в ожидании, что какая-нибудь «неходовая» жена составит ему компанию в этом экскурсионном вагоне.

— Пика Робсона нет в программе нашего тура, — втолковывала Александре сидевшая у нее за спиной жена, она говорила ей прямо в ухо проникновенным, немного раздражающим голосом. — Он находится в другом национальном парке, не в Джаспере.

— Похоже, я плохо выполнила домашнее задание, — покаянным тоном ответила Александра, испытывая приступ гнева — застарелого, несдерживаемого, ведьмовского, убийственно-безумного гнева, который, как ей казалось, она давно переросла. Почему у этой женщины, заурядной и сварливой, судя по голосу, есть живой муж, а у нее, Александры, нет, и почему она сидит здесь, со всех сторон открытая для благожелательного вторжения чужих людей?

— Я тоже так делаю, — ободрил ее австралиец. — Учусь по ходу дела. Это моя жена загодя читает книжки.

— И следит за тем, чтобы не забыть билеты и паспорта, ленивый засранец, — шутливо парировала его жена натренированным тоном

завзятой жалобщицы.

Поезд, катившийся более гладко, чем американские поезда, поскольку Канадские национальные железные дороги клепают и поддерживает в хорошем состоянии правительство, продолжал, рассекая носом воздух, забираться все выше к небу. Пик Робсона снова появился над линией деревьев, теперь его белизна была исчерчена черными полосами — лишенными снежного покрова заплатами, гранеными так, словно пик был до некоторой степени высечен, как кремневое орудие первобытного человека. Пронзительно-кобальтовая синева открытого неба давила на эти вогнутые контуры, пока пик не исчез снова за волнами желтой листвы.

— Здесь сказано, — громко оповестила австралийская жена, уткнувшись в путеводитель, — что впервые пик был покорен в 1913 году каким-то типом из Австралии по фамилии Каин. Ка-а-и-эн. Здесь также говорится, что канадские горновосходители не любят, когда иностранцы первыми покоряют их горы. Утерли мы им их красные носы.

Александра вздохнула и опустила веки, решив, что с нее достаточно. Она хотела освободить их всех от необходимости и дальше оказывать ей внимание. Высокий рост, несколько широковатая кость, густая каштановая шевелюра, до сих пор поседевшая лишь отчасти, в молодости придавали ей осанистый вид, теперь же, когда она стала старой и одинокой, эти особенности бросались в глаза, и это ее смущало. Каин, Каин, думала она, первый человек, совершивший настоящий грех, куда худший, чем съесть яблоко с дерева познания. Зарезал брата, Авеля.

Тридцать лет назад Александра умертвила сестру-ведьму: они со Сьюки Ружмонт и Джейн Смарт убили малышку Дженни Гейбриел, хотя в свидетельстве о смерти причиной кончины были названы метастазы злокачественной опухоли яичников. Это проклятие навсегда осталось с Александрой и мрачно глодало ее изнутри, даже когда она бодрствовала. Однако, ничтожное, как земляной червь, в дневное время, по ночам, во сне, оно разрасталось и грозило заживо сожрать ее. Сны снова и снова возвращали ее к тому сумасшедшему периоду ее жизни, когда Даррил ван Хорн взял в жены не одну из них трех, а более молодую женщину, светловолосую, с кожей цвета слоновой кости, с невинными голубыми, как лед, глазами — слишком, черт

возьми, невинную, как казалось более зрелым ведьмам. Будь Дженни менее невинна, будь она такой же порочной, как они, они смирились бы с тем, что она обошла их, выйдя замуж за человека, который, как выяснилось в конце концов, был безразличен к женщинам и даже не богат, как, поддавшись внушению, думали они поначалу, поскольку то была бы игра равных партнеров. Они сами вымыслили того мужчину, состряпали из собственных представлений и чаяний.

Во сне Александра часто, ступая замерзшими ногами по предательски-болотистой, кочковатой земле, искала в зарослях ежевики нечто убийственное — обернутое в фольгу восковое яйцо смерти, которое, если его найти, могло предотвратить кончину Дженни. Она его так и не нашла, иногда ей снилось, что она принимает за него мячик для гольфа, перепачканный продуктами чьей-то жизнедеятельности, а иногда — крохотный скелет человеческого младенца, умершего от голода и холода. Тогда она просыпалась, вздрогнув от испуга, и вспоминала о своих детях, о том, как наплевательски относилась к ним, как пренебрегала ими, хотя все четверо были живы, но обитали далеко от нее, в четырех разных штатах, со своими собственными детьми и болезнями среднего возраста. Они были вне пределов ее досягаемости, она не могла ни помочь, ни навредить им, ее воспитание, сколь угодно несовершенно, теперь не было над ними властно. Грехи не давали ей уснуть. Когда-то здесь, рядом, лежало теплое длинноногое тело Джима, его шумное от курения дыхание оглашало хрипами тьму, его прокисший мужской запах наполнял кубическое пространство спальни, ночную черноту прямоугольных окон которой выбеливал лунный свет. Его интимное присутствие останавливало бешеный поток неконтролируемого ужаса из сновидений, который плющил ее более молодое «я», как вода, неотвратимо заполняющая запертую снаружи каюту тонущего корабля; события тех времен путались, но были безошибочно узнаваемы, она отчаянно желала отменить сделанное, ее душа оставалась навечно законсервированной в чувстве вины, как эмбрион со вперившимися в вас открытыми глазами — в формальдегиде.

По мере того как зрачки ее блуждали по комнате в поисках клочков света, она начинала понимать, что те, бывшие обстоятельства давно минули. Дженни Гейбриел мертва — как тот маленький скелет из ее сна, — а мужчина, похрапывающий у нее под боком, — ее

мужчина, муж, который по-своему, отвлеченно, любит ее той любовью, которая остается у него от его драгоценных горшков и ваз с их чувственными губами-горлышками и гибкими талиями. Ни один мужчина не способен любить так, как любит женщина, у мужчин для этого нет необходимого органа. Сбежав из Иствика, Александра решила впредь быть хорошей женой, лучшей, чем она была для бедного Оззи. Когда в те первые годы их совместной жизни Джим возвращался из «Орлиного гнезда» или «Трех Педро», благоухая алкоголем и не без бравады отвечая на ее вопросы о вероятных встречах с другими женщинами, она подавляла свои чувства, по предыдущему опыту зная, как может отравлять душу ревность собственницы. И вечеров, которые он проводил вдали от нее, становилось все меньше; он понимал, каких усилий ей стоит прощать его, и, в свою очередь, пусть нехотя, платил ей за это большим уважением и становился более ручным.

Теперь иствикские воспоминания продолжали накатывать вновь и вновь, но сухопарого тела Джима не было рядом, когда она от них пробуждалась, реальность составлял гостиничный номер, в котором пожилая женщина развешивала для просушки свое старомодное белье размера XL на веревке в ванной комнате. Красные огоньки, как глаза маленьких драконов, мерцали изо всех углов, означая что-то ей неведомое. Противопожарная сигнализация, догадалась она. Или предупреждение о разряжающейся батарее. Или о какой-то необъяснимой опасности. Видя в зеркале бледное облако собственного отражения, она чувствовала себя бесформенной в своей ночнушке. Ее тело под ней издавало тот сладчайший душок, какой бывает, когда варишь цветную капусту, или какой исходит от изнаночной стороны клеенки, — такой запах она, бывало, улавливала своим чувствительным детским носом у своей бабушки. Утерли их красные носы, как сказала эта австралийская сука.

* * *

По мере того как туристский маршрут разворачивался далее на юг, от Джаспера к Калгари, через ряд огромных старых курортных отелей, разбросанных повсюду канадским честолюбием и старательно

оформленных искусными шотландскими мастерами, Александра все пристальнее присматривалась к долговязому мужчине с усами и южным акцентом. Будучи единственными в группе одиночками, они неизбежно оказывались рядом по дороге к смотровым площадкам и пунктам чудовищного обжорства, зачастую сидели за одним столом, хотя всегда в компании других туристов. Легче всего было подсесть к низкорослой азиатской чете — тайванцу и малайке, — всегда радостно готовой поболтать, но труднопонимаемой; к ним присоединиться было гораздо легче, чем к другим американцам, которые нюхом чуяли в Александре нечто оккультное и отталкивающее и догадывались, что их приземленно-самодовольное умонастроение и простонародный жаргон вызывают у нее снобистское презрение, и легче, чем к восьмерке австралийцев — красивых, состоятельных и нагло счастливых оттого, что хоть на несколько недель удалось вырваться из своей Антиподии. Проев и пропив себе дорогу через Скалистые горы, они собирались отправиться дальше, пожирать Техас с его стейками и родео, а потом — в Новую Англию с ее лобстерами и пышной зеленью.

— Однако, — заметила Александра, обращаясь к одной чете — некоему типу и его бабенке, являвшим собой два тендерных аспекта одной и той же закаленной австралийской индивидуальности, — лучшая часть сезона к тому времени может быть уже позади.

— Ну, кое-что кое-где все же останется, — бодро ответил мужчина. — А мы, так и быть, экстраполируем.

— В нашем путеводителе, — подхватила его жена, — сказано, что там все зеленеет до середины ноября. Нам смерть как хочется увидеть эти прелестные деревенские лужайки с белыми пуританскими церквями.

— Многие из них за минувшие годы сгорели дотла, — сообщила супругам Александра с горячностью, поразившей ее самое, — и на их месте возведены уродливые уцененные «мыльные пузыри» из стекла и стали или типовые сборные треугольники. Или вообще ничего не возведено. Новая Англия не так религиозна, как остальная страна.

Взгляды супругов, представивших себе эту удручающую картину, остекленели, и Александра, раскаявшись, подбодрила их, уже в спину:

— Вы чудесно проведете там время! Непременно попробуйте жареных моллюсков.

Азиатская пара тоже произвела на нее большое впечатление своим аппетитом. Маленькие и подтянутые, в буфете, где сервировали завтрак, они горой накладывали на тарелки оладьи, сосиски и какие-то безымянные восточные деликатесы (Канада старалась угодить Азии, своей ближайшей соседке по Тихому океану), их улыбающиеся губы лоснились от масляной пищи. Они изводили пленку за пленкой и не пропускали ни одной самой незначительной пешей прогулки или организованного похода по магазинам. В Джаспере, отважно путившись в одиночку в обход маленького озера, на берегу которого стоял отель, Александра свернула на дорожку, приведшую ее к гольфному полю, ухоженному, но пустовавшему. Это было странно; но тут она увидела знакомую чету азиатов, крохотную в сужающейся зеленой перспективе, супруги весело шли ей навстречу, выкрикивая загадочное слово, которое звучало как: «Забрудирись! Забрудирись!»

Когда они подошли ближе, жена-малайка, чье английское произношение было все же получше, объяснила:

— Мы сдерари ошибку. Там, сзади, хитрый поворот. Мы встретири рабочего. Он нам сказар, не очень вежливо, это частное поре для горьфа. Он сказар идти назад, на грунтовую дорогу — и вокруг озера.

— Вы тоже забрудирись! — сообщил ее муж с триумфальной улыбкой.

Александра поймала себя на том, что почему-то краснеет и чувствует себя уныло-апатичной, нависая над этой энергичной парой, которую было невозможно обескуражить. Втроем они зашагали обратно к безлюдной дороге мимо неподвижной живой изгороди из кустов, покрытых утренней росой, мимо глубокого песчаного бункера-ловушки без единого отпечатавшегося следа, мимо свежевыкошенного пятачка с метками для установки первого мяча, коими служили обточенные водой камни с берега озера, выкрашенные в разные цвета — для разного класса игроков. Изгнанные из этого искусственного рая, они вернулись на грунтовую дорогу, не имевшую никаких указателей; Александра повернула направо, супруги поспешили налево, чтобы не опоздать на автобус до горного трамвайчика, который должен был доставить их к некоему прославленному виду, имевшему место за много миль от их временного приюта. Снова оказавшись одна, Александра задумалась об аппетите к жизни и о том, не являются ли

его недостаток у нее самой и приступы тошноты, которые время от времени безо всякой причины одолевали ее, симптомами болезни. Она всегда панически боялась рака, особенно теперь, ведь более чем за семьдесят лет ее клетки могли изменить свой код и ожить в ее венах с бешеной страстью к размножению.

Дорога перешла в тропу, углубившуюся в лес: сизые канадские ели, дугласские пихты, белые американские березы, трепетные осины, пена безымянного подлеска, на солнечных местах — густая поросль широкохвойных сосен, прямых и стройных, иные из них, задущенные собственной тенью, попадали в озеро, захлабив берег, где drobные волны набрасывали сетку преломленных солнечных лучей на мелкое дно, выстланное округлыми камнями. Тяжело отдувающиеся пухлые девушки, бегущие трусцой, и чета туристов, квебекцев с шишковатыми пальцами, должно быть, еще более старых, чем она сама, миновали ее в обратном направлении, огибая озеро против часовой стрелки. Большею же частью она была на дороге совершенно одна. Если вам повстречается гризли — гид их группы предупреждала, что они здесь водятся, — застыньте неподвижно; если это будет бурый медведь — менее крупный зверь, без горба, — отчаянно сопротивляйтесь. Александра прислушивалась к дикой природе, но ничего не слышала, даже птичьего пения. Но озеро дружелюбно искрилось на солнце, отражая, словно в чуточку искривленном зеркале, дрожащее золото осин. По другую сторону озера, за лесом, открывались Скалистые горы, имевшие приятный цвет крыла сизой горлицы, — гигантский геологический образец канадской сдержанности. Горы состояли из известняка, образовавшегося в результате отложения немислимого множества крохотных водяных обитателей, закованных в хрупкие панцири.

Их гид, Хайди, полная энтузиазма бывшая стюардесса, объяснила, что полтора миллиарда лет назад эта часть земного шара находилась рядом с западным побережьем того, что теперь составляет Северную Америку, образуя покатый край континентальной плиты. Осадочные породы, приносимые ныне исчезнувшими мезозойскими реками, накапливались, спрессовывались, а двести миллионов лет назад произошло изменение направления дрейфа плиты, в результате чего гигантские пласты отвердевших осадков смялись в складки, которые нагромодились друг на друга наклонными рядами и вздыбились

острыми пиками на первый взгляд неподвижных гор, впоследствии обточенными и выщербленными ветром и размывающими ледниками. Во все это — в изменение направления континентального дрейфа, в скалы, словно плоские макароны, складывающиеся в складки в горячих земных печах, — было так же трудно поверить, как в большинство фантастических религиозных догм, но все это спокойно укладывалось в голове любого здравомыслящего человека в современном мире. Груз очевидности непрерывно накапливался, как защитные панцири тех крохотных существ, которым так же хотелось жить, которые так же много о себе полагали и которые оказались в конечном счете такими же ничтожными, как она. Собственное отношение к Природе всегда ставило Александру в тупик; она воспитывалась на Природе, училась у нее, она сама была ею, и тем не менее было в ней нечто еще, нечто другое, что заставляло бояться Природы и ненавидеть ее.

На особо безлюдном отрезке дороги она заметила весьма крупное существо, двигавшееся ей навстречу. Сердце у нее подскочило, и в голове промелькнула мысль: пусть это будет гризли, а не бурый медведь, тогда единственное, что ей придется сделать, — это замереть на месте. Она была слишком стара и слаба для «отчаянного сопротивления». Существо обернулось высоким широко шагающим мужчиной, полуюжанином с меланхолическими усами, прямой спиной и в синей клетчатой рубашке с длинными рукавами. Звали его Уиллард Макхью, и приехал он из окрестностей Нэшвила — вот все, что он ей о себе рассказал. Но сейчас, стараясь не сбиться с шага, он лишь формально-дружелюбно кивнул ей на ходу.

Она тоже не была склонна останавливаться. Это могло показаться неприличным: слишком углублены они были в Природу. Он робел, она тоже. Природа в некотором роде обожгла их обоих. Хайди объясняла им, что для того, чтобы раскрылись слепленные смолой шишки дугласской пихты, нужен огонь. Воистину чудовищно, с каким спокойствием Природа приспособливает жестокость для своих нужд; Природа любит жестокость и нуждается в ней до такой степени, что смотрители канадских национальных парков ввиду отсутствия в последние семьдесят лет достаточного количества естественных лесных пожаров сами разводят их, чтобы стимулировать воспроизводство леса и способствовать его биологическому

разнообразие. Разнообразие. Почему все мы так уверены, что это благо, между тем как именно однообразие позволяет чувствовать себя комфортно?

Размышляя о подобных фундаментальных проблемах и о том, как сверхъестественно судьба свела ее в этом путешествии со вторым физическим воплощением Джима, Александра пропустила поворот на короткую дорогу до гостиницы, через парковку. От досады и волнения она так вспотела, шагая вдоль длинного берегового серпантина, оснащенного столами для пикников и многочисленными контейнерами для мусора, елеинно призывавшими ее не загрязнять Природу, а, напротив, обращаться с ней бережно, что пришлось еще раз принимать душ, чтобы прилично выглядеть за завтраком.

На следующее утро около одиннадцати она стояла озябшими ногами на леднике Атабаска, вновь лицом к лицу с Природой. Автобус, направлявшийся на юг мимо озера Луиза, сделал здесь запланированную остановку. Колумбийские ледяные поля, замкнутые в чашу, образованную пиками, окружавшими Континентальный разлом, протягивали через ущелья между горами свои многочисленные широкие ледовые руки, среди которых Атабаска был самой удобной для прокладки шоссе. Огромные машины на толстенных колесах, управляемые юнцами и называвшиеся «ледоходами», свезли туристов вниз по склону пропасти «под максимально возможным для автомобиля углом», как сообщали в микрофон мальчишеские голоса. Александра и ее спутники послушно встали с кресел и потащились дальше вниз, ожидая увидеть чудеса. Александра готовилась к встрече с миром необитаемой чистоты, но ледник был таким же закопченным, как городские улицы, только идти по нему было труднее. Лед оказался грязным, разъеденным и изобиловал ямами. Под его скользкой поверхностью слышалось журчание. Хотя лето закончилось, таяние продолжалось и делало хождение предательски-опасным. Александре мало что было известно о старости — подумать только, с каждой прожитой секундой ты становишься старше, чем была когда-либо до сих пор, — но одно она знала точно: нельзя ломать шейку бедра. Много лет назад она видела по телевизору интервью с профессиональным танцовщиком, и тот сказал о своих партнершах: «Однажды упав и сломав бедро, они возвращаются в танцзал — ради

компании, ради воспоминаний, — но бедняжки уже никогда не смогут танцевать». Не то чтобы они с Джимом много танцевали — разве что время от времени в выходные на площади, да и то лишь в начале своего брака, когда все было им внове и они были готовы почти на все. Ей нравились притопывания, покачивание из стороны в сторону и мимолетные прикосновения чужих рук, как во время ночного ведьмовского шабаша, но женщины Нью-Мексико с их пышными начесами, с разлетающимися, надувающимися, как паруса, юбками и мужчины с их двухцветными туфлями и галстуками «боло» на нефритовых или бирюзовых зажимах, сурово сконцентрированные на голосе распорядителя, перекрывающем звучание скрипок, в конце концов опротивели ей. Они были банкирами и подпитывали торговцев, выступавших под видом скотников; от них исходил дух замаскированной фальши — буржуазия в действии. К тому же хромяя нога Джима после танцев несколько дней давала о себе знать. Так что от танцев на площади пришлось отказаться. Отказываться от чего-то вполне отвечало желаниям Александры, взывало к ее внутреннему ведьмовству. В жизни было столько ненужной и избыточной суеты. По сути, самая жизнь с набиванием желудка и размножением была упражнением в излишествах. Рак.

В обязанности водителя автобуса входило обаятельной скороговоркой произносить следующий изящный текст: «Друзья, это специальный ледовый автобус, мы называем их „ледоходами“. Расслабьтесь — мы подсчитали, что более половины этих автобусов возвращаются целыми и невредимыми с большинством пассажиров на борту». Раздался дружный нервный смех. Они нырнули в пропасть, а потом по наклонному льду съехали до остановки, где встали в ряд с другими «ледоходами». Водитель продекламировал в микрофон:

— Один из самых распространенных вопросов, который нам задают: «Почему лед такой грязный?» Дело в том, что ледник образуется из снега, метровый пласт его спрессовывается в слой льда толщиной один-два сантиметра. Как вам уже известно, любая снежинка и любая капля дождя формируется вокруг микроскопической частицы грязи из воздуха. Снег тает, а грязь остается.

Было ли это известно Александре? Значит, каждая снежинка и каждая капля дождя нуждаются для своего существования в зародыше из грязи? Достаточно ли грязи в небе на всех? А что, если небесная

грязь иссякнет? И еще эта канадская тема компрессии — не она ли, компрессия, давит ей на грудь по ночам? Если все — снег, отложения, скалы — продолжает спрессовываться, почему мир не становится тяжелее и меньше, пока не превратится в черную дыру? Это был вопрос из тех, какие она прежде задавала Джиму, тот никогда не смеялся над ней и всегда пытался найти ответ, исходя из своих практических знаний. Мужчины, невзирая на все свои подавляемые страсти, обладают этим качеством: ясным представлением о причинах и следствиях, практичным желанием быть рассудительным. Женщины любят их за это.

Она огляделась в поисках долгоязого замкнутого мужчины из Нэшвила, но их группа смешалась с несколькими другими, и все вокруг выглядели незнакомыми — силуэты на фоне ледяного сияния, как те космические существа, которые возникают из света в «Ближних контактах третьей степени»^[2]. Далеко вверху, над склоном ледника, она видела окутанную туманом стену горного хребта и длинный язык замерзшего водопада. Стадный инстинкт призраков ледника подстегивал, шаркая, заскользить туда и слепо, словно идущая на нерест рыба, двигаться вверх по застывшему потоку, если бы не ряд красных дорожных конусов и знак, запрещающий проход. Столкнувшись с таким ограничением, туристы, осторожно ступая, кружили на месте — темные пятна на льду, похожие на скопления колышущейся грязи. Японцы из других групп объединились, чтобы сделать коллективные снимки.

Знакомая пара азиатов-коротышек с улыбкой подошла к Александре с предложением сфотографироваться вместе.

— Освещение просто верикорепное, — сказала женщина, наведя на нее видоискатель фотоаппарата для пробы.

— Ноги замерзри! — воскликнул ее муж, указывая вниз и широко улыбаясь.

Александра сфотографировалась с супругами по очереди, обнимая их за плечи. Опора на эти компактные тела с низко расположенным центром тяжести ослабляла ощущение опасного балансирования на острие. Слева от них глубокая расщелина сдерживала поток талой воды, которая пробилась себе русло далеко вниз, в губительные изогнутые провалы, тронутые светящейся лаймовой зеленью. Если бы на Александру нашло затмение, она сделала бы несколько шагов и, не

удержавшись, соскользнула в это журчащее ущелье; никому из окружающих не достало бы ни храбрости, ни сил выудить ее оттуда. Вот почему люди не путешествуют в одиночку: чтобы обезопасить себя от собственного безумия. Спутники, какими бы случайными они ни были, заставляют нас фокусировать внимание на беспокойной коняге жизни. Все мы раскачиваемся на самодельном веревочном мосту, который общество подвешивает над ущельем.

Как только дрессированные туристы снова очутились в своем специальном автобусе на гигантских шинах, парнишка-водитель начал посмеиваться над их страхом смерти:

— Итак! А теперь, друзья, мы собираемся предпринять попытку взобраться на этом приспособлении обратно вверх под тем же немислимым углом. Как я уже говорил, шансы близки к равным: пятьдесят на пятьдесят. Вы все должны мне помочь, задержав дыхание. Веселей, веселее!

Идиотизм, конечно, но все, включая Александру, шумно вдохнули и не выдыхали до тех пор, пока автобус не вскарабкался по склону и не припарковался на засыпанной галькой грязной стоянке.

— Друзья, мы сделали это! — объявил парнишка с почти американским произношением. — Когда выйдете из автобуса, посмотрите направо, на маленькую пирамидку из камней вон там, далеко, по ту сторону Ледникового шоссе. Ею отмечена граница, которой ледник Атабаска достигал в 1870 году. С тех пор он отступил на один и шесть десятых километра. Для добрых друзей, живущих по ту сторону нашей южной границы, где еще не примкнули к метрической системе, объясняю: это без самой малости миля. Приезжайте снова лет через сто тридцать, дамы и господа, и вам посчастливится увидеть здесь цветущую калину.

Александра мысленно представила себе мир без ледников: все горные склоны обнажены, долины мокнут и размываются водными потоками, прибрежные города поглощены поднявшимся морем, в тундре на севере Канады колосится пшеница, а американский Средний Запад превратился в пустыню, на которой с воздуха можно различить лишь едва заметные штрихи старых фермерских дорог.

В вестибюле отеля на озере Луиза в рамках висели фотографии местных пейзажей, какими они были около 1900 года, когда «Канадиан пасифик» заменила первые бревенчатые шале деревянным шато в

викторианско-тюдоровском стиле, вмещавшим сотни гостей. На снимке, сделанном с передней террасы, за озером расстилается обширный ледник на горе Виктория, от которого нынче остался лишь малый огрызок. Александра обнаружила, что здесь невозможно обойти вокруг озера, как в Джаспере, потому что, прошагав вдоль берега около мили, уткнулась в завал из камней и поваленных деревьев; оставалось либо идти по верхней тропе до «уютного чайного домика» и «миниатюрного и живописного Зеркального озера», либо поворачивать назад, к необъятному шато. Она повернула назад, бдительно озирая окрестности: не появятся ли бобры, которые, если верить развешанным повсюду предупреждениям, здесь водились, но не увидела ни одного. Дорога была запружена постояльцами отеля, включая детей и людей в инвалидных колясках. Ее не слишком испугало, когда в ранних сумерках человек из Нэшвила, незаметно подойдя сзади, умерил шаг, чтобы идти с ней в ногу. Начинается, подумала она, не очень отчетливо представляя, что именно «начинается». Она знала, что люди всегда замечают, когда замечают их. Совпадающие колебания аур приводят к столкновению тел. Зазвучавший в ее ушах голос был сахарным от южной куртуазности — печальная музыка побежденных.

— Синева озера необыкновенна, не правда ли? — спросил Уиллард. — Даже в этом умирающем свете.

— Да, — осторожно ответила она. — Если не считать того, что все ледниковые озера имеют более-менее такой же цвет. В автобусе Хайди объясняла почему, но я не поняла. — Хайди всегда щебетала в микрофон, словно, как прежде, успокаивала пассажиров в самолете.

— Горная мука, — констатировал Уиллард. — Ледники соскребают ее с камня, когда трутся о скалу. Мельчайшие частицы минералов. — Он растянул слово «мель-ча-ай-шие».

Его педантизм и самоуверенность разбудили в ней упрямство; она почувствовала, что просто обязана поспорить.

— Этот процесс не из тех, которые легко представить, — сказала она. — Почему горная мука должна делать воду более синей? И тот ледник, который мы вчера видели, вовсе не производил впечатления чего-то обо что-то трущегося. Он выглядел совершенно неподвижным.

Уиллард задумчиво помолчал, словно его подвергли суровой критике.

— Нужны века, чтоб образовалась мука, — наконец заметил он.

— Знаю, — уступила она, стараясь, в свою очередь, подстроиться к его шагу, и вдруг напугала и его, и себя резким вскриком — ей показалось, что она заметила бобра. Но то оказался всего лишь кусок коричневого торфа — силуэт, обозначившийся на фоне нереальной, обогащенной ледником синевы озера.

— Что-то случилось? — спросил Уиллард, вежливо встревожившись.

— Нет. Простите. Мне показалось, что я увидела бобра. Путеводитель сообщает, что они здесь водятся. Обещает, я бы сказала. В огромных количествах.

— Наверное, это бывает в определенный сезон. — Его ровный уважительный тон раздражал ее. Вероятно, почувствовав это, он спросил: — Из всего того, что мы видели, что произвело на вас наибольшее впечатление, Александра?

Это был тяжелый вопрос. На протяжении всего путешествия самым сильным ее ощущением было ощущение изолированного пространства вокруг. Отсутствие Джима отделяло ее прозрачным куполом — вроде тех, какими накрывают еду, выставленную на стойках в баре, — от всего, что она видела.

— Думаю, Уиллард, — сказала она, подстраиваясь под его осмотрительно-рассудительный тон, — рога самца-оленья, которого мы видели вчера на обочине шоссе, сразу после остановки у водопада Атабаска. Я и представить себе не могла, что они могут быть такими большими. Хайди назвала их вешалкой. Эта «вешалка», кажется, доходила до конца его спины и даже оттягивала ему голову назад, прямо страшно было, как бы она не сломала ему шею. Ак... ак... ак... эк... — Язык не слушался ее. Быть может, этот реинкарнированный Джим был колдуном? Поскольку он ничего не сказал, она добавила лепечущим голосом, какой бывает у женщин, смущенных мужским молчанием: — Представьте себе — носить на себе все это только для того, чтобы отгонять других самцов и защищать свой гарем. Сколько там Хейди сказала — до сотни самок?

Сколько совокуплений требуется Природе? Тема возбудила Хайди, она раскраснелась; пятна на ее щеках были видны с середины автобуса, где Александра сидела рядом с другой вдовой (выше было замечено, что во всей группе одинокими были только Александра и

Уиллард — нестыковка). Хайди продолжала в своей ласково-успокоительной манере бортпроводницы рассказывать, как вся эта борьба и «служение своим дамам» изнуряли старых самцов и делали их на пороге надвигающейся зимы обессиленными и полуживыми от голода. И они умирали, позволяя молодым самцам-холостякам, тайно бродящим вокруг гарема, занять их место. Они умирали из-за бешеного стремления Природы к размножению.

Поток мыслей Александры, высказанных и невысказанных, видимо, побудил Уилларда Макхью к ответной доверительности, потому что он совершенно неожиданно произнес:

— Александра, я искренне сочувствую вашему недавнему горю.

Итак, он знал ее имя и был осведомлен о ее горе. В своей серьезной манере он тоже принимал участие в сплетнях, попетушиному наклоня слегка вытянутую голову набок, словно поудобнее подставлял ухо.

— Моему горю?

— У вас недавно умер муж. Мне доверила это по секрету одна из дам — ваших приятельниц.

Дам-приятельниц? Александра попыталась вспомнить, с кем из собранного в этом туре стада скучных перекормленных человеческих самок она говорила. Вообще она старалась избегать разговоров, и остальные женщины чужили эту ее наэлектризованную отчужденность — отрицательный заряд потенциального разрыва, ведьмовское презрение к нормальному, прирученному порядку вещей.

— Кто бы ни была эта дама, она права. Джим умер три месяца тому назад.

— Мне очень жаль, Александра.

— Спасибо, Уиллард.

Он хотел сказать что-то еще, но она со своей вдовьей неуклюжестью этим «спасибо» перебила его. Однако он продолжил тем же сахарным меланхоличным голосом:

— Я знаю, что вы сейчас испытываете. Мой партнер умер в прошлом году. Мы прожили вместе тридцать семь лет.

«Партнер». Одно из новых кодовых слов, удобно нейтральных. Значит, Уиллард один из этих. Ее одурачили. Александра почувствовала облегчение и негодование: этот педик зря тратил ее время. С другой стороны, чего стоит ее время? Все меньше и меньше:

она — старая дама постклимактерического возраста, выброшенная на свалку Природы, пережившая библейский рубеж семидесятилетия.

— Это большой срок, — сказала она, не добавив — для пары педиков, которые печально известны тем, что порхают с места на место, разбивая друг другу сердца неверностью, в своем необузданном влечении к более молодым педикам.

— Он был чудесным человеком, — грустно признался этот нарушитель ее одиночества. Он бы продолжил, объясняя в подробностях, что именно чудесного было в его партнере, если бы Александра снова вежливо не перебила его:

— Я в этом не сомневаюсь. Спасибо вам за компанию, Уиллард. Теперь, когда стемнело, свет в отеле выглядит так уютно, не правда ли?

— Может быть, выпьем что-нибудь вместе там, в шато?

Так. Значит, обнаружив свою ориентацию, он почувствовал себя свободным и решил проявить большую настойчивость.

— Благодарю вас, Уиллард, — ответила она. — Вы очень любезны. Но думаю, мне лучше пойти полежать перед ужином. Я плохо сплю в этой поездке. Работы оказалось больше, чем я ожидала. Полагаю, дело в высоте и необходимости все время упаковывать и распаковывать вещи. А кроме того, столько Природы! — Надеюсь, что, как бы ни ранил его ее отказ, этот тампон из поспешно слепленных слов остановит кровотечение, она добавила: — И конца этому не видно! Хайди сказала, что завтра придется встать до рассвета, чтобы полюбоваться восходом солнца из-за горы Виктория. Должно быть, они принимают нас за девчонок и мальчишек! Вероятно, я пропущу это мероприятие.

Однако вопреки сказанному она попросила, чтобы ее разбудили в половине шестого. Пронзительный звонок телефона прервал сон, который она в тот момент видела, сон об Иствике — туманное утро, морские испарения, каплями оседающие на оконном стекле, дети уже ушли в школу, она пытается делать что-то по дому, но напряженно ожидает прихода Джо Марино. Во сне он принес ей в подарок цыпленка, живого, но упакованного в плотную оберточную бумагу с розовыми полосами. Ей следовало поблагодарить его, но в глубине души она пришла в ужас: что ей делать с этим цыпленком? Даже если она сумеет заставить себя свернуть ему шею, она не знает, как его

ощипывать. О чем только думал милый Джо? За всем этим стояли смехотворные, свойственные среднему классу предрассудки. Почему мужчины не могут просто трахнуть тебя, не заботясь о бесполезных подарках? Сердитый птичий глаз поверх воротника из оберточной бумаги пригвоздил ее своим взглядом. Из горла птицы послышался жуткий режущий звук: это надрывался телефон — звонили, чтобы разбудить ее. То был ее шанс, «день, дарованный тебе». У Александры больше никогда не будет возможности увидеть озеро Луиза.

Она быстро нацепила одежду и вышла, не приняв душа, сонная, в темноту, где присоединилась к толпе туристов, собравшихся на мощеных ярусах и обсаженных кустарником дорожках между отелом и озером. Это было похоже на площадь какого-нибудь европейского города, где турист, не ко времени рано вставший, бывает поражен количеством людей, наискось поспешно пересекающих ее по дороге на работу и выставляющих напоказ трудовую жизнь, обычно скрытую от гостей за театральной декорацией дворцов, соборов, музеев и неоправданно дорогих ресторанов, помогающих скоротать выходные дни. Супруги-азиаты тоже были здесь, как и восемь австралийцев, все фотографировали друг друга на фоне озера и гор; они тут же радостно, кадр за кадром, стали снимать и Александру, обещая прислать фотографии. В группу уже начало проникать прощальное настроение, хотя им предстояло провести еще два дня в Банфе и день в Калгари.

Розовый ореол над заснеженной вершиной Виктории расширялся дюйм за дюймом, распространяясь и вниз по поверхности горы. Ее горизонтальные пласты, резко обозначенные благодаря лежавшему на них снегу, отмеряли поступательный ход рассвета. Продолжая постепенно разрастаться, розовый ореол становился золотым; свет дня вступал в свою царственную силу над зеркальной поверхностью сверхъестественно синего озера, в которой — как Золото Рейна, ослепительным блеском сияющее со дна в лучах солнца, проникших сквозь толщу воды, — зависло перевернутое отражение осененного зарей пика.

Маленький азиат, оказавшийся рядом с Александрой, воскликнул со своей неистребимой улыбкой:

— Стоиро раннего ставания!

— Восход? О да, это великолепно. — Чудесный человек. Вопреки собственному желанию она скользнула взглядом по утренней толпе в

поисках Уилларда, с тревогой ожидая засечь его фиолетовую ауру и готовясь холодно осадить его. Но очевидно, он не был ранней пташкой. Она почувствовала себя в некотором смысле отвергнутой, что было безосновательно, поскольку это она в сотрудничестве с Природой отвергла его. Более тридцати лет назад, в Иствике, она уже была втянута в орбиту гомосексуалиста, соблазнена его любовью к развлечениям и искусству — он мог заставить ее смеяться, он ублажал ее, раскрепощал. В своем смехотворном жилище он создал для нее обстановку, которая льстила ее фантазиям о собственных чарах. Потом он предал ее, а также Сьюки и Джейн. И они утолили свое чувство мести. Воспоминания обо всем этом были постыдными, но бодрящими, они воскрешали ее более молодое «я» с его здоровым разнузданным аппетитом и темной силой. После короткого автобусного переезда прибыв в Банф, она чувствовала себя обновленной.

Джаспер был высокогорным поселением с пустынными широкими улицами и единственным деловым кварталом. Банф представлял собой настоящий город с художественным музеем, музеем аборигенов, множеством кафе, многолюдным центром, горячими источниками, конференц-холлом и сбегаящими по склону от отеля «Банф-Спрингз» пригородами дорогих особняков. Александра вышла в город, осмотрела экспозиции акварелей местных художников и старинной фотографии в Музее Уайтов и пообедала в укромной закуской, где, сдвинув два стола, насыщались австралийцы. Они пригласили ее присоединиться к ним, но она отказалась и съела свой рулет из индейки, уставившись в пустую стену. Эта пустота навела ее на мысль, что пришло время провести инвентаризацию и собрать себя для финальной сцены своей жизни, для спурта к могиле во вдовьем трауре.

На два часа у группы был назначен подъем на Сульфурную гору по канатной дороге. Автобус доставил их на базу, откуда отправлялась гондола. Наверху продавали сувениры и закуски, внутри помещения было тепло, снаружи холодно, и повсюду стояли обзорные телескопы, принимавшие канадские долларовые монеты, которые назывались «луни», то есть «утками», из-за водоплавающих, изображенных на стороне, противоположной профилю стареющей королевы. Двухдолларовые соответственно назывались «туни», то есть «две

утки». Интересно, почему Соединенные Штаты не додумаются выпускать долларовые монеты, подумала Александра. Вот ведь канадцы показали, как это удобно и забавно. Наверное, потому, что американцы ненавидят забивать себе карманы — боятся, что это будет их отягощать, а они любят свободу, предположила она.

В нескольких сотнях метров внизу сливались две реки, к одной из них прилегало поле для гольфа. Банф напоминал решетку, наклонно установленную между горой и двумя озерами. Деревянный лестничный марш, продолжающийся широким настилом, вел от смотровой террасы еще выше, к самой вершине. Кое-кто из туристов уже шел в обратном направлении по этой гулко отражающей звук «тропе», среди них было несколько австралийских пар.

— Ну, как там? — спросила у них Александра.

— Чудесно, дорогая. Стоило карабкаться.

Тем не менее она колебалась, слоняясь по сувенирной лавке и раздумывая: кому из ее семерых внуков может понравиться игрушечный американский лось? Если подарить его кому-то одному, остальным надо купить что-то равноценное соответственно возрасту. Амплитуда возрастов ее внуков составляла от шестнадцати лет до одного года. Слишком трудно сообразить. Боковым зрением она засекла приближение высокого мужчины с усами и, предпочтя не иметь дела с Уиллардом, вышла на холод и зашагала вверх по деревянным ступенькам.

Сначала настил был ровным, потом, опираясь на толстые столбы, ступенька за ступенькой, дорога поднималась до самого гребня. Люди обтекали ее, идя и навстречу, и в одном с ней направлении, однако Александра, по мере того как доски у нее под ногами меняли направление и затем снова превращались в ровный настил, чувствовала себя все более и более одинокой. Верхушки деревьев оставались все дальше внизу, на поверхности виднелись теперь только отдельные скальные выступы. Вообще-то она не была любительницей покорять высоты, но эту решительно вознамерилась взять. Ей казалось, что она ступает прямо по воздуху, потому что, куда ни глянь, под ней были гряды напозавших друг на друга гор: серых, аспидно-черных, пепельных, сизых, испещренных языками лавин и ошметками снежного покрова. Александра парила. Она находилась над и между бескрайних тихих гор; они были ее друзьями, великим Другим,

державшим ее на Своей ладони. Природа была в ней и вокруг нее, и она была бесконечна.

Дорога, состоявшая из крепких ступеней, сделала поворот, потом еще один, сузилась на подступах к пику Сэнсона и привела ее к хибарке, крепкой хибарке с застекленным окошком, через которое можно было разглядеть письменный стол с какими-то бумагами, но никакого человеческого присутствия, никакого метеоролога — а это была, как объясняла надпись на стоявшем рядом щите, именно метеорологическая станция, на которую Норман Сэнсон взбирался более тысячи раз за свою жизнь, чтобы проводить замеры погоды — внутри никого не было. Заглянув в окно и ощутив отсутствие в ней Нормана Сэнсона так же остро, как ощущала она отсутствие Джима Фарландера в своей постели, Александра почувствовала себя хрупкой среди напористых молодых спортсменов-ходоков, японцев и кавказцев, толпившихся вокруг нее, чтобы взглянуть на этот священный для канадцев вид; у нее закружилась голова, и она поспешила назад: вниз по ступенькам, поворот, еще немного вниз, потом — на гулкий ровный помост; она торопилась в панике, что группа уедет, оставив ее одну среди этих величественных и равнодушных серых гор. Но в конце последнего марша ступеней стоял Уиллард Макхью, долговязый, идеально опрятный в своей зеленой в клетку рубашке. Его облик, нарочито похожий на облик лесоруба, теперь, когда она все знала, казался гейским.

— Все остальные уже давно спустились, — проговорил он, растягивая слова.

Его похоронно-собственническая интонация заставила ее на миг возрадоваться тому, что у нее нет мужа. Повернувшись к Хайди, курчавой, лучезарной матушке их тургруппы, которая стояла в нескольких футах в стороне от него, и обращаясь только к ней, Александра сказала:

— О, мне так неловко. Я задержала всю группу?

— Вовсе нет, — ответила Хайди с фирменной улыбкой бортпроводницы, которую не могут погасить никакая турбулентность, никакой злобный гул в двигателях, никакая воздушная яма. — Как вам понравился вид?

— Колоссально. У меня даже дыхание перехватило. — Александра судорожно вздохнула, ее сердце еще не успокоилось после

паники, которую она испытала на последнем отрезке спуска.

Улыбка Хайди стала еще шире, от чего ямочки на ее щеках углубились.

— Вижу, что вы потрясены. Ну а теперь, Лекса, ловите снова свое дыхание и пойдете в автобус.

Покинув почтенный прибрежный город, где совершили свое гнусное злодеяние, три ведьмы едва поддерживали связь между собой, будучи далеко разбросаны географически и плотно заняты стряпаньем своих новых семейных жизней. Негоже стелить чистое белье грязными руками. В первое время после отъезда из Иствика они все же иногда встречались; Сьюки, жившей в Коннектикуте, и Джейн, жившей в Массачусетсе, делать это было легче, чем Александре, осевшей в далеком Нью-Мексико. Но разговоры текли вяло в присутствии мужей, маявшихся в той же комнате, а без возможности устроить шабаш втроем не возникал конус могущества, который только и мог придать им силу, превосходящую силу каждой в отдельности. Разъединенные каждая в собственном затруднительном безмолвии, они испытывали неприятные уколы совести, и это делало неповоротливыми их языки. Мало-помалу контакты между ними свелись к телефонным разговорам, а потом — к символическим рождественским поздравлениям по почте. В декабре того года, когда совершила свое осеннее путешествие в канадские Скалистые горы, Александра получила лишенную каких бы то ни было религиозных символов — только пирамидальные ели и миниатюрная белочка в красной шапочке с белой оторочкой — открытку из Новой Англии: традиционное «С Рождеством и Новым годом», типографским способом напечатанное посреди лихорадочно нацарапанной вокруг записки, строчки которой были разбросаны вверху, внизу, по бокам и даже вверх ногами — по всем свободным местам. У Джейн Смарт почерк всегда был темпераментный, глубоко продавливающий бумагу, со сползающими вниз строчками, расположенными так плотно, что порой приходилось делать петли, чтобы они не переплетались и не налезали друг на друга.

Лекса, дорогая!

Ты огорчишься, узнав, что мой милый Нэт умер после нескольких лет страданий, бесконечных госпитализаций в

Главной больнице Массачусетса и всех этих лечений — химии, облучения, лазерных прижиганий, противотромбозных вливаний и кучи дорогостоящих лекарств — словом, что еще там делают, чтобы продлить агонию больного? Лучше уж сидеть у камина и угасать в горячке [*Александре понадобилось несколько минут, чтобы разобрать это слово*], как делали наши предки. Главная больница Массачусетса мучила его, чтобы дать возможность ординаторам приобрести практический опыт и позволить жиреть системе бесплатной медицинской помощи. А он еще был таким покорным, мой милый старичок, так верил всему, что плели ему эти мошенники в белых халатах со стрижкой из модного салона. Когда в конце концов медсестра нашла его в постели мертвым, выражение лица у него было донельзя удивленным — видимо, он не мог поверить, что они позволили этому случиться. Я имею в виду — смерти. Лично я, когда придет время, предпочла бы быть сожженной заживо и по крайней мере вспыхнуть напоследок. В какой-то старой книге я читала, что делали в этих случаях опытные так называемые еретики: нужно было вдохнуть дым, чтобы сразу вырубиться. Прости за то, что нагоняю такую мрачность, тем более в рождественской открытке. Он «ушел», как смехотворно выражаются теперь сотрудники похоронных бюро, будто жизнь — это партия в бридж, в прошлом месяце, и пришлось часами вести переговоры с юристами, чтобы его мать — она в свои сто с лишним лет еще жива, трогательно, не правда ли, — разрешила мне остаться в его доме, в этой необъятной кирпичной уродине, которая якобы построена Г.Х.Ричардсоном^[3], а на самом деле всего лишь одним из его младших партнеров, подражателем, «принадлежащим к школе», как говорят музейные работники, характеризуя свои фальшивки. В Бруклайне^[4] все «принадлежат к школе». Твидовые юбки, тупоносые туфли и жиденькие родословные. Жаль, что ты не знала Нэта — газетная вырезка, которую я прилагаю, даст тебе лишь слабое общее представление, но ты не узнаешь, как он говорил, ел, спал, трахался и т. д. Встретимся ли мы

когда-нибудь снова? Позвони мне как-нибудь, далекая моя красавица.

Всегда твоя,

Джейн.

Во вложенном в конверт столбце некролога из «Бостон глоуб» — Натаниэль Тинкер III, 79, антиквар, благотворитель — было всего четыре-пять дюймов длины, но даже при этом из него можно было по крупице кое-что почерпнуть. Профессия Нэта обозначалась как советник по инвестициям; это, как предположила Александра, было другим способом сказать, что он манипулировал собственными деньгами и деньгами своих доверчивых друзей. Он состоял членом много чего: Сомерсетского клуба, Загородного клуба, Гарвардского бостонского клуба, Исторического общества Новой Англии, обществ по охране того-сего, попечительских советов Консерватории Новой Англии, Музея изящных искусств, больницы «Маунт Обурн», больницы Маклина, Новоанглийского Дома малолетних бездомных и приюта «Пайн-стрит-инн». Все он делал правильно, делал все, что диктовали общественные и географические обстоятельства, а потом, лет в сорок пять, женился на Джейн-Болячке, как называли ее Лекса и Сьюки, когда она им особенно докучала. Вообще же она была известна как Джейн Сمارт, разведенная жена Сэма Смарта, который в высушенном виде висел в цокольном этаже ее фермерского дома в Иствике и щепотку которого она иногда добавляла в свое приворотное зелье для пикантности. Джейн, судя по всему, была эмоционально привязана только к двум вещам: к своей виолончели, на которой играла с неистовой сосредоточенностью, пугавшей окружающих, являя собой в эти моменты водоворот, грозивший засосать любого, и к своему юному доберман-пинчеру, гигантскому черному с желтыми пятнами разгильдяю и пожирателю стульев по имени Рэндольф. Самая низкорослая и худенькая из трех ведьм и единственная, овладевшая мастерством летать, Джейн вдохновенно ринулась в возвышенную жизнь избранных кругов Бруклайна, Бостона и Кембриджа, которую открывали перед ней происхождение и богатство Нэта. Ее едкий, как кислота, акцент, ее остроносый профиль и злые сверкающие глаза цвета черепашьего панциря растворились в этих благовоспитанных

кругах, как струйка бренди в густом, вяло булькающем соусе; но для остроты сохранилась ее невидимая изнанка, тьма, на которой она покоилась, жар и грязь, которые побудили дорогого двуполого Нэта Тинкера вынырнуть из окутанной удушающими материнскими заботами летаргии и жениться на разведенной женщине с детьми, количество которых, по местным слухам, невозможно было отследить, так стремительно спроваживали их в подходящие школы-интернаты.

Когда поначалу Сьюки один-два раза в год, а потом все реже и реже навещала Джейн в кирпичном, обшитом декоративным деревом уродце на Клайд-стрит, она теряла свою обычную бойкость от благоговейного трепета перед высотой тамошних потолков, готической заостренностью контуров, навощенным благоуханием книжных шкафов со стеклянными дверцами, почти церковной мебелью и широкой темной лестницей, подъем которой ступенька за ступенькой сопровождался развешанными на стенах маленькими мрачными гравюрами в рамках и которая вела к площадкам и спальням, столь потаенно-уединенным, что даже при попытке представить себе, как они выглядят изнутри, дух захватывало. Сьюки, чей повествовательный дар был развит службой в «Иствикском слове» в качестве репортера, как это ни смешно, по телефону прочно внедрила эти картинки в сознание Александры много лет назад, до того, как и эта пара подруг утратила связь между собой. Когда, откликаясь на приглашение Джейн, Александра набрала номер, записанный на букву «С» — Смарт — в ее адресной книге, многодесятилетней давности красном блокноте, разваливающемся на части под бременем невычеркнутых номеров умерших, переехавших и забытых корреспондентов, отдаленный зуммер представился ей мерцающими угольками гаснущего костра в покинутой пещере. Трубку взяла не Джейн.

— Резиденция Тинкеров, — прозвучал молодой надменный мужской голос.

— Привет! — воскликнула ошеломленная Александра. — Могу я поговорить с... — Сказать «Джейн» было бы слишком фамильярно, а «с хозяйкой дома» могло означать как мать, так и вдову. — ...С Джейн Тинкер?

— Как доложить, кто звонит? — Вопрос был задан ледяным тоном.

— Скажите: Александра, — ответила она и зачем-то добавила: — Мы с ней старые друзья. — Какое дело было до этого наглому парню?

— Сейчас узнаю, свободна ли миссис Тинкер.

Как будто быть дома и быть свободной — разные понятия. Александра попыталась представить себе Джейн на верхней площадке этой широкой темной лестницы, замкнутую в своем горе, защищенную толщей старых, наследуемых поколениями денег. Длинный же путь наверх проделала она от той стоящей на заболоченной четверти акра в районе Бухты маленькой фермерской развалюхи с ее унылым модернизмом пятидесятых, прикрытым обветшалыми псевдопуританскими шкафами, поддельными сапожными верстаками и выключателями, вырезанными в форме пухлых человеческих рук предыдущим владельцем, нигде не служившим инженером-механиком. Именно там, у нее на кухне, где постоянно шныряли ее чумазые дети, втроем они наслали роковое заклятие на Дженни Гейбриел.

Хотя казалось, что те дни навсегда миновали, голос Джейн, когда она подошла к телефону, показался лишь чуточку другим — в нем все еще сохранялось то, бывшее, обвинительное жало, но звучание стало немного более скрипучим от виски.

— Лекса! Неужели это действительно ты?

— Дорогуша, кто же еще? Ты же велела мне в своей открытке позвонить. Меня огорчило твое печальное известие. Не сомневаюсь, что Нэт был чудесным человеком, жаль, что мы с ним никогда не встречались. — Она заранее заготовила эту речь.

— Но я написала тебе два месяца тому назад, — предъявила обвинение Джейн.

— Мы, люди Запада, долго раскачиваемся. Я не была уверена, что ты действительно этого хотела.

— Разумеется, хотела. За последние тридцать лет дня не проходило, чтобы ты не возникала в моем воображении, небрежно одетая и такая величественная.

— Как это мило, Джейн. Но ты давно не видела меня. У меня теперь лицо потрескалось, как у старой скво от вечного солнца, и я набрала вес.

— Послушай, куколка: мы — старухи. Теперь значение имеет только та женщина, что внутри.

— Ну, ту женщину, что внутри меня, обволакивает слишком много той, что остается снаружи. И мое бедное тело все время терзают приступы боли — то там, то тут.

— Звучит весьма с-с-соблазнительно, — сказала Джейн. Ее «с-с-с» было по-прежнему шипучим. — Приезжай к нам на восток. Я знаю замечательные ванны и акупунктуру, которые позволяют сбросить несколько лет. Чем большую боль ты ощущаешь, когда в тебя загоняют иголки, тем лучше ты себя чувствуешь, лежа на столе у врача. Я иногда прямо так и засыпаю, оцетинившаяся, как дикобраз.

Джейн-Болячка в своем репертуаре, подумала Александра, улыбаясь старой подруге в трубку, и сказала:

— Я теперь тоже вдова. В июле будет два года. Его звали Джим. Вы, кажется, виделись несколько раз, еще в Иствике.

— А как ж-ж-же. Мы встречались, ближе к концу, после того, как жалкий фарс Даррила распался на куски. Джим Как-его-там. Я его ненавидела, потому что он отнимал тебя у нас-с-с. Что касается моего «чудесного» мужа, то да, можно и так сказать. Это была сделка. Он многое давал мне, а я — ему. Он мне деньги, я ему — эрекцию. С ним требовалось особое обращение. Его возбуждали только определенные вещи. Причудливые вещи. — Хриплый едкий голос звучал на грани то ли возмущения, то ли слез. — А, дерьмо все это, с-с-сладкая моя, — сказала она, захлопывая дверь в этот чулан. — Все это отработано.

Александра попыталась представить себе эту «работу» — вообразить интимные подробности, имевшие место по ту сторону верхней площадки темной лестницы.

— Для нас тоже все уже «отработано», — заметила она. — Я любила Джима. — Она сделала паузу, ожидая отклика Джейн Тинкер на эту рутинную манифестацию чувств, но тщетно, так что оставалось лишь с вызовом добавить: — Думаю, и он любил меня. Ну, настолько, насколько способен любить мужчина. Когда они любят, они чувствуют себя беспомощными.

В ответ на это Джейн, с присущей ей пугающей способностью менять направление разговора, пустилась в двусмысленную и, не исключено, язвительную лесть:

— Лекса, тебя невозможно не любить. Ты такая открытая. Ты — орудие Природы.

— Не уверена, что я по-прежнему люблю Природу. Она слишком жестока. Что же до невозможности не любить меня, то, думаю, мои дети легко преодолевают эту трудность. — Она вспомнила о непроницаемом мистере Макхью из прошлогодней канадской поездки, но не упомянула его. Такая доверительность требовала физического нахождения вблизи Джейн, они должны сидеть друг против друга, касаясь коленями маленького столика с напитками и закусками. — А как твои поживают? — поинтересовалась она.

— О, выж-ж-живают, я бы сказала, в разных местах, — ответила Джейн. — Все четверо, кто-то здесь, кто-то там, я даже уже толком не могу уследить, кто где именно, как и запомнить дни рождения внуков. Я никогда не верила, что они смогут каким-то образом выж-ж-жить. Не могла представить себе их управляющимися с работой, с домом, с незнакомцами в качестве жен и мужей, получающими повышение зарплаты, садящимися в нужный самолет, но, как ни удивительно, они все это делают. Я не могла постичь *как*, пока не сообразила, что им приходится выживать не в нашем мире и соревноваться с людьми не нашего поколения, а в их собственном мире, соревнуясь с теми с-с-самыми маленькими человечками, с которыми они ходили в детский сад. И взрослеть в среде своих идиотских технологий. Вот что, как оказалось, заставляет почувствовать себя старой — технология. Я не умею работать на компьютере и ненавижу набирать десять цифр. В Мэне, в большом старинном доме моего деда, телефон появился одним из первых, и номер состоял из двух цифр — двух! Я все еще их помню: один и восемь. На острове до нас было только семнадцать телефонов. И я ненавижу говорить с этими слащавыми механическими голосами, которые, когда ты ошибаешься, по-идиотски повторяют тебе одно и то же. Хотя Нэт и заставлял меня носить с собой сотовый телефон, для собственной безопасности, как он говорил, думаю, я ни разу его даже не включила и в любом случае не могу поверить, что мой голос может пройти через маленькую решетку, в которую говоришь, даже не поднося ее близко ко рту. А теперь эти важничающие ребяташки, только-только выпорхнувшие из школы бизнеса, носят их, как серьгу в ухе, и на ходу разговаривают вслух, словно пребывают в транс. Притом эти сотовые телефоны могут еще и делать фото, и снимать на видео. Не вынош-ш-шу все эти крохотные электронные схемы, впихнутые в них и делающие все вокруг цифровым, они хуже, чем

наши мозги, которые и сами достаточно плохи. Тем не менее они любили приезжать в этот дом, — продолжала она, делая неожиданный бросок назад, к своим детям, — слонялись повсюду, наполняя четвертый этаж запахом гашиша или какого-нибудь другого психотропного препарата, модного на этой неделе, пока не обзавелись собственными домами и детьми, что, как я уже сказала, меня удивляет. Им нравился Нэт. Они считали его крутым; они употребляли именно слово «крутой», неуместное по отношению к этому крайне несдержанному маленькому чванливому ничтожеству. Это ранило меня, признаюсь. А он, будучи слишком инфантильным, чтобы жениться вовремя и завести собственных детей, обожал, когда они его окружали.

— Мои тоже! — вклинилась наконец Александра. Она и забыла, какой напористой может быть Джейн, как она бывает одержима собственным резким языком и своими жалобами на весь мир. — Мои дети были без ума от Джима, и он, похоже, получал удовольствие от общения с ними, пока они не становились несносными или не уезжали в колледж. В определенном смысле помогало то, что они не были его детьми. Джейн, тебе никогда не казалось, что мужчины, от которых мы имели детей, только на то и были нужны? Что-то вроде особой функции, какой бывают наделены паразиты и морские анемоны? А потом, во второй раз, мы выходили замуж по-настоящему.

— Особой факции^[5], — подхватила Джейн. Это была еще одна из ее слабостей — любовь к каламбурам, которые она обожала придумывать, выхватывая слово из речи собеседника. И все же, несмотря ни на что, разговаривая с Джейн, Александра почувствовала теплоту, какой не испытывала при общении ни с одним существом женского пола за все тридцать лет, что минули с тех пор, как пути трех разведенных женщин разошлись.

— О, Джейн! — воскликнула она в порыве необъяснимого великодушия. — Теперь, когда все мы овдовели, мы должны снова собраться вместе.

— Приезжай ко мне, дорогая. Дом огромный, моя свекровь не выходит из своей комнаты, где ее день и ночь окружают сиделки, которые кормят ее грудным молоком, протертыми обезьяньими гениталиями или черт его знает чем еще. Я ее почти не видела после отпевания Нэта. Ей за сто, это невероятно, — все равно что иметь

свекровь о двух головах, люди смеются надо мной. Я бы хотела сказать, что она ненавидела меня со всеми моими потрохами и сделала мою жизнь здесь почти невыносимой, но на самом деле она испытывала тайное облегчение оттого, что я отчасти сняла Нэта с ее шеи; у него нас-с-столько мало было за душой, что ему требовалась поддержка не одной, а двух сильных женщин. Он был ее единственным ребенком; я думаю, что в ее поколении иметь детей считалось весьма неестественным и очень странным — чем-то, что ты обязана была сделать, поскольку твои родители, а еще раньше родители родителей, очевидно, делали это, иначе откуда бы взяться предкам. Пока совсем не спятила, она, бывало, могла загнуть что-нибудь эдакое безрассудное, чем смешила меня. Честно признаться... — Джейн так понизила голос, что он зашуршал как механический, Александре пришлось напрячь слух, чтобы разобрать слова. — ...Я иногда задумывалась: уж не одна ли и она из... — Язык не повернулся произнести слово.

— Ведьм? — помогла Александра. Джейн не ответила, лишь сказала:

— Я старалась не смотреть на нее, когда она была раздета, — боялась увидеть ложный сосок.

— Джейн! — воскликнула Александра, шокированная и взволнованная. — Неужели ты все еще веришь в эту чудовищную средневековую ерунду?!

— Я верю в то, что е-с-с-сть, — последовал ответ. Голос Джейн звучал по-прежнему низко, но его края шипели, как вода на раскаленном металле. — И если это чудовищ-щ-щно, то так тому и быть. Нет, с-с-серьезно: приезжай ко мне, душ-ш-щечка.

Старый мрачный дом, старая мрачная подруга.

— Это так далеко, — стала отнекиваться Александра. — А здесь у нас так солнечно. У тебя больше денег — почему бы тебе не приехать ко мне? У нас тут чудесные индейские резервации, дом Джорджии О'Киффи^[6] в Абикиу^[7] и Континентальный разлом. Летом в Санта-Фе дает спектакли феерическая опера.

— Да, теперь у меня есть деньги, но это новоанглийс-с-ские деньги. Они терпеть не могут, когда их тратят, — разве что на образовательные цели. Нэт всегда жертвовал Гарварду, который в этом вовсе не нуждался, и Коммьюнити-колледжу в Роксбери^[8], который,

полагаю, явно в этом нуждался, хотя политики никогда бы не позволили ему пойти ко дну. Я заставила его жертвовать Беркли и Консерватории, несмотря на то, что Бостонский симфонический оркестр ему категорически не подходил. Слушая его, особенно после перерыва, он окаменевал в своем кресле настолько, что я, бывало, щупала его запястье, чтобы понять, бьется ли у него еще пульс. Рука была ледяной, особенно во время исполнения Брамса и Малера. Когда играли Моцарта или Баха, ее температура приближалась к комнатной; можно было даже заметить, как у него подергивались пальцы, когда ускорялся темп.

— Похоже, ты относилась к нему с нежностью, — сказала Александра, пытаясь уязвить подругу собственным великодушием и гуманностью.

Джейн ответила с раздражением, выдававшим ярость, которую вызывала в ней тяжелая утрата:

— И что толку, если так? Чем это поможет теперь?

— А что бы он хотел, чтобы ты сделала? Уверена, он не желал бы, чтобы ты сидьмя сидела в его доме с его отживающей свой век матерью.

— Конфетка моя, прости, но я не хочу ехать в Нью-Мексико. От Гудзона на запад все везде слишком американское, такое, что, будь это телевизор, хотелось бы сразу же его выключить. Но выключить невозможно; там все слишком большое, чтобы отмахнуться: все эти бескрайние поля пшеницы и кукурузы, стада, сонмы ожиревших религиозных людей с флагами, развевающимися на их пикапах, стойки с дробовиками. Меня это пугает, Лекса, как чужая страна, только еще хуже, потому что понимаешь язык.

Пока Александра слушала эту раздраженную речь-приглашение, в голове у нее промелькнула мысль: а что, если вырваться из своей монотонной вдовьей жизни — пробиться сквозь все эти ежемесячные выборы «лучшей прозы» в книжном клубе, посиделки за бокалом вина и ужины в складчину с таосскими «подругами», оставление ворчливых сообщений на автоответчиках своих неуловимых детей, борьбу с лишним весом при помощи утомительных, до покалывания в щеках, прогулок по горной сельской местности на север, к пику Уилер, в сопровождении единственного своего спутника — страдающего артритом старого черного лабрадора, которого они с Джимом взяли

еще щенком и которого она теперь называла Пеплом из-за поседевшей сизой шерсти и остекленевше-белесых, как у хаски, глаз? В Иствике ее лабрадора звали Угольком. Они с Пеплом, связанные друг с другом поводком, который был призван защищать не столько мелкую дичь от собаки, сколько собаку от койотов, тянули друг друга сквозь рыжеватокоричневые заросли овсянки. Александра брала с собой «кольт» Джима сорок пятого калибра на случай нападения стаи. Ранчо с обширными полями и пастбищами поднимались все выше в горы, и старая женщина в джинсах и кожаной куртке, с наполовину поседевшей головой, с дряхлым псом и покоящимся в кобуре «кольтом» сорок пятого калибра казалась чужакам — обитателям местных просторов, в свою очередь, чужой и подозрительной. Вот так и живешь, думала она, в окружении все большего и большего количества чужаков, для которых ты — лишь разовое явление, портящее вид. Только такой человек, как Джейн, знавшая ее тогда, когда она была в расцвете своей красоты и неумности, сможет простить ее за то, что она стала старухой. Она невольно всхлипнула при мысли о том, что это ее последняя оставшаяся хрупкая привязанность.

— Мы могли бы отправиться в какую-нибудь действительно чужую страну, — предложила она Джейн. — Вместе.

— Вдовы на марше. Вдовы — в мир, — обыграла та, безжалостно, как мог бы сделать только совсем бессердечный человек, название популярного ресторана на верхнем этаже манхэттенского небоскреба, трагически рухнувшего несколько лет тому назад.

— Я ездила в Канаду в тот год, когда умер Джим, — предприняла Александра еще одну попытку голосом, который даже ей самой показался трусливым.

— Канада? — презрительно фыркнула Джейн. — Вот уж с-с-смехотворный выбор!

— Их Скалистые горы очень красивы, — слабо возразила Александра. — И спутники по группе были со мной весьма любезны, особенно австралийцы, но, будучи без пары, я чувствовала себя неуютно. Неуютно и робко. Вдвоем мы были бы храбрее и жить могли бы в одной комнате. Ну хотя бы подумать об этом ты можешь?

Засевшая в своем роскошном темном доме Джейн всячески сопротивлялась уговорам.

— Не желаю я ехать ни в какое мерзкое место вроде Канады.

— Ну разумеется, нет.

— Вся Северная Америка — мерзость.

— Даже Мексико?

— Там всех прохватывает понос. А сейчас еще случаются социальные взрывы. Американец не может чувствовать себя в безопасности даже в центре Мексике. В сущности, американцы нигде не могут чувствовать себя теперь в безопасности. Мир ненавидит нас, признай это. Он завидует и ненавидит и винит нас за свою собственную глупость, продажность и за свои несчастья.

— Но к гостиничным консьержам это точно не относится. А также к тем, кто водит туристские автобусы. Создается впечатление, что *вообще* не существует места, куда бы ты хотела поехать. Вы с Нэтом когда-нибудь были на Ниле, у пирамид? Ездили в Китай посмотреть на стену? Неужели тебе не хочется увидеть мир, прежде чем мы его покинем? Ведь стоит сломать шейку бедра, потерять способность ходить — и все путешествия для нас окажутся закрыты.

— Я не собираюсь ломать шейку бедра.

— Никто не собирается, но случается же. Они имеют привычку ломаться. Как ты сама только что сказала, ужасные события происходят, хотим мы того или нет.

— Разве я это говорила? Что-то не помню.

— Подразумевала. Когда говорила, что мир перестал быть безопасным для американцев. — Александра сама удивилась своей напористости. Просто возвращение в ее жизнь Джейн, об которую можно было биться, как об стенку, разогнало ей кровь. Она поймала себя на том, что умоляет: — Нет надобности принимать решение немедленно. Мы теперь снова на связи, чему я очень рада. Подумай о нашем совместном путешествии и позвони мне. Я поеду куда бы тебе ни захотелось, если смогу себе это позволить. Только не на Южный полюс и не в Северную Корею.

— Нэт всегда говорил, что коммунистические страны — самые безопасные в мире. Там все оружие сосредоточено в руках государства, а государство держит крышку крепко закрытой, не давая пару вырваться. Это не значит, что он туда когда-нибудь ездил. Самым дальним его путешествием было путешествие в Англию — очень по-с-социалистичес-с-ски.

Если бы они продолжили разговор о путешествиях, он мог приобрести душок. Александра, у которой рука заболела держать трубку возле уха, сменила тему.

— Тинкер, — сказала она. — Расскажи мне об этом семействе. На «Мэйфлаэре» были Тинкеры?

— Они встречали «Мэйфлаэр» здесь. Тинкеры прибыли сюда за несколько лет до того на весельной корабельной лодке.

— О Джейн! Как приятно, что ты шутишь. Мои ровесники, с которыми я тут знаюсь, все такие серьезные, ни о чем другом не говорят, кроме как о бесплатном медицинском обслуживании, недвижимости и слабой поддержке искусства государством.

Джейн отзвонила ей не скоро, так что Александра даже не сразу узнала ее угрожающий голос, звучавший почти как мужской. Голос произнес только одно слово:

— Египет.

Застигнутая врасплох, она пролепетала:

— П-прошу п-прощения?

— Египет — вот куда нам надо ехать, дурочка, — объяснил голосе выплеском нетерпения, по которому сразу стало ясно, что это Джейн Сمارт. Александре трудно было воспринимать ее как Джейн Тинкер.

— Но, Джейн, разве это не опасно? Разве все арабские страны не представляют собой угрозу для американских туристов?

— Прежде всего, Лекса, египтяне — не арабы. Они так же, как и мы, считают арабов ужасными сумасшедшими людьми. Правда, они — большинство из них — мусульмане, это так, но их высшие классы, точно как и у нас, исповедуют агностицизм, и в стране все еще имеется некоторое количество христиан-коптов.

— Но разве Мохаммед Атта^[9] не был египтянином? И разве не происходили в Египте массовые убийства туристов?

— Я спрашивала об этом в туристическом бюро, — сказала Джейн своим ледяным, твердокаменным голосом. — Они дали мне брошюру. Вот она передо мной. «Инциденты» случались: с-с-семнадцать греческих туристов в каирском отеле в 1996 году, девять немцев в главном музее в 1997-м. В том же году, позднее, произошел самый ужасный случай — пятьдесят восемь иностранных туристов, в том числе тридцать пять ш-ш-швейцарц-ц-цев, плюс четверо египтян

были убиты в Луксоре у входа в совершенно потрясающий храм какой-то древней царицы. Но похоже, американцев там не было, и египетская полиция действовала очень эффективно, все шесть террористов были очень быстро убиты. Если туристы перестанут ездить в Египет, Лекса, это будет означать победу террористов. Пострадает египетская экономика, что и является целью исламского джихада. Террористы хотят, чтобы население было нищим, невежественным и доведенным до отчаяния, потому что это делает его более религиозным. Чего они не хотят, так это мирного функционирования глобального рынка и его модернизирующего воздействия. Чего они очень не хотят, так это доступа женщин к образованию, поскольку это ключ ко всему хорошему и прогрессивному, происходящему в мире: от снижения уровня рождаемости до борьбы со СПИДом. Я не верю, что ты можешь быть против всего этого, дорогая, заодно с Усамой бен Ладеном и муллой Омаром.

— О, Джейн, разумеется, я не против идеи поехать в Египет; моему, я первая ее упомянула. Вопрос состоит в том, не опасно ли в реальной жизни ехать туда в это беспокойное время.

— Время никогда не будет спокойным, во всяком случае, еще долго, — ответила Джейн, приправив свое заявление острой смесью ехидства и фатализма.

Слушая этот виртуальный голос из далекого зловещего дома, сиплый шкворчащий голос из прошлого, Александра отдыхала взглядом на линейных всполохах юго-западного солнца, игравших на стеклянной поверхности ее кофейного столика, на полосах — черных, красных, зеленых и бронзовых — плотного шерстяного навахского коврика с бахромой, отбрасывавшей мелкие пушистые тени на землистого цвета плиты пола, и на стопке гляцевых книг по искусству, покоившейся на нем. Ее душа противилась тому, чтобы покинуть этот надежный остров покоя. Горшки Джима, изысканные по окраске и силуэтам, стояли на полках и подоконниках в большой солнечной комнате, здесь каждая тряпочка и каждый предмет солидной функциональной мебели были выбраны ею после долгих раздумий, советов с Джимом и неторопливых походов по магазинам. Раньше, на Востоке, мебель просто вырастала вокруг нее как грибы: доставшееся по наследству, кем-то выброшенное, временное — все вперемешку; тот ее дом представлял собой промежуточную станцию,

что-то вроде очередного этапа взросления детей, требующего новой одежды, игрушек, принадлежностей и учебников, необходимых лишь на время и полностью заменяемых другими на следующем этапе. Здесь же, в высокогорном, сухом любимом Таосе, она обустроивалась основательно, чтобы в конце концов привести дом в тот вид, когда ничего уже не надо менять. Но потом Джим умер, оставив ее придумывать себе новый образ жизни.

— Джейн, — сказала она, стараясь выиграть время, чтобы облечь свой отказ в форму, которая не порвала бы бесповоротно эту связь с ее былым, когда она не так боялась новых возможностей, — ты просто сбила меня с ног.

— Вот всегда ты была такой, Александра. Ты всегда ненавидела любую инициативу. Вспомни, как долго ты позволяла этому нелепому толстому итальянскому водопроводчику вертеть с-с-собой. Уж не помню, как его звали, он вечно ходил в шляпе с дурацкими узкими полями, словно хотел этим сказать, что на самом деле он не водопроводчик, а деревенский с-с-сквайр.

— Джо Марино, — напомнила ей Александра, и само звучание имени согрело ее воспоминанием о его теле, о росших в форме бабочки волосах у него на спине, о солоновато-сладком, как у нуги, вкусе его обильного пота. Она представила себе его мясистое лицо в момент, когда он тайно приходил к ней, и потом, когда, утоленный, но все также тайно, уходил, хотя какие уж тут тайны от города, если его рабочий грузовичок со всеми его ветхими трубами и арматурой стоял перед ее старым домом на Орчард-роуд? У Джо был крючковатый нос и распутный взгляд какого-нибудь принца эпохи Возрождения, но выражение лица всегда казалось немного озадаченным — вникал ли он в тайны древнего запорного клапана или старался встроить ее, свою колдунью-любовницу, в систему семейной благонадежности, которая не давала покоя его католической совести. Она убеждала его не беспокоиться, просто наслаждаться: она, мол, — просто подарок ему, у Природы полно подарков, и, улаживая ее, он ничего не отнимает у Джины, своей жены и матери пятерых его детей, но он никак не мог избавиться от своего христианского багажа, от великого Нет, воздвигнутого на пути наших бессовестных appetitov. — Мне эти поля всегда казались очень милыми, — сказала она в защиту Джо.

— Не сомневаюсь. Давай признаемся, Великолепная, — ты была слабовольной. Не такой, как Сьюки, но для той с-с-спать со всеми подряд было тем же, что собирать информацию. А ты... ты сама ставила себя под удар и постоянно разбивала себе сердце. Даррил разбил тебе сердце, так и не сделав предложения.

— Я этого никогда и не ожидала.

— В душе я тоже. Он и мне так и не сделал предложения. Потом выяснилось, что он вообще не был стрелком-джентльменом.

— Ха! Только вспомни те времена — неужели ты не рада, что они уже позади? С их сексом, бессонницей, со всеми их жестокосердными интригами.

— Позади?! — зловеще переспросила Джейн.

— Джейн, мы старухи! Мы никому не нужны, кроме внуков, да и то лишь в первые полчаса встречи. Я нахожу, что это дает свободу.

— Мы не свободны. От желаний освободиться нельзя. Сэм Смарт, бывало, говорил мне, что клитор очень чувствителен, но не слишком умен. Он не знает, когда следует остановиться.

— Ох уж этот Сэм! Честно признаться — ты прости меня, Джейн, — он никогда не вызывал у меня симпатии. У него был...

— Весь ум в ш-ш-штанах, — вставила Джейн.

— Кстати, я очень рада, что ты вспомнила Сьюки. Как она? Наверное, вы с ней изредка видитесь, Коннектикут ведь близко от тебя?

— Не так близко, как ты думаешь. Нас разделяет Род-Айленд. И между нами были с-с-социальные различия, которые создавали неудобства. Этот клоун из Стэмфорда, за которого она вышла, занимался компьютерами, когда они еще представляли собой огромные шкафы и никто, кроме правительства, не мог их себе позволить, потом они стали меньше и дешевле, и в начале восьмидесятых он заработал себе состояние на одном из первых текстовых процессоров, но потом появилась «Ай-би-эм» со своими персональными компьютерами, которые были дешевле грязи, и ему снова пришлось бороться. Так или иначе, для Нэта он был слишком бесцеремонным богатым выскочкой, и те несколько семейных встреч, которые у нас состоялись, окончились неудачей — один раз в «Ритце» на Арлингтон-стрит, когда там еще был ресторан наверху, помню, все было жутко чопорно, второй раз мы виделись в Нью-Йорке, когда у

Нэта было одно из тех помпезных собраний какого-то попечительского совета, которые сжирают деньги акционеров, превращая их в изысканные блюда и дорогие билеты. Ленни — так его звали — поразил нас самоуверенностью и наглостью, и я не думаю, что со своим шилом в заднице он был верен Сьюки. Она нашла утешение в писании любовных романов; я просто поверить не могу — в них нет никаких реальных ужасов и порнографии, жуткая докука для меня, потому что она всегда присылает мне экземпляр. С-с-словом, мы как-то незаметно отошли друг от друга.

— Ее муж еще жив?

— А что ему сделается? Честно говоря, ему недостает стиля, чтобы умереть.

Это замечание укололо Александру, оно подразумевало, что смерть Джима, как и Нэта, была тактичной формой отступления. Джейн не желала, чтобы Александра любила кого бы то ни было. Из преданности Джиму, а также и Джо, она, набравшись храбрости, как бы между прочим сказала:

— Джейн, дорогая, едва ли я смогу поехать с тобой в Египет. Это слишком опасно, да и, признаться, дорого для меня.

— О, это недорого! Круизы по Нилу там предоставляют почти бесплатно, чтобы привлекать туристов с Запада. Ты только вообрази, Лекса, плыть через Сахару, когда в Бостоне температура ниже нуля, а Таос забит горластыми лыж-ж-жниками и с-с-сноубордистами. Эти сноубордисты буквально переехали нас на нашей лыжной базе на Гагарьей горе. Нэт как раз проделывал свой неторопливый спуск, когда двое мальчишек сделали его мясом в своем сноубордистском сэндвиче. Он выжил, но с катанием на лыжах было покончено. Спасатели с лыжной базы спускали его вниз на специальных санях, спеленатого по рукам и ногам, как младенца или как мумию, — это было оскорбительно для его достоинства; боюсь, он так и не смог этого пережить. О, пожалуйста, Лекса, прояви свое слабование ради меня. Ты не должна бросать меня; я буквально не вылезая из туристского агентства, и там мне сказали, что если мы запишемся прямо сейчас, то успеем в Египет на Рамадан. Во время Рамадана Египет особенно романтичен. Кстати, что там насчет того террористского гнезда, которое обнаружили в Канаде — или это было в Нью-Джерси? Кажется, туристские поездки туда отменили?

— Да уж, — сказала Александра. — Послушай, Джейн, что мы там забыли? Почему бы не поехать дней на десять в Италию, не полюбоваться искусством и маленькими городками на склонах гор?

— Таинс-с-ственнос-с-сть, — ответила Джейн баритоном закадрового голоса из географического фильма. — С-с-сфинкс и смысл пирамид. Неужели они тебя не з-з-завораж-ж-живают — самые большие из когда-либо сооруженных строений, построенные на заре цивилизации. Как и зачем?

— Я думала, что теперь это не такая уж тайна. Камень за камнем тащили волоком от карьера — это как, а зачем — для загробной жизни фараона.

— Ох, Лекса, ну что за цинизм! Целью было сохранить тело умершего фараона, оберечь его от повреждений, не дать ничему нарушить его покой и снабдить его всем необходимым, вернее, не его, а его ка.

— Его что?

— Его ка. Можно сказать, его душу, хотя это гораздо более практическое и сложное понятие, чем душа. Есть еще ба. Если бы ты была древней египтянкой, твоя ка была бы сотворена одновременно с тобой самой, на другом гончарном круге, богом Хнумом — надеюсь, я правильно произношу его имя. Ка — не совсем то же, что ба, то есть твой дух, который изображался в виде птицы, аиста. Ка в их иероглифическом письме передавалась изображением бородатой человеческой фигуры с короной, состоящей из двух согнутых рук. А иногда — просто изображением двух согнутых рук.

— Все это наводит тоску, Джейн. Чужие религии вообще имеют свойство так действовать, ты не находишь? Они даже твою собственную окарикатуривают.

— Я просто отвечаю на твой вопрос, а вовсе не пытаюсь тебя обратить. Тебе не придется ничего узнавать или делать, просто будешь сидеть на палубе, любоваться проплывающими мимо пейзажами и раз-два в день сходить на берег, чтобы посещать разные храмы. Погода будет божественной и еда тоже, если ты абсолютно исключишь из рациона с-с-сала-ты и любые сырые овощи и будешь чистить зубы только минеральной водой.

Чем больше рассказывала Джейн, тем более реальной становилась эта непрошенная поездка. Александре нравилась идея, что все мы

созданы на гончарном круге в процессе вращения глины, мокрой от собственных коричневых соков. То, что другая женщина так нуждалась в ней, в то время как больше никому она особенно нужна не была — даже своим очаровательным маленьким внукам с их длинными ресницами, ясными глазками, забавным словарем и мягкими, как пудра, шелковистыми теплыми щечками, — заставляло ее все же задуматься о горячей просьбе Джейн. Круиз, если они возьмут каюту на двоих, обойдется всего в 795 долларов. Сделки Джима с продажей более или менее подлинных аборигенских кувшинов и чаш принесли сбережений больше, чем она думала, пока он был жив. Он припрятывал деньги — хотел, чтобы в стесненной вдовьей жизни она могла время от времени позволять себе кое-какие прихоти.

И вот Александра вместе с Джейн Тинкер сидела за чашкой чая в традиционно-английском отеле, за огромной стеклянной стеной, по другую сторону которой маячила гигантская треугольная тень — Великая пирамида Хеопса. Эта августовская панорама была вертикально рассечена полосами цветного стекла со стилизованным арабским узором, скрадывавшим яркость лившихся снаружи солнечных лучей. В окружении столового серебра и фарфора две женщины пытались осмыслить то, что только что узнали.

— Так, пос-с-смотрим, — сказала Джейн. — Самая большая и самая древняя была построена Хеопсом, та, что чуть поменьше, у которой наверху сохранилась шапочка известняковой облицовки, — Хефреном, а та, что намного меньше, которую начали строить из гранита, а закончили грубыми кирпичами, — Микерином. Что там сказал гид? Его пирамида была самой маленькой, но он был самым добрым фараоном.

— Доброта, полагаю, не входила в набор главных свойств характера фараона, — отозвалась Александра. — Гид, если я правильно расслышала, сказал, что двое остальных, отец и дед Микерина, были тиранами, но так повелели боги: чтобы деспоты правили Египтом сто пятьдесят лет; квота была почти исчерпана, поэтому оракул сказал ему, что он будет царствовать всего шесть лет. И чтобы провести их с максимальной приятностью для себя, Микерин предавался чревоугодию и возлияниям ночи напролет. От всего этого

устаешь, правда? — продолжала она. — Все это идолопоклонство и тирания, и это ж когда было! Когда мир еще оставался невинным.

Как знали теперь подруги, пирамиды были возведены на заре египетской цивилизации, в период правления Четвертой династии, за две с половиной тысячи лет до Рождества Христова.

— Не понимаю, почему это тебя утомляет, — сказала Джейн, искренне несогласная с Александрой. — Ведь с тем же основанием можно радоваться тому, что пирамиды все еще стоят. Только подумай! Есть ли в Соединенных Штатах что-нибудь, что сохранится через четыре с половиной тысячи лет?

Еще не вошедшие в суточный биоритм после долгого перелета, женщины чувствовали себя в своей легкой одежде прозрачными и усталыми. Было жарко и трудно дышать на несущем песок пустынным ветру. Накануне на их обостренные бессонницей чувства каирский аэропорт произвел впечатление кошмара: все кругом торговались, кричали, казался подозрительным встречавший их представитель турбюро с огромными темными глазами и неискренними хитрыми улыбочками, которыми он стрелял направо и налево — только не непосредственно глядя им в лица. Даже когда ему удалось все же деловито сбить в стадо несколько других туристов — участников их группы, ими оказались подсевшие в самолет в Париже и говорившие по-французски люди, фонтанировавшие нечленораздельными вопросами и жалобами, что не принесло никакого утешения двум американским вдовам. Предупрежденные о придирках, которые любят чинить в аэропортах третьего мира, Александра и Джейн извели своего торопливого сопровождающего, не желая расставаться со своими паспортами и обратными билетами. Они не спешили выполнять его указание следовать за ним, когда он с помощью незаметно вручаемых «пожертвований» прокладывал окольный путь к багажному транспортеру; автобус с включенным тарахтящим мотором, как спортсмен на старте, ждал их снаружи, посреди пыльного беспорядочного потока транспорта. Двинувшись наконец в путь, он без конца останавливался и снова срывался с места, расчленяя забитые машинами улицы на отдельные картинки, словно нарисованные сепией в альбоме экзотических видов: светло-коричневые дома, то ли полуразобранные, то ли незавершенные.

Уже обосновавшись в гостиничном номере, женщины обнаружили, что их подходы к проблеме смены суточного биоритма разнятся: Александра мечтала нормально поспать в постели хотя бы часок, Джейн настаивала, что нельзя давать себе поблажек, а следует делать вид, будто египетское время и есть теперь то время, в котором функционирует твой организм. Нетвердо держась на ногах, Александра побрела за ней на улицу. Что-то восхитительное витало в воздухе чужой метрополии, какие-то кулинарные ароматы, выхлопные газы, резкий запах специй, напоминающий запах дыма от мескитового дерева, но она невольно ощущала себя больше бросающейся в глаза, более крупной, более иностранкой и женщиной, чем маленькая, шустрая невозмутимая Джейн. Александра привлекала к себе взгляды и чувствовала, как они прилипают к ней, между тем как Джейн сердито стряхивала их с себя и плыла дальше, рассекая воздух. До сих пор Александра была благодарна подруге за компанию: Джейн освобождала ее от необходимости постоянно принимать решения и делать расчеты, что обременяет одинокую женщину. Но теперь она начинала испытывать страх измены и предательства, который несет в себе любая связь с другим человеком. За Джейн было трудно угнаться, когда она пробивала себе дорогу через полуденную толпу — колышущуюся массу людей в длинных свободных платьях и галабеях, в головных платках, обмотанных порой и вокруг нижней части лица так, что в просвете, словно гляцевые спинки пойманных жуков, мерцали лишь влажные оживленные глаза. Улицы сужались, все теснее вдоль них располагались самые разные лавки, в которых торговали замысловато изукрашенными чеканкой и инкрустацией, медными кувшинами и блюдами, сушеными травами в пергаментных пакетиках, миниатюрными сфинксами и пирамидами из блестящего легкого металла или мертвенно-бледной пластмассы, скарабеями, вырезанными из серо-зеленого мыльного камня, и во множестве последовательных ларьков — полным набором пластмассовой домашней утвари всех цветов радуги, всякими полезными принадлежностями вроде лоханей и ведер, совков для мусора и жестких щеток, скребков для пяток и бельевых корзин, отштампованных узором, имитирующим плетение из натуральных прутьев. Убогость этой домашней утвари, точно такой же, какая пылится в прогорающих лавках захолустных городков Нью-Мексико,

всколыхнула в Александре чувство общности человечества и одновременно усилила в ней самоощущение неуклюжей, слишком бросающейся в глаза чужестранки. Из этого укутанного в длинные хламиды и платки окружавшего ее многолюдья в любой момент мог сверкнуть нож, как это приключилось много лет назад с нобелевским лауреатом, один из романов которого она начала читать для своего книжного клуба в Таосе, да так и не смогла закончить. Или бомба, установленная с некой неясной целью фанатиком, могла взорваться, сровняв с землей и далеко раскидав ошметками все эти теснящиеся друг к другу хилые лавчонки вместе с ее бедным телом, начиненным стальными осколками.

Но никакой акт исламского насилия не прервал их исследовательского похода, закончившегося тогда, когда лавки начали редеть и огни в окнах потускнели в голубоватом свете редких уличных фонарей, которые не столько освещали тротуар под ногами, сколько добавляли более легкой тени темному фону кирпичей, булыжников и осыпающейся штукатурки там, где немногие слабо освещенные желтоватым светом окна выдавали признаки присутствия человека и пешеходы в бледных робах быстро и тихо, словно украдкой, спешили прочь. Две американки нашли дорогу обратно в отель и, облачившись каждая в один из немногих, но тщательно отобранных для поездки «роскошных» нарядов, приняли участие в устроенных для знакомства членов группы друг с другом коктейле и сервированном на западный манер ужине, коими хозяйева приветствовали вновь прибывших. Большинство туристов в группе, как оказалось, были европейцами — французами, немцами и скандинавами, плюс кучка японцев. Несколько немцев со свойственной им сдержанной учтивостью подошли и на вполне приличном английском языке бодро поприветствовали американок; представились им и две-три английские пары, занимавшие здесь ту же уютную нишу островного братства, какую в Канаде заполняли австралийцы. Что касается имевшихся в наличии американцев, то они были «олухами», как доверительно прошипела в ухо Александре Джейн. Разговор, который грубыми голосами громко вели между собой их соотечественники обоих полов и который постоянно прерывался взрывами развязного смеха, большей частью касался их отчаянной храбрости, позволившей им бесстрашно приехать сюда, в этот враждебный мусульманский мир.

В спокойном уединении своей комнаты Джейн и Александра сошлись на том, что в этой поездке они будут держаться только друг друга, игнорируя всех остальных. Джейн быстро сорвала с себя одежду, нырнула в кровать, стоявшую подальше от единственного в номере окна, и спустя пять минут Александра узнала нечто, чего не знала о старой подруге, несмотря на многие часы, проведенные ими вместе в Иствике на вечеринках, собраниях разных комитетов и шабашах, за кофе, чаем и коктейлями: Джейн храпела. У Александры был некоторый опыт в этом смысле: Оззи Споффорд, страдавший сезонной сенной лихорадкой, сопел во сне, а Джим Фарландер, особенно когда накачивался перед сном виски и пивом, так быстро достигал громоподобной силы храпа, что успевал проснуться сам, прежде чем она созревала для того, чтобы раздраженно пнуть его и заставить изменить позу, не выбираясь из сонного кокона. Мужа пнуть можно; любовник уходит, не засыпая рядом с тобой. Джейн в своей двуспальной кровати была вне досягаемости Александры, и ее глубокое дыхание вызывало громкое трение не находившего выхода наружу воздуха о носовые перегородки. При каждом долгом вдохе их вибрация, усиленная внутриносовым резонансом, достигала, как казалось Александре, точно такого же высокого уровня шума, как в дневное время — ее разговор.

Спящая или бодрствующая, Джейн с беспощадной и неумолимой настойчивостью требовала, чтобы ее слушали; в ней всегда было нечто неостановимое, играла ли она на своей виолончели, каламбурила или творила злые чары. Во сне Джейн всасывала кислород из воздуха в нестигаемо жестком ритме механического насоса, монотонно и ненасытно; каждый ее выдох достигал некой шершавой стены, о которую ударялся и царапался, после чего возвращался назад в форме крюка, который оставлял в мозгу Александры очередную зарубку, все дальше унося сон; она пыталась вогнуть себя в дремоту, считая эти выдохи-вдохи, потом — сосредоточившись на потолке, который дрейфовал над ней, отражая вспыхивающий и обходящий его по кругу свет фар все реже проезжавших по улице внизу такси. Но ничто не могло эффективно отвлечь ее от оскорбительно свистящего категоричного храпа Джейн, чье тело тем временем непоколебимо плыло сквозь ночь, накапливая энергию для требующего напряжения

сил завтрашнего осмотра достопримечательностей, лицезреть которые выпадает лишь раз в жизни.

Подобное бессознательное отстаивание своего превосходства, как казалось Александре, выдавало безжалостную враждебность; в одурманенном бессонницей и яростью состоянии ей мерещилось, что Джейн убила своего мужа, год за годом своим храпом не давая ему спать. Не испытывая никаких угрызений совести, она втоптала несчастного Нэта Тинкера с его тщательно собранными коллекциями антиквариата и всевозможных членств в могильный прах.

Наконец, в некий неведомый кромешно-черный час ночи, простыни на кровати Джейн зашелестели, и ее босая нога коснулась пола. Дряхлый мочевой пузырь потребовал опорожнения от вечерних коктейлей и вина, и Александра, как озорная ученица, дождавшаяся момента, когда учитель не смотрит в ее сторону, соскользнула в целебное забытье в тот момент, когда послышался отдаленный звук спускаемой воды.

Тем не менее загадку Великой пирамиды, от которой ее отделяли сейчас стекло и пыль, она пыталась решать не полностью отдохнувшим умом. Она уже успела объехать ее вокруг. После того как их автобус припарковался на стоянке, вся группа пересекла плоскую территорию, местами каменистую, местами песчаную, которая напомнила ей инопланетную поверхность ледника Атабаска. Мальчишки-торговцы наперебой совали ей соединенные в гармошки альбомчики открыток; голодные мужчины в грязных галабях предлагали прокатиться на их белокурых верблюдах в истрепанном убранстве из одеял, украшенных кисточками. Оцепеневшая, мечтая о том, чтобы избавиться от этого унылого окружения, и, вероятно, оживив в памяти свое величавое восхождение на пик Сэнсона, когда она победно ступала по воздуху, паря над широко раскинувшимися под ней сизыми, как голубиное крыло, горами, она под напором особенно жалкого на вид погонщика решила принять предложение совершить рейд верхом на верблюде вокруг пирамиды за сумму, в египетских долларах равняющуюся менее чем тридцати долларам американским.

Но сидеть на верблюде, в покрытом ковром грубом деревянном кресле, заменявшем седло, было совсем не то, что шагать по широкому настилу на своих двоих, и четвероногое существо под ней как небо от земли отличалось от хорошо выезженных и послушных лошадей, на

которых она в детстве каталась в Колорадо и потом, в годы второго замужества, в Нью-Мексико. Узловатые, с вывернутыми внутрь коленями ноги верблюда подняли Александру слишком высоко, а вожжей, за которые можно ухватиться, у нее не было. Она раскачивалась взад-вперед так, словно животное хотело сбросить ее, запустить прямо в космос своим горбом-катапультой. У этого верблюда было слишком много суставов, а мозги у него, как и у нее, работали в лучшем случае вполсилы. Она почувствовала себя вознесенной и в маячившем внизу крохотном белом лице Джейн увидела отражение собственной паники, которую испытывала, возвышаясь на этой чистокровной, остро пахнущей волосатой турбулентности сродни бурным порогам эволюции, когда единственно способное справиться с пустыней четвероногое завернуло за угол. Однако из вежливости и сострадания к погонщику, которого недостаток передних зубов делал, быть может, на вид более жалким, чем он был на самом деле, она продолжала ехать безропотно, хотя горизонт, раскачивавшийся перед глазами, как поверхность разгневанного моря, песок, засыпавший глаза, и гигантские кубические блоки Великой пирамиды, делавшие все более близкие фехтовальные выпады в ее сторону, казалось, вот-вот преодолеют силу притяжения и обрушатся персонально на нее.

Наконец, когда кругопирамидное плавание было завершено, погонщик несколькими утробными выкриками и быстрыми движениями кнута дал верблуду команду опуститься на колени. Александра изо всех сил старалась не вылететь вперед через голову животного, чтобы не растерять остатки собственного достоинства; на твердую землю она ступила ногами, дрожавшими так, словно они были закованы в лед. Верблуд, чья поделенная на доли мягкая, как велюр, морда вдруг оказалась рядом с ее лицом, оскалил длинные, цвета спелой кукурузы зубы и, высокомерно хлопая двойными ресницами, издал до смешного подвижными губами звук, напоминавший испускание газов, поскольку был не меньше рад избавиться от нее, чем она — от него. Погонщик принял плату с таким глубоко почтительным «салам», что Александра поняла: она ему сильно переплатила. Прибегнув к некой международной формуле вежливого ответа, она пробормотала «*pas de quoi*»^[10] и, разгоряченная

и взъерошенная, глупо, как кокетничающая девица, улыбнулась ему; но погонщик уже смотрел поверх ее головы, жадно выискивая среди туристов очередную жертву.

Джейн не сделала комплимента ее отваге и не выразила радости по поводу того, что она осталась жива. Она встретила ее словами:

— Ты не чувствуешь себя грязной? Как ты думаешь, сколько блох и микробов живет в верблюжьей шкуре?

После пытки храпом Джейн в течение многих бессонных часов Александра больше не была намерена спускать ей оскорбления.

— Думаю, не больше, чем во всех других местах. Если ты сдвинулась на микробах, Джейн, нечего было ехать в Африку. — Но чтобы смягчить свою отповедь, она спросила: — Как я выглядела?

— Как Лоуренс Аравийский ты не выглядела, если ты это хотела услышать.

— Ты меня сфотографировала на фоне пирамиды? — Прежде чем довериться верблюду, она вручила Джейн свой фотоаппарат — маленький «Кэнон» доцифровой эпохи.

— Да, надеюсь, сфотографировала, хотя я терпеть не могу чужие фотоаппараты. У них внутри всегда что-то лязгает и стрекочет. Насчет пирамиды тоже не уверена. Ракурс был неудобный, и ты все время вертелас-с-сь.

— Это все понятно, но все же надеюсь, ты не запоролла снимок, Джейн. Было бы очень забавно послать его моим внукам. Однако без пирамиды будет похоже, что он сделан в зоопарке.

— О, внуки! Да им на нас плевать, дорогая, смирись с этим. Мы для них — надоедливые, создающие массу неудобств старухи. Теперь мы нужны только себе самим.

Исключительно из желания притушить идущий от Джейн негатив, который так быстро проник в их совместное приключение, она, когда они уже сидели за чаем, сквозь сверкающие бусинки света глядя на Великую пирамиду, заставила себя спросить:

— Что ты об этом думаешь? О чем оно тебе говорит?

— Оно говорит мне о том, — ответила Джейн, — что люди идиоты и вс-с-егда были идиотами. Только представь себе этот нечеловеческий труд и все это инженерное искусство, затраченные лишь ради того, чтобы один человек мог вообразить, будто он способен обмануть собственную смерть.

— А разве он ее не обманул? Его имя осталось жить на все последующие времена. Хеопс. Или Хуфу. Джейн, ты должна признать, что само по себе это сооружение колоссально. Как там в автобусе сказал гид — более двух миллионов блоков весом от двух до пятнадцати тонн? Археологи до сих пор не могут понять, как эти камни поднимали наверх.

— Очень просто. По наклонной плоскости.

Когда Александра проявляла восторженность, Джейн была склонна осаживать ее.

— Да, но подумай: невероятное количество материала, использованного при постройке этой наклонной плоскости, куда его дели потом? И результат так прост, так элегантен — так скромно, я бы сказала. И другая, та, что принадлежит его сыну, почти такая же большая. И маленькая, как медвежонок, построенная его внуком. Они меня восхищают. Я так рада, что мы здесь. Я чувствую себя теперь мудрее. Неужели ты — нет?

— Не знаю, — призналась Джейн. — Меня часто не трогает то, что трогает других. Оно меня пугает. Я как те люди, родившиеся без каких-то важных нервов, которые могут жевать собственный язык, потому что не чувствуют боли.

В порыве чувств Александре захотелось на миг притронуться к тыльной стороне руки подруги, там, где кожа была обнажена. В турагентстве их предупредили, чтобы они прикрывали руки и носили длинные юбки; прятать волосы под платком для туристов пока не было обязательно. У правительства еще хватало силы удерживать в рамках возрождающуюся и становящуюся монолитной, как пирамиды, религиозную веру.

— Не говори так, дорогая, — ласково сказала Александра. — У тебя все нервы в наличии, как и у всех нас. Тебе вовсе не обязана нравиться Великая пирамида, постарайся просто уважать ее. Помнишь, что это была твоя идея поехать в Египет?

В режущем свете пустыни Джейн выглядела старой, скукоженной. Синие прожилки вен вились по тыльной стороне ее ладоней.

— Прошлое отдает с-с-смардом чуда, которое больше не действует, — сказала она. — На самом деле оно никогда и не действовало. Просто давало священникам власти больше, чем шло им на пользу.

— На тех, кто верил, оно действовало. Может быть, действовало. Делало их менее беспокоящими. Насколько я помню, мы сами в Иствике верили, что существовала некая древняя религия, пока не пришли мужчины и не подчинили ее себе так же, как родовспоможение и haute couture^[11]. То была религия Природы, которая не умерла, — женщины продолжали нести ее в себе, даже когда их пытали и убивали.

— О чем ты говоришь? Разве женщины построили пирамиды?

— Нет, но они были рядом, во всяком случае, царицы. В древних египтянах есть некая утонченность и благородство. Они любили Природу — посмотри на погребальные росписи, которые изображены на открытках, которые нам постоянно пытаются всучить, там повсюду тростник, цветы и еда, они хотели, чтобы все это было у мертвых. Для них жизнь после смерти была этой жизнью, продолженной в вечность. Вот о чем говорят пирамиды: дайте нам еще жизни. Еще, еще, пожалуйста. Они строили их такими грандиозными, чтобы каждый мог их видеть — мог видеть, что фараон верит в иную жизнь и возьмет их в нее с собой.

— Не думаю, что это было частью сделки, — сухо возразила Джейн. — Фараон — особый случай. Он отправлялся в плавание один.

— Они были как наши президенты, — продолжала убеждать Александра. — Мы не выбираем людей, которые не верят в Бога или лишь притворяются, что верят. Они верят от имени всех нас. Благодаря им мы чувствуем себя лучше, пусть они добиваются этого даже такими способами, как это делали в прошлом какие-нибудь ужасные папы.

Джейн вздохнула и сказала:

— Я приду в себя, Лекса. Как только мы окажемся на реке. Нэт любил плавать. А я ненавидела и отговаривала его от путешествий по воде. Это камнем лежит у меня на совести, как и все другое.

Но прежде чем сесть в самолет до Луксора, где им предстояло взойти на свое туристское судно под названием «Гор», нужно было согласно расписанию провести еще один день в гнетущем огромном хиреющем Каире. Автобус доставил их через запруженные улицы к кишашей людьми площадке перед гигантским музеем фараоновых древностей. Стиснутая со всех сторон, их группа послушно прошаркала через металлоискатель и далее, зал за залом, — мимо колоссальных порталов, фризов, саркофагов. Фараоны, широколицые,

с оголенными плечами, с высокими скулами и злобноватыми улыбками, были воплощены на века в граните, кое-где испещренном розовыми и серыми пятнами, кое-где чисто черном, добытом из карьера, перенесенном в другое место, выдолбленном и старательно отполированном людьми, чьи глаза, руки и даже кости давным-давно изошли паром в котле времени.

Мрачная тяжеловесность смерти заставила замолчать эфирный миг жизни, моливший: еще, еще... На первом этаже были самые высокие потолки и самые большие статуи. Гигантский Рамзес II — колосс с руками, застывшими вдоль тела, — стоял возле входа, устремив взгляд к окоченелому небу собственной божественности. В другом месте — широкобедрый длиннолицый Эхнатон, в эффектном, но отталкивающе андрогинном образе которого навечно запечатлено временное отклонение от суетливой процессии фараонов, династий и богов — в сторону монотеизма и поклонения солнцу. Его широкие бедра, вялые толстые губы и отсутствие мужских гениталий заставили Александру задуматься о полах — о грандиозном, исступленном обмене генами, который, как теперь известно, происходит даже в мире бактерий. Глубочайший сладостный секрет Природы, для нее он теперь — лишь тускло мерцающее воспоминание. Этажом выше, отделившись от группы, она предалась искушению сродни посещению деревенского ярмарочного паноптикума — отправилась в строго охраняемый зал мумий. Таблички на английском и арабском языках призывали соблюдать уважение к мертвым. Маленькие коричневые высохшие тела с мышцами рук и лиц, застигнутыми в момент последнего сокращения, были спеленаты, как младенцы, наружу торчали лишь крохотные ноги, жилистые, как вяленое мясо, и темные, как обугленные головешки. Взгляд Александры упал на табличку возле одной, особенно сморщенной и жалкой мумии с сердито поджатыми губами и черепом, запрокинутым, как у вглядывающегося в небо звездочета. Табличка гласила: «Рамзес II». Гигантская статуя внизу. Тот же человек. Богочеловек, который не смог спасти себя. Наглядное свидетельство того, что бездны Истории так же тошнотворно круты, как и бездны Природы.

На верхнем этаже музея туристы с уставшими ногами и глазами во главе со своим полуразборчиво тараторящим, чуть прихрамывающим гидом предстали перед сокровищами фараона-

подростка Тутанхамона, чья гробница — случай уникальный для Долины царей — избежала разграбления и оставалась нетронутой вплоть до новейших времен. Эбеновые статуи в человеческий рост сторожили царскую погребальную камеру, в которой находились царское опахало из страусиных перьев, игровые столики, охотничье снаряжение, бумеранги, дубинки, щит, декоративные мотыги, корзины и разные амулеты — вещи, призванные обеспечить мальчика, так рано умершего, всем необходимым в его загробной жизни.

— Разве не мерзость эта дубина? — произнесла возникшая рядом с Александрой Джейн.

— В те времена считалось, что их необходимо иметь, — прошептала Александра.

Хромоногий гид объяснял сдавленным высоким голосом по-английски:

— Бесценные сокровища Тутанхамона, погребенные вместе с ним, были обнаружены англичанином Говардом Картером в 1922 году. Он нашел их в беспорядочном состоянии, как будто то ли грабителей спугнули, то ли жрецы исполняли свои обязанности в неподобающей спешке.

Множество последовательно расположенных залов со спертым воздухом были забиты принадлежностями фараона Тутанхамона: эбеновыми статуями, простыми и позолоченными; различными тронами и табуретами прекрасных форм, включая знаменитый золотой трон; алебастровыми вазами; моделями кораблей с мумифицированными запасами продовольствия и магическими эмблемами; были там и всевозможные кровати, в том числе складная походная кровать и две большие, использовавшиеся для бальзамирования, за процессом которого надзирали лепные головы богини-коровы Хатор и богини-гиппопотама Таварет. В одном из залов с высоким потолком американки задержались возле алебастровой канопы^[12] с четырьмя углублениями, в которых хранились забальзамированные внутренности мальчика-царя: в пыльных ячейках лежали крошащиеся ткани.

Онемевшие туристы разглядывали реалистически вылепленную на деревянном каркасе поясную скульптуру Тутанхамона и «ложе Осириса» в форме фараонова тела, в свое время заполненное землей, уложенной на льняное полотно, засеянной семенами и политой, чтобы

семена могли взойти в его могиле, символизируя возрождение. В следующих залах хранились фараонов саркофаг из литого золота, знаменитая великолепная маска, закрывавшая лицо мумии, скарабеи и пряжки из красного золота, серьги, кольца и вторгшийся из другого, более жестокого будущего мира нож с железным лезвием. В последних помещениях были представлены призванные наставлять мертвого царя на загробном пути магические заклинания из «Книги мертвых» и нарисованные фигуры разных богов, которых ему предстояло встретить в Подземном царстве. Как призраки, вззирающие на собственные трупы, две женщины рассматривали обломки магической системы, сколь изоощренной, столь и бесполезной.

— Они верили, — объяснял гид, голос которого становился все более тонким и раздраженным, — что в каждом человеке живут пять сущностей: твое имя, твоя *ка*, твоя *ба*, твое сердце и твоя тень. При входе во врата загробной жизни твое сердце взвешивают, положив на другую чашу весов перо — перо истины и справедливости. Если чаши не сохраняют равновесия, сердце достается Пожирателю, полугиппопотаму-полукрокодилу.

— Как ты, куколка? — заботливо спросила Александра. Предыдущей ночью храп Джейн был не таким ужасным — теперь он напоминал не столько череду вонзающихся в мозг и приводящих в бешенство крюков, сколько ровный скрежещущий шумовой фон, а Александра была настолько вымотана, что нервное напряжение путешествия отпускало ее, постепенно уступая место привычке и терпимости, и она смирилась с этой шумовой подкладкой тишины, убедив себя, что здесь по крайней мере ее не тревожат, как в Канаде, непонятные звуки и красные сигнальные огоньки. В Египте, похоже, сигнальных огней не было.

— У меня нет слов, — ответила Джейн. — Сколько же хлама может храниться на чердаке!

— Джейн, но многое из этого так прекрасно. Так хрупко. Для них смерть была путешествием к Тростниковому Полю.

— Что ты говориш-ш-шь? Если так, зачем они уложили труп в такое количество каменных ящиков один в другом? Они хотели, чтобы он никогда оттуда не выбрался.

— Они его заботливо оберегали, — начала фантазировать Александра. — Хотели, чтобы его *ба* могла воспользоваться его телом.

Или это была *ка?*..

Теперь именно Александра стала почитательницей Египта, желающей уберечь его хрупкие древности от разрушительного цинизма, хотя изначально идея поездки в Египет принадлежала Джейн. Но за плечами Александры было два года приспособления к вдовству, а за плечами Джейн — всего десять месяцев. Она продолжала без конца поминать Нэта Тинкера, словно надеялась заклинаниями вернуть его. Однако он тоже был замурован во множество вложенных друг в друга каменных ящиков.

На следующий день, как только они совершили перелет в Луксор и были перевезены на борт «Гора», наступило, как наверняка сказал бы Нэт, блаженство. По ночам, пока корабль нес их к очередному причалу и очередному храму, урчание двигателя в значительной мере поглощало храп Джейн, хотя в маленькой каюте кровати стояли близко друг к другу. Днем берега Нила проплывали мимо, словно перед глазами разворачивался нескончаемый свиток. Буйволы, ходящие по кругу, и колодезные журавли, поднимающие и опускающие головы, как буровые качалки, только деревянные, орошали водой зеленые поля, раскинувшиеся под небом, безоблачно синим, словно крашенный купол, а между тем на борту «Гора» туристы, улыбающиеся и кивающие друг другу поверх множества языковых барьеров, плавали в маленьком — не более чем на два гребка в поперечине — квадратном бассейне, нежились на солнце, сидя в шезлонгах на палубе, выпивали, поклевывая арахис, который здесь назывался *судани*, и постепенно коричневели под набирающим силу солнцем.

— Знаешь, почему египтяне такие счастливые? — спросила у Александры Джейн, лежавшая в соседнем шезлонге.

— Нет. Почему?

— Потому что они живут на Ниле.

— Вот как?

Сначала круиз взял курс на юг от Луксора, к Эсне, расположенной в топком месте рядом с рынком, где были разложены неаппетитные куски забитых волов, например их нёба. Теперь гидом группы была женщина, эффектная, без платка на голове мусульманка в блестящих черных шелковых слаксах, с крупными серебряными браслетами на

запястьях и широким ожерельем на шее, оттенявшим ее оливковую кожу.

— Гигантская плотина в Асуане, — объясняла она, — подняла уровень воды, которая затопила нильскую долину. Фундаменты Эсны превратились в кучу размокших печений. — Мягкая земля у них под ногами действительно почти чавкала, как грязь.

На следующий день они сошли на берег в опаленном солнцем Эдфу с его расположенным на высоком обрыве храмом — наиболее полно сохранившимся памятником Нового Царства.

— Зэ-гэ-пэ, — вещала женщина-экскурсовод; ее отягощенные множеством колец пальцы порхнули в направлении изысканных рельефов. — Зады, груди и лупки — вот по чему мы узнаем греко-римский стиль. Египетские скульпторы старались следовать старым традициям, но руки и глаза их не слушались. Они скругляли конечности и обнажали колени и мизинцы на ногах. Более древний стиль, всегда стремившийся к совершенству, требовал изображения обеих ступней с большими пальцами ног, направленными к зрителю. Греки и римляне не могли этого себе позволить, это выглядело бы слишком смешно. Они приоткрывали лишь одну ступню с пальчиком, направленным в сторону зрителя, вот так. Ересь! — Она рассмеялась, сверкнув зубами из-под больших солнцезащитных очков и соломенной шляпы с загнутыми полями, ровно надетой на голову.

Следующий день привел их к очаровательному Ком Омбо, двойному храму, посвященному богу-крокодилу Собеку и Гору-Хорусу с головой сокола перед битвой со своим дядей Сетом, который умертвил его отца Осириса. Экскурсовод с бликующими на солнце браслетами и гибким серебряным воротником повела их в комнату, где на потолке было изображение распростертой от края до края богини неба Нут в момент произведения на свет младенца Гора-Гарпахрада. Еще днем позже славный милый «Гор» доставил их к храму на острове Филе; храм по камешку перенесли сюда с прежнего места, чтобы спасти от поднимающихся вод озера Насер.

— Это, — рассказывала мусульманка-экскурсовод под гулками сводами залов пересаженного храма, — последнее место, где исповедовали старую религию. Она сохранялась до шестого века нашей эры, то есть в течение еще двухсот лет после эдикта 378 года христианского римского императора Феодосия Первого, после чего

здесь устроили церковь. Вон там, — она указала баклажанного цвета ногтем на едва различимое маленькое углубление, — было изображение Исиды, кормящей грудью Гора, которое превратилось в изображение Девы Марии, кормящей грудью младенца Иисуса. Культ Исиды был широко распространен в Римской империи. Она была идеальной вдовой, собравшей четырнадцать из пятнадцати фрагментов тела своего мужа, которого злобный Сет заточил в саркофаг и утопил в Ниле. Пятнадцатого фрагмента она так и не нашла. Леди, вы наверняка догадываетесь, что за фрагмент это был.

Нильская ладья перевезла их в Асуан, место, где находятся великая плотина, построенная русскими, гробница Ага-Хана и сады лорда Китченера, куда и причалила их живописная фелюга. На обратном пути грубый брезентовый навес над фелюгой откинули, чтобы они могли полюбоваться кроваво-красным закатом. Пока две вдовы сидели на постепенно остывающей палубе «Гора» в ожидании колокольчиков, сзывающих на ужин, на фоне темнеющего неба носились летучие мыши. Джейн вытянула руку по направлению к ним и произнесла голосом, еще более хриплым и низким, чем обычно, смертоносные слова: «Мортибус, мортибус нецессе ест. Цабаот, Эльчим, Мессиах и Йод, аудите!»

На пламенеющей западной оконечности небосвода — восточная его часть уже была черной и окропленной начинавшими зажигаться звездами, — Александра увидела маленькую черную тень, которая, внезапно прекратив свои стремительные челночные метания над рекой в урожайной погоне за насекомыми, отвесно, как сломанный зонтик, вонзилась в неторопливое свечение реки.

— Джейн! — воскликнула Александра. — Зачем ты это сделала?

— Чтобы убедиться, что я все еще могу. Все эти липовые заклинания на храмовых стенах меня немного взбесили.

— Бедная невинная летучая мышь — для нее это было отнюдь не «немного».

— Не будь сентиментальной, Ангел. Ты знаешь, какая бессердечная сука эта Природа. Думай о стрекозах, которых я только что спасла от острых зубов летучей мыши.

— О Джейн! Ничто не сравнится с тем, что мы сделали с бедняжкой Дженни. Заговоры, проклятия и все такое. Мне бы так хотелось верить, что ее смерть не была нашей виной.

— Она посягнула, — припечатала Джейн с тем же злобным шипением, с каким до того произнесла «Нецес-с-се эс-с-ст». — Она перешла границы ей дозволенного.

— Единственное, что она сделала, — это сказала «да», когда Даррил попросил ее выйти за него замуж. А зная, как он потом развалился на куски, мы должны лишь радоваться, что он не сделал предложения одной из нас.

— Если бы он сделал предложение одной из нас, быть может, он не развалился бы на куски.

— Я вот говорю «развалился на куски», но, в сущности, он никогда и не был вполне цельным. Он был мистификацией, — подытожила Александра с оттенком презрения.

— Даррил был, а Гор нет? Послушай, с-с-сладкая моя, древние египетские жрецы, должно быть, животы надрывали от смеха, думая о том, какую лапшу они вешали всем на уши не день, не неделю, а целое тысячелетие! Что там сказала экскурсовод в Эдфу? Только один храм Амуна в Тебесе^[13] получил от Рамзеса III полторы тысячи квадратных километров — десять процентов всей тогдашней пахотной земли! Неудивительно, что нубийцы, гиксосы и кто там еще постоянно лезли туда. Это была очень нездоровая с-с-ситуация.

Мысль повисла в воздухе столь неподвижно, что Александре показалось, будто она слышит тонюсенький писк оставшихся в живых летучих мышей, лихорадочно работающих своими эхолокаторами. За проведенные на Ниле дни черноволосая Джейн сильно загорела, и ее лицо почти сливалось с окружающей темнотой. В сумраке кормовой палубы ее присутствие выдавали лишь улыбка, мерцание драгоценностей на шее да серповидный блик на поверхности ее «Дайкири». Чтобы прервать тишину, Александра спросила:

— Интересно, что чувствуют бармены и официанты, постоянно накачивая нас алкоголем?

— Отвращение, — ответила Джейн. — Тем не менее делают они это прекрасно. Мой «Дайкири» превосходен. А как твой «Сауэр» с виски?

— Отличный. Я вот думаю: здесь ведь существует целая популяция мусульман, обслуживающих людей с Запада. Когда «Аль-Каида» захватит власть, она наверняка выкинет их. Или, может быть, казнит как безнадежно нечистых?

— «Аль-Каида» не захватит власть. Кому в конце концов нужно то, что они могут предложить?

— Не тебе и не мне, но... народу? Бедным, униженным и всяким таким. Им нужна религия, любой ценой. Вот почему я и думаю, не слишком ли ты строга к древнеегипетскому духовенству?

— А меня это заставляет задуматься о евреях, — заявила Джейн, от рома у нее начинали скакать мысли. — Они-то как попали в эту религиозную ловушку? Ведь обычно они такие смышленные. Авраам едва не полос-с-снул собственного с-с-сына по горлу ножом только потому, что Бог велел ему это сделать, — ну не идиот ли?

Александра примирительно предположила:

— Я где-то читала, что все это — пленение и исход — события не исторические. У египтян об этом не сохранилось никаких письменных свидетельств — ни о Моисее, ни о камышах, ни об «Отпусти мой народ».

— А я в это никогда и не верила, — сказала Джейн. — Ни во что. Даже когда была маленьким ребенком. Нэт исправно посещал церковь — епископальную, «высокую» церковь, как и его нелепая мамаша, — но я никогда с ним туда не ходила, только на венчания и отпевания. Это мошенничество меня просто бесило. Я хочу, чтобы меня кремировали, чтобы от меня не осталось ничего, кроме праха, и чтобы все разошлись довольные, что это случилось не с ними. Никакого шаманства, Лекса. Обещай.

— Джейн, — вздохнула подруга, — ты слишком сурова по отношению к нам. К нам всем.

Джейн было что ответить, но в этот момент ресторанные колокольцы запели свою прелестную мелодию, которая напоминала первые шесть нот популярного рождественского гимна, впрочем, может, так только казалось.

Той ночью рокот двигателей и бурление воды разбудили Александру, впервые за долгое-долгое время заснувшую крепким сном, — корабль отошел от пристани и направился обратно к Луксору, к островерхим обелискам и круглым храмовым колоннам Карнака, откуда культ непристойного Амуна, «великого бога», протянул свои щупальца через всю плодородную нильскую долину. Пассажиры «Гора» уже отдали дань чудесам восточного берега. На свернутых трубочками пленках доцифрового «Кэнона» Александры хранилось

много образов грандиозных руин, глубоко высеченных иероглифов и царских картушей, которые, несмотря на веками бомбардировавшие их фотоны, насылаемые ясным синим небом, сохранили в сухом воздухе пустыни острые, как лезвие ножа, очертания и четкие тени. На обратном пути туристам предстояло освоить противоположный, западный берег Нила, берег смерти, посетить Долину царей, Долину цариц, Колоссы Мемнона и очаровательный мемориальный храм царицы Хатшепсут, вдовы собственного сводного брата Тутмоса Второго; после его смерти она стала регентшей при своем малолетнем пасынке и полуплемяннике Тутмосе Третьем и правила, пользуясь всей полнотой фараоновой власти; на монументах она изображалась в мужском платье и даже с бородой, хотя в письменных документах по-прежнему именовалась в женском роде. После ее смерти к власти пришли реакционеры под предводительством ее неблагодарного племянника, ее картуши были стерты, ее памятники «перепрофилированы» и упоминания о ее мирном разумном правлении отовсюду вычеркнуты.

— Бедная старая ведьма, — сказала Джейн.

Когда минули периоды Древнего и Среднего Царств, пирамиды строить перестали. Монархи Нового в течение четырех веков благополучно угасали, их *ка* отправлялись к Тростниковому Полю, а тела упокоивались в могилах-пещерах, которые выдалбливали в известняковых скалах на склонах Фиванских гор неподалеку от бухты Дейр-эль-Бахри. Освещение проникало внутрь пещер от снабженных линзами масляных ламп и благодаря зеркалам, улавливавшим и пересылавшим солнечные лучи в глубину твердого известняка; каменотесы рубили камень, пробивали тоннели и грузили обломки в вагонетки при этом заимствованном свете. Художники, которые шли следом, зарисовывали — головы и ноги в профиль, груди во фронтальной проекции — процессии слуг, которые несли для замурованных запасы фруктов и напитков, а также смену свечей — все, что нужно для путешествия через Нижний мир. Сцены пиршеств, сбора урожая и рыбалки иллюстрировали жизнь, которую покойные оставили позади, и ту, что ждала их впереди. Эти картины подобны партитурам музыкальных произведений, исполнить которые могли лишь мертвые, ибо только у них имелись необходимые инструменты. Первая картина слева традиционно изображала дары Амуну в облике

Ра, солнечному богу с головой сокола, который на последующих картинах являлся и старцем, и в момент рождения — в образе барана и образе жука — с солнечным диском, начертанным между двумя его врагами: змеей и крокодилом.

Шаркая, туристы спускались в подземные захоронения при свете не масляных, а бледных электрических ламп, свисающих с известняковых потолков, испещренных следами камнетесных инструментов; они шли по наклонным настилам, проложенным над ямами и нишами-ловушками, устроенными для грабителей и замаскированными ложными дверями, по ведущим все глубже под землю коридорам, стены которых украшали росписи с изображением ритуала разверзания уст, который жрецы проводили перед статуей фараона, в зал с колоннами, непосредственно предшествующий погребальной камере, где в прямоугольных нишах покоились саркофаги.

— Забавно, — рассказывал гид, человек с козлиной бородкой, в пыльном обшарпанном костюме и очках в проволочной оправе, ученый-археолог, согбенный и высушенный жизнью, проведенной в могилах, — что высеченный в форме тела гранитный саркофаг Мернептаха оказался слишком тяжелым, его не смогли оттащить в глубину погребальной камеры, поэтому оставили при входе в углу, скособоченным, где он и простоял три тысячи лет! — Он позволил себе короткий смешок, снял очки, стер пыль со стекол носовым платком, вернул платок в боковой карман брюк, а очки (с заушными дужками, как в ножны, вставленными в телесного цвета «рукавчики») — на нос и признался своей скученной в душной камере маленькой аудитории: — Камнетесы-могильщики не были суперменами, они были обыкновенными людьми — ленивыми, рассеянными и отнюдь не высоконравственными. Посмотрите сюда: в этой боковой нише настенная картина была прорисована серыми чернилами, но так и не закончена, ее так и не раскрасили! Однако мне кажется, что такие, незаконченные, они очаровательны. Здесь ощущаешь руку художника, видишь нетерпеливые штрихи, нанесенные тысячелетия назад. Даже имея впереди столько времени, он спешил. Он не знал, что мы придем и будем критиковать его работу!

Александра дышала с трудом. Словно нечаянно оступившись в полутемном помещении с наклонным полом, она нарочно потерлась о

Джейн, чтобы ощутить теплоту другого живого пока тела. Все вокруг утверждало: спасения нет! Нет спасения, какие бы сильнодействующие и роскошные шоу ни устраивали религии, чтобы защитить нас от смерти. Не существует никакого чуда, мир тверд и ясен, как известняк у нее над головой.

Восстав из гробницы Мернептаха, туристы, ослепленные, как летучие мыши, жестоким солнцем, толпой направились к усыпальнице Рамзеса Шестого, одной из самых больших, а потом — к гробнице Тутанхамона, одной из самых маленьких, вход в которую был утерян на три тысячи лет, заваленный каменными обломками, образовавшимися при строительстве первой.

— Они трогательны, не правда ли, — обратился к ним с вопросом гид, — эти маленькие пустые камеры, посвященные мертвому царю-ребенку? Они кажутся слишком маленькими для царя. Считается, что строились они для его главного министра Аи, который унаследовал трон после него и, возможно, отравил его. Чтобы, как говорите вы, англичане, посыпать рану солью, Аи впоследствии использовал для себя гробницу в Западной долине, изначально предназначавшуюся для Тутанхамона и расположенную рядом с гробницей его деда Аменхотепа Третьего, который на самом деле, возможно, был его отцом. Так говорят, но для серьезных ученых это не более чем сплетни. Не вызывает сомнений, однако, то, что Тутанхамон был инструментом, если не зачинщиком, восстановления культа Амуна, дезавуируя таким образом революцию Аменхотепа Четвертого, который принял имя Эхнатон. Об Эхнатоне вы, без сомнения, достаточно наслушались от других гидов: религиозный радикал, возможно, безумец, который возжелал отменить культ Амуна и многобожие в пользу Атона — солнечного диска. Он перенес столицу Египта из Фив в город, который построил и назвал Эхнатоном. Тутанхамон унаследовал власть после его зятя Сменхкары и сам был его зятем, поскольку еще в детстве его женили на третьей дочери Эхнатона. Тутанхамон был грустным десятилетним мальчиком, когда взошел на престол, и девятнадцатилетним юношей, когда умер. Изначально он назывался Тутанхатоном — от имени солнечного диска. Но затем переменял свои убеждения — так правильно сказать по-английски? — и вернул жрецам Амуна, чье имя означает «сокрытый бог», их былую власть. Изменил ли он свои убеждения на самом деле?

Кто знает... Египет мог принять монотеизм задолго до вторжения ислама. Вы, конечно же, все видели сокровища Тутанхамона, составляющие славу Каирского музея. Вы можете себе представить их в беспорядке напиханными в эти маленькие камеры? От этого становится грустно, не правда ли? Жрецы использовали юношу, чтобы вернуть Амуна, а потом спровадили в загробную жизнь, вероятно, отравили. В древности политика была не менее поучительной, чем теперешняя.

Этой репликой он заслужил вежливые, усталые озадаченные смешки. Если он имел в виду Мубарака, то играл с огнем. Если Буша и Шарона, то это была преднамеренная грубость. Так или иначе, пресытившиеся гробницами туристы хотели пить, и пора было возвращаться на корабль, в бар, за судани и араком со льдом, а на следующее утро вылетать в Каир, в Париж, во Франкфурт, Токио, Нью-Йорк. В аэропорту Кеннеди, этом старом обшарпанном порту в воздушном океане, Джейн и Александра, проведенные вместе, без перерыва на выходные, двенадцать дней, делившие друг с другом ванные комнаты и ночную темноту, выговорившиеся до предела, весьма надоевшие друг другу, если честно признаться, были готовы расстаться и отправиться восвояси: Александра в Форт-Уорт, Даллас, и далее в Альбукерк, Джейн — в Ла-Гуардиа, откуда шаттлом — до Бостона.

— Я получила большое удовольствие, — промурлыкала Джейн голосом, в котором особого удовольствия отнюдь не ощущалось. — Как замечательно было побыть с тобой, Великолепная.

— Я наслаждалась каждую минуту, — солгала Александра. — Нил, жара, корабль, пирамиды, гробницы... Эти настенные росписи — смуглые люди с прямыми волосами и миндалевидными глазами за своими повседневными занятиями: присевшие на корточки, за едой, что-то несущие, срезающие папирус. Или играющие на арфе — помнишь ту картину? Они любили жизнь. Кажется, анкх, так они ее называли?

— Да. Давай в ближайшее время еще куда-нибудь съездим.

— Насколько ближайшее? Я ведь — не ты. Мне нужно накопить денег и передохнуть.

— Год или два?

— По-моему, было бы чудесно, — Александра сделала робкую попытку прощупать почву, — если бы Сьюки могла поехать с нами. Мы с тобой обе склонны к депрессии. У одной настроение вверх, у другой — вниз. А Сьюки не такая. У нее характер ровный. Но она ведь еще замужем, — напомнила она себе самой.

Джейн странно — искоса, с недоверием — взглянула на нее своими блестящими, цвета черепашьего панциря глазами и спросила:

— Замужем? Так ли?

Она спрятала легкий намек на улыбку в левый уголок губ, и две ведьмы посреди дряхлого международного аэропорта, едва коснувшись губами друг друга, обнялись и расстались.

Сьюзан Митчелл, как она стала называться, выйдя замуж за веселого рыжеволосого Ленни Митчелла, была писательницей скромного ранга — провинциальная журналистика, любовные романы в бумажных обложках, — но тем не менее писательницей, к тому же она состояла в браке с успешным торговцем компьютерами, поэтому для нее стало второй натурой сидеть перед гудящим светящимся экраном и, тюкая по клавишам, запечатлевать мысли, проносившиеся у нее в голове. Александра развернула гладкие, отпечатанные на лазерном принтере странички и прочла:

Милая, милая Лекса!

Джейн, с которой мы довольно часто видимся после печального события, которое я опишу через минуту, насаждает на меня, чтобы я тебе позвонила, но мы так давно с тобой не общались, что я робею. Близость, связывавшая нас всех в Иствике, в значительной мере обуславливалась тем, что мы постоянно жили там и каждый день могли случайно встретиться на Док-стрит, и ты могла спонтанно предложить «давай-ка заглянем в „Немо“ и выпьем по чашечке кофе», и наши дети учились в одной и той же местной школе, у одних и тех же учителей, на которых мы могли друг другу пожаловаться, и все мы страдали от одной и той же мерзкой погоды и одних и тех же унылых вечеринок, и в полдень слышали, даже не осознавая, что две другие тоже слышат ее, одну и ту же пожарную сирену, делившую день надвое, и

испытывали одинаковое чувство уютной обособленности, поскольку Бостон и Нью-Йорк находились далеко по разные стороны горизонта, а Провиденс, хоть и располагался гораздо ближе, почему-то — может, из-за своего отталкивающе-религиозного названия — был местом, от которого хотелось держаться подальше.

Коннектикут оказался совсем другим. Города здесь расположены ближе друг к другу, хотя и не толпятся, наталкиваясь один на другой, как в северном Нью-Джерси — вот уж действительно отвратительно, — и имеют более «денежный» вид (как ни неприятно мне это писать — звучит снобистски) даже в тех районах, которые населены мелкими ремесленниками и нянями. Здесь нет восхитительных затерянных уголков, нетронутых заболоченных пустошей с забытыми утиными засидками и кем-то выброшенными гниющими полосатыми матрасами, — мест, каких полно в Род-Айленде, несмотря на его малость. Свалки, если говорить о свалках, потрясающе хорошо организованы для повторной переработки мусора: бумага в одном мусоросборнике, стекло в другом, цветное стекло в третьем, жестяные банки в четвертом, то есть подъезжай, грузи, а потом сваливай четко рассортированный мусор в нужное место. У них даже леса, которые они оставляют как естественно природные, выглядят прополотыми: упавшие деревья немедленно удаляют, подлесок вырубает, и все это имеет такой же вид, как английский прибрежный лес в фильмах о Робин Гуде, в котором даже мы, доверчивые дети, распознавали голливудскую декорацию. Городские центры здесь маленькие и непременно изобилуют старинными вывесками-выносками (обожаю это выражение, так же как «старики-обноски»), а детские площадки для игр и школьные спортивные ухожены до последней травинки. Чтобы увидеть пустырь, нужно ехать в Бриджпорт, чего никто не делает. Если помнишь, я родом из северной части штата Нью-Йорк, где все выглядит так, словно не принадлежит этому веку, — я, разумеется, имею в виду тот век, который усоп и минул к настоящему времени, старый

добрый двадцатый. В нашей нью-йоркской провинции все выглядело как в девятнадцатом. Когда Пенни Митчелл привез меня сюда, я поверить не могла, что жизнь может быть такой закомплексованной, здесь все постоянно держали в уме город Нью-Йорк, даже Стэмфорд, когда он еще был бедным родственником Гринвич-Виллиджа; так продолжалось, пока все компании, спасаясь от городских налогов, не пооткрывали здесь свои филиалы и не понастроили хрустальных небоскребов из голубого стекла, почти таких же уродливых, как в Хартфорде. Наш участок, ближе всего примыкающий к шоссе Мерритт, пока не слишком затронут; это «наш», то есть принадлежащий Пенни и мне, — оговорка, и здесь мне нужно перевести дух. Я начинаю хлюпать носом, и в горле першит, когда я думаю о нем. Но что касается всех этих пригородов, должна сказать: когда имеешь под боком такой большой город — Большой Город, если говорить о Соединенных Штатах, — это заставляет тебя постоянно ходить на цыпочках и в то же время деморализует, потому что мы живем не совсем в нем, но мы обитаем в его ауре, так сказать. Рестораны, магазины и салоны красоты недотягивают до манхэттенских стандартов, но тужатся, и даже все те, кто не ездит из пригорода на работу и обратно, местные торговцы и иже с ними, имеют нечто нью-йоркское в характере: ведут себя вызывающе, неуступчиво, любят прихвастнуть и так далее — наверное, как англичане, когда они имели империю, а потом случился лондонский блиц^[14]. Но люди здесь не знают друг друга так, как знали друг друга иствикцы; они приезжают и уезжают, переселяются в более престижные районы города, и все в душе страшно одержимы духом соперничества, все меряют друг друга по нью-йоркским меркам. Я быстро усвоила урок: здесь мне не приходилось рассчитывать на успех с писаниями, которыми я зарабатывала на жизнь в любом другом месте. Мой агент живет рядом, в Южном Норуолке, и без него я бы до сих пор вела колонку сплетен в газетенке какого-нибудь захолустного городка, хотя, надо признать, все эти маленькие провинциальные газетки умирают под

напором блогов и и-мейлов, да и маленьких городков странным образом больше не осталось — только огромные торговые моллы, вытянувшиеся вдоль шоссе магазины с парковками и дома, в которых живет обслуживающий персонал; и даже сплетен, как во времена, когда все были более ограничены в сексуальном поведении, больше не существует. Я думаю, ограничение было ключом к своего рода энергии, которая питала людей раньше; нас не сжигало изнутри так, как сжигает теперь двадцатилетних со всеми их шараханьями. Наверное, все это звучит ханжески, но ты-то знаешь, что я не ханжа.

Если ты удивляешься, что я пишу тебе после стольких лет молчания, то дело в том, что Ленни умер два месяца тому назад, совершенно неожиданно, и Джейн считает, что ты должна это знать. Недавно она снова вошла в мою жизнь, словно предвидела то, что должно было произойти. Но как бы она могла это предвидеть? Он был абсолютно здоров, никогда не страдал лишним весом, всегда вел активный образ жизни и отказался от курения еще тогда, когда мы познакомились, между тем как я глупо продолжала дымить, хотя в основном только на вечеринках и когда пыталась писать, так что мои легкие, как сказали врачи, функционируют менее чем на пятьдесят процентов. Он по-прежнему любил потанцевать, когда мы, по обыкновению, ездили в январе во Флориду поиграть в теннис, правда, только в паре, бегал трусцой по городским дорожкам (местные городские советы все предусматривают) и всю зиму играл в сквош и пэдбол. Он упал на сквош-корте, великолепно, как свидетельствуют все, кто там был, отразив мяч. Просто упал вдруг напротив грязной стены, испещренной следами мяча, и хотя его партнер был врачом, правда, гинекологом, он не смог даже толком сделать ему искусственное дыхание. К тому времени, когда прибыли фельдшеры, Ленни был бесповоротно мертв. Мне говорили, что восемь минут — это предел, после которого наступают необратимые изменения в мозге, и что я наверняка не захотела бы жить с этим. Возможно, так и есть, но все же они

должны были предоставить право решать мне. Меня это бесит до сих пор, и я не могу не злиться на так называемого друга Ленни, который, будучи дипломированным врачом и имея при себе сотовый телефон, не ускорил прибытие помощи. Сквош-корты находятся в подвальном помещении огромного нового корпоративного здания, их трудно найти, если раньше там не бывал.

Вскоре после этого мы с Джейн стали навещать друг друга — чаще я ездила к ней, чем она ко мне. Ее древняя свекровь весьма мила, хотя Джейн считает, что старуха разрушила их брак с Нэтом Тинкером. Она также полагает, что мне в моем горе будет полезно отправиться с ней в какое-нибудь путешествие. Идеально — с вами обеими, если твоя поездка в Египет с одной Джейн-Болячкой тебя не доконала. По ее рассказам, поездка была очень познавательной и вы держались мужественно под взглядами всех этих мусульман, которые осуждали вас за то, что вы ходили с непокрытыми головами, но я не понимаю, как вы вытерпели зацикленность египтян на смерти. Эти длинные коридоры, ведущие глубоко под землю... Сомневаюсь, что я бы это выдержала, и не могу взять в толк, как выдержала ты, так любящая живую природу. Джейн рассказывала, что ты ездила верхом на верблюде и обгорела, сидя на палубе, между тем как она покрылась великолепным загаром. Не знаю, сколько ступенек вам пришлось преодолеть, но я со своей эмфиземой высоко подниматься не могу. Именно поднимаясь по лестнице, я впервые заметила, что я уже не та девочка, какой была раньше. Если бы мы когда-нибудь и решились куда-нибудь поехать вместе — а я не уверена, что это такая уж удачная идея, возможно, свои удовольствия в жизни мы уже получили, — то я думаю, что это должен был бы быть Китай. В Стэмфорде, кажется, все, с кем мы общались, побывали в Китае, но когда я предложила Ленни тоже туда поехать, он сказал, что предпочитает сходить купить китайскую еду, расплатиться и уйти. Он не любил коммунистов, даже несмотря на то, что мы выиграли «холодную войну», — как будто всем нам не известно, что китайцы теперь коммунисты

только номинально. Я представляю себе эту страну как широкий простор под огромным небом, в городах — гигантские открытые площади, и на всех маленьких улочках люди едят суп с лапшой. Бутонг — так, кажется, он называется? У меня сохранилось романтическое представление о Китае с тех пор, как я увидела Ингрид Бергман в фильме, где она спасает стайку детей, пряча их в чем-то вроде гостиницы. Вспомнила: «Постоялый двор шестой степени счастья» — вот как он, кажется, назывался. Подумай об этом, дорогая. Джейн тоже с тобой свяжется. Такое впечатление, что она желает сожрать весь мир, прежде чем покинет его, а может, ей просто хочется быть подальше от свекрови, которая, как бы ни была дряхла, не очень по ней скучает. У нее есть номер телефона Джейн, насколько я поняла из нашего с ней (со старой дамой) краткого разговора.

Что касается вдовства, то что я могу тебе сказать о нем? Ты раньше меня прошла через это. Я же все еще жду, что Ленни вечером вернется домой, а когда он не возвращается, мне кажется, что либо он сам не хочет, либо случилось какое-то несчастье, и я схожу с ума. Конечно, я избавлена теперь от множества раздражающих мужских привычек и мужской лени — пол в кухне возле тостера, например, больше не усеян крошками от английских булочек, но зачем нужна свобода, если никто не видит, что она у тебя есть? Ленни был коммерсантом, любил покупать, а жена порой устает от того, что ей навязывают вещи, которые ей не очень-то и нужны. К примеру, он упорно держался за наш лыжный домик на юге Вермонта, хотя после того как дети восстали и отказались, чтобы их каждые выходные, как стадо, загоняли в многоместный фургон, мы этим домом почти не пользовались, а когда гора вышла из моды — ты знаешь, как это случается, точно так же, как с ресторанами, — цены на недвижимость пошли вниз. Или еще: он купил мне модную наиновейшую печь с гладкой черной крышкой, под которой горелки почти не видны, и я постоянно обжигала пальцы и ставила овощи не туда, из-за чего они оставались сырыми.

Когда после перевода множества компаний из Нью-Йорка в Стэмфорд его компьютерный бизнес снова пошел в гору, он купил мне тяжеловесный темно-синий «БМВ», потому что, когда мы познакомились, я все еще ездила на сером «шевроле-корвере», ну, таком, в котором нужно вручную опускать и закреплять крышу. Я обожала эту машину, помнишь? Я чувствовала себя в ней так, будто сижу в ванне и со струящимися за спиной волосами мчусь в ней по городу, а Хэнк (мой красавец веймаранер^[15], помнишь его?) сидит рядом на пассажирском сиденье, и ветер прижимает к его голове уши, вывернутые на розовую изнанку. Ленни считал, что «корвер» — жестянка, на которой мне ездить опасно. К «БМВ» же, который у меня есть до сих пор, я всегда относилась как к плоду мужского воображения: у него в полу такой фаллический валик, из-за которого я вечно нажимаю не на ту скорость, а ход такой, что ощущаешь каждую кочку на дороге. Нет, это сугубо мужская машина. Первое время в Стэмфорде — не в самом Стэмфорде, а в деревне Роки-Ридж на его северной окраине, — у меня был удобный старенький красный «таурус», который я просто обожала, в его кузов помещался недельный запас продуктов плюс сумка с принадлежностями для гольфа. Но Ленни купил мне этот дорогой «БМВ» только для того, чтобы дать всем понять, что у него снова есть деньги. И заставлял меня покупать кричащую одежду — поддельные меха, в которых я выглядела, как дурацкий гриб-дождевик, вечерние платья с оголенной спиной, из-за которых я потом неделями болела простудой. А причина, как выяснилось, состояла в том, что его подружки на работе — раз от разу все более молодые, разумеется, — носили именно такие вещи. Один раз на деловом приеме, устроенном его боссом на лужайке дома в Олд-Гринвич, мы оказались в совершенно одинаковых облегающих платьях из набивного шелка с шарфом вместо пояса. В конце мы даже обнялись, это было так унижительно. Он хвалился передо мной своими романами, после того как я о них узнавала, и утверждал, что я сама во всем виновата. Но эта его неугодность, эта постоянная, одновременно и

раздражающая, и привлекающая неугомность торговца, ушла в прошлое, дорогая Лекса. Того, как исчезают мертвые, почти достаточно, чтобы поверить, что они уходят в какое-то другое место. Бродя из комнаты в комнату по нашему бессмысленно огромному дому, я напоминаю себе девочку в сказочном дворце Чудовища, которое никогда не показывается ей на глаза. Эта тишина в час, когда он обычно подъезжал к дому... Скажи, ты к ней привыкла со временем? Я так рада, что ты познакомилась с ним тогда, на Манхэттене, в гриле отеля «Рузвельт». Это на тот случай, если я когда-нибудь забуду, что он реально существовал, или поверю, что он был идеальным святым.

Теперь, глядя с некоторой дистанции, я вижу, что он был очень похож на Монти — такой же щеголь и мужской шовинист. Сексуальная привлекательность порождает одни и те же пороки. Но Ленни не был таким злобным — он никогда не заставлял меня чувствовать себя душой, как иногда пытался делать Монти. Для детей его смерть — лишь часть естественного природного цикла, но для меня это конец той жизни, в которой я хоть для кого-то была важна.

Позвони мне, если не любишь писать. Знаю: для большинства людей в отличие от меня это лишняя работа. Беда с этими текстовыми процессорами состоит в том, что слишком легко писать, писать и писать; а представляешь себе, что будет, когда усовершенствуют систему записи с голоса? Настанет полнейший кошмар безудержной болтовни — как во времена, когда в мире существовали только дикие племена, шаманы и устная литература. Я бы с удовольствием приехала к тебе в солнечный Таос, но если прежде от солнца у меня появлялись лишь очаровательные веснушки, то теперь я вся покрываюсь чудовищной угреватой сыпью. О, прелести закатных лет! Не постоянно ли светит солнце в Китае? Надеюсь, что нет. Я точно знаю, что в их фильмах на чайниках и комнатных перегородках никогда не видны тени.

Micho^[16] любовно, с большим опозданием,

Сьюки.

Итак, в сентябре Александра присоединилась к двум подругам в аэропорту Сан-Франциско, и они вместе, подвешенные в облаке ровного гула двигателей, совершили одиннадцатичасовой перелет в японский аэропорт Нарита. Двигаясь в том же направлении, в каком вертится Земля, они прибыли туда якобы всего три с половиной часа спустя. Внутренние часы у них полностью разбалансировались; их подняли после нескольких часов безуспешных стараний заснуть в транзитном отеле и препроводили на пекинский рейс компании «Эр Чайна». После супермодернового японского аэропорта китайский показался голым сараем: пол был покрыт покоробленным линолеумом, и по залу эхом разносился хриплый громкий смех носильщиков в мешковатой одежде. Китай, как поняли три измученные женщины, был веселым местом, где прошлое разговаривало, используя настоящее глагольное время, и гостям, повинующимся всем правилам, ничто не грозило.

Присутствие Сьюки очень способствовало хорошему самочувствию Александры. Последний раз она видела ее, самую молодую и неунывающую из их маленькой ведьмовской компании, еще до наступления нового тысячелетия, когда президентом был Билл Клинтон, жалко извивавшийся в тисках скандала с Левински. Той их последней зимой Джим Фарландер неохотно согласился поехать на Карибы; рейс, билеты на который были куплены по выгодной акции, на обратном пути делал остановку в аэропорту Кеннеди, и Александра предложила задержаться на два дня, чтобы походить по музеям, зайти не только в «Метрополитен», Музей современного искусства и музей Гуггенхайма, но и в музей Купера-Хьюитта, где хранится фантастическая коллекция американской керамики. А чтобы подкрепить свой душевный порыв, она набрала номер в Коннектикуте — он по-прежнему действовал! — и пригласила старинную подругу еще по Иствику поужинать вместе на Манхэттене. Им с Джимом не удалось зарезервировать столик в «21», где ели знаменитости, поэтому встреча с Митчеллами произошла в гриль-баре отеля «Рузвельт».

Поначалу Ленни казался немного озабоченным и нервным, но после второго аперитива наружу стал выходить хвостун, такой же вульгарный, как его двубортный костюм из харрисовского твида^[17]. Когда уже за ужином приступили ко второй бутылке вина, по мере того как Джим становился все более и более молчаливым, Ленни

разоткровенничался, словно только что успешно всучил им что там он продавал. Он все чаще ухмылялся и подмигивал, рассказывая, какая Сьюки милая дурочка и как она скармливает свои любовные романчики разочарованным тупым дамочкам. Ленни Митчелл принадлежал к тому типу рыжеволосых мужчин с ровными зубами, маленькими ушами и голубыми глазами, которые с детства считают себя — вероятно, стараниями своих ослепленных любовью матерей — неотразимыми. Когда приближался кульминационный момент рассказа, он трогал Александру за локоть, а к моменту подачи десерта и кофе по-ирландски его рука, небрежно соскользнувшая под стол, добралась до ее бедра и осталась лежать на нем, как увесистая салфетка. Что больше всего не нравилось Александре в Ленни Митчелле, так это то, что Сьюки в его присутствии вела себя тихо, как мышка, даже трусливо, начинала чуточку заикаться и напоминать обидчивый скучный «синий чулок». Ее морковно-рыжие волосы, которые она иногда отращивала, как хиппи, были коротко острижены и тронуты сединой; она пожевывала свои пухлые губы, словно пыталась что-то вспомнить, а может, такое впечатление создавалось в силу близорукости, из-за которой она слегка щурилась, если не надевала контактных линз. Ее попытки подколоть мужа и вызвать дух заговорщической веселости, некогда объединявший их с Александрой, выглядели натужными в исполнении напряженной и полинявшей версии некогда беспечной и суперсексуальной Сьюки.

Потом, уже в номере отеля «Рузвельт», после того как чета Митчеллов, чтобы поспеть на поезд, отправлявшийся в десять семнадцать, ринулась на вокзал в такой спешке, что не составило особого труда подавить их слабое символическое сопротивление галантной настойчивости Джима подписать чек, муж сказал Александре:

— Этот парень — хитрый жулик, а Сьюзан — душка.

Его слова навечно запечатлелись в мемориальном отсеке ее мозга: «Сьюзан — душка». Она тогда ответила:

— Я рада, что ты это заметил. Она была нашей красавицей, тогда, давно. Но сегодня она была лишь призраком себя самой.

Теперь — благодаря какому-то фокусу то ли сниженных ожиданий, то ли иного контекста — Сьюки казалась ей той, прежней: ветреной, живой и солнечной, под стать китайскому декору. Ее волосы

были выкрашены в прежний цвет, на губах лоснился глянцевый слой помады. Ее тело, на взгляд Александры, было на несколько фунтов легче в ее почти семьдесят, чем пластичная, гибкая, с веснушчатой кожей и тугой грудью фигура, каковую она предьявляла миру в свои тридцать лет; Александра вспомнила ее, покрытую капельками сконденсированного пара в обшитой темными деревянными панелями бане Даррила Ван Хорна и ощутила это видение не только подушечками пальцев, но и пересохшим ртом. Губы самой Сьюки, хоть и менее пухлые теперь от недостатка натурального коллагена, сохранили обыкновение оставаться чуть раздвинутыми, придавая лицу выражение затянувшегося удивления.

В Китае все было более или менее удивительным, начиная с самого их присутствия там, на другом конце света, в стране, не превышающей размерами Соединенные Штаты, но населенной в четыре раза большим количеством людей. На их памяти представления о Китае приобретали разные формы: выдуманной земли умирающих от голода детей, крестьян с корзинами для сбора жемчуга, женщин-драконов, рикш, пиратов из комиксов; страны дружественной демократии под предводительством Чан Кайши и его очаровательной жены — невестки Сунь Ятсена; страдающих жертв злобных японцев и стойких союзников президента Рузвельта; страны, в послевоенные времена и времена «холодной войны» ставшей ареной гражданского противостояния, в которое президент Трумэн коварно отказался вмешиваться, в результате чего стойкие националисты проиграли коммунистам; наглухо закрытого бастиона враждующих политических сил; источника орд вражеских «добровольцев», обрушившихся на юг Кореи; мрачной массы роботизированного человечества, которая могла проглотить всех нас, получив толчок от событий на островах Куэмой, Мате или Формоза; толп красных гвардейцев, распевających цитатник Мао во время «культурной революции», впоследствии горько спародированной западной контркультурой шестидесятых; затем, после визита Никсона и неуклюжих официальных тостов, снова союзника американцев против Советского Союза; после смерти Мао и разгрома «банды четырех» — пробной нивы для расцвета свободного предпринимательства; после триумфа прагматизма Дэн Сяопина — ненасытной пожирательницы американских рабочих мест и американских долларов; а теперь Китай приобрел образ грядущей

сверхдержавы двадцать первого века с миллиардом тремястами миллионами фабричных рабочих и потребителей, кредитора прогнущегося американского капитализма и его соперника в борьбе за истощающиеся мировые запасы нефти. Своим высоким, чуть задыхающимся голосом Сьюки кричала в аэропорту:

— Мы тут отлично повеселимся!

Их багаж еще не появился на скрипучем транспортере. Теперь им стали заметны стоявшие вокруг него другие американцы, напоминавшие лягушек, чьи глаза и ноздри виднелись над жижей, опоясывающей высохший пруд. Посреди суматохи их прибытия сопровождающий из туристского агентства, маленький новозеландец с болезненно-землистой кожей, чьи родители были миссионерами на Тайване и который вместе с ежедневным рисом с детства впитал мандаринский и кантонский диалекты китайского, а также японский язык, появился из какого-то прохода и, швыряя направо и налево невнятные обрывки слов, стал прокладывать путь для своей группы к ожидавшему ее автобусу. Три женщины вдохнули волнующий, пронизанный тусклым светом воздух, воздух Китая, остро приправленный неведомыми ароматами и недоступными их пониманию сообщениями глубинного мира, обращенного к туристам лишь своей поверхностью. Наполненный довольным, совершенно понятным бормотанием соотечественников, автобус после этого показался едва ли не слишком уютным — волнообразно текущие, растягивающие слова американские голоса, кокетливые «подшучивания», самодовольная интонация сверхдержавы прошлого века, пенсионеры которой с хозяйским видом устраивались в своих креслах, словно зрители в темноте перед началом долгого киносеанса.

Дорога из аэропорта была довольно свободной; на протяжении многих миль ее окаймляли молодые деревца и мигающие низко расположенные фонари, похожие на огни рампы. Город начинал постепенно обступать автобус освещенными узкими улицами и невысокими домами, крытыми красной черепицей.

— Хутуны^[18], — произнесла Сьюки с переднего сиденья.

Под уличным фонарем, на стуле с прямой спинкой сидел мужчина, которого стригли; он был до подбородка завернут в простыню, как в обычной парикмахерской. Александре эта картинка, такая мирная и простая, показалась волшебной из-за простодушного

отношения ее персонажей к улице как к комнате и такого же простодушного способа избежать арендной платы: все профессиональное оснащение уличного парикмахера сводилось к простыне и ножницам.

Должно быть, уже перевалило за полночь. Сидевшая рядом с ней Джейн заснула, ее хриплое дыхание было лишь слабым эхом египетского храпа, она напоминала посаженное в клетку маленькое животное, потерявшее реальную надежду сбежать. Будучи самой богатой из трех вдов, Джейн заказала себе отдельный номер, предоставив двум остальным жить вместе. Желание Джейн поселиться отдельно побудило Александру задуматься: а не храпит ли она сама — эта мысль ее смутила. Джим никогда не жаловался, но, с другой стороны, он часто бывал глух к ней, когда сидел за поющим гончарным кругом, погруженный в свои однообразные мужские мысли. Какому занятому испытанию подвергает нас Природа, каждый день лишая сознания и оставляя во сне беззащитными перед бог знает какими угрозами и неловкими положениями.

Отель нависал над округой, состоявшей из темных низких домов, как гигантский лайнер, очерченный рядами ярко светящихся иллюминаторов, — над угрюмыми волнами. В высоком, как башня, атриуме пианист, несмотря на поздний час, наигрывал мелодии из бродвейских мюзиклов для немногочисленных посетителей азиатского бара: задумчивую «Голубую луну», задорную «Зелень гор».

— О, мне нравится это безумное место! — воскликнула Сьюки. — Лекса, давай будем здесь счастливыми!

Она сменила Джейн рядом с Александрой. Джейн отошла в сторону и плюхнулась в одно из стоявших в вестибюле пухлых кресел, отстранившись от подруг, между тем как три их пути должны были соединиться.

Соединиться — вот что позволял им сделать Китай; на родине, где у каждой имелись свой дом и свои интересы, это было гораздо труднее. Они обедали и ужинали за круглыми столами, на каждом из которых стояла «Ленивая Сюзанна»^[19], куда помещали глубокие пиалы с едой; шустрые официантки постоянно меняли их, ловко разнося охапками. Двенадцать — четырнадцать американцев за каждым столом набрасывались на горы лапши, овощей, кусков мяса, клецек (нежнейших скользких клецек — особенно) и ровных зерен

риса, за неимением иных приборов орудуя палочками. Утренние и дневные экскурсии без возможности где-нибудь перекусить оставляли всех голодными, и требовались ловкость и проворство, чтобы ухватить себе порцию, прежде чем быстро опустошаемую пиалу унесут. Вечерами в своем гостиничном номере Александра и Сьюки час-другой использовали на подведение итогов дня, чтение и стирку белья, прежде чем сон смаривал их, как невинных детей, которые провели в играх весь день напролет. Дыхание Сьюки, несмотря на функционирующие всего на пятьдесят процентов легкие, не было шумным; более того, оно было настолько тихим, что в первые ночи Александра вставала с постели, склонялась над ней и прислушивалась, — желая убедиться, что подруга, как положено, вдыхает кислород и выдыхает углекислый газ. Она с трудом противилась искушению ласково погладить ее по волосам или коснуться светящегося кусочка обнажившейся на плече кожи, хотя иногда все же поправляла одеяло там, где Сьюки, сворачиваясь калачиком, сбрасывала его с себя. Позволь Александру себе чуть больше — и Джейн в соседнем номере учуяла бы это, взревновала, и их бесценному триумvirату пришел бы конец. Недостаток тройственного союза состоит в том, что двое могут сплотиться против одного.

Великая Китайская стена, ради удовольствия увидеть которую они проделали весь этот путь, была первой в списке достопримечательностей первого дня, когда они еще не вошли в новый биоритм. Автобус с тремя вдовами на борту целый час кренился и раскачивался на узкой петляющей дороге, ведущей вверх, в горы, к Великой стене, которая оказалась расположенной ближе к столице, чем они думали. Группу сопровождали не только получивший образование на Тайване гид и два улыбчивых, хотя и молчаливых молодых представителя партии, но и американский лектор, который, с трудом сохраняя равновесие в положении стоя, вещал в микрофон, зажатый в руке.

— Когда бы ни возникали в Китае проблемы, — рассказывал он, качнувшись из стороны в сторону, поскольку автобус как раз совершал поворот в форме шпильки для волос, — власти говорили: «Надо организовать кампанию!» Первый император объединенного Китая, —

продолжал он, насколько могла расслышать со своего места Александра, — его имя пишется Кью-ай-эн, но произносится как Цинь — человек, о котором мы не раз еще услышим во время этого путешествия, мобилизовал примерно миллион человек, около пятой части всего тогдашнего работоспособного населения Китая, чтобы воздвигнуть непрерывную стену вдоль всей северной границы своей только что собранной империи. Местами стены тут уже существовали, они были построены еще в седьмом веке до Рождества Христова. В... (Александра не разобрала названия) пустыне вы можете увидеть секции, сохранившиеся со второго века до нашей эры и сооруженные из прутьев, соломы, риса и песка. В большинстве других древних секций предпочтительным материалом является утрамбованная земля. Основные же участки, которые вам предстоит увидеть, сложены из кирпичей на известковом растворе, поверхность гребня достигает ширины, позволяющей проехать по ней плотной шеренге из пяти всадников, и имеет сигнальные башни с помещениями для расселения гарнизона, снабженные всем необходимым, чтобы посылать дымовые или огневые сигналы в случае вражеской атаки; эти участки были сооружены в период правления династии Мин, между четырнадцатым и семнадцатым веками, и приведены в нынешнее отличное состояние двадцать пять лет тому назад командой немецких каменщиков, инженеров, археологов и экзистенциалистов.

В автобусе послышался смех — несколько нервных, нерешительных, словно неверные огоньки в густом тумане, смешков, призванных польстить лектору; Александра усомнилась, действительно ли было произнесено слово «экзистенциалисты». Ее слух не становился лучше с годами. Но лектор, ловко сгибавший то одно, то другое колено, чтобы приспособиться к виляниям автобуса, нахмурился и настойчиво продолжил в манере, которая, как подумалось Александре, возможно, была экзистенциально безнадежной. Поднеся микрофон ближе к губам, он сказал:

— Факт состоит в том, что она так и не выполнила своего предназначения. Ни для Циня, ни для династии Мин. Маньчжуры перевалили прямо через нее или прошли сквозь провалы и основали следующую династию. Цинь швырнул об эту стену целое поколение — только представьте себе этих людей, сплоченных кровью, сломанными спинами и долгими бессонными от холода ночами,

проведенными на грязном полу. Тем не менее его империя все равно рассыпалась. Сын, унаследовавший от него власть, с трудом удерживал ее всего четыре года. Цинь, как Кромвель, воплощает собой династию одного человека. Он принял титул Первого Императора в возрасте тридцати восьми лет и умер через одиннадцать лет после этого. Но он придал Китаю его прочную живучую форму: упорядочил письменность, систему мер и весов, денежную систему — это маленькое квадратное отверстие посередине монеты его изобретение, — установил ширину осей в колесницах. Он разделил империю на административные единицы и приструнил могущественные столичные роды. Он не был ни конфуцианцем, ни даосистом, он был законником и верил, что люди по природе своей порочны или в лучшем случае глупы, поэтому должны быть ограничены в правах и безжалостно принуждаемы к послушанию писаными законами. Он был тоталитаристом не по обстоятельствам, а по убеждению, по догме. Никакой индивид не брался в расчет, кроме него самого. Это был идеальный абсолютизм, после его смерти расколовшийся на воюющие между собой государства. Чуть позже мы увидим глиняную армию, вместе с которой он был похоронен. У него была чудовищная мания величия, но ее оказалось недостаточно, чтобы обеспечить неприкосновенность китайских границ. Как учит история, от варваров нет спасения. Они все равно в конечном счете побеждают. Энергия поднимается снизу, от изгоев и угнетенных, от тех, кому нечего терять. Это как вода в горшке, стоящем на огне: самая горячая образуется на дне и поднимается к поверхности.

— Он имеет в виду арабов, — прошептала Джейн в ухо Александру.

Китайский водитель, вероятно, устав слушать этот нечленораздельный усиленный микрофоном американский голос, сделал особенно резкий поворот, не притормозив.

Лектор затоптался на месте и чуть было не упал со ступенек, по которым пассажиры входили в автобус и выходили из него.

— Мы будем на месте через полчаса, — сообщил он в микрофон и уселся на свое место в первом ряду.

День начался под жемчужно-облачным небом, но к моменту, когда автобус припарковался и туристы потащились вверх по крутому земляному склону, солнце вышло из-за облаков и заразило все вокруг

ослепительным блеском. Вдоль всей дороги, ведущей к стене, плотными рядами стояли лавки, торговавшие шелковыми шарфами, хлопчатобумажными майками с надписями, сделанными как китайскими иероглифами, так и латинскими буквами, а также со всякими безделушками: раскрашенными волчками, игрушечными акробатами, пластмассовыми и деревянными птицами, которые хлопали крыльями и чирикали на конце палочки, резными шарами, вставленными во множестве один в другой, миниатюрными пагодами, изображениями Великой стены, нарисованными на фарфоровых овалах или оттиснутыми на медальонах, — и все это сверкало на солнце. Хозяева лавок надоедливо зывали к шаркающим туристам, а некоторые выходили на дорогу, отчаянно суя какую-нибудь безвкусную и бесполезную вещь прямо в западное лицо, показавшееся обнадеживающим. Александра шла, не останавливаясь, отклоняя предложения назойливых продавцов сочувственной улыбкой. Джейн не давала себе труда улыбаться, просто делала резкие движения рукой, словно разгоняла роившихся у нее под ногами карликов. Сьюки нерешительно улыбнулась, с вежливым любопытством глядя на торговцев округлившимися глазами, поэтому все они вмиг собрались вокруг нее, что-то крича и вздымая кверху свои товары. Обе ее компаньонки сочли самым благоразумным продолжить движение вверх, к стене. Когда Сьюки, слегка запыхавшись, догнала их, на ней была конусообразная соломенная шляпа, завязанная под подбородком мягким красным шнурком. Мало того, в руках она держала еще две такие шляпы, которые тут же протянула подругам, чтобы те их надели.

— С-с-сюзан Митчелл, — наставительно заявила Джейн, выделяя каждый слог, — помни о всех тех микробах и всей той мерзости, которая живет в них. Тебе не следовало даже прикасаться к ним, не говоря уж о том, чтобы их покупать. Здесь все еще распространен туберкулез. Люди повс-с-сюду плюют, я еще в аэропорту это заметила.

— О, Джейн, не будь такой болячкой, — беззаботно отозвалась Сьюки. — Когда мы еще попадем в Китай? Лекса, вот, возьми свою. Они просили пятьдесят за каждую, но отдали мне три за сотню юаней — около двенадцати долларов. Это же классика. Посмотри на меня, разве тебе не нравится? — Она кокетливо повертела головой так и эдак, потом сдвинула шляпу на спину. Ее длинные волосы,

заправленные за маленькие уши, были бесстыдной имитацией бывшего оранжевого цвета; она стояла на границе тени, отбрасываемой Великой стеной, и ее челка вспыхивала на солнце.

— Очень нравится, Сьюки, — ответила Александра. — Но может быть, дело скорее в тебе, а не в шляпе?

Она надела свою — один размер подходил всем — и завязала пунцовый шнур под подбородком. В невесомой тени шляпы она почувствовала себя увереннее. Сквозь соломенное плетение просачивались солнечные пылинки. Джейн нерешительно последовала за группой, не попадая в ногу с сестрами по несчастью.

Чутьочку задыхаясь, Сьюки говорила им:

— Как только я ее надела, остальные торговцы перестали меня доносить. Это было чудо.

Александра видела, как напряглись ее губы, усиленно ловившие воздух после этого небольшого подъема. Они оставались приоткрытыми: выпуская воздух, она старалась освободить и прочистить легкие перед следующим вдохом. Жалость стиснула сердце Александры, она сказала:

— Если ты слышала, что говорил лектор, то должна знать, что вся стена есть чудо — талисман длиной в десять тысяч миль от вторжения варваров.

Общий вид стены, открывавшийся с ее верхнего уровня, куда вели каменные ступени, — широкий коричнево-кирпичный дракон, змеящийся по горному хребту от одной приземистой башни к другой, — взволновал Александру и подарил ей то же ощущение легкости, парения в вышине, какое она испытала в Канаде, когда взобралась на пик Сэнсона. Когда-то в детстве она прочла в журнале «Рипли: хочешь верь, хочешь нет», что Великая Китайская стена — единственное творение рук человеческих, которое можно было бы увидеть с Луны.

Неподалеку на широком пространстве стены стояла будка телефона-автомата с табличкой, на которой на множестве языков разными буквами и иероглифами было написано, что отсюда можно позвонить в любую точку мира. Хотя вокруг толпилось множество народу, будка пустовала.

— Можем позвонить кому-нибудь из наших детей, — предложила Александра.

— Они не воспримут это как чудо, — ответила Сьюки. — Они живут в мире, где, когда звонишь в местный аэропорт, чтобы получить нужную информацию, слышишь чей-то голос из Индии, зачитывающий нечто с акцентом, которого ты не понимаешь.

— Мой старший сын, — подключилась Джейн, — играет в бридж по Интернету с партнерами, среди которых есть мужчина из Улан-Батора и женщина из Албании. Они разговаривают исключительно карточными терминами.

Александра попыталась вспомнить детей Джейн — у нее был страдавший ожирением мальчик, тощая девочка и еще двое. У девочки было вечно грязное лицо, а в зубных скобах всегда оставались кусочки еды. Ни одна из трех ведьм не была идеальной матерью — во всяком случае, с точки зрения сегодняшних одержимых родителей, которые никогда не выпускают своих чад из виду, даже на автобусной остановке на другой стороне улицы, но и по гораздо более либеральным меркам их куда менее осторожной эпохи, Джейн относилась к своему потомству со скандальным пренебрежением.

— Но мы — не они, — настаивала Сьюки, стараясь поддержать хорошее настроение в их небольшой компании. — Для нас Земля все еще огромна, правда?

Она подхватила спутниц под руки и, прижимая к себе, потащила вперед, сначала шагом, потом бегом, вниз, к следующей башне, где императорские воины несли караул, спали, готовили еду, оставляя видимые до сих пор, спустя века, следы сажи на стенах. За этой башней интерес немецких реставраторов иссяк, здесь стена была менее тщательно отремонтирована, а в сотне ярдов впереди и вовсе виднелся непроходимый вал битых камней, огороженный барьерами. Задыхаясь от бега и хихикая, они промчались, громко топая, мимо подозрительно смотревших на них других туристов и охранников с каменными лицами, чтобы успеть сквозь бойницы взглянуть на простирающуюся по другую сторону стены территорию нагоняющих ужас варваров-кочевников. Голубые горные хребты, каждый последующий менее четкий, чем предыдущий, сходили на нет, теряясь на горизонте в подернутом дымкой небе, где не было видно ни малейших признаков человеческого жилья, ни клочка возделанной земли. По другую, юго-восточную сторону, откуда они и приехали, каждый склон был прочерчен террасами и орошен, каждая долина

окружала деревню, а склон, сбегаящий от основания стены, был сплошь усеян дешевыми лавками и забегаловками. Это был Китай, чем только не изобилующий согласно Небесному мандату.

Развеселившись после пробежки по краю цивилизованного мира, Сьюки попросила полного американца, имевшего гротескно-варварский вид в своих пестрых бермудах, бейсболке с большим козырьком и беговых кроссовках, сфотографировать их на ее маленький цифровой «Никон» новейшей модели, купленный специально для этой поездки; тот быстро нащелкал несколько кадров и показал им на смотровом экране, как они выглядят со шляпами китайских кули, откинутыми за спину, чтобы были видны игриво улыбающиеся старые лица. Трое магов в женском обличье с огромными нелепыми соломенными нимбами вокруг головы.

— Это будет наша рождественская поздравительная открытка, — смеясь, пообещала Сьюки.

Как быстро, подумала Александра, они снова составили трио, троицу, собравшуюся вместе, чтобы образовать конус могущества. Не то чтобы две ее спутницы нравились ей больше, чем ее богемные длинноволосые, в обтягивающих джинсах таосские приятельницы, — по сравнению с ними Сьюки и Джейн обладали более узким северовосточным кругозором, — но в компании Сьюки и Джейн она чувствовала себя более могущественной, более ценимой, доставляющей им больше положительных эмоций. Они знавали ее в расцвете ее соблазнительности, в том обособленном от городского нарциссизма и тем не менее разделявшем сексоцентричное возбуждение тех лет обществе, которое соблазнительность ценило превыше всего. По сравнению со Сьюки она не была неразборчива в связях — скорее, лениво предана своему безнадежному мужу и своему давнему любовнику, почти второму мужу Джо Марино. По сравнению с Джейн она была исполнена материнских чувств и соблюдала традиционные правила приличий. И в то же время она неким образом царствовала над ними обеими, являя собой более широкое русло, ведущее к подземным потокам Природы, к этому темному противотечению патриархальной тирании, которая так и приманивала к себе их черную магию. То была химия: без Александры в качестве катализатора опасная, открывающая большие возможности реакция не произошла бы.

Следующий день был отведен для автобусной экскурсии по Пекину. Ступив на Великую Китайскую стену и увидев с ее парапета безлюдное голубое величие владений варваров, от которых не могла защитить никакая стена, они словно бы очистились, и, освежившись крепким ночным сном (Сьюки не храпела, она втягивала воздух в свои поврежденные легкие с деликатностью котенка, издавая почти неслышные звуки, сливавшиеся с шумами регулируемого вентиляторами теплового режима их устроенного по западному образцу отеля), троица туристов отправилась в величественный лабиринт «Запретного города». Он был построен, рассказывал им лектор в рыскающем автобусе, третьим императором династии Мин, чтобы укрепить вечно подвергавшуюся угрозам близлежащую северную границу.

— Вспомним о кампаниях! — говорил он в микрофон. — Двести тысяч рабочих соорудили его всего за четырнадцать лет, строительство было закончено к 1420 году. Поначалу его называли «Пурпурным запретным городом» по аналогии с Северной звездой, которая звалась «Пурпурным дворцом» и считалась центром мироздания. Соответственно император был божественным инструментом вселенской власти. Императоры двух династий правили отсюда вплоть до 1911 года, когда мальчик-император Пу И отрекся от престола — бедный маленький Пу И. Многие из вас, несомненно, видели фильм о нем, часть его снималась именно здесь. «Запретный город» воистину долгожитель. Он пережил пожар, войну, гражданскую войну и культурную революцию. Мао считал, что прошлое Китая — мертвый груз, веками висевший на ногах страны, и «Запретный город» был спроектирован по принципам, впервые выработанным династией Шан или Инь, правившей три тысячелетия назад, во времена, когда наши кавказские предки раскрашивали себя синей краской и убывали в численности под градом стрел с кремневыми наконечниками.

Водитель автобуса, так и не сумевший путем резких поворотов на городских улицах свалить лектора с ног, ударил по тормозам возле площади Тяньаньмэнь. Туристы вышли из автобуса. Лектор остановился посреди потока других туристских групп у Врат небесного спокойствия и закричал:

— Здесь все симметрично, как видите! Все дворы, дворцы и церемониальные залы выстроены вдоль оси север — юг. Эта широкая

мраморная дорожка предназначалась только для проноса императорского паланкина. Все остальные, независимо от важности положения — министры, писцы, наложницы и даже сама императрица, — ходили через боковые аллеи и проходы. А теперь посмотрим на себя самих — туристов, варваров, стоящих в самом центре, там, где дозволено было находиться только императорскому паланкину! Когда «Старбакс» подал заявку на строительство своего заведения прямо возле Врат небесного спокойствия, он получил разрешение! Прощай, фэн-шуй, здравствуй, хаф-каф^[20]!

Александра присмотрелась к лектору: невысокий, с дряблым животом тестообразный мужчина в очках без оправы, редющие волосы торчат сухими пучками — взъерошенный профессор на полуканикулах, без галстука, без пиджака, рукава белой рубашки закатаны на летней жаре, однако в громком, настойчиво-поучительном голосе и черных нависающих бровях чувствуется некоторая страсть и даже дерзость. Она любила разглядывать мужчин, задаваясь вопросом: был ли бы он достаточно привлекательным для нее, когда она пребывала в цветущем возрасте, чтобы лечь с ним в постель? Сексуальные утехы давно померкли для нее; даже когда Джим был еще жив, они перестали быть для нее насущной необходимостью; тем не менее рефлексy, система координат сохранились.

Ворота, дворцы, залы — Высшей гармонии, Сохранения гармонии, Воспитания души, Полной гармонии, Павильон настенных и наручных часов — ошеломляюще сменяли друг друга. Двойные карнизы-венцы из сияющей на солнце черепицы императорского желтого цвета по краям загибались кверху. Во Врата небесной чистоты не имели права входить даже самые доверенные императорские министры, на заре они собирались перед этими воротами для доклада. Слышал ли он эти их доклады? Реагировал ли на них? И кто слушал его указы, провозглашавшиеся с грандиозным пафосом перед Вратами небесного спокойствия? Ящики в ящиках, гармония в параличе. Жизнь, должно быть, копилась в маленьких кармашках, в тайных, наполненных неразборчивым лепетом потоках-ответвлениях. Крохотные деревянные комнатухи, разве что не клетки, в которых проводили свою жизнь наложницы, вызвали у нее улыбку узнавания: пленницы, изнывающие от скуки, заполняющие бесконечные минуты ревнивыми ссорами и отчаянными заклинаниями, женщины, чьи

маленькие сердца трепетали в пугающей надежде на то, что и их озарит наконец изменчивая благосклонность императора.

Долгое утро перетекло в день. Лектор повел их назад, мимо двухсоттонного мраморного изваяния девяти драконов, мимо бронзовых журавлей, символизирующих долголетие, мимо сандаловых тронов с подушками из бледного шелка и перегородчатых ширм, мимо заплесневелых сокровищ в виде канделябров, винных кувшинов, чайных сервизов, императорских печатей, резного нефрита и кораллов, по полам, выстланным золотыми пластинами, и отпустил у тех же Врат небесного спокойствия на простор площади Тяньаньмэнь, самого обширного городского публичного пространства в мире. Лектор отметил, что гигантский портрет Мао, висящий над воротами, находится строго на императорской оси; даже асимметричные родинки на лице Великого Кормчего были упорядочены. Их собственный кормчий, которого звали мистер Муир (не Д. Муир^[21], мысленно обыграла его фамилию Джейн), взглянул на свои часы, большие и дешевые, и крикнул:

— Будьте у автобуса через час! И не делайте ничего варварского!

Пока китайские дети и коробейники со своими никчемными сувенирами глазели на них, как на больших, ростом с человека, животных, Александра, Джейн и Сьюки спорили, вставать ли им в очередь к мавзолею Мао в дальнем конце площади.

— Они что, все еще его обожают? — спросила Александра. — Я думала, что тот, другой, какой-то Дэн, затмил его...

— Не совсем! — резко прервала ее Джейн. — Новобрачные и люди из провинции по-прежнему приходят сюда. Бедолаги, да, они все еще его обожают. Как в России С-с-сталина. Те, кому не повезло при новой системе, вс-с-се еще его обожают.

— О, мы должны туда сходить! — сказала Сьюки. — Такого шанса у нас больше никогда не будет. Я хочу посмотреть на новобрачных!

Трогательные юные пары, хорошо одетые и скромно держащиеся за руки, действительно составляли часть двух длинных очередей. Но были там также и дети, по одному у каждой родительской пары, и пожилые люди в пижамах, и тайваньские бизнесмены в элегантных темных костюмах, курившие и перебрасывавшиеся шутками. За порядком в очередях следили стремительно передвигавшиеся стражи в

униформах. Не успев еще ничего сообразить, Александра очутилась в зале, и ее взгляд уперся во всемирно известное лицо непримиримого Другого, двадцать семь лет безраздельно правившего четвертой частью всего населения Земли, императора, который наконец стал доступен пониманию своего народа. Тело лежало в хрустальном саркофаге и было прикрыто красным флагом. Лицо оказалось меньше, чем она ожидала, и мало напоминало известные портреты. Несмотря на культ личности, Мао выглядел невыразительно, лицо, ровно покрытое оранжевым гримом, мало напоминавшим цвет живой человеческой кожи, было словно сдувшимся и лишенным индивидуальности: это мог быть кто угодно, любой обездвиженный таксидермией бесстрастный китаец с волосами, строго зачесанными назад. Пока Александра разглядывала оранжевый профиль, у Мао открылся глаз; его черный зрачок, как ей показалось, скосился, чтобы посмотреть на нее, потом глаз снова закрылся, все это произошло быстро, как будто он просто моргнул, и ресницы снова слиплись, как склеенная бумага.

Сердце подпрыгнуло у нее в груди; она издала тихий высокий «хрюк», и шедшая позади пара посмотрела на нее неприязненно: священный момент встречи с трупом был испорчен для них какой-то представительницей варваров. «Не делайте ничего варварского». Сьюки и Джейн в очереди, двигавшейся по другую сторону хрустального гроба, уже проходили мимо, напялив на лица уважительное выражение. Обе очереди проследовали через официальный сувенирный магазин на шумную площадь, где уличные торговцы настырно предлагали всем вышедшие из употребления красные книжечки цитатника Мао и пресс-папье с его изображением. Александра спросила у спутниц:

— Это вы сделали?

— Сделали — что?

— Заставили Мао мне подмигнуть. Я чуть не умерла на месте от страха. Если бы я упала в обморок или закричала, нас всех упекли бы в тюрьму за нарушение порядка.

Сьюки весело рассмеялась. Джейн была решительно настроена обойтись без извинений.

— Мы не могли видеть, с-с-сработало или нет. С нашей с-с-с стороны профиль оставался неподвижным.

Сьюки попыталась загладить вину, объяснив:

— Просто мы заметили, какое у тебя притворно-торжественное выражение лица, как у атеистки, присутствующей на мессе, ну и решили немного поддразнить.

— Я же находилась среди них, — сказала Александра. — Они, конечно, понимали, что я не китаянка, но, если бы не вы, вполне могли принять меня за лояльную путешественницу.

— Лекса, — с нежностью произнесла Сьюки, — ты такая милая лапушка-лапушка. И такая тщеславная. С чего бы это ему подмигивать персонально тебе? Он лежит тут столько лет, мимо него проходят миллионы людей.

Джейн довольно сердито добавила:

— Они знают, почему ты оказалась в этой очереди. Прос-с-сто из глупого любопытс-с-тва. Напрасно ты думаешь, что эти люди так уж простодушны. У них теперь есть Интернет, и они все знают о Западе. Они знают, что наше желание увидеть тело Мао — ребячество. И знают, как мы использовали его фотографии во всех студенческих дортуарах, несмотря на его обещание похоронить нас.

— Это не мы, — сказала Сьюки, — а тот смешной лысый русский, у которого имя состояло из одних согласных. Мне так нравилось, когда он выкидывал свои номера в Голливуде. Помнишь?

Александра упорно не соглашалась.

— Нет, он подмигнул именно мне, — сказала она. — Интересно, та пара, что шла позади, видела это? К сожалению, я не знала, как у них спросить. Они, кажется, были немного недовольны.

По правде сказать, она ревновала: подруги сплотились против нее и пусть на секунду, но все же заколдовали.

А подруги чувствовали, что перешли границу, нарушив, пусть и в шутку, их триединство. После воссоединения могущество стало возвращаться к ним, они ощущали его покалывание — предвестие девчачьей радости от предвкушения злобных проделок, колдовства. В баре отеля за дурманящим сливовым бренди они сошлись на том, что их следующий невинный проект — легчайшее, хрупчайшее упражнение, не более сверхъестественное, чем гипноз и женская интуиция, — станет делом всех трех, объединенных под конусом могущества против кого-нибудь чужого.

На следующий день группа совершила двухчасовой перелет в древний Сиань, столицу императора Циня, место, где располагалось

матриархальное поселение времен неолита, относящееся к 4500 году до Рождества Христова. Сиань — родина китайской керамики и, много позже, китайского коммунизма. К северу и западу от города — множество императорских гробниц, в том числе колоссальное захоронение самого Циня, в Подземном дворце которого, как предполагается, находится такое легендарное чудо, как ртутные реки. Охраняющая его армия терракотовых воинов была обнаружена в миле отсюда в 1974 году, когда крестьяне, роя колодец, откопали некую скульптуру. Все это поведал им мистер Муир, извиваясь и едва не падая в головной части движущегося автобуса. Потом он повел их в огромный павильон, где показывали панорамный фильм на сенсорных компьютерных дисплеях, расположенных над гигантскими склепами, в которых шеренгами выстроились терракотовые воины, насчитывающие в своих рядах несколько тысяч, хотя археологам удалось пока полностью собрать из осколков лишь около одной.

— Склеп номер один, — сказал мистер Муир, когда они сгрудились вокруг него, чтобы услышать, что он говорит, перекрывая гомон других туристов и голоса многочисленных гидов, рассредоточивших свои группы вдоль широкого прохода, окружающего склепы, — состоит из одиннадцати параллельных, углубленных в землю коридоров. Изначально они находились под деревянной крышей, устланной соломенными циновками и обмазанной глиной. С годами крыша обрушилась, и статуи воинов разбились. Ноги у них монолитные, а торсы полые внутри. Руки и головы приделывались позднее, а такие детали, как уши и брови, вырезались в последнюю очередь. Говорят, здесь не найти двух одинаковых лиц, но я в этом сомневаюсь. Думаю, существовало около четырех базовых типов, а технология состояла в том, чтобы смешивать их и подгонять. Хорошо видны этнические различия — вероятно, император хотел похвастать этническим разнообразием своей империи. У пехотинцев нет ни тяжелого оружия, ни шлемов; для командования было важнее, чтобы они могли быстро передвигаться. У лучников были колесницы. Королеве Елизавете Второй, одной из немногих представителей Запада, которым когда-либо было позволено войти сюда в сопровождении военных, в качестве сувенира подарили копию такой колесницы. Ну, что еще мне вам сказать? Попытка придать скульптурам индивидуальные черты сама по себе любопытна,

не правда ли, если учесть, что предпринята она по указанию деспота-законника. Те, кто бывал в Египте, могут сравнить это с египетским искусством создания надгробий: там все, за исключением фараона и его царицы, взаимозаменяемы, стандартизованы. В этих же воинах сенсационно то, что они выглядят исключительно естественно. Среди моих туристов-вдов были такие, которые говорили, что с удовольствием взяли бы одного из них с собой в качестве мужа. Уж он-то не храпел бы, уверяю вас.

Вдовы, храп... У Александры начало покалывать в голове и затылке. Словно мистер Муир проник в ее голову прежде, чем они смогли проникнуть — в его. Подруги решили, что именно он станет их жертвой, если они надумают совершить какую-нибудь шалость. В этот момент, в знак благодарности за смех, которым наградили его стоявшие в непосредственной близости слушатели, мистер Муир почувствовал, что должен пошутить еще; у него даже напряглось лицо, когда он попытался что-нибудь придумать, но не смог и, чтобы избавиться от всех, громко сказал:

— Обойдите вокруг. Не стойте на месте. Сходите в дальний конец, где еще продолжают доставать из-под земли отдельные фрагменты и мелкие осколки, это нелегко. В склепе номер два вы сможете увидеть раскопки в полном разгаре — муравьиная работа, как и всегда в Китае. Теперь можно делать снимки. Десять лет назад это было запрещено; у вас бы выхватили из рук фотоаппарат. Если бы вы приезжали в Китай так же часто, как я, вы бы ощутили, что паранойя спадает, с каждым разом она оказывается чуточку слабее. Скоро мы будем большими параноиками, чем они. Походите вокруг, посмотрите и поучитесь. Встречаемся через сорок минут у павильона колесниц.

Хотя мистеру Муиру — Эрику, как удалось выяснить Александре, — хотелось побыть одному, Александра и еще несколько человек, включая Сьюки и Джейн, остались рядом с ним, у ограждения, сверху разглядывая немного неровные шеренги глиняных солдат, шагающих им навстречу боевыми порядками и обращенных лицами на восток, откуда, как полагал император Цинь, в будущем могут прийти его враги. В бесстрастном молчании и неподвижности воинов таился оттенок угрозы. И вдруг в глазах Эрика Муира они начали двигаться — краем глаза он уловил едва заметное шевеление, какую-то деформацию, вроде как от пузыря в старом стекле.

Нарушение прозрачности, ускользающее подергивание. У него защипало глаза, как от многочасового чтения, он снял очки и потер переносицу, чтобы прочистить мозги.

Александра вдохнула запах глины, исходивший от огромного склепа; вместе с ним в ноздри ударил запах коренастого тела лектора, который источали его подмышки и невидимые складки, где скапливался пот. Некоторые мужчины даже немывыми не имеют запаха, как ее первый муж Освальд Споффорд, другие же обозначают свое мужское присутствие острой смесью запахов кожи, лошадей, табака, виски и глины, как Джим Фарландер. Мистер Муир был из тех, чья плоть, пренебрегаемая им во имя интеллектуальных исканий, пахла застоявшимися секретами и прогорклым маслом горящей за полночь лампы. Это был неприятный, но отчетливо мужской запах, напомнивший ей об утраченном полумире физической близости, о великом бесстыдстве и взаимопроникновении.

Эрик Муир снова надел очки. Не было никакого сомнения, что терракотовые солдаты двигались, они не размахивали руками, не переставляли ноги, не распевали походных песен, они надвигались, как океанские волны, вздымаясь, обрушиваясь вниз и откатываясь назад, при этом в лежавшей ниже холодной подводной бездне ничто не менялось. Их оружие — бронзовые секиры со сгнившими много веков назад деревянными древками — содрогались, будто они угрожающе размахивали ими, и теперь он слышал-таки песню, которую они распевали, следуя к месту бойни, где они будут убивать и их будут убивать, — ритмичные волны посреди шума толпы, замкнутые под крышей гигантского современного павильона, воздвигнутого над вскрытыми склепами. Пение продолжалось: *да, ша, се, си* — сражаться, убивать, кровь, смерть. Таков он, Китай, осознал мистер Муир, — тысячелетия резни, войн, голода, наводнений, пыток, погребений живьем, сдирания кожи с живых людей, работы, доводящей до смерти... И все же смертей никогда не было достаточно, чтобы избавить эту землю от бремени избытка населения. Армия продолжала маршировать, продвигаясь вперед и олицетворяя собой жестокую историю человечества.

«Уж не схожу ли я с ума? — подумал он. — Или это приступ групповой галлюцинации?» Он повернулся к женщине, стоявшей ближе всех, ею оказалась самая крупная и широкая в кости из трех

старых дамочек, вдов, которые держались друг друга с какой-то прямо-таки зловещей привязанностью. Эта, вероятно, некогда была красавицей; какая-то самоуспокоенность таилась в абрисе ее губ, которые словно бы дразнила улыбка, игравшая между подбородком с забавной ямочкой посередине и носом с менее явно обозначенной впадинкой на конце. Казалось, женщина была безраздельно сосредоточена на терракотовой армии, а две подруги стояли у нее за спиной с закрытыми глазами, словно сконцентрировавшись на внутреннем видении.

Заметив его вопросительный взгляд и его волнение, женщина спросила:

— Что-то не так, мистер Муир?

— Нет! — односложно каркнул он, солгав.

Ей стало его жалко.

— Вам тоже показалось, что они двигаются? Мне показалось.

— Вам так показалось?

— Да, на какой-то момент. Сейчас они неподвижны. Должно быть, такой эффект достигается неким трюком — чем-нибудь вроде голографии.

— О да, — с облегчением согласился он. — Эти новые китайцы, они обожают всякие высокотехнологичные игрушки.

Их тур продолжился четырехдневным путешествием по Янцзы, через живописные узкие протоки, коим суждено было вскоре быть затопленными неумолимым человеческим прогрессом, потом — в Чунцин, где штаб Укусного Джо Стилвелла^[22] странным образом сохранился со славных военных времен в своей блеклости и скромности, далее — по реке Ли, вдоль берегов которой возвышались гигантские скальные лица, казалось, таившие в своих морщинах столбцы древних писаний, и где истощенные рыбаки, сидя на корточках и отгалкиваясь шестами, гнали свои скользящие утлые лодчонки до самых Шанхая и Гонконга, перенаселенных, вытянувшихся вверх городов будущего, того будущего, когда в мире не останется ничего, кроме городов. Городов и пустынь с дрожащим над ними горячим воздухом, растапливающим ледники и земные полюсы в опустошительном глобальном потеплении.

Китай привел женское трио в восхищение. Каждый новый рассвет приносил какую-нибудь новую забаву, несколько новых

достопримечательностей, расцвеченных свежими, словно бы еще не просохшими красками. Это обширное пространство земли извращалось под воздействием времени и страданий, но — если не считать нескольких официально разрешенных церквей, основанных здесь на протяжении веков усилиями отвергавшихся с презрением миссий, — осталось свободным от христианства, того христианства, которое преследовало ведьм с яростью, рождавшейся от необходимости приносить в жертву собственные желания. Здешний воздух был чист от этой конкретной истории, от деспотических призраков, вещающих о грехе и спасении, и забытые Богом женщины в своей дерзкой турвылазке чувствовали себя свободными.

II. По следам былой ворожбы

Знак сатаны лежит на наших удовольствиях; иначе мы не испытывали бы желаний повторять их, даже пресытившись, до тех пор, пока они нас не пожрут. Посетив Китай, вдовы были готовы связать оборванные концы своей былой замужней жизни и начать с покаянием приготавливать себя к могиле и загробному суду, однако, взволнованные сделанным во время зарубежной поездки открытием, что их могущество не иссякло, и не желая, чтобы проверенный союз распался и соучастницы по злодеяниям снова отдалились друг от друга, они оставались на связи с помощью электронной почты, писем, но прежде всего с помощью чудного средства связи, которым они в основном пользовались, живя в одном и том же городке, — телефона. За тридцать лет массивные бакелитовые аппараты семидесятых с их проводами, соединенными пайкой и маркированными разными цветами, сократились до помещающихся в фартучном кармашке серебристых сотовых телефонов с сигналом, который можно запрограммировать на любимую мелодию или беззвучную вибрацию. Невероятные тарифы на междугородные звонки, которые еще недавно заставляли абонентов американской телефонной и телеграфной компании «АТ и Т» тщательно следить за количеством наговоренных минут, съезжились до ничтожных ставок «Веризон» или «Спринт», которые уменьшаются еще и тем, что в договор пользователя сотового телефона включается определенное количество бесплатных минут. Позвонить в Нью-Мексико, набрав цепочку цифр приобретшим проворность благодаря практике большим пальцем, стало так же дешево, как в Нью-Йорк.

— Лекса? — В интонации Сьюки слышалась неуверенность, словно она боялась получить отрицательный ответ на вопрос, которого еще не задала.

— Да, конфетка, что такое?

Не то чтобы жизнь Александры в Таосе была совсем уж пустой. Она начала работать на гончарном круге Джима, делая свои собственные горшки, чтобы пополнять запасы в магазине, медленно, но уверенно убывавшие за зиму по мере того, как залетные пташки с

Востока и Среднего Запада декорировали свои новые дома в стиле, который они считали подлинно западным. Она пыталась ухватить стиль Джима, но под женскими руками глиняные стенки горшков получались более тонкими и требовали более мягких расцветок, чем использовал Джим. Да и ее общественная жизнь была на подъеме: ее пригласили стать членом консультативного совета Дома Мейбел Додж Лухан, и один из членов этого совета, краснолицый вдовец Уорд Линклейтер, скульптор, ваявший большие бронзовые фигуры представителей дикой природы Запада — койотов, американских зайцев, а особенно диких мустангов, — крупный мужчина с белыми усами и тщательно ухоженной кисточкой-щетинкой под нижней губой, положил на нее глаз. Он несколько раз приглашал ее поужинать, и ей нравилось, что во время этих встреч они оба, попивая красное вино, с любовью говорили о своих покойных супругах, а потом расходились по домам, слишком утомленные, чтобы заниматься чем-нибудь еще. Секс после семидесяти... Александра даже не хотела знать, существует ли он вообще. Когда она шутливо поинтересовалась, имеет ли название щетина на подбородке Уорда, тот покраснел и ответил: «Кажется, молодежь называет это „любовной щетинкой“», — но на том все и закончилось.

— Мы с Джейн хотели узнать, — сказала Сьюки, — что ты думаешь насчет Мачу-Пикчу?

— Мачу-Пикчу? Того, что в Андах?

— Да, тебе ведь, кажется, очень понравились канадские Скалистые горы. К тому же речь идет не только о руинах — там есть Лима и Куско, а еще можно записаться на экскурсии в Боливию и Эквадор. Одним из преимуществ такой поездки — Джейн просила это особо подчеркнуть — является отсутствие сбоя биоритма, все эти места находятся на одной с нами долготе.

— А почему Джейн сама мне не позвонила, если она так в этом заинтересована?

— Она считает, что от меня ты скорее примешь это предложение, потому что на нее ты дуешься из-за чего-то, что случилось в Египте, хотя она сама не знает, что это могло быть.

— Глупости. В Египте все было в порядке, хотя она и храпела. Но я никак не готова предпринять еще одно большое путешествие так скоро после Китая. Если говорить о чудесах света, то стены и пирамид

с меня, полагаю, достаточно. А если признаться честно, я не могу позволить себе еще одно чудо. Вас с Джейн, судя по всему, оставили вполне обеспеченными, а мы с Джимом едва сводили концы с концами, теперь то же самое делаю я одна. Прости, дорогая.

— Не извиняйся. Я ожидала, что ты скажешь нечто подобное. И честно говоря, чувствую облегчение. Я не была уверена, как среагирует моя эмфизема на такую высоту, хотя агентша из бюро путешествий уверяла, что проблем не будет.

— Ну конечно, для нее никаких проблем и не было бы.

— Вот именно. — Повисла пауза, обе наслаждались взаимопониманием. — Тем не менее, — мечтательно продолжила Сьюки, — было бы замечательно снова съездить куда-нибудь вместе, пока мы не слишком постарели. У Джейн есть проблемы со здоровьем, хотя она не любит о них распространяться.

— Что за проблемы?

— Какие-то внутренние. Она ничего не говорит. А Мексико ты можешь себе позволить?

— Мы с Джимом бывали в Мексико. Не раз. Говорят, что теперь автотрассы, по которым мы ездили — сначала, когда еще только поженились, с моими бедными детьми, изнывавшими от жары и хныкавшими на заднем сиденье, потом только вдвоем, это был наш второй медовый месяц, — так вот, говорят, что эти автотрассы кишат бандитами, которые похищают американцев для выкупа. Мир становится все менее и менее дружелюбным по отношению к нам, не так ли?

— А как насчет Ирландии? Там люди все еще относятся к нам дружески, хотя я слышала, что теперь это не так дешево, как было прежде, до того, как они вступили в ЕС и стали «Кельтским тигром». Отсюда, из Роки-Риджа, люди всегда сбегали на недельку в Ирландию поиграть в гольф. Разве тебе не хочется увидеть Западные острова и проехать по Кольцу Керри^[23]? Когда-то там в маленьких каменных сотах жили монахи. Кажется, Ленни был на какую-то долю ирландцем.

— О, Сьюки, какая же ты еще молодая. Мне стоит лишь подумать о том, чтобы сесть в самолет, и я уже чувствую себя усталой. Разве не хорошо оставаться там, где ты есть? В данном случае — где я есть.

Сухое солнце пустыни отбросило луч под пятичасовым наклоном на утопавший в сумерках кофейный столик со стеклянной

столешницей, на глянцевые книги по искусству американской керамики, древней и современной, на толстый навахский коврик. Плиты, которыми был выложен пол, имели тот же бледный окрас, что и песчаная почва, на которой произрастал ее сад кактусов за дверью, ведущей в патио: комичные, похожие на мышинные ушки опунции и тонкие длинные плети окотилло составляли его лучшее украшение.

— Но, — отдаленный голос, ворвавшийся в ее ухо, как представляла себе Александра, из самого чрева спутника, несущегося на многомильной высоте над миром и его чудесами, настаивал: — ты не там, где я. Мне так одиноко с тех пор, как Ленни ушел.

— Ты хочешь сказать — умер.

— Да как ни скажи. «Ушел» звучит не так бесповоротно. В некотором роде он, конечно, был человеком ограниченным, но с ним не было скучно. Все наши старые друзья стараются проявлять внимание, но я же вижу, что мое присутствие их тяготит. Я им больше не подхожу. Я всем глубоко безразлична. Теперь я понимаю, почему индийцы — не наши индейцы, а индийцы-азиаты — придумали сати^[24].

— А как же твои дети? И внуки? Уверена, что им ты не безразлична. — Александра сама почувствовала, что становится строга со Сьюки, как утомленная мать. Она предпочла бы сейчас сосредоточиться на пушистом соцветии миниатюрного кактуса в квадратном горшке на подоконнике. Как ярко он светился на солнце — настоящий нимб! Отсюда ее мысль перескочила на Уорда, у которого был такой красивый добрый рот, но его портила эта дурацкая кисточка щетины под нижней губой. Александра боялась, что в один прекрасный вечер, выпив достаточно красного вина, выскажется против кисточки, и это в любом случае — пренебрежет ли он ее мнением и оставит кисточку или согласится и сбреет ее — сблизит их, к чему она не была готова. Она больше не хотела попадать в положение, когда приходится соревноваться с мужчиной, вести необъявленную борьбу одолжений и отказов, щедрых даров и реваншей.

— Ну, они ведут себя вежливо, — сказала Сьюки, имея в виду детей, — но из кожи вон не лезут. Знаешь, как это бывает: ты думаешь о том, что следовало сделать не так, когда они были маленькими, сожалеешь о чем-то, что-то тебе хотелось бы изменить, но жизнь идет

своим чередом; так и должно быть. Пытаешься просить прощения, а они смотрят на тебя отсутствующим взглядом: они-то уже все забыли. По тому, как они отнеслись к уходу — прости, к смерти — Ленни, я поняла, что они и мою воспримут легко. Скажут: добрая старенькая мама, покойся с миром. Если скажут хотя бы это. У тебя ведь, кажется, кто-то из детей остался в Иствике?

Этот последний неожиданный поворот в потоке сознания Сьюки захватил Александру врасплох.

— Марси, — ответила она. — Старшая. Она отказалась переехать с нами на Запад, когда мы с Джимом поженились. У нее в иствикской школе был приятель, она была в него сильно влюблена и, окончив школу, сказала, что хочет поехать в Ризди и стать настоящей художницей — «настоящей» это в пику мне, полагаю. Она была решительно настроена отмежеваться от меня. На жизнь зарабатывала, работая официанткой в булочной-кофейне «Укромный уголок», а когда вернулась из Ризди — в конце концов ей не понравилось быть художницей, как она заявила, это слишком эгоцентрично, — стала официанткой в «Немо», к тому времени возраст уже позволял ей разносить спиртное. В конце концов, переспав с кем могла, как я думаю, она вышла замуж за местного, за мужчину на несколько лет старше ее, — за простого электрика, можешь себе представить? Это после того, как ее отец владел целой фабрикой разного оборудования в Норидже.

— «Немо», — как замороженная, повторила Сьюки. — Какое уютное было местечко! А тамошние масляные лепешки... Жареное мясо на сдобной булочке. Я, бывало, каждый день там обедала, когда служила в «Слове». Помнишь «Слово»?

— Разумеется. В начале было «Слово». «Немо», кажется, продают компании «Данкен донатс». Марси говорила мне об этом какое-то время назад. Вообще она не много мне сообщает; думаю, мы с ней наполовину чужие. Она не желает, чтобы люди знали, что она моя дочь; там нас еще немного помнят.

— Как мило. Когда тебя помнят... — мечтательно сказала Сьюки.

— Это может быть мило, а может, и нет. Конфетка, кто-то звонит в дверь. Я подумаю о том, куда бы мы могли вместе поехать. А Карибы — это слишком банально? Когда-то я любила Сен-Круа, даже после

того, как те радикалы расстреляли две пары на тамошнем гольфном поле.

— Солнце, дорогая. Ты забыла. У меня страшная аллергия на солнце.

Похоже, обиженная, Сьюки отключилась, не произнеся больше ни слова. Даже она с годами становилась обидчивой.

Прошло довольно много времени, и Александра уже начала было думать, что две другие ведьмы для нее — в прошлом. Она неплохо обходилась все это время и продолжала обходиться без них. Ее горшки становились, как ей казалось, все лучше. Когда в магазин заходила супружеская чета, то случалось это зачастую потому, что витрина привлекала именно женское любопытство, и именно женщина чаще всего делала покупку. В свободное от работы на гончарном круге время Александра начала снова лепить женские фигурки с ногами и руками, но без ступней и кистей, такие же, как те, что делала в Иствике и называла «малышками». Одна женщина, войдя в магазин и окинув их взглядом, сказала ей:

— Они очаровательны, но это ведь не традиционное юго-западное искусство, не правда ли?

Александра согласилась. Как бы то ни было, она любила ваять их из остатков глины; их маленькие головки были повернуты так, словно фигурки принимали солнечные ванны или удивлялись чьему-то неожиданному визиту; а их тяжелые бедра было приятно обхватывать рукой, переставляя скульптурки на полку. Мужчинам они нравились, женщины при виде их испытывали нечто большее — они были очарованы и тронуты, узнавая в них себя.

Уорд Линклейтер продолжал время от времени приглашать ее на ужин, но кульминационный момент для них миновал, и Уорд не делал никаких интимных поползновений, так что деликатный отказ, который она мысленно готовила, остался дремать внутри ее, свернувшись клубком. Летнее солнце безжалостно бомбило крышу; кактусы отчаянно, но тщетно призывали ноябрьскую грозу, хотя резко очерченные, прозрачные для солнца облака уже громоздились на западе, и пустынные крысы устраивали гнезда в пухе умерших опунций. Александра съездила на север, в Колорадо, с сентиментальным визитом. Открытая местность, знакомая ей с

детства, оказалась неузнаваема; ничем не огороженные, простирившиеся на много акров кругом, поросшие травой просторы, по которым она, бывало, скакала верхом, были отданы под длинные цепочки типовых коттеджных застроек и гольфные поля на девять лунок, орошаемые из искусственного озера. В декабре раздался телефонный звонок, это была Джейн Сمارт-Тинкер, которая продолжила тему, поднятую в разговоре Александры со Сьюки, так, словно он состоялся только вчера.

— С-с-сен-Круа — дурац-ц-цкая идея, — с присвистом припечатала она. — Карибы — это для тех, кто любит путешествовать по путевкам компании «Клаб мед», баловаться травкой и вступать в случайные связи под луной на белом как снег песке.

— Звучит не так уж плохо, — возразила Александра.

— Лекса, перестань ребячиться. Эта часть жизни для нас закончена. Даже Сьюки понимает, что для нее все это позади.

— Ну и что же нам тогда остается?

— Нам остается быть благоразумными, дорогая. Остается ездить по миру и смотреть. Остается использовать глаза и уши. Только подумай: у тебя еще есть сознание, разве это не удивительно само по себе? Все эти нейтроны... Нынешней осенью я совершила парковый тур по Гималаям. С-с-сик-ким. Бутан. От Непала нам пришлось отказаться из-за маоистского восстания. Там все еще сохраняются прелестные княжеские усадьбы, а Кашмир — это просто рай, если оставить в стороне безнадежную политику.

— Значит, рай все же существует. С кем ты ездила?

Ожидая услышать, что они ездили вместе со Сьюки, Александра приготовилась испытать укол ревности. Но Джейн сказала:

— Ты знаешь, ни с кем, дорогая. Поездку организовали бруклайнский и дэдхемский клубы садоводов. Было там два-три мужа без жен — жалкие людишки, все время путались под ногами. Я люблю женщин, как выяснилось. Ты знала это обо мне?

— Ну, не то чтобы знала. Джейн, я думаю, все женщины, в большей или меньшей степени, чувствуют себя уютнее с женщинами. От женщин всегда знаешь, чего ожидать, и не ждешь слишком многого. Ты позвонила, чтобы поговорить именно об этом? Хочешь выйти из своего уединения? Насколько я понимаю, в твоём штате

однополые браки разрешены. Это все остальные полны решимости бороться с ними.

— Не трать времени попусту на остроумие. У нас со Сьюки есть для тебя серьезное предложение.

— Антарктика? — Какая-то зловещая целеустремленность Джейн вызывала у Александры желание оградить себя щитом иронии.

Джейн, однако, не восприняла ее предположение как иронию и ответила:

— Нет, но люди, которые *действительно* туда ездили, в вос-с-сторге, они говорят, что такую красоту даже представить себе невозможно. Тем не менее — нет. Сьюки сказала, ты слишком бедна, чтобы предпринять дорогостоящее путешествие. А посему что ты думаешь о том, чтобы отправиться в Иствик?

— В Иствик? Сейчас?

— С-с-следующим летом, Лекса. На месяц-другой, в зависимости от того, какие там цены на съемное жилье. Не забывай, мы этого не замечали, поскольку жили там постоянно, но это курортное место: пляж, залив, магазинчики на Док-стрит, торгующие душещипательными акварельками, витражными стеклами, свечами... Тебе безусловно требу-етс-с-ся сбежать от зверской жары Нью-Мексико.

— Обычно она не такая уж страшная — мы, знаешь ли, живем высоко в горах, у нас сейчас земля покрыта снегом. Но лето прошлого года, должна признать...

— Вот-вот. А ты знаешь, что отныне лёта будут становиться все жарче и жарче? И разве тебе не любопытно посмотреть, как изменился город?

— Я знаю, как он изменился. Точнее, как мало он изменился. Мы с Марси худо-бедно все-таки общаемся. Появилось еще несколько фешенебельных ресторанов и художественных галерей, они время от времени возникают, потом исчезают. На тех хилых деревьях, что в центре города, белые рождественские гирлянды висят теперь круглый год — у них есть общество по благоустройству, и благоустройство оно представляет себе именно так.

Джейн сопротивлялась, не желая подпадать под воздействие пессимистической стороны Александриной натуры. Ощетинившись свистящими и шипящими, она сказала:

— Печально, но я в это не верю. Вернее, не верю, что это вс-с-се, что там ес-с-сть. Должно быть что-то ещ-щ-ще, вс-с-егда было. Может быть, дух Анны Хатчинс-с-сон^[25]. Он был освобождающим, придавал чувство уверенности. Мы стали самими собой. Без этого мы так и не имели бы права выбирать себе мужей и брос-с-ать их.

— О, Джейн, как ты можешь говорить это после того, что мы там наделали?

Голос собеседницы громоподобно обрушился на нее:

— Что мы наделали? Что?! Трахнули нескольких местных олухов? Так это было для них величайшим благодеянием с нашей стороны. Поиграли в теннис с как-его-там... Ван Хорном и попарились в его бане? Это же была игра.

— Мы убили Дженни Гейбриел, вот что мы сделали. А еще раньше заколдовали жену Клайда до того, что он убил ее кочергой, а потом повесился.

— Солнышко, все это чушь. Это невозможно доказать. А если и можно, что с того? Это было тридцать лет назад. Почти все, кто мог нас помнить, мертвы.

— Я не желаю возвращаться назад! — отчеканила Александра с такой уверенностью, что на миг ослепла, перестала видеть сияние зимнего солнца на снежной пороше снаружи и уютные артефакты юго-западного искусства внутри с их скромными коричневыми и ржавыми оттенками, позаимствованными у земли аборигенами, не знавшими понятия греха, не ведавшими его ослепляющей черноты. В Канаде их называли Первыми Людями. Их храбрецы сражались с другими храбрецами, все истязали друг друга, а их женщины толкли кукурузу, превращая ее в муку. Все были грубы, молчаливы и невинны. — Поначалу Марси все время звала меня приехать навестить ее, а я постоянно увиливала, так что она и звать перестала. Не стала давить на меня. Она уже не была ребенком, когда это случилось, ты ведь знаешь. Ей было семнадцать. И она имела представление кое о чем. О зле.

— О, мягкосердечная ты моя лапушка, что ты еще напридумашь? Зло! Бог ты мой! Я бы сказала — реальность. Разве сегодняшняя жизнь не кажется тебе чудовищно скучной, такой, какой она никогда не была в Иствике?

Неужели это правда? Александра предпочла сдвинуть разговор на территорию подругиного вдовства:

— Почему ты хочешь поехать туда летом? Разве семья Нэта не владеет большим поместьем в Мэне, где-то возле Бата или Бар-Харбора?

— Старуха его продала. Сказала, что единственная причина, по которой она его не продавала раньше, — это чтобы Нэту было где поплавать на яхте в августе.

— Она еще может заниматься подобными делами? Покупать, продавать... Это в сто четыре-то года?

— Похороны Нэта придали сил старой летучей мыши. Она даже снова начала ездить по пятницам в «С-с-симфо-ни-Холл» с огромным черным шофером. А ведь когда Нэт был еще жив, она в какой-то момент перестала понимать, кто она и где находится, знала только, что ей не нравятся обои, на которые она пялилась целыми днями, и была уверена, что сиделка хочет ее отравить. Содержание мэнского поместья чудовищно вздоржало. Это был такой гигантский обшитый гонтом сарай спален на сто, а беда с этим гонтом состоит в том, что он высыхает и обшивка отваливается. Я ненавидела туда ездить. Дом отапливался только каминами, а океан всегда был слишком холодным, чтобы плавать, даже в августе. В Мэн на лето отправлялись только семьи пуритан, желавшие подвергнуть себя наказанию за свое богатство. Так что нет, я с удовольствием поеду на Род-Айленд. Но только не в Ньюпорт и не в Джеймстаун. Летом там полно зевак-остолопов. Только в Иствик. В Иствик не ездит никто, кроме чудаков.

— О, Джейн, как ты можешь говорить об этом с таким энтузиазмом? Уверена, Сьюки согласится со мной, что это ужасная, ужасная идея. Ведь речь идет о месте преступления.

— Повторяю: не было никакого преступления. Было лишь здоровое использование наших женских возможностей. Сьюки, кстати, в восторге от этой идеи. Когда мы с ней об этом говорим, у нее сверкают глаза, а щеки покрываются румянцем. Между прочим, там, в Китае, тебе не показалось, что она с этими ее жалкими крашеными волосами болезненно-бледна и как-то обессилена? Ведь у бедняжки осталось лишь по половинке легких.

— Так вы с ней видите? Где?

Джейн голосом воздвигла защитную преграду:

— Я хочу? Это Джейн помешалась на такой идее, я даже возразить не могу. Не знаю, может, это и впрямь могло бы быть забавно. Разве нам всем не стоит воспользоваться возможностью что-то еще изменить в своей жизни? Тебе не любопытно, что из этого выйдет? В любом случае не делай из этого большой проблемы, Лекса. Это всего лишь идея, способ объединиться.

— Отвратительная идея, если хочешь знать мое мнение. Для меня этот город остался в прошлом. Он во власти злых чар.

— А кто же напустил на него злые чары? — спросила Сьюки.

— Не только мы. Там были еще и Бренда Парсли, и Мардж Перли, и Грета Нефф, и Роузи Холлибред, думаю, надо включить в эту компанию и Фелисию. — Из суеверия язык у нее запнулся на имени Фелисии, убитой жены Клайда Гейбриела — того самого Клайда, который сошел с ума отчасти из-за пьянства, а отчасти от любви к Сьюки. Именно тогда пагубное колдовство достигло глубин, из которых они уже не смогли выбраться, и Александре было неприятно произносить это имя, поскольку Фелисия была мертва. Впрочем, теперь и остальные уже наверняка умерли.

Сьюки рассмеялась; Александра догадалась, что смех был призван замаскировать зевок.

— У нее пена так и шла изо рта, когда она вещала о Вьетнаме и никак не могла остановиться, — сказала Сьюки о покойной Фелисии, однако, почувствовав, что ностальгическая интонация не отвечает нынешнему настроению Александры, более оживленно добавила: — Дорогая, ты так мило суеверна. Чары не длятся вечно. Та ядовитая атмосфера относится лишь к своему времени, к концу шестидесятых, которые, разлагаясь, переходили в семидесятые, притом что мы были молоды, полны живых соков и прочно укоренены в среднем классе.

— Если судить по телевидению, нынешние времена «Счастливыми деньками»^[26] тоже не назовешь, — заявила Александра. — При Буше люди так же несчастны, как были при Джонсоне и Никсоне. Такое же болото. А между тем инфраструктура, бесплатное образование и национальные парки летят в тартарары.

Сьюки помолчала, словно обдумывала это утверждение, а потом сделала заключение, вызвавшее у Александры раздражение:

— Что ж, похоже, тебе идея не нравится, а без тебя мы обойтись не можем.

— Почему? Вы с Джейн, по-моему, вдруг во всем стали настроены на одну волну.

— Не ревнуй, дорогая, тут не к чему ревновать. Джейн — человек нелегкий, но, как я уже говорила, она не совсем здорова и, думаю, чувствует себя очень одинокой в этом огромном темном доме, после того как в нем не только не стало Нэта, но и чудовищно окреп матриархат. Что касается меня, то я не знаю, Лекса; просто я чувствую себя такой опустошенной, такой ненастоящей после смерти Ленни. Вот я и подумала: может, Иствик вернет меня к действительности? В Китае я не переставала думать о том, как чудесно в момент, когда занавес жизни начинает опускаться, вновь обрести старых друзей, знавших тебя прежде, которые могут посмеяться над тем же, что смешно тебе, и вспомнить тех же ужасных людей, каких вспоминаешь ты. Но возможно, я была глупа. — Она вздохнула своими слабыми полуплегкими. — Забудь, куколка, давай просто забудем об этом.

— Ты заставляешь меня чувствовать себя виноватой, Сьюки, но все же я не поеду. Вы обе можете приехать сюда, если хотите, и посетить индейские резервации. Они очаровательны. Там до сих пор есть шаманы, которые умеют делать нечто совершенно поразительное. Правда-правда, я сама видела. Может, вам даже удастся уговорить меня на круиз в Антарктику — посмотреть на живых пингвинов.

Молчание. Ни смешка. Потом:

— Лекса, мне надо возвращаться к работе, пока я не забыла, какого цвета глаза у моей героини. Я остановилась как раз на моменте, когда с нее срывают корсаж. Но прошу тебя, пойми: ни Джейн, ни я не собираемся *ни на что* тебя уговаривать. Мы просто предложили тебе возможность. — Поскольку однажды, в парной темноте бани, они были в своем роде любовницами, Сьюки знала, как донести до Александры свою обиду; Александра отключила связь, продолжая терзаться.

Когда той же зимой, позднее, телефон снова зазвонил и на дисплее появилась надпись «Абонент неизвестен», Александра с бьющимся сердцем сняла трубку, разрываясь между возможностью исправить отношения с подругами-вдовами и необходимостью твердо выстоять против них. Но голос на другом конце линии не принадлежал ни одной из них.

— Мама? — прозвучал вопрос.

Из двух ее дочерей младшая, Линда, жила в Атланте со своим вторым мужем и за проведенные там годы приобрела легкий южный акцент и уютно-нежный тембр голоса, соответствующий региональным требованиям женственности. Раньше тембр был другой — низкий, сексуально-нейтральный, нарочито ровный, с жесткими «а» и пропускаемыми «р», как принято в Новой Англии.

— Марси! — воскликнула Александра. — Какой приятный сюрприз!

Ни одна из дочерей не звонила чаще, чем того требовали приличия, а Марси так и того реже.

— Я слышала, что ты, возможно, приедешь сюда следующим летом, — сказала Марси своим весомым, без обертонов голосом. Выйдя из подросткового возраста грациозной невинной женственности, Марси уплотнилась и потемнела, особенно темными стали густые брови и угрюмые, глубоко посаженные глаза.

— Где ты это услышала? Это неправда, дорогая.

Александра поймала себя на том, что в оправдательной интонации, которая возникала у нее всякий раз при разговоре со старшей дочерью, появился оттенок глуповатости, свойственной ее младшей, Линде. Казалось, ее напряженно-фальшивый голос о чем-то просил:

— Джейн и Сьюки — ты должна их помнить: Джейн, тогда ее фамилия была Смарт, и Сьюки Ружмонт — пытались уговорить меня поехать отдохнуть летом в Иствике. Но я неизменно отвечала отказом. В том числе и потому, что тебе бы это не понравилось, я им так и сказала.

— Зачем ты так говоришь? Мне обидно, мама. Это дало бы нам возможность побыть вместе, каковой у нас, в сущности, никогда не было, ты бы лучше познакомилась с Хауи и мальчиками.

Марси вышла замуж за местного электрика Говарда Литтлфилда в последний момент, когда ей грозило остаться толстой старой девой до конца жизни, и родила ему двух сыновей уже на пороге сорокалетия, что весьма типично для ее упрямого, поздно расцветающего поколения, как считала Александра, сама принадлежавшая к поколению, которое отводило для деторождения слепоподростковые

годы, чтобы освободить взрослую жизнь от бремени пребывания в больницах и круглосуточного ухода за детьми.

— Мальчики еще не закончили школу?

— Мама, ты меня обескураживаешь. Ты так невнимательна. Роджеру всего двенадцать, а Говарду-младшему только-только исполнилось девять. Ты еще прислала ему на день рождения компьютерную игру, помнишь?

— Разумеется. Надеюсь, это не была одна из тех неприличных и полных насилия игр.

Александр было неприятно вспоминать о том, что ее дочери за пятьдесят, что у нее седина, которую она не пытается скрывать, и бородавка на носу, которую она не дает себе труда удалить. Брат Марси, Бен, следующий по старшинству, был еще хуже — облысевший больше, чем Оз в его возрасте, напыщенный до невозможности и консервативный, он жил в Виргинии и занимался в Вашингтоне чем-то, чего не мог обсуждать в подробностях. Как и его отец, он был республиканцем, но в сыне это проявлялось гораздо хуже, чем в муже. От мужа этого по крайней мере ожидаешь. В том, что она мать двух мужчин, для Александры было нечто настолько странное — эти пенисы и яички, которые когда-то находились внутри тебя вместе с их генетической предрасположенностью к беспорядку в комнатах и спорту по телевизору, — что отношения с сыновьями она воспринимала гораздо легче — в сущности шуточно, — чем отношения с дочерьми, на которых смотрела таким же оценивающим взглядом, как на себя самое.

— Да они все одинаковы, — продолжала между тем Марси. — Дело там, скорее, в координации зрения и действия, чем в социопатическом содержании. Как бы то ни было, ему игра понравилась, и он постоянно в нее играет. Он прислал тебе благодарственную открытку?

— Да, — солгала Александра. — Она прелестна.

— Что он написал? — с ослиным упрямством продолжала допытываться Марси.

— Обычные мальчишеские пустяки. Но мне все же хотелось бы узнать, кто тебе сказал, что я приезжаю в Иствик.

— Со мной связалась Джейн Тинкер. Кстати, тебе не кажется, что она забавная? Эдакая боевая старушка-девочка — в отличие...

— Ты хотела сказать — в отличие от меня?

— Я хотела сказать — в отличие от матерей многих моих друзей. Тебя небоевой нельзя назвать, мама. Ты просто держишь дистанцию.

— Дорогая, я здесь пытаюсь выжить, продавая горшки. Научилась мастерить их на гончарном круге Джима. К концу дня у меня кружится голова.

— Она попросила меня разузнать насчет цен на жилье.

— Джейн? После того, как я твердо заявила ей — нет?

— Она сказала, чтобы я нашла жилье для нее и еще одной или двух женщин.

— Одной или двух? Не могу поверить, что эти двое могли так со мной поступить! У меня за спиной!

— Она всего лишь попросила меня сориентировать ее, на что можно рассчитывать. Но мне, признаюсь, мало что удалось найти. Иствик никогда не был популярным местом отдыха, популярные находятся на островной части залива. Есть мотель по дороге на Ист-Бич, за закрытой пиццерией...

— О? Ее закрыли? Там готовили очень вкусную пиццу. Тонкую и хрустящую, а не толстую от сыра, как в других местах.

— Человек, который держал эту пиццерию, удалился на покой много лет назад и переехал во Флориду. Вот куда все мы отправимся, если сможем себе это позволить. Мы с Хауи уже даже выбрали город. Прямо на воде, со стороны залива. Каждую зиму ездим туда на две недели. Тут в округе сдается несколько домов, но только на все три летних месяца и обычно одной и той же семье, которая приезжает из года в год. В нескольких милях к северу, на дороге номер один, имеется «Дейз инн», но она не даст вам ощущения пребывания в маленьком городке.

— Не даст, — согласилась Александра и тут же пожалела, что сказала даже это: получалось, что она начинала втягиваться.

— Единственное, что я могу предложить — и именно поэтому звоню тебе, — это старое поместье Леноксов, если оно не вызывает у вас неприятных чувств. Банк, которому оно досталось, устроил там кооперативный дом с весьма симпатичными квартирами.

— Поместье Леноксов. Новые хозяева сохранили название? — Здесь они с дочерью вступали на неуютную территорию скандального прошлого, нелегко выйти из этой ситуации все равно не

представлялось возможным. — Кажется, ван Хорну оно принадлежало не слишком долго. Да, оно действительно вызывает у меня неприятные чувства.

— Там сохранился теннисный корт, хотя без того большого пузыря-тента, который устроил над ним ван Хорн. Была борьба за распределение квартир: долгосрочным арендаторам не нравилось смотреть на дорогу, которая идет по гребню дамбы и которую раз-два в месяц заливают, поэтому некоторые квартиры, те, что без вида на море, остались пустовать и сдаются-таки в аренду на короткий срок. Управляющий сказал мне, что три женщины могут снять два смежных сьюта на третьем этаже. Там ликвидировали старую баню — помнишь ее, с убирающимся потолком? — и построили вместо нее третий этаж, немного на скорую руку, как я догадываюсь, — управляющий показал мне одну из комнат, потолок там действительно низковат, зато, если высунуться из окна, открывается вид на дамбу. К тому же в отличие от центра города там будет тихо по ночам.

— Как может быть тихо в кооперативном доме? А если сосед за стеной маниакально любит смотреть телевизор?

— Мама, не будь такой снобкой. Там, конечно же, не так тихо, как в пустыне Нью-Мексико, нет. Но в реальном мире почти все живут, имея за стеной чей-нибудь телевизор.

— Неужели, дорогая? Не догадывалась, что ты так много знаешь о реальном мире. Ты не поехала со мной и Джимом в Нью-Мексико, потому что у тебя был друг, по которому ты с ума сходила, потом тебе до смерти захотелось уехать в Ризди и умыть меня как художницу, через год и это прошло, и ты стала официанткой в забегаловке с сальными ложками там же, где родилась. Сколько раз в жизни ты выезжала за пределы Род-Айленда? Маленького-маленького Род-Айленда?

— В то время как ты за последнее время объездила весь мир, да? Мама, я нежно тебя люблю, но ты всегда была испорченной. Сначала тебя портили родители, потом бедный папа и наконец Джим. Тебе никогда не приходилось сталкиваться с настоящей нуждой и настоящим одиночеством.

— Это неправда, дорогая. Быть человеком само по себе означает сталкиваться с подобными проблемами.

— Не называй меня «дорогая». Для «дорогой» слишком поздно. Прости, я не хотела жаловаться. Просто случилось так, что моя мать — Королева майского праздника, красивая большая пчелиная матка, полная царственного нектара, а я — простая рабочая пчела, девушка, оставшаяся на балу без кавалера.

— Это неправда, дор... Марси. Ты очень привлекательна. Ты была идеальным ребенком.

— Это только лишь способ сказать, что потом все покатило под горку. Что ж, как выясняется, вся жизнь — это скатывание под горку. Но несмотря на это — хочешь верь, хочешь нет, — у нас с Хауи есть свои радости. Скромные радости. От мальчиков и не только. А настанет день — мы уедем во Флориду и купим катер.

— Катер, с которого ловят рыбу? Как прелестно, дорогая.

— Даже то, как ты это произносишь, выдает в тебе ужасную снобку: ты якобы настолько выше всего этого. Откуда это в тебе? Все хотят тебе услужить. Джейн и эта, вторая, Сьюки, *они* хотят услужить тебе, я пытаюсь тебе услужить, а ты воротишь нос при одной мысли, что придется всего лишь месяц или два прожить в кооперативном доме.

Александра ничего не имела против ссоры теперь, когда она обрела определенную тональность. По крайней мере это был живой разговор; хотя бы что-то происходило. Марси извергала все эти абсурдные претензии так, словно ее мать была Богом, сотворившим Вселенную. В Нью-Мексико после смерти Джима, и даже раньше, Александра боролась с приступами депрессии. Сухость ее старческой кожи, скудость пустынной растительности, живущей поверх уходящих в глубину скал и минералов, монотонность вечно солнечных дней, горные ветры, опустошающие ее, великое безутешное одиночество Природы — все это усугубляло вызывающее страх бремя необходимости прожить еще один день. В Иствике она бывала разной — испуганной, пристыженной, возбужденной, полной надежд, но, насколько она помнила, погруженной в депрессию — никогда.

— Ты, — сказала она ровным тоном, — главная причина, по которой я не хочу ехать. Боюсь оказаться для тебя источником неловкости.

— Это теперь-то? Бояться поставить меня в неловкое положение нужно было тогда, когда мне было пятнадцать. Чтобы мне не

приходилось слушать то, что говорили мне в школе одноклассники, смотреть в глаза Еве Марино, притом что обе мы знали, что ты трахаешь ее отца, ждать по ночам твоего возвращения далеко-далеко за полночь...

— Мне очень жаль, но я тоже хотела иметь свою жизнь. Мать — человек, а не просто функция. — Факция, как каламбурила Джейн. Ох уж эта злодейка Джейн, Джейн-Болячка, с ее острым, как пила, правдивым языком. В ночь, когда Даррил и Дженни объявили о своей женитьбе, их троица танцевала: «Her, har, diable, diable, saute ici, saute lajoue ici, joue la!»^[27], взявшись за руки, измазанные свадебным тортом. А теперь эта взрослая женщина, ее дочь, осмеливается судить их, представляя все в самом худшем свете. Пытаясь сохранять невозмутимый материнский, хотя и критический тон, Александра продолжила: — Не бойся, я не поставлю тебя в неловкое положение, потому что не приеду. Передай своей новой подруге Джейн: ей нет нужды заботиться о жилье для меня.

Дочь взорвалась:

— Мама, все, для кого это что-то значило, мертвы! Я надеялась, что ты захочешь приехать, потому что я для тебя кое-что значу. Мы могли бы п-получше узнать друг друга. — Она плакала.

— О, Бог ты мой, Марси, — виновато, начиная паниковать, поспешила сказать Александра. — Какая славная идея. После только-что произнесенной тобой тирады.

Возможно, ей лишь померещились слезы, потому что Марси вполне спокойно ответила:

— Думаю, хорошо, что я выговорилась. Я имею в виду свои чувства. Но это не вся правда. Ты могла быть и очень хорошей матерью. По крайней мере ты не резонерствовала и не брюзжала. Я любила, когда ты консервировала томатный соус или дергала сорняки в саду и заставляла нас помогать. Ты привила нам знания о Природе.

— В самом деле? Тогда я думала, что Природа на моей стороне. Теперь сомневаюсь.

Марси не слушала ее, она продолжала:

— У нас с Хауи есть клочок земли, с которого мы кормимся: самые простые растения — две грядки латука для салатов, немного петрушки и брюссельской капусты. Так любопытно наблюдать, как брюссельская капуста выпускает все новые и новые побеги, до самых

заморозков. Я бы и помидоры выращивала, но Хауи их ненавидит. Это единственное, чего он не ест. — От этого маленького признания голос ее охрип, и в нем послышалось предвестие возвращающихся слез. Не была ли Марси неуравновешенной?

— Да, это любопытно, — согласилась Александра. Даже слушать воспоминания о своем материнстве было для нее утомительно. Подчинение требованиям природы, развитие и размножение. «В болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою», — какой суровый патриархальный бред. Да и Адаму было не легче: «Проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; тернии и волчцы произрастят она тебе... в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят». И далее: «...а Каин был земледелец... Каин принес от плодов земли дар Господу... И призрел Господь на Авеля и на дар его, а на Каина и на дар его не призрел». Представив себе, как Марси выращивает овощи в каменистой, истощенной, кислотной иствикской земле, посыпая бороздки зажатыми между пальцами семенами размером не больше песчинки, с надеждой закапывая их во временную могилу, как она вынашивает двух сыновей, испытывая страшную боль внизу живота, как любит своих мальчиков, даже когда они превращаются всего лишь в еще двух американцев мужского пола, жадно поглощающих всякую дрянь, Александра поднималась до головокружительных высот родительской скорби.

— Дорогая, что-то мне нехорошо. Все это так неожиданно. Дай мне немного подумать, если ты действительно считаешь, что в нашем приезде следующим летом есть позитивный аспект.

— О да, я так считаю, — почти пропела в ответ Марси. — Это будет так важно для мальчиков.

Новость о том, что проклятое трио возвращается в город, зажурчала от уха к уху, как дождевая вода, струящаяся сквозь ходы муравейника. Бетси Принц, внучка Герби Принца, услышала ее от Эйми Арсенолт в бывшей армянской скобяной лавке, которая превратилась теперь в скудную товаром, деморализованную «Тру вэлью»^[28], — ничего общего с «Хоум дипо»^[29], что на дороге сто два, или шикарным гигантским новым «Лоуз»^[30], работающим

круглосуточно на дороге номер один, ближе к Уорвику. Бетси, слишком молодая в свои двадцать семь, чтобы когда-либо видеть хоть одну из предполагаемых ведьм, невинно передала слух Веронике Марино, смутно припомнив, что в далеком прошлом существовала некая скандальная связь между ними и семейством Марино. Вероника, младшая из пятерых детей Джо и Джины, в тридцать девять лет продолжала жить с матерью в узком, обшитом досками родительском доме в нескольких кварталах от площади Казмирчака. И не только она, но и ее муж Майк О'Брайен. Он был лентяем и пьяницей, но тогда, шесть лет назад, когда они поженились, Вероника была рада, что заарканила хоть какого-то мужчину. Детей у них не было, и они занимали две комнаты с ванной, выходившие окнами на задний двор. Одни считали их бездетность естественным результатом несочетаемости между итальянкой и ирландцем, другие винили в этом близкое соседство с властной одинокой матерью — Джо умер от сердечного приступа в тот год, когда его младшая дочь вышла замуж. Когда Вероника сообщила матери, что не кто-нибудь, а такой авторитет, как Харри Перли из агентства недвижимости «Перли», сказал Эйми Арсенолт, что три женщины сняли два съюта на июль и август в «Ленокс сивью апартментс», Джина — из-за вывихнутого бедра, которое предстояло оперировать, любое передвижение причиняло ей боль, — едва подняла взгляд от пучка первой местной спаржи, которую мыла и обрезала, складывая в контейнер микроволновки, и пробормотала:

— Возвращаются к собственному дерьму.

— Что-что, мама? — переспросила Вероника чуть слишком громко, ее глаза расширились, словно она услышала сигнал опасности. Мать пугала ее своей аурой Старого Мира — свинцово-тяжеловесной медлительностью, черными мужскими туфлями на шнуровке, бахромкой темных волос на верхней губе.

— Старая поговорка. Слишком непристойная для твоего понимания.

— Мама, я не ребенок, — обиженно заявила Вероника, смутно понимая, что, не имея собственных детей, она и впрямь остается ребенком. — Майк мне много чего говорит. — Она покраснела, почувствовав себя еще глупее.

— Твой отец любил повторять: «Это свободная страна». А я ему на это отвечала: «Судя по тому, как некоторые люди не платят по своим счетам, они уж точно считают ее полной вольницей». Тот человек, который тогда владел поместьем Леноксов, был одним из худших. Он задолжал твоему отцу целое состояние за ту невероятно чудную слесарную работу, которую он для него выполнил. Полиция его так и не поймала.

— Расскажи мне, что именно тогда произошло. Все, что я об этом слышала, какое-то расплывчатое. Эйми была страшно возбуждена, когда шепотом сообщала мне это у армян.

— Да незачем тебе это знать, — сказала мать, ковыляя на больной ноге к холодильнику, чтобы поставить в него пластмассовый контейнер со спаржей, предназначавшейся на ужин. Поскольку Джо был слесарем-водопроводчиком, кухня у них всегда была оборудована по последнему слову. Их дом был одним из первых, где появились микроволновка, пресс для мусора, встроенная двойная мойка фирмы «Диспозалл», водопроводные краны с твердыми шаровыми клапанами вместо резиновых прокладок; эти шаровые клапаны, как представляла себе Джина, не слишком отличались от искусственного сустава из титана и пластика, которым ей собирались заменить мучивший ее собственный тазобедренный сустав. А пока она жила с ним. Живя с вещами, можно продлить их существование. С тех пор как умер Джо, кухня не менялась, скорее, медленно приходила в упадок; старые кастрюли матери самой Джини, эмалированные, синие в крапинку, привезенные из Неаполя на пароходе, были извлечены из подвала, ими заменили медные и сделанные из нержавеющей стали. Макароны, приготовленные в медных кастрюлях или кастрюлях из нержавеющей стали, никогда не получались такими вкусными, как те, что варились в синих эмалированных. Сообразив, что дочь все еще стоит у нее за спиной в ожидании объяснений, Джина сказала: — Я и сама никогда толком не знала, что там происходило.

— А папа знал?

На сей раз Джина ответила без промедления:

— Он никогда не тащил в дом сплетни про тех, у кого работал, он считал это неправильным. — И, тяжело обойдя дочь, вытирая руки посудным полотенцем, добавила: — Не думаю, что я узнала бы кого-то

из этих женщин, если бы встретила на улице, мы все стали такими старыми streghe^[31].

Но когда в начале июля она увидела-таки Александру, они мгновенно узнали друг друга. Встреча произошла не в центре, на Док-стрит, а в новом «Стоп энд шоп», на окраине города, в полумиле от бывшего Александрино дома на Орчард-стрит. Летнее солнце поднимало волны дрожащего раскаленного воздуха от асфальта парковочной площади и выстреливало искрами горизонтальных отражений от проволочных магазинных колясок, скопившихся в загоне, куда покупатели должны были отвозить их, сгрузив пакеты с покупками в машину.

— Я слышала, что вы вернулись в Иствик, — ворчливо призналась Джина. Само то, как она произнесла название города, должно было дать понять, что хозяйка здесь она. Как безвыездно-постоянная жительница Иствика и как (хотя детям она этого и не говорила) опозоренная жена, Джина чувствовала себя обязанной среагировать первой.

Обе полные женщины — Джина в темном платье и Александра в белых джинсах и пестрой хлопчатобумажной длинной рубашке с рукавами три четверти — потели на солнце.

— Лишь в порядке эксперимента, Джина, — заверила Александра свою бывшую соперницу. — До конца августа — если дотерпим. Я теперь живу в Нью-Мексико, там тоже жарко, но от такой влажности я отвыкла.

— Здесь спокойно и скучно с тех пор, как вы уехали, — сказала Джина.

— Именно на это мы и надеемся. Мы все теперь овдовели: и Джейн, и Сьюки, и я. Покой — единственное, чего мы ищем. Ты позволишь мне выразить тебе соболезнование в связи со смертью Джо? Кажется, это случилось шесть лет тому назад?

— Да, — единственное, что смогла ответить Джина: у нее перехватило дыхание от дерзости старой толстой распутницы, посмевавшей произнести имя ее мужа.

— Я знаю, каково это, — сказала Александра, отважившись прикоснуться к обнаженной руке собеседницы. Джина суеверно отшатнулась. В этот полуденный час наклон солнечных лучей был таков, что женщинам приходилось стоять на острой, как лезвие ножа,

границе между ослепляющим солнцем и короткой тенью, падавшей от «Стоп энд шоп». Позволив себе прикосновение, Александра отступила в эту относительную прохладу, увлажненную выставленными из магазина на продажу обильно политыми ящиками с петуниями и ноготками. Это заставило Джину, прихрамывая, сделать шаг вслед за ней. — Он был хорошим человеком, — сказала Александра; в тени ее голос стал звучать ниже.

Джина восстановила наконец дыхание и ответила:

— Хорошим семьянином. — Ее черные глаза вспыхнули, буравя лицо Александры и будто бы говоря: ну-ка посмей возразить.

Александра согласилась, еще больше смягчив голос и придав ему интонацию глубокой убежденности:

— Он любил тебя. И детей. — Насколько она помнила, пока длился их роман, именно она постоянно высмеивала порывы Джо развестись с Джиной и жениться на ней.

— И свою работу, — подхватила Джина, постаравшись увести разговор от этих неизведанных глубин. — Если у кого-то котел выходил из строя в два часа ночи, он вылезал из постели и мчался туда. А теперь, чтобы вызвать мастера, нужно звонить в отделанный зеркалами офис компании, находящийся на Коддингтон-Джанкшн-Моле, а оттуда каждый раз присылают нового человека. — Судя по тому, как она поджала губы, этот весьма длинный, агрессивно произнесенный монолог доставил ей некое победное удовлетворение. — Кому теперь можно доверять?

Бедная душа, подумала Александра, видя, как трудно Джине и ходить, и говорить. Сама Александра наслаждалась этой встречей, словно она возвращала ей Джо. Массивную плоть и тепло его тела, шерсть на его спине и мерцание пота на его животе, волнующую силу его рук, приобретенную благодаря сражениям с бесчисленным количеством проржавевших шарниров и примерзших запорных клапанов. Она любила и его мужскую застенчивость, то, как он старался незаметно проскочить в ее покинутый мужем желтый дом на Орчард-стрит, в полумиле оттого места, где они с его вдовой сейчас стояли, и выскользнуть из него, его робость оттого, что он не мог преодолеть зов плоти и был вынужден предавать свои священные клятвы, рисковать домашним миром, выводком детишек, отношениями с родней, своей долей престижа среди местных жителей.

— Он был отличным мастером, — покорно подтвердила она. Впадая в любовный экстаз и овладевая ею сзади, Джо называл ее своей белой коровой — *mia vacca blanca*. Некоторых зон своего тела он умилительно стыдился: стыдился своей лысой головы с едва заметными костными выступами, своих имперски-величественных гениталий, давших жизнь пятерым детям и избывавшим вину и нечистоту в безопасной крепости ее влагилица, стерилизованного внутриматочной спиралью: в те времена просвещенные женщины шли на некоторые неудобства, чтобы всегда быть готовыми к сексу. Она вполне осознала значение этого дара грешной и кощунственной противозачаточной меры, благодаря которой могла обогатить унылую, замученную работой, не знавшую ничего, кроме клапанов, жизнь Джо, когда, покорно скрючившись на локтях и коленях на своей скрипучей кровати, позволяла ему колошматить и накачивать ее сзади.

Джина, словно бы заглянув в ее мысли, злобно прищурила один глаз. Другой при этом посверкивал, продолжая буравить Александру.

— Помнишь Веронику? — спросила она.

Опасаясь, как бы Джина не прочла ее мысли и не увидела там этих непристойных сцен, Александра благодарно выпалила:

— Конечно. Твоя младшая. — Джо перепугался и впал в ярость, когда Джина в сорок один год объявила ему о своей последней беременности, и утверждал, что даже пальцем не прикасался к суеверной суке. Благочестивая Джина не признавала никаких противозачаточных средств. — Насколько я понимаю, она до сих пор живет с тобой, — добавила Александра.

— Вместе со своим мужем, — сказала Джина, по-прежнему щуря глаз. — У них все еще нет детей. После шести лет попыток.

Александра постаралась скрыть удивление. Несколько лет они с этой женщиной делили одного мужчину, быть может, этот невысказанный секрет невольно побудил Джину поделиться с ней столь интимной информацией?

— Мне очень жаль, если они действительно хотят иметь ребенка.

— Она хочет. Кто не хочет? — Вопрос прозвучал так прямолинейно в устах этой прищурившейся, облаченной в черное женщины, что Александра почувствовала в нем угрозу и сочла более безопасным промолчать. Джина продолжила: — Ты можешь чем-нибудь помочь?

— Я? Джина, что же я-то могу сделать?

Теперь Джина смотрела на нее обоими сверкающими глазами:

— Ты знаешь что.

— Я? Да я даже не знакома с Вероникой. Я вообще ничего о ней не знаю. — Кроме того, что доверительно рассказывал ей Джо во время их свиданий на Орчард-стрит. Как только нежеланное дитя родилось, он возлюбил крошку до безумия, с мальчишеской горячностью, больше, чем всех ее сестер.

Джину раздражала тупость Александры, из-за этого приходилось все произносить прямым текстом.

— Кое-кто говорит, что она не может зачать из-за... не знаю, как это называется по-английски... из-за un fascino. Magia^[32].

— А-а, ты имеешь в виду сглаз?

— Да. Так говорят. Мол, когда она была еще девочкой и ты жила здесь... Из ревности...

Яркий солнечный свет, обрушиваясь с неба на парковку и играя тенями, словно бы пародировал подтекст их разговора, между тем как женщины не могли дать волю языкам из-за того, что стояло между ними.

— С какой стати я стала бы ревновать к крохотной девочке?

Джина плотно сжала губы, предпочтя не удостаивать ответом столь неискренний вопрос. Она сделала шаг на солнечную сторону; в безжалостном свете четко обозначились черные волосы на верхней губе старой женщины. Александра, запинаясь, попробовала ответить на собственный вопрос:

— Ты хочешь сказать, что я могла сотворить заговор, потому что?.. Но я никогда не умела делать того, что мне приписывали люди. Я была обыкновенной домохозяйкой. Притом несчастной, пока мы с Оззи не развелись.

Джина снова прищурила глаз от солнца; приопущенное верхнее веко задрожало от напряжения, но она все же предоставила возможность собеседнице, отравившей ее брак, закончить. В этом была ее месть.

— Сделаю, что смогу, — пообещала Александра. — Я ничего не имею ни против Вероники, ни против тебя. Как я уже сказала, Джо любил вас обеих.

Вероятно, этого говорить не следовало, слишком близко подошли они к взаимному саморазоблачению. Словно опасаясь, что дальнейший разговор может завести их еще дальше, Джина в своем мешковатом темном платье с короткими рукавами развернулась и растаяла в яростном солнечном свете, предоставив Александре в ее легком летнем наряде справляться с дрожью на пахнущей цветами полоске тени перед магазином «Стоп энд шоп».

Когда все они жили здесь, только дом Сьюки находился в центре города, она работала репортером иствикского «Слова», обедала в «Немо», заглядывала в парикмахерскую Поля ля Рю с жизнерадостным вопросом: «Ну, что новенького, ребята?» (там ее не могли дожидаться, чтобы выложить новости), и ходила своей гибкой изящной походкой в коричнево-желтых непринужденных туалетах, немного слишком нарядных для Иствика, мимо витрины «Голодной овцы» с практичными кашемировыми свитерами и прямыми шерстяными юбками; мимо «Тявкающей лисы», предлагавшей нечто более современное для старшекласниц; мимо темной скобяной лавки с широкими окнами, которую держали армяне; мимо супермаркета «Бэй-сьюперетт», кишевшего угреватými мальчишками-старшекласниками и набитого продававшимися по завышенным ценам местными продуктами питания, такими как молоко, клюквенный сок и пухлые пакетики со всякой засоряющей желудок ерундой; мимо кондитерской «Укротный уголок» и читальни общины «Христианской науки», мимо иствикского отделения «Олд-Стоун бэнк» и агентства недвижимости «Перли», витрина которого пестрела выцветшими, с загнутыми углами, моментальными снимками непроданных домов. Она вдыхала в себя этот город с его соленым воздухом, просевшими на один бок тротуарами и обшитыми требующим покраски деревом фасадами магазинов, попутно впитывая слухи и впечатления для еженедельного «Слова», редактор которого, усталый, озабоченный, жилистый Клайд Гейбриел был обречен влюбиться в нее. Теперь, более трех десятилетий спустя, она шла по тому же тротуару, смакуя воспоминания. Вообще-то не совсем по тому же — трещины в тротуаре были залиты гудроном, края выровнены, а росшие вдоль него тенистые деревья оплетены круглогодично-рождественскими гирляндами. Док-стрит была расширена и

спрямлена, а на том месте, где прежде цементные тротуары переходили в асфальтированную проезжую часть почти без всякого перепада, установлены высокие гранитные бордюры; хулиганистые мальчишки бывало, виляя колесами, перескакивали с проезжей части на тротуар и обратно, с восторгом терроризируя пешеходов. Голубая мраморная лошадь на строго перпендикулярном пересечении Док- и Оук-стрит была на месте, но взамен соответствовавших времени года цветов, которые прежде окаймляли ее, была обсажена можжевельником и голубыми карликовыми канадскими елями, которые разрослись так густо и так высоко, что водители ничего вокруг не видели.

Впрочем, город, ведущий свое начало от тех дней, когда в соответствии с парламентской грамотой о пожаловании земли здесь в 1644 году основали колонию, названную «Провиденс плантейшнз», был вообще полон потерь: элегантные дома начала восемнадцатого века едва ли не полностью заросли болиголовом, чьи поникшие плети никто никогда не подрезал; в разбросанных там и сям викторианских усадьбах крутые потайные лестницы, открывающиеся за библиотечными стеллажами, подвалы, переходящие в тоннели, пробитые в скале и ведущие прямо к освещенной лунным светом воде, и гниющие причалы, которыми некогда пользовались бутлегеры, ждали своего часа на мощеном берегу, скрытом от главной гавани выходящими на поверхность скалами. Род-Айленд, как говорят в Массачусетсе и Коннектикуте, был создан, чтобы стать пристанищем вероотступничества и пиратства. Роджер Уильямс^[33] привечал квакеров, иудеев и аморалистов не потому, что верил, будто спасения заслуживают все, а потому, что не было достаточного количества истинно верующих, чтобы населить общину. В разные стороны от Оук-стрит, там, где она выходила за пределы деревни, длинные дороги круто поднимались к невидимым снизу жилищам. Странно, но из центра Иствика расположенное на высоком холме старое поместье Леноксов не было видно, хотя, судя по картам местности, расстояние между ними было ничтожным. Даже фасады магазинов в центре города служили прикрытием: прямо за ними, сверкая и вихрясь, прокладывали себе путь к заливу Наррагансетт и дальше к морю воды дельты. Их мерцание вспыхивало кое-где в узких просветах между обшитыми гонтом торговыми зданиями. Соленая вода насыщала

воздух так, как этого никогда не бывало в разросшемся, непомерно дорогом Стэмфорде, и Сьюки вдыхала его своими узкими ноздрями, чувствуя, как к ней возвращается, просачиваясь из прошлого, ее похотливое былое «я».

— Миссис Ружмонт! — окликнул ее голос сзади.

Она обернулась, словно получила удар ножом в спину: кто мог назвать ее по давно не существующей фамилии? К ней приближался человек, которого она, как ей казалось, не знала, мускулистый, грудь колесом, бородатый мужчина средних лет с седеющими волосами, схваченными на затылке ленточкой в грязный конский хвост; его щеки и нос навсегда приобрели огненно-красный оттенок от постоянного, в любое время года, пребывания на открытом воздухе. Видя, что она озадачена и насторожена, он растянул губы в улыбке, продемонстрировав отсутствие верхнего зуба и тем вызвав у нее антипатию.

— Том Гортон, мэ. Вы брали у меня интервью, когда я стал самым молодым начальником порта, помните?

— Томми! Ну конечно. — В то время он произвел на нее впечатление напыщенного и инфантильного человека, но это не помешало ей спать с ним позже, летом, за год до того, как она заколдовала себе мужа и уехала из города последней из трех колдуний. В правой руке у нее была сумка с продуктами из «Бэй-сьюперетта», которую пришлось переложить, чтобы протянуть руку для невинного рукопожатия. — Как поживаешь? — поинтересовалась она, быть может, чуточку слишком сердечно и отважно улыбнулась, обнажив десны.

С улыбкой, более печальной, чем ее, он взял ее правую руку своей левой. На миг она приняла это за бесцеремонную демонстрацию нежности со стороны бывшего любовника, но потом увидела, что его правая рука, согнутая и прижатая к груди, жестоко искалечена, на ней не хватало пальца, и она была исковеркана так, что напоминала узловатую лапу. Он заметил, как метнулся ее взгляд, и объяснил с мальчишески-застенчивой улыбкой, напомнившей ей о том, как этот самоуверенный человек смутился и оробел, когда она предложила ему себя:

— Несчастный случай: помогал разгружать траулер с треской на берег по зимнему льду. Поскользнулся в чужих сапогах, и правая рука

оказалась между канатом и воротом, работавшим под полной нагрузкой. Сначала хотели ампутировать, потом решили оставить хоть что-то. Впрочем, она мало на что годится. — Он отвел руку от груди на несколько дюймов, чтобы продемонстрировать.

— О, Том! — воскликнула Сьюки, называя его именем, которое он теперь наверняка предпочитал. — Бедный ты, бедный. И как же ты смог работать?

— С трудом, как говорится.

Робость в улыбке постепенно уступала место другому его качеству, которое она приняла за высокомерие во время их первой встречи; потом, когда они стали любовниками, она поняла, что это лишь адекватная самооценка красавца мужчины и основанное на ней ощущение собственного достоинства, которое еще поколение или даже полпоколения назад юноше его социального класса и не приснилось бы. Чтобы узаконить мужское сексуальное тщеславие, потребовались шестидесятые, «люди-цветы», битлы и порнография, выведенная на большой экран. Когда шестидесятые перешли в семидесятые, Сьюки было тридцать три, и ее любовниками были мужчины старше ее, некоторые — такие, как Клайд Гейбриел и Артур Холлибред, — значительно старше, густо усеянные морщинами и страдающие нестабильностью эрекции; так было, пока она не начала спать с Тоби Бергманом, новым, молодым редактором «Слова», сменившим трагически окончившего свою жизнь Клайда.

Вскоре Тоби покинул город, сломав ногу в аварии, тоже связанной с зимним льдом. Но он успел представить Сьюки телу молодого человека, который ввел ее в мир новых властных отношений между полами: она теперь исполняла роль зачинщика, кавалера, хищника и идолопоклонника. Ей, обнаженной, предстояло, припадая, словно голодная волчица, к телу сначала Тоби, потом Томми, восхищаться великолепной кожей, чистым запахом, гладким сплетением лоснящихся мышц, красивыми, покрытыми молодой порослью, безотказно функционирующими гениталиями. Они были столь исполински-прекрасны, эти гляцевитые восставшие столбы, — у Тоби обрезанный, у Томми нет, — что невольно хотелось обхватить их губами. Она повелевала этим молодым людям лежать смирно и с дразнящей, мучительной медлительностью между шквалами беглых поцелуев и неразборчивого бормотания, левой рукой у основания

сжимая бившийся в ее руке, как пойманная птица, упругий член, правой быстро отбрасывая с лица свои длинные волосы, глотала их семя, когда Тоби или Томми толчками извергали густую, липкую полупрозрачно-белую субстанцию, восхитительную, на вкус похожую на яйцо пишу дикарской богини, так, что юноши почти со смущением смотрели на потное, застывшее лицо женщины, жадно припадавшей к их телам, словно в страстном желании брать еще и еще.

Стоя теперь здесь, на Док-стрит, она чувствовала, что это воспоминание собственной молодости выдает ее предательским румянцем; между тем потрескавшиеся губы Томми Гортонна, извивавшиеся в гуще бороды, как бледные черви, продолжали уже привычно рассказывать историю его несчастья:

— Меня уволили с должности начальника порта — трудно управлять шлюпкой пришвартованному к берегу одорукому, — но взяли на полставки в качестве лишней, так сказать, руки для береговых работ. Пока дети были маленькими, приходилось труднее — Джин не могла бросить работу в банке, хотя на той должности, на которой ее держали, она и близко не зарабатывала того, чего стоила. Теперь дети свалились с нашей шеи — оба мальчика и девочка уже взрослые, у всех свои семьи.

Не было ли это желанием поддеть ее, сказать, что, несмотря на то что в молодости он водился с такой шлюхой, как она, ему удалось стать уважаемым семьянином? Сьюки было интересно: делала ли для него Джин то, что делала в свое время она, или только зарабатывала деньги в своем банке? Иногда в момент оргазма Сьюки кусала Томми в плечо, и он начал подражать ей, причем старался, как ей казалось, укусить больно. В целом она не возражала: следы от укусов проходили через два-три дня, а боль обостряла ощущения. Глядя на этого раскормленного, обветренного деревенского парня, созревшего для сердечных болезней, Сьюки удивлялась, какие пластические номера ей удавалось выкидывать в те несколько месяцев, когда она встречалась с ним, любила его, унижалась перед ним. Такое случается: мужчины извлекают выгоду из умопомрачения женщины и самодовольно принимают это как должное.

— Похоже, все кончилось счастливо, Том, — сказала она, желая закруглить разговор. — Я за тебя рада.

Но он пока не собирался ее отпускать; он присоединился к ее воспоминаниям, прямо там, на Док-стрит, под палящим солнцем.

— Мир не бывает счастливым, — сказал он. — Вот то, что между нами было, — это было счастье.

— Безумство, — возразила она, размышляя, загородит ли он тротуар, если она попытается его обойти. — Я бы употребила слово «безумство».

— В те времена мне порой казалось, что ты действительно сумасшедшая. Но после того как ты уехала из города, я подумал, что нам всем не помешало бы быть такими же сумасшедшими. Джин — человек, скорее, практичный. Она любит цифры. Говорит, что они определяют границы всему.

— Похоже, она очень умна. — Сьюки сделала шаг вправо, в его слабую сторону.

Он тоже сделал шаг, чтобы оставаться напротив нее.

— Ладно. Что привело тебя обратно в эти края? Люди на тротуаре стали обращать на них внимание.

— Летние каникулы, — коротко ответила она. — Мы с двумя подругами сняли здесь жилье. — Она не стала уточнять где.

— С теми самыми двумя? — спросил он. — Я слышал. — Теперь он уже не казался таким дружелюбным.

— Значит, ты их помнишь?

— Да, их здесь помнят.

— Надеюсь, добром?

— Помнят.

Сьюки сделала еще один шаг по диагонали, так что теперь, чтобы помешать ей пройти, ему пришлось бы заставить ее врезаться в окно читальни «Христианской науки», в котором была выставлена выгоревшая на солнце Библия, покоившаяся на пюпитре и открытая на восьмой главе Евангелия от Матфея. Маленькая пластмассовая стрелка указывала на стих: «Иисус, простерши руку, коснулся его и сказал: хочю, очистишь. И он тотчас очистился от проказы».

— И чем вы занимаетесь весь день? — спросил Томми. Вопрос прозвучал воинственно; по былому праву близкого знакомства он поднял было руку, чтобы преградить ей путь, но это оказалась увечная рука, и она тут же опустилась.

— В основном тем же, чем занимаемся дома. Ходим по магазинам. Едим. Выезжаем на прогулки. Рада была повидать тебя, Томми.

— Может, еще увидимся?

Какая же у него рука!словно лишенная мускулов, бессильная... Ужасно. И этот тяжелый, заросший волосами живот, это косматое гнездо бороды. Она вспомнила, что его лобковые волосы были светло-золотистыми, как будто в них играли солнечные блики. Они щекотали ей нос.

— Я не знаю, сколько мы здесь пробудем, — сказала она. — Это зависит от моих спутниц.

— Не ставь себя в зависимость от этих дамочек, — позволил он себе остеречь ее, отступая и тяжело припадая на одну сторону. — В былые времена ты очень часто поступала по-своему.

— Как мы выяснили, Томми, я была сумасшедшей. Теперь я старая дама. Рада была повидать тебя. Будь здоров.

Она была рада избавиться от него. Но пока она шла к концу Док-стрит, к гигантской лиловой, до нелепости густо обсаженной кустами лошади, за которой виднелись старый деревянный причал и мягко раскачивающаяся возле него лодка, собираясь повернуть налево, на Оук-стрит, чтобы забрать со стоянки, расположенной в углу L-образного изгиба, коим город облегал залив Наррагансетт, свой мощный темно-синий «БМВ», навязанный ей покойным мужем, Сьюки стало наполнять веселое ощущение, что свет, отражающийся от соленой воды, посверкивающей в разрывах между торговыми зданиями, ярким потоком струится через нее самое. Ее старый дом, крохотная «солонка» постройки 1760 года, двухэтажный с фасада, одноэтажный с тыла, на маленькой кривой Хемлок-лейн, отходящей от Оук-стрит, находился неподалеку; в те времена она и жила, и работала в центре. На этих улицах, в этих домах она любила и была любима; здесь ее знали, как нигде больше, ни на родине — в грязном ноготке на конце одного из Пальчиковых озер, что в штате Нью-Йорк, где она была незаметным ребенком, — ни в уважаемом коннектикутском городе-спутнике, где она жила во втором браке и где тридцать лет жизни прошли для нее, как игра в «понарошку».

— Ты не забыла про крем-сыр? — строго спросила ее Джейн, когда она вернулась, проехав в своем «БМВ» по прибрежной дороге, потом через дамбу, покрытую лужами после вчерашнего высокого прилива, и дальше вверх, следуя изгибу аллеи, опоясывавшей некогда принадлежавший Даррилу ван Хорну дом, от боковой двери которого у нее теперь был маленький латунный ключ. — При том с-с-состоянии, в каком находится мой желудок, крем-сыр на поджаренном багете — единственное, что с-с-способно вызвать у меня слюноотделение. Все ос-с-стальное имеет вкус опилок, — пожаловалась Джейн.

— В «Бэй-сьюперетте» нет крем-сыра, — сказала Сьюки. — Во всяком случае, филадельфийского, а хорош только он. Вместо него я купила тебе йогурт с черникой. Мне очень жаль, что тебе не полегчало, Сладкий Глоточек. — Это ласковое прозвище Александра придумала для Сьюки, когда они развлекались в бане Даррила ван Хорна, и сейчас оно невольно слетело с ее губ, согретых встречей с Томми. Более сурово она добавила: — Тебе следует выходить из дома и делать покупки самой — сегодня такой великолепный день. Где Лекса? Я не видела твоей машины на стоянке.

На троих у них было две машины: «БМВ» Сьюки и старый спортивный «ягуар» Джейн. Нэт Тинкер очень кичился этим автомобилем: старомодная классика, «ягуар-ХКЕ» с откидным верхом, со спокойными линиями, низкой посадкой, дисками со спицами и решеткой радиатора, похожей на акулу, разинувшую пасть и заглатывающую кислород. Цвета она была «гоночно-зеленого», такого темного, что ночью казалась черной, и когда Джейн вела ее, опустив крышу, ее черные волосы, полощась, развевались у нее за спиной во всех направлениях. Двум подругам ничего не стоило доехать до Род-Айленда с востока страны, а вот от Александры никто не ждал, чтобы она тащилась туда от самого Нью-Мексико за рулем своего белого «форда-пикапа», помятого и неотмываемо-грязного после многих лет грубого обращения Джима. Поэтому они пользовались двумя машинами втроем. Делили они между собой и четыре снятые комнаты, две небольшие сдвоенные квартирki в кооперативном доме, перестроенные из бывшей бани-звукостудии, в свою очередь устроенной Даррилом ван Хорном в отапливавшейся круговой системой паровых труб стеклянной оранжерее Леноксов, где под сверхмощными лампами произрастали не только орхидеи, но и

тропические деревья, гигантские папоротники, пальмы, фикусы и одно душистое лимонное дерево. Нанятые банком архитекторы, перепланировавшие изъятые у предыдущего собственника поместье, разделили высокое помещение на два этажа. Потолок, некогда бывший раздвижным и позволявший погруженным в горячую деревянную бочку-ванну созерцателям в моменты отдыха видеть звезды, имел высоту восемнадцать футов, а это, учитывая пространство, съеденное новым потолочным перекрытием, означало, что верхний этаж теперь не слишком отличался от уютного, но тесного студенческого общежития. Александра, самая высокая из них, могла дотянуться до потолка рукой. Поначалу это казалось забавным — престарелые девушки, на время предоставленные сами себе, — но по мере того, как температура июльского воздуха поднималась все выше и выше, маленькие комнатки превращались в парилку, особенно по ночам, когда морской бриз ласкал другую, не их сторону дома.

Две более молодые и относительно состоятельные вдовы решили, что Александра, как старшая, наименее обеспеченная и находившаяся дальше всех от дома, займет самую большую спальню с королевской кроватью. Сьюки поселилась в прилегающей комнате со встроенной в стену откидной кушеткой и круглым столом, на котором она могла установить свой «электронный редактор»; она строго соблюдала правило час-другой в день работать, поставив рядом чашку кофе и вазочку с печеньями вместо сигарет, от которых она после смерти Ленни наконец полностью отказалась. Джейн, встававшая позже всех, зачастую еще спала, когда Сьюки заканчивала писать и была готова перекусить вареным яйцом, положенным на тост. Под благовидным предлогом, что нуждается в уединении, которому не способствует просторное и светлое помещение, Джейн заняла узкую спальню без окна, вход в которую находился в дальнем конце так называемой гостиной, где троица собиралась, чтобы почитать, посмотреть телевизор и выпить перед обедом, независимо оттого, обедали они дома или в городе. Иногда они вспоминали о том, как за коктейлем воздвигали конус могущества, но ритуал требовал определенных формальных приготовлений и принадлежал уже исчезнувшим временам, когда они были молоды и больше вовлечены в жизнь окружающих их людей, более подвержены страстям, более ревнивы и убеждены в том, что способны кое-что изменять в материальном мире

с помощью своей совместной магии. В их жилище было две ваннные комнаты — Сьюки и Александра пользовались той, что побольше, — несколько ненужных стальных шкафов и встроенных бюро, а также маленькая, но удобная кухня, оборудованная шкафчиками, полками, микроволновой печью, вращающейся стойкой для кастрюль и сковородок, а также установленной под раковиной посудомоечной машиной, такой крохотной, что в нее с трудом умещались три комплекта посуды. Их окна выходили на автомобильную стоянку, за которой справа виднелся Даррилов редко использовавшийся теннисный корт, лишенный синтетической крыши-пузыря, которая надувалась горячим воздухом.

— Она поехала в моей машине на пляж, — ответила Джейн об Александре, — хотя я предупреждала ее, что он будет забит народом и ей придется парковать машину на общественной стоянке. Кому-то из нас следует сходить в мэрию и добиться, чтобы нам выдали временные пропуска, поскольку мы арендуем в городе жилье. Я думала, ты давно уже это сделала, ведь именно ты так любишь общаться с горожанами.

— Ты забыла: мне противопоказано солнце. Я вмиг покрываюсь сыпью. Да я никогда и не была пляжной завсегдатайшей — в отличие от вас с Лексой.

— Я не виню тебя за то, что ты этого не сделала, — продолжала Джейн, сделав вид, будто ничего не слышала. — С тех пор как мы здесь жили, все настолько бюрократилось, о чем-либо договориться стало гораздо трудней. Раньше парни, дежурившие при въезде на пляж, знали тебя в лицо и просто жестом приглашали проезжать. Иствик утратил свое бесшабашное обаяние.

— Не то ли самое можно сказать о мире в целом? — лениво откликнулась Сьюки, вынимая из пакета и переставляя в холодильник молоко, апельсиновый сок, йогурт, молотый кофе, клюквенный сок и диетический ржаной хлеб. — Автомобилистов становится все больше и больше. Мне сегодня пришлось оставить машину на Оук, хотя раньше всегда можно было припарковаться на Док. Люди приспособливаются, вот что самое страшное. Поколение за поколением они все больше забывают, что означало когда-то быть свободным.

— Свободным, — раздумчиво повторила Джейн. — А что это значит? Мы не по своей воле рождаемся и не по своей умираем. Никто

не распоряжается собой.

— Кстати, о «распоряжении собой», но на другую тему: думаю, мы втроем должны сорганизоваться и более разумно делать покупки в «Стоп энд шоп». В «Бэй-сьюперетте» нет ни свежего мяса, ни свежих овощей, а мест в городе, где мы еще не ели, почти не осталось. К тому же это дорого, — добавила она немного сварливо. Как младшая она считала себя обязанной организовывать своих старших сожительниц. И Александра, и Джейн оказались менее собранными, чем ей помнилось по былым временам: безразличие, приуготовляющее нас к смерти, завладело ими больше, чем казалось на первый взгляд.

— Мне кажется, Лекса ездила в «Стоп энд шоп», — сказала Джейн.

— Да, ездила, но почти ничего не купила. Она наткнулась там на Джину Марино и вернулась в транс.

— Сама мысль о еде... — протянула Джейн. — Не понимаю, что со мной происходит. Я любила поесть, особенно что-нибудь жирное и соленое. Чем менее полезной была еда, тем больше она мне нравилась. Сколько плясок мы тогда устраивали вокруг своей фигуры! Ведь нам казалось, что мужчины постоянно измеряют нас. Шоколад, жареная картошка... теперь меня даже от упоминания о них то-ш-шнит. Что-то я запаматовала, зачем мы сюда приехали. Скажи-ка мне.

— Чтобы побыть вместе, — напомнила Сьюки весьма строго. — И посмотреть на места, где прошли наши лучшие годы, где мы пережили наши счастливые мгновения.

— Наши мгновенья-преступленья, — выдала Джейн отголоском былой любви к каламбурам. Пока не состарилась, Сьюки думала, что причуды — дурные черты характера, привычки — отпадают, как только исчезает необходимость производить впечатление на противоположный пол, что с угасанием сексуального влечения наружу выходит более истинное и честное естество. Но выяснилось, что именно секс вовлекает нас в общество, заставляет ходить на цыпочках и сглаживать свои острые края, чтобы сходить с людьми. В отсутствие сексуальной потребности договариваться мало что способно обуздать наши невротические вспышки. Джейн своим давала волю.

— Я помню Иствик как веселый провинциальный городишко, — жаловалась она, — а теперь он стал усредненным, все здесь с-с-

сглажено: бордюры в центре города — из шикарного типового гранита, «Олд-Стоун бэнк» стал вдвое больше прежнего, разросся, как какая-нибудь раковая опухоль, пожирающая все вокруг. А молодые люди того возраста, в каком были мы, когда жили здесь, такие с-с-скучные — с первого взгляда видно: искусственно поддерживающие тонус молодые мамыши, которые возят своих тяжеловесных сыновей на своих тяжеловесных внедорожниках за двадцать миль на хоккейные тренировки; молодые папаши — слащавые кастраты, помогающие своим малюткам-женушкам по хозяйству, и все выходные эти парочки хлопчут по своему очаровательному Дому. Пятидесятые повсеместно возвращаются, только теперь у нас нет оправдания в лице русских. Даже удивительно, как им удается трахаться достаточно, чтобы производить на свет своих драгоценных чад. А может, теперь это и не нужно — все происходит в пробирках, и всем делают кесарево сечение, чтобы врачей не преследовали в судебном порядке. Повсюду скорбят о смерти Бога; а меня больше тревожит с-с-смерть греха. Без греха люди перестают быть людьми и превращаются в бездуш-ш-шных овец.

— О, Джейн, мы пробыли здесь всего неделю. Чтобы получить удовольствие, надо попробовать хоть что-то сделать. Давай представим себе, что Иствик — столица иностранного государства, которое мы прибыли осмотреть. С чего бы мы начали?

— Мы бы посетили собор и главную площадь. Но кому охота глазеть на унитариятс-с-скую церковь и приземистый кусок бетона, который представляет собой ратуша с ее псевдодеревенской облицовкой из шлаковых плит?

— Не будь такой нигилисткой! Ты ведь даже не пошла вчера вечером на пляж смотреть фейерверк.

— Лекса со мной согласилась. Какая радость в том, чтобы слоняться и месить мокрый песок в толпе накачавшихся пивом отбросов?

— Тебя послушать, так вообще никогда никуда не выйдешь. Ты так и будешь, нахохлившись, сидеть дома, жалуясь, что кругом одни отбросы. Это мы и есть отбросы! Вся Америка — отбросы, в этом ее прелесть!

Джейн надулась и попыталась защититься:

— Я считала, что фейерверк можно будет прекрасно увидеть отсюда, сверху, с автомобильной парковки.

— Его заслоняли деревья.

— Наполовину заслоняли. Так получилось даже грандиозней — эти гигантские медузы над кипарисами, расцветающие сквозь кроны дубов и гаснущие в них... Как будто к нам явились пришельцы из космоса.

— Да, если не считать того, что ты все время жаловалась на комаров и тянула нас обратно в душные комнаты. А из наших окон мы бы вообще ничего не смогли увидеть, кроме теней от кипарисов, то возникающих, то пропадающих.

— Это было что-то более крупное, чем комары. Они жалили, как искры от костра, когда стоишь слишком близко. Фейерверки всегда слишком долго длятся. То, с-с-сколько тратят на них местные власти, — просто с-с-скандально. Пиротехнические компании всучают маленьким городам больше, чем те могут себе позволить. И тогда в школьных программах начинают сокращать уроки музыки и изобразительного искусства.

— Ты заставила нас вернуться, не дождавшись кульминации. Каждый фейерверк имеет свою композицию, которая идет по нарастающей до кульминационного момента.

— Мы увидели вполне достаточно.

— Мне было недостаточно, — сказала Сьюки. — Я не увидела кульминации.

— Зато мы ее услышали. Чудовищный был шум. Бах-бабах, бах, БУМ! Вот так. Вот тебе кульминация.

Разговор опасно приближался к ссоре. Где же Лекса? Она нужна была сейчас им обоим, чтобы уравновесить треугольник. Немного помолчав, Сьюки сказала:

— Я только что наткнулась в центре на своего старого любовника.

— Да? Не повезло. Все мои, надеюсь, уже на том свете.

— Томми Гортон. В первый момент я его даже не узнала — он растолстел, стал жалким, у него лохматая борода и конский хвост, видимо, так он старается создать образ некоего местного персонажа. И рука искалечена — затянуло в ворот, когда тащили сети с треской, у него теперь нет приличной работы, остался на подхвате у жены, которая его содержит. Но — тебе это понравится — намекнул, что

готов согрешить. Сказал, что надеется снова меня увидеть. Он казался совсем мальчишкой, когда я, как ты помнишь, с ним общалась, но потом, едучи домой, я произвела кое-какие подсчеты, и выяснилось, что он всего на одиннадцать лет моложе меня! В нынешнем нашем возрасте это не выглядит такой уж большой разницей. Тогда он казался мне таким красивым, все в нем было новеньким и идеальным. Эта покрытая пушком крепкая задница... Брюшные мышцы — как стиральная доска...

— Неудивительно, что ты пишешь любовные романы, — съязвила Джейн.

— Как раз сейчас, когда мы более-менее устроились, беру разгон, чтобы написать еще один. Все, что мне нужно, — это посидеть час в день сразу после завтрака со второй чашкой кофе: текст льется из меня сам собой.

— А тебе не кажется, что это несколько эгоис-с-стично и обременительно для нас с твоей стороны? Что, по-твоему, должны делать в это время мы с Лексой? Ходить на цыпочках и говорить шепотом?

— Ничего подобного — только не входить в мою комнату.

— А в мою ты заглядывала? Она напоминает тюремную камеру. Нет, точнее будет сказать — газовую камеру.

— У вдов должны быть какие-нибудь увлечения, Джейн. Что, кстати, случилось с тобой и твоей виолончелью?

— Ах, ты об этом. Ее тембр так и не удалось восстановить после того, как мой чертов доберман сгрыз ее в припадке ревности. А потом мерзкая старуха, мамаша Нэта, ненавидела, когда я упражнялась, хотя не могу понять, как она могла меня слышать в этом огромном доме. Она с-с-сказывалась глухой, только когда ей это было выгодно.

— Здесь устраивают летние концерты. Я видела афиши в витрине «Бэй-сюперетта».

— Я боюсь выходить, — вдруг призналась Джейн. — Там, снаружи, витает что-то недружелюбное. Я это чувствую. Не надо было нам сюда приезжать. Сюки, это была чудовищная ошибка!

— Джейн, это совсем тебя не достойно! Ты все выдумываешь. — Сюки нуждалась в помощи, пока паника Джейн не перекинулась и на нее. Она прислушалась к шуршанию шин по гравию под окном, подумав, что это могла быть Александра. Она надеялась на это.

Враждебное пространство и время угрожающе окружали ее. Одно из отчетливых ощущений, которое испытывает вдова, — то, что мир становится слишком большим и что сама она, где бы ни находилась, занимает в нем неправильное место, которое не позволяет сделать этот мир соразмерным для контроля.

— Мы должны начать выходить, — заключила Сьюки, — и что-то делать. В субботу вечером в зале нового крыла публичной библиотеки — камерный концерт. Один парень в «Бэй-сьюперетте» сказал мне, что бюджет строительства этого нового крыла был превышен на миллион долларов.

Теперь обе прислушивались, как кто-то, должно быть, Александра, взбирался по лестнице, ступая тяжелее и медленнее, чем прежде. Ключ в поисках замочной скважины стал царапаться о дверь; в комнату с низким потолком всунулось покрасневшее лицо, обрамленное влажными и растрепанными пляжным ветром волосами. От широкого тела, как от набегающей волны, повеяло пропахшим водорослями воздухом.

— Это было восхитительно, — сказала Александра. — Сегодня я для разнообразия пошла направо, к общественному пляжу. Там, где раньше был пологий песчаный откос, теперь что-то вроде лагуны. Дети в ней свободно барахтаются, и матери с нянями могут не бояться, что их унесет волной. — Уловив, что подружки о чем-то разговаривали до ее прихода и готовы ей что-то предложить, она обрушила облаченную в свободное пляжное платье тяжесть своего тела в большое клетчатое кресло и риторически спросила: — Как я могла такую большую часть жизни провести вдали от океана?

— Без удовольствия, — предположила Джейн.

— У нас с Джейн есть идея, — сказала Сьюки.

— Это я уже почувствовала, — ответила Александра. — Хорошо. Идеи нашей компании нужны.

Новое крыло иствикской публичной библиотеки было больше, чем старое, построенное в девятнадцатом веке как дар благотворителей неуклюжее здание из коричневого кирпича, с какой-то трогательной важностью стоявшее среди тихой сени общественного парка. Новая пристройка из стекла и бетона заняла столько же места и потребовала новой подъездной аллеи и просторной парковки, для чего

была залита асфальтом немалая часть травяной лужайки, на которой прежде гуляли дети и собаки. Хвастливо-шикарный концертный зал с вестибюлем и прилегающими служебными помещениями вольготно раскинулся под основным этажом, заставленным компьютерными столами, где городские бездельники играли в видеоигры и откровенно шарили по Сети в поисках порнографии. Секция детской литературы, некогда скромный уголок, обрамленный стеллажами тонких ярких корешков и для взрослых читателей служивший «транзитным пунктом», сильно расширился и был обставлен теперь высокими книжными шкафами орехового дерева в дюйм толщиной, как бы знаменовавшими собой конец эпохи чтения для всех, кроме кучки давнишних постоянных посетителей. Концертно-лекционный зал, оптимистически задуманный как место проведения едва ли не ежедневных развивающих мероприятий, предательски выдавал свое подземное местоположение сдавленной акустикой, вследствие которой для слушателей задних угловых мест сегодняшней концерт должен был превратиться в фантомное мимическое представление. Камерный ансамбль делился на честолюбивых студентов последних курсов колледжа соседней общины и мастеров старшего поколения, чье искусство достигло уровня самодовольной компетентности. Джейн, для которой игра на виолончели некогда составляла огнедышащий центр, яростный внутренний ресурс собственной эмоциональной жизни, клопоча от нетерпения, слушала, как фигуры на сцене упорно, качаясь из стороны в сторону, пропиликивались через слащавое нытье Вивальди, плотный клубок бетховенских почти диссонансов и легкий, как дымка, носовой платок Равеля, изящно исчезающий под широкой манжетой рукава.

Затем, после небольшого антракта, во время которого узкий вестибюль громко гудел возбужденными разговорами обо всем, что могли рассказать друг другу видевшиеся изо дня в день, собиравшиеся на одни и те же мероприятия жители маленького городка, и только какой-нибудь осколок бывшего множества приверженцев дурной привычки с опаской решался выйти на улицу, чтобы травануть сигаретным дымом ночной воздух над резко сократившим свою площадь парком, была подвергнута испытанию одна из великих «плетенок» Баха — аранжированная для струнных композиция из «Искусства фуги» с ее перекрещивающимися, как те самые веревочки

детской игры в плетенки, темами, взмывающими под его великанскими божественными пальцами ввысь терциями, потом квинтами по старинной формуле ми-фа-ми-фа, ре-ми-ре-ми и ведущими к финальному высочайшему пароксизму барокко — пронзительному, пробирающему до дрожи контрапункту, который затем, постепенно замедляясь, смыкался в решительно сжатый лютеранский кулак. Когда-то Джейн играла эту фугу в ансамбле под управлением Рея Неффа, и теперь покоившиеся на колене пальцы левой руки привычно подергивались в знакомом рисунке движений, хотя мозоли на их подушечках, образовавшиеся от добросовестного прижимания струн, с годами стали едва заметны.

Сквозь пелену раздражения и ностальгии до нее медленно дошло, что первая скрипка, музыкант, которого она поначалу приняла за мужчину, тот, что вслух отсчитывал первый такт и беззвучно, резким движением руки вниз, дирижировал окончание — коренастый, с небольшим горбом и женской челкой, в очках со стальной оправой, — на самом деле был женщиной в мешковатых черных слаксах, и не просто женщиной, а женщиной, которую она хорошо знала, чьи властные жесты и педантичное кивание головой, напоминающее движение метронома, вызывали у нее неприятные воспоминания: это была Грета Нефф, не только все еще живая, но за три десятка лет изменившаяся меньше, чем была обязана измениться. Джейн заглянула в фотопринтную программку, которую при входе всем вручала девочка-подросток с круглым свежим румяным лицом, с которым совершенно не вязались многочисленные кольца на больших пальцах и крохотная серебряная гирька в проткнутой брови, и с удовлетворением убедилась, что имени Греты Нефф в списке исполнителей нет. Зато была там некая Г. Кальтенборн, скрипка. Немецкая девичья фамилия Греты. Джейн знала ее биографию. Они с Реймондом Неффом познакомились, когда он служил в армии и его часть была расквартирована в Штутгарте. Эту историю она услышала от Рея в постели. При воспоминании о Рее в постели сердце у нее екнуло. Интересно, что случилось с ним, дирижером оркестра иствикской средней школы и руководителем отважного ансамбля исполнителей камерной музыки, в котором Джейн играла на виолончели? Суевликий маленький мужчина с мягким телом и высоким гнусавым голосом провинциального властителя дум, он казался женоподобным, но

наградила Грету шестерыми детьми, при этом у него оставалось достаточно сексуальной энергии, чтобы исполнять роль любовника Джейн, а до нее — Александры. Для Александры это было не более чем мелким эпизодом, а вот для Джейн — чем-то большим: при всех своих промашках, включая женитьбу на ужасной, смехотворной немке, он умел обращаться с женским телом. У него был музыкальный подход. Люди насмеялись над Реем, но Джейн испытывала блаженство под его руками и языком. И безусловно, он был именно так скудно одарен, как можно было догадаться по его ворчливому голосу.

Темная кровь Джейн кипела от возмущения, когда она направилась прямо к Грете, стоявшей у стола администратора в служебной комнате. Сьюки и Александра, озадаченные ее внезапным оживлением и целеустремленностью, устало поплелись за ней в разгоряченно галдящую толпу горожан, произносивших хвалы и поздравления, которые, в сущности, были адресованы самим себе: классическая музыка, Бетховен, Бах, прямо здесь, в Иствике! Толпа расступилась перед троицей чужачек, которые ни для кого чужачками не были и появление которых предвосхитила молва.

— Грета Нефф, — сказала Джейн голосом, который после двух часов молчания прозвучал как воронье карканье, — ты меня помнишь?

— Хайо, — произнесла та; ее родной язык проник сквозь искаженный английский дифтонг, — мохла ли я сабыть тепа, Тжейн? Я слышала, что фся фаша компания ф городе, но не мохла поферить. — Взгляд ее обрамленных бесцветными ресницами глаз, помойно-голубых за толстыми линзами очков в стальной оправе, вобрал в себя Сьюки и Александру, стоявших позади Джейн, словно смущенные телохранители.

— Грета, мы с сожалением узнали о Реймонде, — подала голос Сьюки.

«И что же это она такое узнала?» — мысленно спросила себя Джейн. Сьюки бывала в городе, собирала новости, но не делилась ими с подругами. Должно быть, Реймонд умер. Не далее как на прошлой неделе Джейн пошутила: она, мол, надеется, что все ее старые любовники уже в могиле, но узнать, что один из них действительно умер, — совсем другое дело. Бедный Рей, он пытался привнести культуру в эту тихую заводь, где людей интересовали исключительно игры, секс, налоговые ставки и улов трески.

— Та ну... — нетерпеливо перебила Грета, — ф конце концоф, это было тля него исбафлением. Он толгое время стратал от страшных болей. У него пыл рак кишечника, — объяснила она.

— Как ужасно! — воскликнула Александра. Больше всего на свете она боялась рака. Когда твои собственные клетки становятся злокачественными, размножаются, блокируя твои внутренние органы бессмысленными алыми кочанами цветной капусты, образовавшимися из твоей же плоти, нападают даже на кишки, которые удерживают в себе экскременты вместе с их запахом, к боли прибавляется еще и стыд, а к гниющему телу — искусственный калосборник. — Бедный дорогой Рей!..

«Дорогой», видимо, вынырнул из тех мгновений далеких-далеких лет, когда, еще не привыкшая к острой супружеской неудовлетворенности и наслышанная о радикальных сексуальных перспективах, провозглашавшихся молодежными пророками шестидесятых, она тайно делила пугающие моменты горизонтального положения с Реем, едва в состоянии поверить, что это происходит на самом деле, — это предательство, эта грубая распущенность, это восстановление первородной энергии. И для нее, и для Рея это было внове, мастерами они не были и быстро расстались, как только более прочные отношения заслонили робкий старт. Вскоре повсюду, от Иствика до золотого берега, где звезды давно усвоили более свободный, более привилегированный стиль жизни богов и богинь, американский средний класс отказался от пуританизма и пустился в рискованные приключения и взаимное исследование полов. Случайно оброненное «дорогой» странным образом, словно запал, воздействовало на слух этих стоявших посреди городской толпы женщин, осветив их изнутри вспышкой понимания, что все они вдовы, незащищенные женщины, встревоженные воспоминанием об одном и том же мужчине, хранительницы его огня, огня человека довольно комичного, но героически преданного музыке и красоте, где бы он их ни находил, человека, чьи подвиги на ниве организации местной просветительской деятельности и пропаганды искусства заслужили восхищение даже со стороны Сьюки, которая никогда не видела голого и эффектно возбужденного Рея.

— Это был очень впечатляющий концерт, — сказала Грете Александра в знак той теплоты, что тайно вспыхнула между ними, и

чтобы вежливо дезавуировать бестактное слово «дорогой».

Грета, уже хотевшая покинуть их, чтобы поприветствовать других доброжелателей, остановилась, восприняв это шутовское замечание буквально, и в своем тупом тевтонском стиле спросила:

— Ты так тумаешь? Тжейн, ты согласна?

Джейн, которая едва высидела концерт в состоянии гиперкритического напряжения, посмотрела старой врагине прямо в глаза и промурлыкала с обоюдоострой любезностью представительницы бостонской элиты:

— Я восприняла его как гражданс-с-ский эксперимент — урок демократии: с-с-старшие исполнители вос-с-спитывают младенцев.

Грета моргнула за стеклами очков, не зная, насколько глубоко хотела задеть ее Джейн, и в своей медлительной, упорной манере произнесла:

— Молодешь толжна пыть сретн нас. Иначе коллектифф умрет. — С этими словами она повернулась, оставив грешное трио размышлять, имело ли к ним отношение это смутное высказывание. Ведь однажды они приняли в члены своей компании молодую женщину и убили ее.

Кроме Греты, в этой иствикской толпе не было ни одного знакомого Александре лица, хотя на миг ей почудилось, что в дальнем конце комнаты промелькнула старая Фрэнни Лавкрафт, скукожившаяся, с голубыми волосами, что-то безапелляционно внушавшая невидимому слушателю, при этом голова ее резко дергалась синхронно движению языка, словно легкий колокол под руками звонаря-тяжеловеса. Но Фрэнни была старухой уже тогда, когда Александре не исполнилось еще и сорока и она была в полном соку; к настоящему времени старая карга должна была давно лежать в могиле, ее полное жизни маленькое тело в гробу наверняка уже стало хрупким и сухим, как цветок, засушенный между страницами Библии. Фрэнни в некотором роде обхаживала Александру, стараясь вовлечь ее в местное респектабельное общество: время от времени она останавливала свой старый черный «бьюик» с решеткой радиатора, напоминавшей борону, у ее дома, притворялась, будто интересуется ее цветочными клумбами, приглашала заглянуть на ту или иную лекцию в Клуб садоводов или на церковный ужин с превосходным оратором — миссионером, проводившим многие годы в южных морях, или даже —

как было во время одного докучливого визита — предлагала ей стать младшим членом Комитета Лошадиной Поилки, то есть удостоиться высшей возможной для женщины в этом городе чести, — словом, старалась поддерживать связь с Александрой. Надоедливая старуха, до мозга костей пронизанная итвикскими принципами общественных приличий, рокочущий голос безупречной деятельности, направленной на облагораживание темных анархических инстинктов, жертвой которых могла стать оставленная без присмотра разведенная женщина. Ибо Фрэнни сама была женщиной и хорошо знала женщин, знала их грязные помыслы, их страстные желания и то, как они нуждаются в руководстве. Милые старые надоеды, думала Александра о таких, как Фрэнни и ее муж. Как же его звали? Вдруг она вспомнила: Хорас. Нервный пронырливый мужчинка, водивший свой ухоженный, размером с катер, «бьюик» с осторожностью, сводившей с ума, особенно когда ты ехала за ним, стараясь вовремя довести ребенка к зубному врачу или на бейсбольную тренировку, поливавший свою без единого сорняка лужайку на Западной Оук-стрит с таинственным видом, глядя куда-то в сторону, словно грезя наяву. Никаких Лавкрафтов на концерте не было, они растворились во времени, будто никогда и не существовали, — щепотка цветочной пыльцы, рассеявшаяся по ветру: они были бездетны. Александра и сама себя ощущала так же, потому что никто не подходил к ним с Джейн и Сьюки в этом болтающем сборище, словно их окружал некий табуированный круг. Они жались друг к другу со своими бумажными стаканчиками малинового пунша на сахарине и разговаривали только между собой.

— Ну? — сказала Джейн. — И как тебе?

— Грета? — уточнила Александра. — Она старалась. И была не такой злобной, какой я ее помню.

— Ты плохо помнишь, — возразила Джейн. — Она была еще хуже. Хотя Рея она все же побаивалась, как солдата в сверкающих доспехах, вырвавшего ее из гитлеровского кошмара Европы и доставившего в Страну Золота, а теперь она не боится ничего. Она беспощадна.

— Мне кажется, она отнеслась к твоей пощечине — насчет молодежи и дряхлых стариков, смешанных в камерном ансамбле, — весьма терпимо.

— Я не с-с-сказала «дряхлых стариков», — вскинулась Джейн, — хотя виолончелистка несколько раз, играя *largo*^[34], совершенно не соображала, что делает. Она опаздывала на целый такт.

— Мне показалось, — вступила Сьюки, — что Грета что-то затаила. Джейн права. Она более уверена в себе. В то время как мы снова окунулись в жизнь домохозяек, она больше не выходила замуж, а копила силы.

— Да что ты, Сьюки! — воскликнула Александра, испугавшись, как тогда, когда они, обнаженные, оказались в бане Даррила и она открыла для себя языческую простоту младшей подруги. Ее сладкие соски среди капель осевшего пара на органически-тефлоновой коже были розовыми и затвердевшими. — Ты хочешь сказать, что замужество лишает женщину сил?

— Оно обволакивает, — ответила Сьюки. Ее пухлая верхняя губа плашмя накрыла нижнюю, как широкая подошва улитки накрывает древесный лист; плотность, с какой соединились губы, свидетельствовала о том, что затронутую тему она считает неприятной и ей больше нечего сказать по этому поводу.

Это был сигнал, что пора уходить; но стоило трем некогда изгнанным и снова незаконно проникшим в местную среду пришельцам двинуться к двустворчатой входной двери, как некая женщина из толпы, деланно улыбаясь, поспешила им навстречу, как будто хотела сгладить предшествовавшее невнимание. Речь ее была беглой, как у бывалого оратора.

— Вижу, вы собираетесь покинуть нас, — сказала она, — но я бы хотела представиться. Я Дебби Ларком, пастор, как ни странно это звучит, здешнего унитариянского прихода. Очень приятно видеть новые лица на наших концертах; они предназначены для того, чтобы привлекать летних отдыхающих, и уже появляются и преданные завсегдатаи. Так же, как и в церкви.

Она была стройной миниатюрной брюнеткой с приятными, четкими чертами лица. Ее чуть обгоревший на солнце прямой нос немного шелушился. В ней не было ничего клерикального, если не считать некоторой строгости серого платья с длинными рукавами и юбкой ниже колен в разгар лета, но ее смущенная улыбка и умный взгляд серо-зеленых глаз подкупали. Словно мгновенно одержимая дьяволом-мужчиной, Сьюки мысленно представила себе эту изящную

женщину обнаженной — ладное, ловко скроенное тело, белое, как сама добродетель, — однако лишь вежливо назвала ей свое имя и ответила на рукопожатие прохладной узкой сильной ладони.

— Мы тоже можем стать завсегдатаями, — ответила Деборе Ларком Александра. — Мы здесь обосновались на все лето.

— Когда-то давно мы жили в Иствике, — сказала Сьюки, немного задыхаясь. — И знали одну из ваших предшественниц, Брендю Парсли. Она была первой женщиной-священником унитарийской церкви.

— Мы ею очень гордились, — растягивая слова, с типично бостонской иронией произнесла Джейн. На самом деле троица злодеек безжалостно заколдовала Брендю, отчего, когда та начинала проповедовать, изо рта у нее вылезали перья и булавки.

Лицо молодой священницы, профессионально внимательное и чуткое, не показало ни малейшего проблеска узнавания.

— Я слышала это имя, — призналась она, — но это было так давно, в шестидесятых или в начале семидесятых.

— Совершенно верно, — резко сказала Джейн. Александра безошибочно догадалась, что у Джейн возникла неприязнь к собеседнице, и в то же время она с ревностью почувствовала возбуждение Сьюки, затруднявшее ее слабое дыхание.

— С тех пор столько воды утекло, — с напускной веселостью промурлыкала Дебора Ларком. — Это было еще до моего рождения. — Под тройным испытующим женским взглядом она запнулась, почувствовав себя неуверенно; ее спонтанный порыв приветить гостей пошел на спад. — Ну, я просто хотела вас поприветствовать. Излишне говорить, что мы были бы рады видеть вас на собрании нашего братства как-нибудь в воскресенье. — Настал тот момент неловкости, который случается, когда духовное лицо, не имея никаких внешних подсказок, делает подачу и ждет со стороны собеседника какого-нибудь проявления, которое позволило бы понять, каков статус Бога в его сознании. — У нас бывают не только службы, — храбро продолжила она, получив в ответ лишь молчание, — по вторникам мы устраиваем ужины, на которые приглашаем и одиноких, и целые семьи, а в конце лета планируем антииракский поход.

Чтобы их безответное молчание не сделалось мучительно долгим, Александра сказала:

— Мы окончательно еще не определили свои планы.

— Приходите, если сможете, — прощально пропела Дебби Ларком с облегчением; свой долг она выполнила. Средними пальцами обеих изящных рук она заправила длинные блестящие темно-каштановые волосы за уши — чуть выгнутые чашечкой, как у Сьюки, — одарила их еще одной призывной, подходящей случаю улыбкой и быстро удалилась, оставив позади себя, словно аромат духов, ощущение контраста между добродетельной и гибкой в обращении молодой женщиной и тремя старыми дамами, сделавшимися недружелюбными и скучными в своей испорченности. Ее появление перед ними было своего рода наказанием: когда-то и они были такими, как она, здесь же, в этом самом городе.

Возвышаясь над тьмой спящего города, крупная нескладная женщина сидела, ссутулившись, за маленьким обшарпанным откидным столом на третьем этаже своего неухоженного дома. Ее тень оживляла стену позади нее и просевший потолок. «Они здесь, — писала она, глубоко вдавливая в разлинованную желтую бумагу шарик авторучки. — Все три, наглые, как тебе угодно!» Она часто слышала эту фразу от жителей Новой Англии, но не была уверена в ней. Возможно, следовало говорить «наглые, как им угодно»? В своей ярости она не обращала внимания на приличия и продолжала писать крупным прямым европейским почерком. «Они поселиться в „Ленокс сивью апартаментс“, тебе легко будет пробраться, ты хорошо знаешь это место. Они не постыдились явиться на концерт, который давал ансамбль, основанный мой дорогой муж. Толстая симпатичная, темная несимпатичная и сексуальная хорошенькая, расплывается за это нервозностью. Все три старые, бесстыжие и бесполезные, паразиты под ногами. Убей их. Убей их, как они когда-то убили твоя невинная сестра». С точки зрения грамматики здесь, конечно, не все было правильно, но в своей одержимости она строчила, игнорируя правила, своим методичным прямым почерком. «Я предлагаю первой покончить с темной — в ее ауре уже есть что-то нездоровое, гнилое. Ты сам знаешь намного лучше». Она представила себе его лучезарным, вечно молодым, с вьющимися светлыми волосами, таким, как персонаж, которого видела в юности на религиозной католической картине. Менее уверенной рукой, дрожащей от переполнявших ее чувств, она добавила: «Приходи, поселись у меня. Дом большой, слишком дорогой

для ничтожной школьной пенсия Реймонда. Дети навсегда уехал. Приди, стань моей силой. Зло не должно уйти ненаказанным. Это твой золотой шанс — так можно сказать?»

Поместье Нэта Тинкера было закреплено за несуществующими доверительными собственниками и так обставлено дополнительными распоряжениями к завещанию и долгосрочными долговыми обязательствами, что продать его за наличные, избежав штрафов и взысканий, нельзя было бы еще многие годы. Его мать, все еще живая на своем верхнем этаже огромного бруклайнского дома, была не так дряхла, чтобы не быть в состоянии строить препятствия тогда, когда от нее меньше всего этого ожидали. Дома, в своих апартаментах, у Джейн были и факс, и электронная почта, но в скромных иствикских условиях, где они жили как в летнем лагере, только без уроков гребли на каноэ и вечерних рассказов о привидениях вокруг лагерного костра, она вынуждена была получать и отправлять документы своим адвокатам и банкирам по обычной почте. Чтобы отправить корреспонденцию экспресс-почтой или заказным письмом, нужно было идти на почтамт, а парковка на Док-стрит летом была делом гораздо более трудным, чем прежде; если место и находилось, оно оказывалось на расстоянии нескольких кварталов от почтамта, до которого приходилось идти пешком под тошнотворно палящим солнцем. Джейн этого не могла понять, когда-то она была большой любительницей понежиться на пляже, ее смуглое лицо загорало в первый же день, и ему не требовалось никаких лосьонов, разве только в те дни, которые она целиком проводила на яхте; но теперь солнце атаковало ее с какой-то радиоактивной силой, от чего она чувствовала себя отравленной — ее тошнило, и она оказывалась близка к обмороку. Она приноровилась носить соломенные шляпы с широкими полями, но через крохотные просветы в плетении фотоны, казалось, все равно обстреливали ее лицо картечью. Ее запястья, ноги в шортах выше колен и руки, когда она надевала платья с короткими рукавами, были беззащитны перед вероломным градом, обрушивавшимся с дрожащего, без единого облачка, синего неба. Даже такой скромно-причудливый и старомодный городской центр, как иствикский, захлестывал Джейн подрывающими здоровье излучениями: монооксида углерода от автомобильных выхлопов, радона от гранитной основы

под асфальтом, электронов, истекавших от вязи неоновых трубок на рекламе милуокского пива в винном магазине «Счастливые часы» и род-айлендской лотереи в «Бэй-сьюперетте», гамма-лучей, исходящих от маленькой камеры, которая фотографировала ее, когда она пользовалась банкоматом в «Олд-Стоун бэнк», электрическим напряжением, стекающим с провисших кабелей и конденсаторов на столбах линии электропередачи. Перед зданием почтамта, в трех шагах от пары почтовых ящиков с прикрытыми откидной «губой» щелями для писем, на особенно зловредном столбе, расчерченном скобами-ступеньками для аварийных монтеров и пропитанном выцветшим креозотом, был укреплен квадратный серый трансформатор, от гула которого можно было оглохнуть, если стоять под ним. Однажды в июле, в середине дня, Джейн стояла возле этого столба, вслушиваясь в его гудение и размышляя, может ли она упасть в обморок прямо здесь, на искрящемся тротуаре, когда что-то, перемахнув отделявший ее от столба промежуток, толкнуло ее в бок — как там в боксе называется удар по почкам?

— У меня прямо дыхание перехватило, — рассказывала она Александре по возвращении. — Я до сих пор дрожу.

— Может, пожаловаться в городское управление или в компанию по электроснабжению? — лениво предложила Александра. — По твоему рассказу похоже на короткое замыкание.

Она лежала, растянувшись на своей королевской кровати, когда Джейн и Сьюки отправились в город на своих респектабельных автомобилях. Сьюки направила свой «БМВ» к Эксетеру, собираясь посетить музей Южного округа; она собирала материалы для своего следующего романа, героями которого должны были стать очаровательная хозяйка плантации и черный раб. Род-Айленд начинался с поселения «Провиденс плантейшнз» и чуть ли не до середины восемнадцатого века имел экономику южного образца и огромную популяцию рабов; кое-где с тех темных, но идиллических времен сохранились развалины старых конюшен — обрушившиеся стены, сложенные из камней размером с тюк прессованного сена.

— Дерево не является проводником, — огрызнулась Джейн. — Именно поэтому столбы делают из дерева.

— Завари себе чашку чая, — предложила Александра и, преодолевая унижение зависимости, спросила: — Могу я взять на

часок твою машину? Мне действительно нужно навестить Марси и ее мальчиков. Безобразия: мы здесь уже две недели, она помогла нам снять жилье, а я до сих пор не удосужилась съездить к ней. Мы говорили с ней об этом по телефону, но потом кто-то из нас, вероятно я, отвлекся. У меня просто не хватает энергии снова становиться матерью.

— Энергии, — повторила Джейн. — Я уж забыла, что значит ее иметь. Мне становится тошно даже при мысли о том, что нужно открыть микроволновку.

В кухне имелась электрическая плита, но вдовы, наготовившись для мужей, испытывали отвращение к приготовлению сложных блюд и пользовались лишь микроволновкой, чтобы разогреть остатки вчерашней еды, разморозить мороженое или вскипятить воду для чая. Несмотря на свое признание, Джейн направилась к микроволновке с чашкой воды из-под крана и открыла дверцу из толстого тонированного стекла, сквозь которое можно было наблюдать за изменениями, происходящими с едой — как она тает, начинает испускать пар и брызги. Из печи на нее пахнуло зловонием; этого следовало ожидать — она почувствовала себя так, будто открыла холодильник и поспешно закрыла его, ощутив запах протухшей пищи. Еще одно неприятное чувство она испытала при мысли о том, что сама является закрытым контейнером, внутри которого та же гниль. Что-то внутри у нее было не так, и началось это после смерти Нэта. До того его постоянные жалобы, его неблагоприятное мальчишеское эго полностью поглощали ее внимание. В этом, размышляла она, заключается благо, которое приносят эгоистичные люди: они заставляют окружающих вертеться вокруг них до самозабвения.

Александре нравилось носиться в «ягуаре» Нэта с открытым верхом. Глазами тех, кто наблюдал, как она стремительно мчится по городу в платочке, завязанном под подбородком, она видела себя прежней — призраком былой беззаботной женственности. Ветви деревьев, электрические провода, фронтоны домов проносились над ее головой, и солнечный свет расплескивался по ветровому стеклу. Марси жила за городом, там, где Кокумскусок-уэй, оставив позади городской центр и стелясь через ничейную землю заброшенных рыбоводческих ферм, овощехранилищ, разорившихся конноспортивных школ и

захудалых неоправданно амбициозных ресторанов, начинал зарастать травой. Почтовый ящик, из этих новых, приземистых пластмассовых, отштампованных монолитом со столбиками, на которых они крепятся, и таким образом неуязвимых для бродячих вандалов, сбивающих съемные металлические ящики, белыми накладными буквами оповещал: «Литтлфилд'ы». Безграмотно поставленный апостроф вызвал у Александры раздражение. Поначалу в этом доме, в цокольном этаже рядом с одноместным гаражом, у Говарда была электромастерская с отдельным входом и скромной вывеской. Но успех, порожденный всеобщей праздностью — никто не желает больше пачкать руки, занимаясь физическим трудом, между тем как количество местных жителей, чувствующих себя господами, растет и требует все больше услуг, — привел к тому, что теперь у него был офис в верхней части Док-стрит с секретарем-телефонисткой и молодым помощником из какой-то центральноафриканской страны, где бедняки все еще горят желанием работать. Александра не заметила особых примет процветания ни в неряшливом внутреннем дворе — там повсюду были раскиданы игрушки и стоял наземный бассейн в форме барабана, — ни в облезлом экстерьере разноуровневого фермерского дома, напоминавшего севший на мель останок эпохи «Левиттауна»^[35].

Марси открыла входную дверь в ответ на вялую трехнотную мелодию звонка. Она выглядела соответственно своему возрасту, который был близок к возрасту дома. Поцеловав ее в щеку, Александра ощутила липкость пота.

— Дорогая, образование множественного числа в английском языке не требует апострофа. Оно пишется слитно.

Марси поняла не сразу; видимо, ее сообразительность отяжелела вместе с бедрами.

— А! Ты имеешь в виду почтовый ящик? Это Говард делал надпись. Когда я увидела, было уже слишком поздно менять. Да разве это важно?

— Не знаю, но меня почему-то это раздражает. Так же, как когда говорят «сколько времени» вместо «который час» или «я одела платье» вместо «я надела платье».

— Язык меняется, мама, растет, развивается. Он ведь живой.

— Развивается, но, как мне кажется, в каких-то неверных направлениях. Он становится все тупее и тупее. — Только в присутствии своих детей, особенно этой, старшей, дочери, она становилась такой брюзгой. — Как поживают мальчики? — спросила она, чтобы сменить тему, еще не предполагая, что слова «тупее и тупее» сами по себе окажутся переходом к другой теме. — Малыш Говард еще играет в компьютерную игру?

— Он говорит, что кровь в ней выглядит слишком неестественно и мало убивают тех, кого называют «плохими парнями». Знаю, это достойно сожаления, но все они проходят через эту стадию. Кстати, он терпеть не может, когда его называют «малышом Говардом».

— Говард-младший, по-моему, еще хуже. Мы с твоим отцом, как ты знаешь, не всегда сходились во мнениях, но в одном были едины: никогда не навешивать на мальчика ярлык «младший», чтобы ему не казалось, что он с самого рождения присвоил себе чужую индивидуальность. — Собственные слова эхом возвращались ей в уши. — Прости меня, дорогая, — сказала она. — Не знаю, что вселяется в меня, когда я начинаю вот так вещать.

— Вина, — с готовностью подсказала Марси. — Ты испытываешь передо мной чувство вины за то, что мне приходилось исполнять роль матери для двоих младших братьев и сестры, между тем как ты эмоционально отстранилась от нас. — Ее лицо, лишенное всякого макияжа, было вызывающе бледным, как воск; волосы не выглядели даже мытыми, не говоря уж о том, чтобы быть крашеными, и почему она ничего не делает с этой бородавкой на крыле носа? Что, в Род-Айленде нет пластических хирургов? Нью-Мексико ими кишит.

Дочь продолжала изливать свои жалобы:

— Я, бывало, умоляла тебя остаться дома, не ездить к этому человеку в его ужасный дом. Я не спала до часу, до двух часов ночи, пока не услышу, как ты, пошатываясь,ходишь в дом. Этот дом, стоявший на Орчард-стрит особняком, казался таким беззащитным. Прямо за окнами метались совы. Я с ужасом прислушивалась к скрипу ступенек.

— Что ж, — сказала Александра, с пылающим лицом оглядываясь вокруг. Гостиная с белым длинношерстным ковром и гигантским плоским черным телеэкраном, расположенным напротив пары желтовато-коричневых кресел в форме луковицы, обтянутых

искусственной кожей, покосившихся, засаленных и изгвазданных от частого употребления двумя мальчишками-подростками, свидетельствовала о безвкусном преуспевании. — Рискну предположить, что этот дом не хранит в себе подобных зловещих тайн. Поздравляю!

— И тогда, — продолжала Марси, не давая себе труда скрыть дрожание губ и наполнившие глаза слезы, — ты говорила мне всякие обидно-снобистские слова, чтобы защитить себя от критики с моей стороны. Так сказать, наносила упреждающий удар.

— Благодарение Богу, как говорится, за дочерей, которые одновременно являются и психоаналитиками-любителями. Линда, манерно растягивая слова, растолковывает мне по телефону, какая я самодовольная янки. Мол, если бы северяне, а не они, проиграли войну, мы все были бы менее одержимы успехом и более способны распознать вкус сахара в кислятине виски. Одному Богу — но, надеюсь, не ее мужу — известно, от кого она нахваталась этих пословиц. А вот что касается сов, мне действительно жаль. Я училась ведьмовству, и они всего лишь давали ночные уроки.

— Вот ты шутишь, мама, а я в самом деле интересуюсь психологией и подумываю о том, чтобы записаться в семинар, когда мальчики немного подрастут. Беда в том, что мы с Хауи...

— Тебе обязательно называть его Хауи?

— ...мы с ним так зациклены на переезде в Венецию, когда мальчики поступят в колледж или даже раньше, когда Хауи-младший начнет учиться в интернате...

— Я полагаю, ты говоришь о той Венеции, которая во Флориде. Потому что иначе тебе придется выучить итальянский язык.

— ...что нет смысла получать лицензию в Род-Айленде, если я собираюсь практиковать во Флориде.

— Какой тоскливый штат эта Флорида. Аллигаторы да старики. И все у них там такое плоское — это чтобы можно было передвигаться в ходунках.

— Хауи любит рыбачить... — Заметив, что мать не прервала этого маленького супружеского откровения, Марси села и разгладила штанины своих шортов, в которых, видимо, возилась в огороженном забором саду позади дома, где младшие Литтлфилды возрастали свободно, как овощи. Ее голые колени были грязными, отчего она

выглядела трогательным ребенком, неуклюжим и толстоногим, но при этом мудрым. — Ой, мама, я тебе даже ничего не предложила. Хочешь кофе? Или чаю? Я не знаю, какая у тебя теперь диета.

— Вот именно, диета, ты права, мне бы следовало найти для себя подходящую диету. Но... нет, спасибо. Сейчас около четырех: слишком поздно для одного и слишком рано для другого. Среди нас трех там, в Иствике, я — бедная мышь, поэтому куда-нибудь съездить могу только тогда, когда одной из двух остальных не нужна ее машина. Я не жалуясь, просто я должна знать свое место.

— Ну как тебе, нравится пока здесь?

— Да, нравится, как ни странно, хотя все те немногие наши знакомые, которые еще живы, таят против нас злобу. Удивительно, как все оказалось свежо и молодо. Вернувшись сюда, я вспомнила, как чувствовала себя, когда после смерти мамы отец послал меня на восток, в Коннектикутский женский колледж... Все здесь такое милое и старое. Я не задержу тебя надолго, дорогая. Только посижу поболтаю с тобой минут пять. А где мальчики?

— Я же говорила тебе, мама, по телефону: мальчики на три недели уехали в лагерь, в Мэн.

— Господи помилуй! Вы с Говардом бросаете деньги на ветер! И что, нравится мальчикам в лагере?

— Роджер в восторге. Он уже был там в прошлом году, а на следующий собирается записаться в группу сплавления по горным рекам и в группу скалолазов. Он может погибнуть! Хауи-младший пока немного робок — ему нужно, чтобы старший брат был рядом.

— Это нормально. Эрику тоже в свое время был нужен Бен. А теперь именно он любитель рискованных приключений. Комплекс младшего брата. Потом эти младшие братья оказываются крепкими, как гвозди. Ты знаешь, что кактусу сагуаро необходимо так называемое растение-нянька, обычно это бывает пало-верде, нежно-зеленый кустарник с желтыми цветами, чтобы крохотный росток — маленький игольничек, который вначале и заметить-то трудно, — мог жить и расти в тени.

Марси посмотрела на нее умиленно и со вновь наворачнувшимися на глаза слезами сказала:

— О, мама, как я люблю, когда ты так говоришь!

— Как — так? Я всегда так говорю.

— О Природе!

— Пожалуйста, не дави на меня слезами. У меня есть практический вопрос, я хочу, чтобы ты задала его Говарду. Может ли человека ударить электричеством, если он стоит возле телефонного столба? Ощущение такое, словно тебя саданули в бок.

Марси выпрямилась в кресле, слезы у нее в глазах высохли. «Ох уж это поколение, — подумала Александра. — Они росли, видя, как мы бунтуем против нашего ханжеского воспитания, и реакцией на это оказался их возврат к старым сантиментам — дом, семья и прочие тиранства».

— Ну нет, — сказала Марси, — думаю, это невозможно. Если бы это было так, городские власти и телефонные компании затаскали бы по судам.

— Но такое случилось с одной из моих подруг, она только что мне об этом рассказала.

— Я спрошу Говарда, но, повторяю, очень сомневаюсь. Хотя он действительно говорит, что электричество — хитрый дьявол и иногда выкидывает непредсказуемые фортели...

— Моя подруга — не самый надежный источник информации, у нее в последнее время куча странных ощущений. Ты знаешь ее — это Джейн. Это она связывалась с тобой насчет жилья для нас. Ты еще назвала ее боевой старушкой-девочкой. Я иногда опасаюсь, что Джейн слишком хорошо усвоила свои ведьмовские уроки.

— Мама, эта шутка не кажется мне такой уж смешной. То, что в давние времена мужчины делали с этими несчастными женщинами, ужасно. А ведь они поступали так с тысячами женщин.

— А кто шутит? Девушки твоего возраста просто не могут понять, как мало возможностей было у женщин во времена моей молодости. Нашей работой было рожать детей и покупать американские потребительские товары. Если мы выпадали из брачного фургона, нам мало что оставалось, кроме как продолжать свой путь на метле и ворожить. Не делай такой потрясенный вид, в этом заключалась наша сила. А сила нужна каждому. Иначе мир сожрет тебя.

— А как же дети? Разве в том, чтобы иметь детей и любить их, не заключена сила, достаточная для большинства женщин?

— «В болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою», — процитировала Александра слова, которые были свежи в ее памяти. — Разве это не отвратительно?

— По мне — вовсе нет, — призналась Марси. — В этом есть своя правда. — Она решительно опустила подошвы грязных садовых кроссовок на уже запачканный белый ковер (и почему эти дети покупают белые ковры, а потом не содержат их в чистоте?) и уверенно встала на свои толстые ноги. Почему от детей столько разочарований? Они берут твои гены и загоняют их прямо в землю. Марси жалобно спросила: — Не хочешь помочь мне выполоть сорняки?

— Тебе кажется, что мой костюм подходит для этого? Неужели я так плохо одета? Дорогая, твое предложение очень мило, но в моем возрасте стоит согнуться — и нет никакой гарантии, что снова разогнешься.

Поняв, что и эта инициатива потерпела неудачу, дочь беспомощно воздела руки:

— Я любила смотреть, как ты возилась в нашем саду на Орчард-роуд с цинниями и помидорами. Тогда ты больше выглядела моей мамой.

— Больше, чем в другое время? Как ни странно это прозвучит, моя дорогая, но отчасти задача родителя состоит именно в том, чтобы забыть, что ты — родитель. Ты принесешь мало пользы своим детям, если будешь всего лишь простофилей-домохозяйкой, которая не оставляет им места для внутренней жизни. Вот ты упомянула Природу. Природа — хитрый дьявол, как выразился Говард об электричестве. Когда-то я думала, что люблю ее, но теперь, когда она меня дожевывает, поняла, что ненавижу и боюсь. В Канаде я осознала, что значит, когда Природы слишком много, и только в конце своего пребывания оказалась на ее вершине. Думаю, это был своего рода религиозный опыт. Но беда с опытом подобного рода состоит в том, что он никогда не бывает абсолютно чистым, всегда находится что-то, что ему противоречит, другая сторона одного и того же явления, или ты попадаешь в другое место... Такой опыт существует только одномоментно. А потом все заканчивается. Проходит.

Произнося все это, она медленно вытаскивала свое скрипучее тело из удобного пышного кресла, источавшего чуть кисловатый запах

юного мужского естества, и, наконец распрямившись, оказалась лицом к лицу с дочерью. Александра была на два дюйма выше ее ростом, на тридцать фунтов тяжелее и на двадцать три года старше.

Марси, явно встревоженная, спросила:

— А как она... дожевывает?

Она имела в виду смерть матери. Сама мысль об этом была невыносима настолько, что она даже не решалась прямо выразить ее словами. Александра грустно улыбнулась тому, что все-таки что-то значит для дочери без малейших усилий со своей стороны — просто фактом своего существования, тем, что является щитом, разделительной прокладкой между своим ребенком и могилой.

— О, — сказала она с неподдельным смущением, — ничего необычного: всякие болячки там и тут, нарастающая бессвязность мыслей. А еще приступы неоправданного раздражения, о которых столько говорят по телевизору, — перед телевизором и домашней канализацией, полагаю, человек бессилён. Природа и впрямь требует слишком многого от женских внутренностей. С другой стороны, с тех пор как я здесь, на востоке, моя кожа стала гораздо менее сухой, и зуд уменьшился. Я, разумеется, ужасно боюсь рака, но мои врачи утверждают, что это все существует лишь у меня в голове. Я отвечаю: сделайте так, чтобы там оно и осталось. Для своих семидесяти четырех я чувствую себя неплохо. Не волнуйся, дорогая. Моя бабушка Соренсен дожила до восьмидесяти восьми. Когда я видела ее в последний раз, она стояла на крыше, куда вылезла из мансардного окна, чтобы прочистить дымоход.

— С тех пор как не стало матери Говарда, — заявила Марси в своей ворчливо-озабоченной манере, — ты единственная бабушка мальчиков. Ты для них очень важна. Пожалуйста, приезжай повидать их, когда они вернутся из лагеря в августе. Они хотят любить тебя.

— О, дорогая, не уверена, что выдержу в моем возрасте слишком много любви. Я к ней не привыкла, — сказала Александра, тем не менее польщенная.

— Я...

— Ничего не говори. Я тоже.

— Я приглашу тебя на ужин, когда мальчики вернутся. Почему бы тебе не привезти и своих подруг?

— Они с удовольствием приедут. Иствик оказался не таким гостеприимным, как они ожидали. Небольшое семейное развлечение может удержать нас от греха.

Сьюки заметила Томми Гортон в серой спортивной фуфайке в конце Док-стрит, он увидел ее минутой раньше; изо дня в день каждый из них надеялся на встречу. Первая, чисто случайная, произошла под открыточно-ясным небом, но сегодня уже к середине утра враждебная масса облаков напозла с северо-востока, первые капли упали на тротуар, и пришлось искать укрытия от дождя. Закусочная «Немо» казалась подходящим местом; ее еще не успели продать «Данкен донатс». Длинный алюминиевый барак со скругленными углами и широкой красной полосой вдоль «бортов» за тридцать лет превратился из одиночного реликта модерна пятидесятых в осознанную ретро достопримечательность, в сувенир молодости для старожилов, между тем как разных городских выскочек привлекали более модные места, такие как кондитерская «Укротный уголок» и рыбный ресторан «Дружелюбный морской окунь», расположенный за перестроенным причалом. В «Немо» сохранились стойка и деревянные кабинки с маленькими ванильного цвета музыкальными автоматами, которые за четвертак по-прежнему исполняли старинные золотые композиции Фрэнки Лейна, Патти Пейдж, Фэтс Домино, группы «Шантэлль» и последние хиты битлов. Посетители редко раскошеливались на четвертак; кабинки в глубине помещения чаще всего занимали старожилы, сидевшие за столами по трое, по четверо, ценившие тишину и пестовавшие над кружкой кофе свои старые политические обиды, которые распяляли в себе до громкого негодования. Сьюки и Том, окинув взглядом заполненные дальние кабинки, дружно устремились к маленьким круглым столикам в передней части помещения, возле витражного окна, выходившего на Док-стрит. Усеивавшие его дождинки скапливались в дрожащие ручейки, которые потом стекали вниз. Именно сюда, за один из этих столиков, припомнила Сьюки, в один горький зимний день она привела Дженнифер Гейбриел вскоре после того, как отец девушки совершил самоубийство, в пьяном угаре убив перед тем ее мать. Сьюки вспомнила даже, что в тот холодный день сирота была в грязном кожаном полупальто с приклеенными к нему с помощью утюга

виниловыми прямоугольными «заплатами» и ярко-красном шерстяном шарфе не по погоде редкой вязки. За стойкой, должно быть, тогда стояла Ребекка, неряшливая антигуанка с искривленным позвоночником, но эта чернокожая женщина давным-давно исчезла из города.

Сьюки бросила взгляд через столешницу с облезшим за долгие годы бесконечного елозанья по нему тарелок и вилок лаком, чтобы еще раз увидеть искаленную руку Томми, но он уже спрятал ее под стол, а здоровой рукой подозвал официантку. Вместо злобной Ребекки к ним подошла круглолицая девушка с широкими серебряными кольцами на обоих больших пальцах. Где-то Сьюки ее уже видела. Где? Ах да, на концерте, она раздавала программки. Может, она внучка Неффа? Было неуютно думать, что город захватили внуки, а ее собственное поколение кануло под поверхность ДНК.

— Два кофе, — сказала девушке Сьюки. — Да, Том? — Как всегда, она чувствовала, будто он у нее на попечении. Он мрачно кивнул, уставившись себе в колени. — Да, и еще, — вдруг вспомнила Сьюки, — порцию лепешек. Одну на двоих.

— Лепешек? — переспросила девушка, краснея, словно ее поддразнили.

— Ну да, — подтвердила Сьюки. — Вы должны знать, это же специфически род-айлендское блюдо. Кружки из сдобного теста, такие рассыпчатые и маслянистые. Очень вкусные.

Озадаченная девушка покраснела еще больше.

— У нас есть рогалики и круассанты, — сказала она, произнеся и немой согласный, — и еще я могу посмотреть, не осталось ли пончиков.

— Нет, — сказала Сьюки, теперь уверенная, что эта тонкокожая и тупоголовая девица — Неффов отпрыск. — Не нужно. Это не одно и то же. Поберегу форму, — добавила она ради вежливости, но девушка покраснела еще больше, поняв это как намек на свою полную мясистую фигуру.

— Ничто никогда не повторяется в точности, — заявил Томми весьма угрюмо, когда девушка ушла.

Сьюки почувствовала, что он собирается сказать ей что-то неприятное, и заняла оборону.

— Думаешь, ты сообщил мне новость?

— Ну, ты-то, похоже, вернулась в надежде, что все здесь осталось прежним в ожидании тебя.

— Я никогда так не думала. И кстати, многое здесь действительно осталось прежним. Этот город мог бы измениться и больше.

Откинувшись на гнутую спинку хрупкого деревянного стула, Том пожал плечами:

— Он меняется мало-помалу. Приезжают новые люди. Молодые люди, со своими идеями. «Бронзовая бочка» — ну, ты знаешь, та, что на дороге к разъезду Коддингтон...

— Я знаю, где это. Хотя мы нечасто туда ездили. Мы предпочитали частные вечеринки.

— ...она превратилась в то, что называют спортбарами. Там установлено три больших экрана, на которых круглосуточно показывают разные спортивные состязания. Не понимаю, как можно выдерживать такой гвалт, но молодым нравится. Им необходим шум. А там, где была твоя газета, может, ты заметила, теперь располагается оздоровительный центр. Тренажеры и все такое.

— Да, я заглянула в окна и увидела людей на «бегущих дорожках», глазевших на меня в ответ. Все с наушниками на головах — как будто выстроившиеся в ряд зомби. Страшноватое зрелище.

Ссутулившись и всем видом показывая, что его информация служила лишь слабым суррогатом того, что он хотел сказать на самом деле, Томми сообщил:

— Старые печатные станки и линоtypes стояли на усиленной цементной основе, так что перестройка не составила никакого труда. Новое оборудование установили за одну ночь. Летом им пользуются меньше, а вот зимой!.. Видела бы ты это: старые дамы и те крутят педали и пыhtят. В нынешние времена все хотят жить вечно.

Старые дамы и те. Не хотел ли он упредить ее, указать ей ее место? Ну и пусть. Пусть оставит себе свой бесценный Иствик и владеет им летом, зимой, весной и осенью.

— По «Слову» здесь не скучают? — спросила она. — Мы льстили себя надеждой, что оно придавало городу больше индивидуальности, пусть и выходило раз в неделю, но люди видели в нем свои имена напечатанными типографским способом.

— Ну, — Том сощурился, как будто произнесение слов причиняло ему боль, — вероятно, печатное слово теперь не значит для людей

того, что значило прежде. Большое их число получает всю необходимую информацию через Интернет. Да им много и не надо. Спорт, знаменитости... А для самовыражения существуют блоги. Удивительно, что находятся люди, которым не жалко времени, чтобы читать весь этот вздор, но они, как я понимаю, есть. Какая-то женщина, незадолго до того поселившаяся в городе, пыталась печатать на ксероксе местный информационный бюллетень, когда синдикат, купивший «Слово», решил его закрыть, но люди не проявили достаточной заинтересованности, чтобы платить за это. Кроме того, ты знаешь — прости, что перехожу на личности, — события, которые оказались связаны со «Словом», еще когда ты в нем работала, немного напугали людей и закрепили за ним дурную славу.

Интересно, насколько ей следовало принять это на счет своей личности?

— Ах, скажите пожалуйста! — Ее ответ прозвучал столь же воинственно, сколь и неубедительно.

Круглолицая официантка с жестоко проткнутой бровью принесла кофе в высоких коричневых бумажных стаканах, как в «Старбаксе», а не в старомодных чашках из толстого фаянса, с ручками и блюдцами, которые Сьюки хорошо помнила по былым временам.

— Эта девушка не из Неффов? — спросила она Томми, когда официантка удалилась.

Он решительно покачал головой:

— Она из Джессапов. Помнишь Мэйвис, которая заправляла в «Тявкающей лисе»?

— Эта совсем не похожа на Мэйвис.

— Ну... не зря говорят, что еще до ее развода за ней ухлестывал Хэнк. — Том попытался отхлебнуть кофе, но тот оказался слишком горячим. Он скривился, поставил стакан обратно и вытер бумажной салфеткой губы, почти утонувшие в бороде и усах.

— Томми, — вздохнула она, — мне кажется, ты чувствуешь себя неудобно.

— Ну, раз уж ты сама сказала... Мне действительно не совсем удобно сидеть здесь у окна, притом что моя жена работает в банке совсем рядом. Людям в Иствике по-прежнему свойственно судачить — в этом смысле ничто не изменилось.

— Но я старуха. Джин, разумеется, не будет ничего иметь против.

Он неловко перенес свой вес на другую сторону хрупкого, покрытого черным шеллаком стула.

— Она знает про нас с тобой. Я объяснил ей перед свадьбой. Я считал, что должен рассказать ей о своих прошлых делах. Ты ведь была не только со мной.

— Разумеется, нет. Ты был очень привлекательным молодым человеком. И знал это, отчасти благодаря мне. Как ты сказал, людям свойственно судачить. Бывшим любовникам тоже. Не потому, что они хотят предать старого партнера, а потому, что хотят быть чисты перед новым. Это повторная переработка отходов. Думаю, это даже можно назвать перевернутой формой преданности. Говоря о чем-то, продлеваешь этому чему-то жизнь — я имею в виду прежние романы.

Томми понял ее намек: она хотела поквитаться. Он понизил голос, так что им обоим пришлось податься вперед и склонить головы друг к другу над столом.

— Ты всю себя отдавала мне... ну, в порядке некоторой очередности. Больше я такого никогда и близко не испытал. Но Джин — мой талон на обед. Без нее я сяду на пособие.

То, что он рисковал своим «талоном на обед», решила Сьюки, видимо, по-своему тешило его тщеславие — словно он снова был в море и выбирал сети, которые могли прорваться от своего живого веса.

— Ну, если ты так считаешь... — сказала Сьюки. — Есть ты, конечно, должен. Но только что, увидев тебя на улице, я почувствовала, что мы оба искали друг друга. Я была в этом уверена.

— Конечно, — ответил он чуть громче, словно приглашая окружающих их горожан тоже послушать. — Почему бы нет? Ты была роскошным блюдом высшего класса, которое досталось мне незаслуженно. Я был невежественным деревенщиной, а ты... Господь милосердный! Вышагивая туда-сюда по Док-стрит в своих цветных замшевых нарядах, с этими оранжевыми волосами и ярким шарфом на шее, ты выглядела тогда сногшибательно. Бывало, глядя на тебя, я думал: «Через несколько часов, через несколько дней я буду стягивать с нее эту юбку, расстегивать застежку на ее лифчике и трахать ее до самых ребер».

— Тсс! — Ей пришлось тронуть его за руку, чтобы успокоить, и это оказалась та самая калечная, изломанная рука, которую он,

забывшись, вынул из-под стола. Он быстро отдернул и снова спрятал ее.

В «Немо» уже подтягивались те, кто привык обедать рано, они поглядывали на пожилую пару; Сьюки приблизила свое лицо к лицу Тома, при этом ее влажные волосы упали на лоб, и с растущей настойчивостью прошептала:

— Именно это я хотела услышать — что я для тебя значила? Не воспринимал ли ты меня всего лишь как глупую задницу, безмозглую и бесстыжую бабу гораздо старше тебя? Не презирал ли ты меня, даже когда мы вжимались друг в друга? Некоторые мужчины, знаешь ли, презирают, а женщины все равно открываются перед ними, уж такие мы отчаянные. Насколько отчаянной я тебе казалась? Насколько скверной?

— Что ты! Вообще нет, — сказал он со внезапно озарившей его убежденностью. Его тихий голос немного осип от избытка искренности. — Ты была прекрасна. И отчаянна. Ты была человеком, который искал, а я тем летом оказался именно там, где ты искала. И не только я; я слышал о вас с Тоби Бергманом. Но это не имело значения.

— Тоби, — повторила Сьюки так, словно никогда прежде не слышала этого имени. — Он был ничто по сравнению с тобой, Томми.

Теперь его кофе достаточно остыл, можно было пить; он быстро, залпом выпил его.

— Тебе не обязательно это говорить. Послушай, это все биология. Мы оба были в зените своей биологической активности. Тебе было... Сколько? Тридцать три? Женщинам нужно время, чтобы познать радость секса. Парни включаются уже в пятнадцать. Теперь это сплошь и рядом можно наблюдать по телевизору: женщины-учительницы от тридцати до сорока влюбляются в своих учеников-подростков. Все в ужасе — родители мальчика, педсовет, служба шерифа, все общество. Гневаются. А это всего лишь биология. Ты и я одновременно оказались друг для друга в нужное время в нужном месте, так сказать.

Том говорил быстро, задыхаясь, слишком уверенно, но Сьюки не хотела быть обобщенным примером широко распространенного явления. Углубившись в свою лекцию, Томми расслабился, улыбнулся и обнажил дыру на месте недостающего зуба. Сьюки пришло в голову, что прежняя болезненная сдержанность его улыбок, видимо,

объяснялась желанием скрыть свой зубной дефект. Не заботясь о том, чтобы никто не услышал, поскольку знала, что эта встреча для них последняя, Сьюки сказала:

— Для меня, Томми, ты, с этим соленым привкусом на коже, был видением, выплывшим из тумана. Женщины окутывают себя туманом, они вынуждены это делать, иначе слишком трудно сохранять душевное равновесие. Все это слишком трагично — в частности, расставание, то, как все кончается, независимо от того, остаетесь вы вместе или нет. Я имею в виду силу страсти. Ты был великодушен, вот что я хотела сказать. Спасибо тебе. Мужчины не всегда бывают великодушны, особенно молодые, для них это всего лишь значит добиться своего; грязная шутка не есть шутка. А женщинам это необходимо. По-настоящему необходимо. Ты не воспользовался своим преимуществом, не повел себя садистски, хотя мог бы. Я бы тебе позволила. Ты был таким милым.

— Эй! — нетерпеливо воскликнул Томми, вставая, чтобы увеличить дистанцию между ними. — Я просто был человеком. Приятный секс — это лишь приятный секс. К тому же ты так работала ртом... Это было дополнительным вознаграждением.

Ее глаза наполнились слезами, словно она получила пощечину. Когда он сказал «работала ртом», сказал бездушно, как бы между прочим, его бледные губы вдруг вынырнули из волосяных зарослей на лице, как кружок, которым в документальных фильмах обводят нужную деталь, чтобы она не прошла мимо внимания зрителя: человеческий рот имеет разные назначения, он может быть и порочным.

— Ты иди, — предложила она с небрежной улыбкой — на случай, если кто-то из старожилов из глубины зала смотрел в их сторону. — Я останусь и расплачусь. Будь добрым по отношению к Джин. Я знаю, ты будешь.

Словно почуяв в ее словах угрозу, Томми бросил на нее испуганный взгляд с высоты своего роста; выпяченная масса его типичного для мужчины среднего возраста живота вздымала грязную фуфайку. Он разгладил на две стороны свои неряшливые усы, обнажив впадинку на верхней губе, и на его лице появилось уже забытое ею выражение испорченного мальчишки с надутыми губами, словно он колебался: сказать что-нибудь еще или нет? Решил не говорить и ушел,

оставив ее вперившей взгляд в витражное окно, лишь наполовину прозрачное из-за усилившегося утреннего дождя. Сквозь водяную морось она увидела его быстро промелькнувший за стеклом конский хвост.

— Итак, меня только что вышвырнули, — сказала она Александре, сидевшей в своем любимом, единственном удобном в их квартире кресле, широком, клетчатом, с пологой спинкой, и ломавшей голову над фрагментом воскресной «Нью-Йорк таймс». Был уже вторник. «Таймс» являлась блюдом, которое следует смаковать долго.

— Вышвырнули?

— Дали отставку. Выбросили на свалку. Я наткнулась на Томми Гортона, блестящего молодого начальника порта, с которым я зналась к концу нашей здешней жизни. Он весьма жестко напомнил мне, что у него есть жена, от которой он полностью зависит. И которую, как я поняла, боится.

Александра, до того наслаждавшаяся одиночеством под приятно барабанившие по крыше звуки новоанглийского дождя, отложила газетную страницу путешествий, чтобы безраздельно предоставить свое внимание расстроенной подруге.

— А разве была необходимость тебе об этом напоминать? Ты ожидала чего-нибудь другого?

— Ну... в общем, нет. Но думала — а вдруг? Я сама собиралась сказать ему, что в моем возрасте, разумеется, и речи быть не может о возобновлении наших отношений.

— Дорогая, как мило с твоей стороны думать, что может существовать хоть какая-то необходимость говорить это.

— Он хотел меня, Лекса. Я чувствовала это, мы находились на расстоянии одного квартала друг от друга, и его лицо казалось бледной точкой над лохматой кляксой бороды. Ты же знаешь, как это бывает... когда ты знаешь. Психическое электричество, оно пробежало между нами. Но потом, в «Немо», магия пропала — он стал большим, печальным, увечным увальнем, прожившим никчемную жизнь. Я не могла вытянуть из него даже паршивого комплимента.

— Не сомневаюсь, — сказала Александра, вздыхая с показным терпением, словно разговаривала с беспрерывно задающим вопросы ребенком. — Душенька, это было давным-давно. Он бы захотел тебя, если бы это могло снова сделать его двадцатидвухлетним.

— Знаешь, — сказала Сьюки, — мы могли бы изменить этих людей.

— В самом деле? Как?

— Так, как делали это прежде. Воздвигнув конус могущества. — Ее верхняя губа, пухлая, словно ушибленная, распласталась на нижней в подобии ухмылки, вызывающей Александру на возражение.

— О Господи! Думаешь, у нас все еще есть то, что для этого необходимо? Да и хотим ли мы чего-то достаточно дурного?

— Мы можем хотеть за других. И за Джейн. Кстати, а где Джейн?

— Она сказала, что поехала к врачу.

— К какому врачу? Боже милостивый, она что, нашла его адрес в «Желтых страницах»?

— Нет, она поискала в «Белых страницах» дока Питерсона, и оказалось, что он все еще практикует.

— Невероятно! — удивилась Сьюки. — Он давно должен был бы умереть.

— Почему? Он был не намного старше нас. Людям всегда кажется, что врачи старше, чем они есть на самом деле, потому что врачам нужно верить.

Генри Л. Питерсон, известный в городе как «док Пит», был тогда пухлым лысым мужчиной с руками, такими крупными и мягкими, так чисто вымытыми, что они напоминали надутые воздушные шары. Он был практикующим фармацевтом, в чьем складном черном чемоданчике в основном содержались сахарные пилюли. Врачевал же он ласковой улыбкой терпеливого понимания и нежным возложением этих самых рук. Если исцеление не наступало, он прописывал стоическое смирение.

— Ему вообще не следовало практиковать, — произнесла Сьюки. Такой иммунитет против пассивной магии дока Пита свидетельствовал о ее относительной молодости. — Если бы у Дженни Гейбриел был приличный современный врач, она была бы жива и не обременяла бы нашу совесть.

— Он может послать Джейн к другому врачу, если возникнет необходимость. У него сын работает хирургом в Провиденсе.

— Помню я этого сына — маленький толстый сопляк. Я подозревала, что он испытывает оргазм, просматривая наши медицинские карты.

— Теперь он уже не сопляк. Он человек, который держит в своих руках чужие жизни.

— Невероятно! — Сьюки резко тряхнула головой, от чего с ее волос полетели дождевые капли, и засунула мокрые туфли под диван. — Это заставляет задуматься о том, что люди, которым мы привыкли всю жизнь доверять — врачи, полицейские, биржевые аналитики, — знают не больше нас самих.

— Неправомерное заключение.

— Я имею в виду, что все они всего лишь выросшие дети.

— Ты слишком строга, дорогая. А как может быть по-другому?

— Не знаю, — призналась Сьюки. — Может быть, роботы... — предположила она. — Они становятся все более и более изощренными.

Александра не снизошла до ответа и снова взяла в руки страницу путешествий «Таймс». В Аризоне, читала она, некое индейское племя почувствовало себя обойденным, поскольку тот участок Большого каньона, который принадлежал им, посещался реже, чем участок, принадлежащий белому человеку, и собиралось построить U-образную «небесную тропу» по краю обрыва. У нее будет стеклянный пол, и это даст возможность любому совершить прогулку протяженностью в сто сорок футов за семьдесят пять долларов. Если вам это по карману, вы сможете увидеть бездну почти в милю глубиной прямо у себя под ногами, до самого дна каньона. Александра хотела бы по возвращении домой попробовать совершить такое путешествие. Она была уверена, что испытает ужас, даже несмотря на то, что вид из маленького пластмассового иллюминатора в самолете почему-то ничуть не пугает. Рассказ о «небесной тропе» и здешний вид из окна в унылый дождливый день, когда темно-коричневые с лиловым оттенком клочья косо проплывают на фоне грязно-белых барашков дождевых облаков, вызвали у нее тоску по Западу — по его суше, по бежевому тону его словно бы сплошь керамических пейзажей. Она хотела поделиться своими размышлениями со Сьюки, но подруга-вдова, скинув туфли, босиком проследовала в соседнюю комнату и уселась за свой миниатюрный столик перед ноутбуком фирмы «Хьюлетт-Паккард». Ее пальцы выбивали дробь, очень напоминающую стук дождя по крыше, когда она стремительно, почти не останавливаясь и даже не колеблясь, строчила свой роман — вероятно, новый эпизод, основанный на недавнем жестоком разочаровании. Поспешный цокающий звук

клавиатуры наполнял воздух в комнате ощущением подкрадывающейся паники; оно не отступило даже тогда, когда дождь начал стихать. Когда Джейн, появление которой предвосхитили сначала скрежет покрышек «ягуара» по гравию подъездной аллеи, потом тяжелые шаркающие шаги по не покрытой ковром цементной лестнице «Ленокс сивью апартаментс», наконец вошла в дверь, вид у нее был такой, будто она только что увидела привидение. Ее лицо было серым, как день за окном, у корней некогда черных волос проступила седина, а тело скукожилось, словно она, и без того маленькая, превратилась в свою уменьшенную фотокопию. Наверняка снова почувствовала разряд.

— Ну, как там док Пит? — спросила Александра нарочито небрежным тоном, призванным смягчить грядущую драму.

Джейн открыла рот, чтобы ответить, но подождала, когда Сьюки в соседней комнате перестанет стучать по клавишам, после чего драматично-таки сообщила подругам:

— Этот ос-с-столоп не знает, что со мной. Он прослушал мое сердце и легкие, заглянул в уши, посмотрел глазное дно и счел, что у меня все в порядке.

— Ну, так это же хорошо, — сказала Сьюки, по-прежнему косясь на экран своего маленького ноутбука, где продолжалась некая таинственная активность. Ее рука вдруг сорвалась с колена и быстро напечатала какую-то поправку.

— Это замечательно, Джейн, — решительно объявила Александра. — Ты должна испытывать огромное облегчение. — На самом деле, пребывая в том уже полуподземном секторе нашего бытия, где чужие дурные вести доставляют удовольствие, она была разочарована. Джейн выглядела ужасно и вела себя эгоцентрично.

— Я рассказала ему об ощущениях внизу живота, и он хочет направить меня на рентген к своему сыну в Провиденс, — сказала Джейн, оглядываясь. — Кофе остался или вы, свиньи, выпили все?

— Я после полудня к нему не прикасаюсь, — ответила Сьюки.

— Мне нужен черный, — потребовала Джейн. — Черный, черный. Может быть, с каплей «Джека Дэниелс-с-са» — после всего того, через что мне пришлось пройти.

— Рентген ищет рак? — рискнула спросить Александра, хотя ей было ненавистно даже произносить это слово. Клетки твоего

собственного тела, вышедшие из-под контроля, крохотные взбесившиеся механизмы...

— Думаю, да, — ответила Джейн, — но не только. Он сказал, что всем после шестидесяти следует проверяться на предмет... как же он это назвал? — аневризмы брюшной аорты. Когда он выстукивал мой живот, что-то заставило его дважды прослушать потом стетоскопом одно место.

— Не смешно ли, — сказала Сьюки, выходя в общую гостиную и покидая наконец свою пещеру грез, — что врачи все еще это делают? Выстукивают, выслушивают. Это же такой примитив. Терапевт, у которого я наблюдалась в Стэмфорде, всегда норовил на ощупь обследовать меня между ног.

— Обследовать. Добрый следователь, злой следователь, — не удержалась от каламбура Джейн.

— Ха-ха. А когда я укоризненно смотрела на него, — не дала сбить себя с мысли красившая губы Сьюки, — он напяливал налицо маску торжественного негодования, как будто хотел сказать, что ник чему и пальцем не притронулся. Врачи они... да уж! Я всерьез надеюсь, что у нас все-таки будет когда-нибудь полноценная национальная система здравоохранения, и мы лишим их всех работы.

— Рентген меня пугает, — сказала Александра. — Говорят, он способствует разрастанию клеток.

— Способствует, я в этом не сомневаюсь, — согласилась Джейн. — Но не поэтому мне нужно выпить. Со мной только что приключилось нечто странное. Вы помните, что кабинет дока Пита находится на Вейн-стрит, в квартале от Оук?

— Разумеется, — ответила Александра. — Когда мы с Озом переехали туда, на Вейн-стрит еще росло несколько выживших голландских вязов. К ним были приделаны зеленые ящики, как кислородные подушки у инвалидов. — Она виновато взглянула на Сьюки, сообразив, что именно это ждет ее эмфиземные легкие.

Но Сьюки, похоже, не нашла в этой улыбке ничего личного.

— Они отбрасывали такую приятную перистую тень, — припомнила она вслух. — Когда они в конце концов погибли, город заменил их этими унылыми норвежскими кленами с их большими мрачными листьями, не пропускающими света. Тогда еще говорили,

что значительную часть вязов вырубил люди из питомника Герби Принца и Эда Арсенолта.

— Как бы то ни было, — заявила Джейн, решительно настроенная не уступать сцену, — я вышла от дока Пита, пошла к углу Док, где оставила своего «ягуара», и там, в густой тени — дождь только что кончился, и с деревьев капало — мне навстречу вышла мужская фигура. Когда мы поравнялись-с-сь, мужчина сказал: «Привет, Джейн!»

При этом она понизила голос, чтобы он прозвучал, как мужской, после чего сделала эффектную паузу.

— И что в этом странного? — спросила Сьюки. — Он тебя узнал. Меня постоянно узнают в центре города.

— Я — не ты. Меня здесь никто не знает, кроме бывших учеников, которых я учила музыке.

— Как он выглядел? — спросила Александра.

— Молодой, — не спеша начала описывать Джейн, закрыв глаза. — То есть по крайней мере моложе меня. Я не смотрела на него — размышляла о рентгене и о том, что там док Пит услышал во мне своим с-с-стетоскопом. Пока этот человек не произнес мое имя таким страшным голосом, я не обратила на него никакого внимания. Видела, что какая-то фигура движется мне навстречу, и, должно быть, посторонилась, чтобы не столкнуться с ней. — Она снова закрыла глаза. — Довольно высокий, чуть грузноватый, скорее коренастый, чем тучный, и... не знаю, как сказать... какой-то с-с-серебристый.

— Серебристый? — удивленно повторила Сьюки.

— Это не совсем точное слово, но какой-то гладкий, с-с-сияющий, как статуя, и... как же это называется? Гермафродитный.

— Гермафродитный?! — воскликнула Александра. Она не всегда могла удержаться, чтобы не поддеть Джейн; если бы все относились к себе с такой серьезностью, как та, мир находился бы в состоянии постоянной войны. — Силы небесные, Джейн, похоже, ты очень даже хорошо его рассмотрела.

— Я попыталась реконструировать свое впечатление, когда он прошел мимо. Его «Привет, Джейн!», произнесенное каким-то фальшивым актерским голосом, словно прошло через меня насквозь.

— Фальшивый голос актера-гермафродита, — с притворной серьезностью продолжала издеваться Александра.

— Ладно, смейся, если хочешь, — сказала Джейн, поджав губы, словно собиралась плюнуть, — но по-настоящему ты будешь смеяться, когда я расскажу дальше. — Она снова сделала паузу, чтобы взгляды подруг сосредоточились на ней; ее маленькое напряженное желто-серое лицо, почти как у мумии, венчал ореол белых корней волос.

— Ну, выплевывай уже, Джейн-Болячка, — предложила Сьюки, когда молчание начало всех нервировать. Она думала о своем ноутбуке в соседней комнате, на продолжавшем светиться экране которого за последним написанным словом крохотной зубочисточкой пульсировал курсор.

— Когда я повернула голову, чтобы посмотреть ему вслед, я почувствовала удар.

— Удар? — переспросила Александра. — Такой же, как от телефонного столба возле почты?

— Не такой сильный. Тогда меня чуть не сбilo с ног. Этот был слабее, почти издевательский. Я получаю и другие, по меньшей мере раз-два в день, но знаю, что уже надоела вам, поэтому ничего не рассказываю.

— Ты вовсе нам не надоела, — возразила Александра. — Просто у тебя напряжены нервы, что естественно.

— Абсолютно согласна, — подхватила Сьюки и, хотя ее участие в разговоре казалось слишком отстраненным, спросила: — Он напомнил тебе кого-то знакомого?

— С-с-совершенно точно, — просвистела Джейн, обрадованная, что ее об этом спросили. — Кого-то. Смутно. Но я не могу вспомнить кого.

— Почему? — лениво поинтересовалась Александра. Джейн действительно бывала занудливой. Все эти ее тайны и тени, серебряное сияние полуузнанного лица, крупные капли задержавшегося в кронах дождя, одна за другой падающие с кленовых листьев среди пасмурности дня... Что ж, это Новая Англия. «Алая буква»^[36].

— Такое впечатление, будто его с-с-скрывают какие-то чары. Когда я пытаюсь вспомнить, кто он, мне становится с-с-страшно.

Подруги, давно посвятившие себя злу, бессердечно поглощенному самим собой, предпочли не давить на Джейн и доставить ей удовольствие расспросами.

— Интересно, откуда он явился? — вслух размышляла Сьюки. — Никто просто так не ходит по Вейн, она расположена слишком далеко от магазинов.

Джейн просияла.

— Мне кажется, я знаю откуда, — сказала она. Ей не нужны были никакие расспросы. — После того как испытала удар — это было похоже на язвительный тычок в кишки, — я не смела больше оглядываться по сторонам, но, оказавшись наконец в машине, припаркованной на углу, посмотрела-таки назад, и оказалось, что этот мужчина исчез! Я проехала по Док до Оук, потом до Юнион-Черч, вернулась на Вейн, но его нигде не было! Сдается мне почему-то — по тому, как он шел, — что он где-то там живет. Как вы правильно заметили, никто просто так по Вейн не ходит. Там нет ничего, кроме частных домов.

— Во что он был одет? — с легкой одышкой спросила Сьюки.

— Белые брюки, как у художников, — не задумываясь, ответила Джейн, — и светлая футболка с какой-то буквенной эмблемой, я не успела прочесть.

— Прямо как мальчик.

— Он и был мальчиком, — подтвердила Джейн, — только постаревшим.

Александра попробовала прояснить:

— И он растворился в воздухе?

— В том районе, — настаивала Джейн. — Вот подумайте: вам известно, что задние дворы нижней части Вейн примыкают к задним дворам верхней части Оук. А кто живет на Оук приблизительно в середине первого квартала, в том викторианском доме, который давно нуждается в покраске, с мансардой и обшарпанной внешней лестницей, ведущей в съемную квартиру, которую она вынуждена была устроить наверху? — Джейн помолчала, наслаждаясь вниманием подруг, которым ей все же удалось завладеть, и сама ответила: — Грета Нефф.

— Грета Нефф, — повторила за ней Сьюки.

— Именно! Она мертвой хваткой держится за этот дряхлый дрянной сарай, который сам Рей никогда бы не купил, это было ему не по карману, я ему так и сказала тогда, и, помню, он мне напыщенно ответил, что ему этот дом нужен, потому что у него шестеро детей и он

хочет, чтобы у каждого была возможность упражняться на своем инструменте, не мешая остальным. Грета торчит там из вредности. Это некрашеное уродство тянет за собой вниз всю округу, снижая стоимость недвижимости на Оук-с-с-стрит. Вс-с-се так говорят. — Джейн явно распаляла себя, доводила до транса, до неистовства. — О Господи, — кричала она, — когда он прошел рядом со мной, ближе, чем вы сейчас от меня находитесь, я почувствовала холод. А «Привет, Джейн!» прозвучало у него как «Я тебя достану!». В столь жаркий день от него так и веяло холодом. Я клянус-с-сь!

— Ах, дорогая. — Александра подождала, не последует ли новой вспышки, потом сказала: — Мы со Сьюки перед твоим приходом говорили, не стоит ли проверить, способны ли мы еще воздвигать конус могущества.

— Да, да! Вс-с-се, что угодно. — Лицо Джейн покраснело и исказилось конвульсией, перешедшей в прерывистое всхлипывание; душа ее была слишком иссушена, чтобы изливаться слезами, но толчками извергала судороги неистовых рыданий, между которыми Джейн ухитрилась вставлять слова: — Все эти годы... проведенные с Нэтом и его жуткой матерью... я так старалась... я держала это так глубоко внутри... но ведь именно я была... самой жестокой по отношению к Дженни... я больше всех желала ей смерти... без причины, просто из-за этого... этого засранца ван Хорна... И вот теперь она мстит... Я это почувствовала... там, под деревьями. Не сама она, а... кто-то похожий на нее... с таким же ужасным сиянием... избыточного совершенства. Я ненавидела эту маленькую прониру... потому что она была слишком совершенна... такая хорошая, такая невинная... с-с-с этой ее с-с-самоуверенностью, какая бывает у хороших людей.

Александра и Сьюки переглянулись. Джейн из всего устраивала спектакль. Ей непременно нужно было быть звездой, пусть и темной звездой.

Тем июлем утром по воскресеньям Сьюки иногда тайком ускользала из дома, чтобы посещать службы унитариянского братства. Она знала дом, где они происходили, — симпатичное небольшое здание в греческом стиле с полыми дорическими колоннами, обрамлявшими крыльцо, построенное на Кокумскусок-уэй, в глубине

от Элм, позади Оук, на рубеже девятнадцатого века конгрегационалистами, но перешедшее к унитариям в 1840 году. Она помнила это по временам Джонсона-Никсона, когда служила репортером в иствикском «Слове» и изводила вопросами Эдда Парсли, а потом его настырную жену Бренду, занявшую кафедру в бурный период протестов и контркультуры, общественных и персональных мятежей. Теперешние времена были куда более спокойными, и Дебби Ларком была несравнимо более спокойным и уравновешенным человеком, чем несчастные Парсли. Сьюки поймала себя на том, что мысль об этой идеально сложенной священнице не выходит у нее из головы. Когда Дебби отправляла службу, она делала это со строгой, сдержанной мягкостью, преподнося любую пустую фразу так, будто это был хрустальный потир, обрамленный золотой каймой глубокого смысла; когда она проповедовала, то говорила с безупречной естественностью и ясностью, представляя Иисуса и Будду как равнозначные воплощения божественности, цитировала доктора Швейцера, Махатму Ганди, мать Терезу и Мартина Лютера Кинга как примеры проявления божественного духа в человеческом существе. Чтобы проиллюстрировать свои доводы, она касалась и собственной жизни — жизни обыкновенной девочки из верхних слоев среднего класса, выросшей в Маунт-Хеброне, неподалеку от Балтимора, девочки, чья душа была исполнена обычной суетности, пока не снизошло на нее озарение (взволнованно вздымая свои стройные руки, она объясняла, что это нельзя выразить менее старомодным словом): девочка услышала призыв перестать быть эгоистичной и суетной. Более подходящего времени, чтобы услышать этот зов, не могло и быть, ибо к тому моменту она вышла замуж и родила двоих детей, которые пребывали еще в младенческом возрасте; но вера, решимость и муж — святой человек — помогли ей все преодолеть.

Нижняя губа Сьюки дрожала; ей казалось, что это ее собственная история с незначительными отличиями — она принадлежала к нижним, а не к верхним слоям среднего класса, родилась не в мэрилендском предместье, а в штате Нью-Йорк, исповедовала не унитаризм, а черную магию, и имела за плечами злосчастно-сомнительный развод вместо опоры в лице мужа. Но пафос был тем же: женщина, преодолевая препятствия, делает карьеру и завоевывает самоуважение вопреки неравенству шансов, предоставляемых

мужчине и женщине в патриархальном обществе. Хотя Дебора Ларком устраивала из проповеди целое представление, поворачивая голову попеременно то к одной, то к другой части своей аудитории, Сьюки была уверена, что ее проповедь адресована именно ей; когда беспокойно скользивший взгляд проповедницы останавливался на том месте, где она сидела, густые ресницы Дебби начинали трепетать, а зрочки посылали искры.

В одно из воскресений проповедь была посвящена человеческой самости. В качестве отправной точки Дебора взяла отрывок из Евангелия от Матфея, 16:25, скорректировав его в тендерном отношении: «...ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот или та обретет ее».

— Мы живем в очень ашо-сознаваемом времени. Есть журнал, который называется «Мое „я“». Есть книга под названием «Наши тела, наши „я“». Мы жаждем найти свою сущность и быть верными ей. В моем «Новом толковом словаре» Уэбстера — две полные колонки сложносоставных слов, начинающихся с «само» — от «самозабвения» и «самоуничижения», через «своекорыстие», «уверенность в себе» и «самодовольство» к «своеволию» и «самозаводу». Итак, что есть эта самость, эта драгоценная данность, которая всегда уникальна и которой обладает каждый индивидуум, будь он одним из двойни или тройни или младенцем, только что извлеченным из материнского чрева?

Сидевшая в задних рядах Сьюки подумала о своих детях — троих, которых родила от Монти, и маленьком Бобе, на рождении которого в качестве свидетельства подлинности ее второго брака настоял Ленни, — о младенцах, вышедших из ее таза липкими, синими и задыхающимися от потрясения. Ее внутренности жарко полоснуло мечом стыда при мысли о том, что растила она их слишком небрежно и теперь, когда все они давно и благополучно стали взрослыми, общалась с ними редко. Маленькая гибкая женщина за кафедрой, в белом стихаре, златотканой епитрахили и кремовом свитере не могла быть раздражительной и неуверенной в себе матерью; она слишком добродетельна — прямо-таки излучает добродетельность, как плитка шоколада искры в утренней воскресной рекламе на телевидении. В другое воскресенье в порядке демонстрации унитарийской широты умственно и физически ущербный подросток-прихожанин

декламировал заключительные слова благословения; рука у него была искривлена и прижата к груди, он волочил ногу, выходя вперед, и говорил глухим монотонным голосом, странным образом обособленным от его лица; в какой-то момент его, словно в припадке, стала бить неуправляемая дрожь, и преподобная Ларком, хоть и была значительно меньше его ростом, обняла его, чтобы успокоить. Они воззвали в унисон: «Идите и любите друг друга!» Не только Сьюки, но и женщины, сидевшие на другом конце скамьи, стали промокать носы платочками.

Сегодня Дебби говорила:

— Будда сказал: «Забудь свое „я“ и его страстные желания: желание снискать внимание, желание похвалы, любви и мирских благ, желание иметь транспорт для передвижения и развевающиеся одежды». У нас с мужем когда-то был внедорожник «хаммер», на котором можно ездить по горам, хотя в горы мы почти никогда не ездили. А вспоминая, как я проводила время перед зеркалом в магазинах одежды (размышляя: смело, но не слишком ли смело для моего возраста? А может, слишком степенно для моего возраста?), как приносила обновки домой, потом отсылала их обратно в магазин, я краснею от стыда. Будда говорит: «Забудь о самовозвеличивании, самообмане, самомнении, о своих интересах. Наша цель — несамость, анатман^[37]». Отсутствие ощущения самости в состоянии нирваны — цель буддизма, освобождение от усилий и боли, от эгоизма. Свобода от привязанностей — это путь к избавлению от дукха^[38], страдания, и к постижению самсара^[39] — бесконечного цикла реинкарнаций. А что говорит Иисус? Иисус говорит: «Забудь о законе... Иди за мною и предоставь мертвым погребать своих мертвецов... Оставьте ваши семьи... Раздайте все, что имеете, нищим. Не собирайте себе сокровищ на земле... ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше... Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия... Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут...» Иисус, и Будда, и Брахма, и Аллах говорят: «Освободитесь от всего». Вы думаете, когда мы отказываемся от всего — от наших шикарных машин, наших щегольских домов, от стремления с иголки одевать наших детей и заботиться об их отличных школьных оценках ради собственного тщеславия, от своего членства, от стремления к сексуальным победам,

от забот о своем банковском балансе — от всего, чему мы позволяем определять нашу самость, когда мы освобождаемся от всего этого или все это от нас отрывают, уходит и наша самость, исчезает, оставляя лишь пустоту? Нет! Оказывается, что наша сущность — и именно в этом заключается чудо — трансформируясь, остается. Из идеальной пустоты возникает новая самость. Дамы и господа, мальчики и девочки, именно тогда мы расцветаем! — Она взмахнула свободными белыми рукавами, запрокинула лицо, словно нимбом обрамленное черными волосами, и от этого внезапного жеста под сводом нефа образовался электрический заряд. — Мы становимся свободными, — драматически понизив голос, доверительно сообщила она прихожанам, неплотно заполнявшим оцепеневший от летнего зноя храм, — свободными в самоотречении. Мир втекает в образовавшийся вакуум, мир других людей, мир красоты и силы Природы, всего того, что не является нами самими. Бескорыстное «я» не более пусто, чем была Вселенная за миг до того, как из центра невообразимой черной дыры родились миллиарды миллиардов звезд со своими планетами. В тот момент пустая Вселенная была полна, полна скрытых возможностей. Так же будет и с нами, если мы отдадимся на волю безмятежного необъятного Другого, что окружает наше ущемленное, исполненное страха и зависти смертоносное «я». Бесконечная энергия и бесконечный мир ждут нас за границами наших самостей, стоит нам лишь добраться до этих слишком хорошо охраняемых границ и решиться пересечь их, позволить себе сдаться божественной дружости, превосходящей людское понимание. Шанти, шанти, шанти^[40]. Аминь.

Сидевшая в заднем ряду Сьюки поспешила встать. В другие воскресенья она ускользала во время последнего гимна, но сегодня ей захотелось лично поздороваться с проповедницей, прикоснуться к ней. Поднявшись, она увидела одутловатый профиль и мужеподобную приземистую фигуру Греты Нефф, стоявшей в одном из передних рядов с кем-то из знакомых, старших детей или жильцов. С ними был также грузный седой мужчина. В притворе, украшенном двумя блеклыми пальмами в кадках и доской объявлений, утыканной уведомлениями и призывами участвовать в разного рода благих делах, Сьюки снова, как несколько недель тому назад, взяла молодую женщину за изящную прохладную руку; сейчас, под просторным священническим облачением, нагота преподобной миссис Ларком

представилась ей еще более явственно, чем тот образ, который вспыхнул в ее голове при первой встрече.

— Это было чудесно, — сказала она. — Обожаю слушать вас!

После того как целый час взгляд Сьюки был сосредоточен на возвышавшейся за кафедрой фигуре, ее белом облачении, улыбке, черных волосах и бровях, она была несколько заторможена и, моргая, старалась прогнать запечатлевшиеся в памяти, наплывавшие друг на друга зрительные образы.

— Спасибо, — сказала Дебора Ларком, еще немного напряженная и отрешенная после проповеди. Ее прекрасные умные глаза уже искали следующего в очереди. Поскольку Сьюки в своей очарованности продолжала стоять, не двигаясь, священница оживленно-шутливо добавила: — В таком случае приводите в следующий раз и своих подруг.

Сьюки хохотнула каким-то невероятным отрывистым звуком:

— Они были бы шокированы, если бы узнали, что я здесь. Я просто хотела... — Она запнулась, не зная, как объяснить тот факт, что *она сама* здесь. Под стихарем, под свитером, под лифчиком грудь этой молодой женщины должна была быть такой же твердой и гладкой, как ее речь, и такой же округлой, как ее серо-зеленые радужки, а соски — такими же нежными и розовыми, как крохотные пятнышки загара на ее маленьком прямом носу, на изящных хрящиках его узких крыльев. — Я хотела спросить, не могла ли бы я когда-нибудь...

— Да? — с легким оттенком нетерпения, поскольку за спиной Сьюки начинала скапливаться очередь, спросила Дебора.

— Не могла ли бы я навестить вас?

Всего-то?

— Разумеется. Свяжитесь с секретарем прихода миссис Нефф, назначьте время. До Дня труда офис работает по летнему расписанию, по будням с девяти до полудня. — Напоследок она окинула лицо Сьюки неуверенным взглядом, гадая, что той нужно.

Двое детей, мальчик и девочка лет пяти и семи соответственно, подошли к своей матери-священнице. Мальчик робко взял Дебору Ларком за свободную, левую руку; девочка, в силу возраста больше понимавшая и уважавшая здешнюю роль своей матери, терпеливо стояла рядом с ней. Черты ее лица казались менее четкими, чем у Деборы, они были размыты грубыми генами отца — этого святого.

Дебора была нужна другим, Сьюки становилась надоедливой. Настала ее очередь сказать: «Спасибо», после чего она вышла через высокую двойную дверь на крыльцо с колоннами и спустилась по истертым деревянным ступеням, покрасневшая, отвергнутая и давшая себе клятву никогда сюда не возвращаться.

* * *

Проклятая троица решила устроить проверку своим сверхъестественным умениям в день, на который было назначено должествующее все прояснить рентгеновское исследование Джейн. В противном случае волнение, которое та испытывала в преддверии его, могло отбросить темное пятно на прозрачный конус могущества. По счастливому совпадению это оказался День Ламмас^[41] и первый день трехдневного праздника урожая — наиболее благоприятное время для шабаша. Луна, как прочла Александра в кухонном календаре от Агентства недвижимости Перли, должна была третий день пребывать на ущербе после полнолуния, что тоже не показалось ей неподходящим моментом, хотя в данном случае обернулось иначе. Приготовления выпали на ее долю. Две остальные дамы отговорились тем, что она обладает более мощной силой — глубже погружена в Природу и тайны Богини.

— Я все сделаю, — заявила Александра, — но только в том случае, если мы согласимся, что это будет стопроцентно белая магия. Я не считаю, что наше пребывание в Иствике было до сих пор успешным. Весь июль оказался неблагоприятным; люди не знают, как с нами быть, и проявляют враждебность. Мне бы хотелось, чтобы август стал месяцем гармонии и исцеления. Много лет назад мы взяли у этого города все, что хотели, и покинули его. Теперь мы вернулись, чтобы дать ему что-нибудь взамен.

Сьюки возразила:

— Я думаю, что много дала ему взамен. Утешила нескольких неудовлетворенных мужей и привила немного стиля этому безвкусному захолустью.

— Не с-с-сочтите за эгоизм, — сердито сказала Джейн, — но я считала, что в фокусе нашего конуса будет *мое* излечение, а не

излечение Иствика. Большую часть времени я чувствую себя ужасно: у меня болит голова, меня тошнит, голова кружится, если я резко встаю, и постоянно ноет под ложечкой. — Она показала пальцами место между своими скудными грудями. — Я не говорю об этом постоянно только потому, что знаю: вы обе считаете меня страшной обузой. Прошу прощения, но ес-с-сли я в ближайшее время не по-чувс-с-ствую себя лучше, я вынуждена буду вернуться в Бруклайн и обратиться за подобающей медицинской помощью. Док Пит — наглядный пример того, почему в больницах определен строгий возрастной ценз для выхода на пенсию. Он с-с-слабоумный. Может, для вас обеих он и достаточно хорош, но мне нужна настоящая помощь.

— Не уезжай, пока не сделала рентген, — взмолилась Александра. — Уж это-то ты можешь доверить доку Питу.

— Я боюсь их! — выпалила Джейн. — Эти лучи переворачивают все твои внутренности и пронизывают их насквозь. Воздух наполнен всякими лучами и частицами, все это знают, но я их чувствую. Радиоактивность, радон, нейтрино, а теперь еще темная энергия, которую недавно открыли. Говорят, она подталкивает Вселенную к распаду все быстрее и быстрее, пока не останется ничего — лишь что-то вроде супержидкой размазни, постепенно остывающей до нуля градусов. И вместо всего того безобидного и милого, во что люди некогда верили, — привидений, гоблинов, фей, единорогов, — мы будем иметь лишь эти ужасные силы. Им наплевать на нас, они даже не подозревают, что мы существуем.

— Джейн, — с материнской твердостью сказала ей Александра, — ты должна успокоиться. Должна привести себя в хорошее расположение духа, иначе конус разлетится вдребезги, как только ты в него вступишь.

— Я поеду с ней в Провиденс на рентген, — вызвалась Сьюки. Джейн была такой отрешенной, что о ней можно было говорить в ее присутствии в третьем лице. — И куплю ей на обратном пути мороженое.

— А я тут все приготовлю, — пообещала Александра, тоже ощущая, как что-то гложет ее изнутри, возможно, страх, что ее вера, столь долго не подвергавшаяся испытанию, окажется недостаточной и конус не материализуется.

Иствикские торговцы мечтали превратить свой город в приманку для туристов, и некоторые магазины на Док-стрит имели в своем ассортименте ароматические свечи, величиной и формой напоминающие банки Стерно^[42], кристаллы, похожие на леденцы из прозрачных минералов, и браслеты из дешевого металла с вытисненными на них печатками и рунами. В бывшей армянской скобяной лавке Александра купила сомнительной ценности нож с требуемой черной ручкой, который мог сойти за ритуальный атаме^[43], и двустороннее дорожное зеркало на складной проволочной подставке, оно должно было послужить окном в астральный мир. Вернувшись домой и дождавшись, когда августовский заметно сократившийся день начнет сгущаться по углам в паутины, Александра, в расцвете лет гордившаяся своей физической силой, освободила гостиную, сдвинув из центра комнаты кофейный столик, клетчатое кресло и, таща то за один, то за другой конец, диван. На ковре остались глубокие вмятины от мебели. Она пропылесосила свободный теперь ковер цвета бургундского, который, когда они впервые вошли в эту квартиру, приветствовал их словно, как им показалось, приятный кусочек натуральной земли; он невидимо вбирал в себя грязь — не только красные винные пятна, но также пляжный песок, кусочки гравия с подошв, дохлых мух, живых «пыльных клещей», бактерии, негативную энергию, обрезки ногтей и крохотные винтики, которыми скрепляются очки. Эти частички еле слышно шуршали и звякали в гибком шланге и алюминиевой трубке, соединяющей его с камерой пылесоса.

Когда ритуал закончится, она пропылесосит магический круг, который сейчас очерчивала на ковре гранулами моющего средства «Каскад», щепотками доставая их прямо из отверстия коробки. Она начертала четыре пятых круга величиной с королевскую кровать или волшебное кольцо грибов, однажды найденное в лесу. Александра купила пять ароматических свечей — с запахом розы, персика, малины, лаванды и морской волны — и расставила их по кругу на равных расстояниях, образовав обрядовую магическую фигуру. Дешевая метла с ручкой из пластмассы, а не из честного дерева, чья структура отображает годовые циклы роста, была найдена в шкафу в задней комнате, куда была запихнута вместе с поломанным пылесосом и расшатанной гладильной доской. Александра поместила метлу как

хорду, соединяющую концы незаконченного, пятого сегмента, сделав из нее таким образом символическую дверь, пропускающую внутрь круга только посвященных.

В центре должен был быть алтарь. Для его сооружения Александра положила на винного цвета ковер дубовую хлебную доску из кухни, а на нее — старую медную жаровню, прелестно обугленную и потертую, она нашла ее на блошином базарчике при дороге, ведущей в Олд-Вик. Собрав подушки из всех комнат, разложила их тремя удобными горками внутри круга и стала ждать.

Джейн и Сьюки задерживались. Время приближалось к шести. Александра погрызла крекеры с сыром — гаудой цвета тыквы и лунно-белым мюнстером; их она купила в «Стоп энд шоп», куда съездила в антикварном «ягуаре» Нэта Тинкера; там же она взяла готовое куриное карри и к нему салат из рубленой брокколи, все это они с подругами съедят потом, если не будут слишком усталыми или взволнованными, чтобы есть. Шабаши традиционно было положено устраивать в полночь, но после того, как появилось много приверженцев черной магии среди трудоспособного населения, работающего с девяти до пяти, эта традиция была приспособлена к новым условиям; женщин, перешагнувших определенный возрастной рубеж, она, разумеется, не касалась вовсе. Из вин Александра выбрала кьянти «Карло Росси» в двухлитровой, с завинчивающейся крышкой стеклянной бутылки, его предстояло разливать в псевдомедные кубки, на вид основательно траченные временем, украшенные чеканкой и инкрустированные крашеными «драгоценностями», эти кубки Александра заметила на задней полке городского магазина, торговавшего свечами. Они были сделаны из покрытого фольгой картона и почти ничего не весили. Играя с пустым кубком, она подумала, что ее руки вполне соответствуют этим побитым временем вещам. Небольшая полнота в старости делает кожу более натянутой и упругой. Руки Джейн, как она заметила, были отталкивающе сморщенными и испещренными венами, а подагрические суставы болезненно опухшими и блестящими; и даже у Сьюки — у милой Сьюки, которая вела себя так, словно все еще претендовала на место в любовных списках, — руки при хорошем освещении выглядели узловатыми. Александра решила: если она откупорит кьянти и попробует его, это облегчит ей ожидание. Богиня возражать не станет. Она отрезала себе еще кусочек мюнстера.

Александра так наработалась, постаравшись, чтобы все было в полном порядке для ритуала, что к тому времени, когда подруги вернулись незадолго до семи, тараторя и хихикая над своими приключениями, была раздражена.

— Могли хотя бы позвонить, — сказала она.

— Нам все время говорили: «Еще десять минут», — объяснила Сьюки, слегка пристыженная. — Кроме того, ни одна из нас не помнила здешнего телефона!

Они с Джейн смеялись все более вымученно, сознавая, что смеяться особо не над чем; их веселость обуславливалась исключительно их настроением и раздраженностью Александры. В порядке извинения Сьюки воскликнула:

— О, как замечательно все здесь выглядит! Лекса, ты такая исполнительная!

— Да, — ответила та коротко и сурово.

Джейн никаких угрызений не испытывала.

— Они были чудовищно неумелы, — сказала она о сотрудниках радиологического отделения PROVIDENSKOY больницы. — С-с-сын дока Пита выглядит так же, как выглядел, только вырос на шесть дюймов и никакой растительности на голове не осталось. Точно-точно. Нэт правильно говорил, что никто, находящийся в здравом уме, не идет больше в медицину — слишком много легких денег можно сделать, занимаясь финансами, все приличные умы поступают в школы бизнеса. А этот ларек на дороге номер один, у которого мы остановились купить мороженого!.. У них даже нет разноцветных карамельных шариков, только коричневые, которые выглядят как мышиный помет.

— Ой, прекрати! — закричала Сьюки. — Я все время думала об этом, когда лизала свой стаканчик! — И они разразились истерическим хохотом. Оглядываясь назад, они думали: не свидетельствует ли этот смех о том, что внутри Джейн что-то переломилось — в последнее время она так мало смеялась. — Стаканчик какашек, — сказала она сквозь смех.

Александра была оскорблена, но твердо решила больше не доставлять подругам удовольствия, демонстрируя это. Они же отвели ей роль своего рода матери, ну а дети, бывает, плохо себя ведут.

— Не думаю, — тем не менее сдержанно сказала она, — что мы сегодня в подходящем настроении, чтобы вызвать совместный подъем энергии.

— А ты надень мои летающие туфли, — сказала Джейн, — и вознеси меня на с-с-своим луче, злючка.

— Вы что, выпили по дороге из Кингстона? — спросила Александра.

— Кингстон-сайз мартини, — скаламбурила Джейн.

— Всего по одной «Маргарите», — призналась Сьюки, — в том спортбаре, который когда-то был «Бронзовой бочкой». Помнишь Фиделя и его «Маргариты»? И его конек — маринованные яйца капибары? Даррил пожирал их, как голодный волк.

— Он сам был котиком-капибарой, — сказала Джейн. — Ой-ой! Лекса начинает сердиться.

Говоря это, Джейн, с этими ее уже месяц не знавшими ухода волосами, на дюйм проросшими сединой у корней, выглядела такой потерянной, такой маленькой старушкой-девочкой, что Александра смягчилась.

— Было больно? — спросила она. — Ты боялась, что будет больно.

— Рентген? Конечно, нет. Хотя они устроили такую претенциозную суету вокруг этого: убежали в свою защищенную свинцом безопасную комнату, включали рубильник, а я стояла даже без лифчика и принимала на себя удар по полной. Они палачи, те, что казнят людей на электрическом стуле. Все эти врачи... они наблюдают, как мы умираем, и ждут, чтобы им за это заплатили.

— А хуже всего маммография, — внесла свой вклад Сьюки. — Эти жуткие медсестры расплющивают твои титьки так и эдак, прижимая к ледяному стеклу! Туда специально нанимают громил-садисток.

— И после всего этого, — продолжила Джейн, — когда я спросила, что показал рентген, мне ответили, что сын дока Пита ушел домой, что он расшифрует снимки позднее и свяжется со своим отцом. В любом случае все это чушь — кто когда слышал о какой-то там аневризме брюшной аорты? Все это вызвало у меня колики в солнечном сплетении. В моем прискорбном сплетении-пищеварении.

— Бедняжка ты моя, — сказала Александра и вернулась к своей роли церемониймейстерши: — Поедим что-нибудь, прежде чем начать? Есть сыры, гауда и мюнстер, и очень вкусные рисовые крекеры со вкусом морских водорослей, которые делают японцы, я нашла их в маленькой секции деликатесов, которую открыли в «Стоп энд шоп». А если вы сильно голодны, есть карри из цыпленка с салатом из брокколи, но я не думаю, что следует пытаться возвести конус могущества на полный желудок. Мы должны быть чистыми во всех отношениях. Поэтому нужно, чтобы каждая приняла душ. Джейн, ты иди в свой, а мы со Сьюки помоемся в нашем.

— А что, если я хочу помыться вместе со Сьюки? — сказала Джейн, хмуро глядя на нее. — Или с тобой?

— Вместе мы будем воздвигать конус могущества, этого достаточно, — заявила Александра, проверяя силу своего авторитета. — Джейн, не создавай трудностей. Ты перевозбудилась оттого, что была сегодня центром такого интенсивного внимания. Нужно торопиться. Луна на ущербе. Мы должны выложиться на сто процентов, чтобы привлечь ее силу.

— А как мы должны быть одеты потом, после душа? — спросила Сьюки. — Я не привезла ничего черного и ничего с широкими рукавами.

— Никак, — постановила Лекса. Она выпила больше кьянти, чем предполагала. — Мы будем обнажены. Как я уже сказала, мы должны выложиться на сто процентов.

— Я не могу, — вдруг объявила Джейн. Жилы у нее на шее натянулись и тревожно выпятились. — Я стала старой кошелкой. Вы, кстати, тоже, дорогие древние старушки-колдуньи. Я не буду.

— Говори за себя, Джейн, — надменно огрызнулась Сьюки. — Если тебе не нравится твое тело, делай какие-нибудь упражнения. Йога, цигун... Всего каких-нибудь двадцать минут в день творят чудеса. Все тело подтягивается.

— Важен только дух, — заверила Александра. — Для меня вы прекрасны. Я смотрю сквозь физическую оболочку.

— Тогда почему ты хочешь принимать душ вместе со Сьюки?

— Я сказала, что мы воспользуемся нашим, но это не значит, что мы будем мыться вместе. Нам нужен простор, Джейн, чтобы высвободить энергию твоих чакр. Если мы будем обнажены, это

облегчит задачу. Нагота освобождает от пут внутренних запретов, свойственных западному человеку. Наши способности исцелять, как себя, так и других, нуждаются в свободе; наша сила должна быть очищена от таких нечистых мыслей, как ревность. Идем, дорогая. Возьми мою руку. Положи ее вместе со своей на живот. Чувствуешь? Я чувствую, как бьется твоя боль. Здесь. И здесь. Она рвется наружу. Выпусти ее, дорогая. Освободи свое «я». Освободииии, — повторяла Александра. — Ку-ли-ииин.

Кожа и вода, тепло и плоть, вдовы предались мытью — Джейн в синтетической шапочке для душа, в которой выглядела, если бы было кому это видеть, как викторианская горничная; Сьюки — с собранными в пучок и заколотыми шпилькой выкрашенными в кедровый цвет волосами, которые она, как могла, придерживала рукой, чтобы защитить от водяных струй; и только Александра, не опасаясь намочить голову, отдалась мощной водяной стихии; хваткими пальцами она энергично массировала мокрую кожу на голове, потом подставляла ее под секущие, молотящие, обжигающие водяные хлысты. Сьюки, еще не вытершаяся полотенцем, игриво наблюдала сквозь затянутое паром стекло душевой кабины за бурными действиями сестры по ведьмовству, потом снова вошла в кабинку и, хихикая, встала под воду; другое тело не выразило протеста, выпуклые луковичные комочки обеих приходили в соприкосновение, сталкивались, терлись друг о друга, скользкие от мыла; закрыв глаза, женщины на ощупь представляли себе кожу друг друга сияющей и гладкой. Потом Сьюки, вся розовая, от ягодич до разгоряченного лица, уклонившись от влажных ласк подруги, выскользнула за стеклянную дверь душевой; Александра последовала за ней своим более степенным шагом. Сняв тяжелый тюрбан полотенца с выскобленной головы, она наклонилась, чтобы вытереть истонченную кожу ступней, уже наливавшихся горячей энергией, которую старым колдуньям вот-вот предстояло пустить в ход.

Разделяя общую легкомысленную веселость от собственной наготы, они смущенно расселись в большой южной комнате на только что вычищенном бургундском ковре. Волосики на их руках стояли дыбом, словно наэлектризованные; глаза беспомощно блуждали по морщинам, бородавкам и шрамам, ороговениям и старческим пигментным пятнам, дряблым мышцам и участкам гофрированной

кожи, напоминающей рябь, которую пускает по гладкой поверхности воды набежавший ветерок, по варикозным венам и изуродованным подагрой суставам — по всему тому, чем время заволокло их былую красоту. С точки зрения Природы эта красота носила прикладной характер, была просто средством привлечения особи противоположного пола для осеменения. Теперь, когда задача была выполнена, они естественно, подобно женским особям других видов, превратились в отвратительные объедки, в товарок по несчастью, обманутых безумием размножения. Их глаза — цвета вороненой стали, коричневые, как черепаший панцирь, и ореховые с золотыми искрами — безостановочно-непривычно исподтишка озирали друг друга, и губы их кривились в задумчивой ироничной улыбке.

— Итак, в зачине сказано: «Приди таким, какой ты есть», — нарушила молчание Джейн.

— Думаю, учитывая обстоятельства, мы неплохо справились с этой задачей, — отозвалась Александра.

— Ты справилась, — осуждающе сказала Джейн. — Толщина все сглаживает.

— И это задница? — задумчиво произнесла Сьюки, стараясь разглядеть себя сзади. — К счастью, — вздохнула она, — вы этого не видите. А грудь! Обвисла, проклятая. — Она обхватила свои груди ладонями и приподняла на дюйм-другой, чтобы они заняли то положение, которое занимали тридцать лет назад. Когда она отвела руки, было заметно, что соски ее затвердели. Эти ее сладкие соски.

— По мне — так вы обе выглядите потрясающе, — лояльно заверила их Александра. — Не совсем как у Боттичелли, но и не как у Грюнвальда.

— Давайте уже перейдем к делу, — сказала Сьюки, чувствуя себя неуютнее всех в облачении только из собственной кожи. — Лекса, напомни, что надо делать. Чего мы хотим?

— Исцеления, душенька. Исцеления всего того, что у Джейн не в порядке, и исправления всего того, что мы тут в свое время наворотили.

— Что такого мы наворотили? — сердито вскинулась Джейн. — Позволь поинтересоваться, кто ты такая, чтобы судить, что было сделано правильно, а что неправильно? Мы все не любили Фелисию, но никто из нас не велел Клайду забить ее кочергой до смерти.

— Она плевалась перьями и булавками, которые мы вложили ей в рот, — ответила Александра. — С помощью банки из-под печенья, помнишь?

— Кто это с-с-сказал? Они умерли в одну и ту же ночь, и никого рядом с ними не было.

— Полиция, — вступила Сьюки. — Полицейские нашли перья и булавки на полу рядом с телом. Они не могли объяснить, как все это туда попало, но я могла. Я присутствовала там в качестве репортера и видела: перья и булавки были еще мокрыми от слюны.

— А кто сказал, что это была ее с-с-слюна? — продолжала спорить Джейн. — Тогда еще не было анализа ДНК.

— Перо и булавка торчали у нее изо рта, — сказала Сьюки. — Мне об этом сообщил один парень из полиции. Не думаю, что вы его помните — Ронни Казмирчак, брат того парня, которого убили во Вьетнаме и в честь которого потом переименовали Лэндинг-сквер. Он недолго прослужил в полиции, сказал, что ему надоело следить, чтобы бедные не грабили богатых, именно в этом состояла его основная работа; он стал хиппи и уехал на Аляску. Потом еще некоторое время писал мне. Говорил, что не страдает от холода, просто перестал его ощущать. Он так и не вернулся.

— Ах-ах! — притворно прорыдала Джейн. — Полагаю, в этом тоже мы виноваты? Даже если Клайда раздражало, что она плевалась перьями, большинство мужчин на его месте не стали бы из-за этого проламывать жене голову.

— Его раздражало то, что она болтала без умолку, — сказала Сьюки.

— Ради всего святого, — взмолилась Александра, — давайте забудем о Клайде и Фелиции! Кого мы действительно убили, так это Дженни. У тебя на кухне, Джейн. Мы сделали восковую куклу...

— Ты сделала, — перебила Джейн.

— Я это сделала по твоему совету и с помощью предметов, которые собрала ты. А булавки в куклу втыкали мы все... и слова произносили все. Злое заклинание. Вот она и умерла к концу лета.

— Я снова заливаюсь слезами, ах-ах. Она умерла от рака яичников, давшего метастазы. Для нее это было избавлением, этот рак рос в ней уже несколько лет.

— Прошу тебя! — Александра невольно испустила вздох. Этот вздох исторгла из нее материализовавшаяся в зрительный образ мысль о родных клетках, сошедших с ума.

— Такое случается с людьми сплошь и рядом, — безжалостно продолжала Джейн. — Наше заклятие могло не иметь к этому никакого отношения. Может, это было чье-то еще заклятие. В те годы в городе скопилось много злобы.

— Много женской силы, — уточнила Сьюки, видя, что Александра онемела, погруженная в свои страхи и тревоги.

— Стойте! — вдруг закричала Джейн, словно увидев нечто в пространстве перед собой. — Все эти разговоры натолкнули меня... Меня только что осенило: тот мужчина, что поздоровался со мной на Вейн-стрит возле дома дока Пита — мы еще подумали, что он мог остановиться у Греты Нефф на Оук, в двух шагах оттуда, — это был Кристофер Гейбриел. Брат Дженни. Помните, каким он был красивым мальчиком? Даррил быстро увез его в Нью-Йорк, и там они затерялись. Это был тот...

— Это был он, — поправила ее Александра. Она уже пришла в себя и жаждала поскорее приступить к ритуалу исцеления и исправления зла. Джейн, как всегда, создавала препятствия и была настроена негативно.

— Почему он здесь? — спросила она. — Зачем он вернулся?

— Ну, это только ты так думаешь, что он вернулся, — заметила Сьюки. — Только ты видела его или думаешь, что видела, — ведь было темно и шел дождь. — Но в унитарной церкви, припомнила она, в переднем ряду Грета стояла как минимум с одним мужчиной в полный рост, с незнакомцем, с соучастником. Грета обманом вовлекла великодушную красавицу Дебору Ларком в свой убийственный заговор.

— Да видела я его, видела! — не сдавалась Джейн. — Это был тот. Он. Постаревший, растолстевший, измочаленный, но он. Красавчик Кристофер. Это его ангельские серебряные локоны. И именно он делает это со мной.

— Делает — что? — спросила Сьюки. — Джейн, пожалуйста. — Так же, как Александру, ее начало раздражать эгоцентричное нежелание Джейн приступить к делу. Она устала от того, что угождала

ей весь день в Провиденсе и по дороге домой, к тому же была голодна, а поесть они не смогли, пока не закончится ритуал.

— Убивает меня! — ответила Джейн. — Удары! То, что у меня постоянно болит желудок! Не именно желудок, а внутренности, как будто там что-то истончается. Точнехонько вот здесь. — Она потрогала грудину между сморщенными отвислыми маленькими мешочками; при ее наготе этот жест вызвал отвратительный образ беспросветного мира внутри ее — асимметрично переплетенные лиловато-багряные органы, черная скользкая пещера, залитая кровью, без конца пульсирующей повсюду. Нет, не без конца. У всех у нас есть свой конец. Удары сердца отсчитывают время. Время нас побивает.

— Это интересно, Джейн, — несколько высокомерно вставила Александра. — Это можно выяснить, и начать нужно будет с Греты, хотя, признаюсь, общение с ней не входит в мое представление о приятном времяпрепровождении. Но...

— И это касается не только меня, — возбужденно продолжала Джейн. — Не думайте, что вы будете только с-с-сторонними наблюдателями. Он и за вас примется. Он винит всех нас в смерти сестры и пришел за всеми нами. Вероятно, Даррил передал ему часть своей энергии, и вот он начал охоту за нами. Он там, за порогом. Я это чувствую.

— Прошу тебя, детка, — попыталась урезонить ее Александра. — Если то, что ты чувствуешь, правда, тем больше у нас оснований воздвигнуть конус могущества. Мы будем творить *белую* магию. Мы будем просить Богиню за тебя. Мы скажем ей, что сожалеем о Дженни.

— Слишком поздно, — сказала Джейн. — И я ни о чем не с-с-сожалею.

— А ты что думаешь? — воззвала Александра к Сьюки.

— Я думаю, что, какой бы глупостью ни было то, что ты затеяла, мы должны это сделать поскорее, чтобы можно было наконец поесть. Единственное, что я съела, начиная с полудня, — это стаканчик мороженого, посыпанный дурацкими шариками.

— А я бы выпила мартини, — подхватила Джейн. — Просто мечтаю об этом. И добавь чуть-чуть вермута, Лекса, большое спасибо. — Поскольку Александра не торопилась выполнять ее просьбу, она нетерпеливо добавила: — Ладно, не беспокойся, лентяйка. Я сама налью.

— Давай-давай, — ответила Александра. — Не уверена, правда, что у нас есть вермут.

— Тогда к черту вермут. Мне нужно что-нибудь на с-с-себя надеть или включить обогреватель.

Голодная Сьюки заметила сыр и крекеры, и вскоре на ее губах посверкивали соль и крошки. Ее крупные зубы немного выпятились вперед, придав пухлому рту провокационную, слегка надутую форму. Обращаясь к Александре, она произнесла:

— Мюнстер очень вкусный. А гауда суховат. Где ты его взяла? Ты сказала, в «Стоп энд шоп»? В Джеймстауне есть магазин, где сыры лучше.

Она осыпала крошки в магический круг и босыми ногами бессознательно задела четкую линию «Каскада». На щиколотках Сьюки, хоть все еще и стройных, проступала венозная паутинка, напоминавшая голубоватую вышивку на белых носках.

— Ну пожалуйста! — взмолилась Александра, чуть ли не до слез расстроенная недисциплинированностью своего маленького ведьмовского сообщества. — Давайте восстановим порядок. Богиня ненавидит неразбериху. Она терпеть не может беспорядка в домашнем хозяйстве.

— А она ведет домашнее хозяйство? — поинтересовалась Сьюки.

— Я страшно огорчена, — объявила Джейн, возвращаясь из кухни. — Я нашла вермут, Лекса, причем именно там, где и рассчитывала. Но кто-то пил его. Кто? Или у нас завелись мышьялокоголики? — Она сделала глоток и скорчила кислую мину.

Александра проигнорировала ее выпад и объяснила Сьюки:

— Прежде чем обращаться к Богине с какой бы то ни было просьбой, мы должны войти в круг. Швабра — это ворота. Я их открою. Но перед тем, как войдем, мы должны совершить священное круговращение.

— Священное круговращение? — переспросила Сьюки. — А что такое «священное круговращение»?

— Как же ты могла забыть, детка? Это значит, что нужно обойти круг снаружи по часовой стрелке. В добром направлении. Чтобы совершить зло, надо обходить его против часовой стрелки.

— Все это чистый формализм, — отмахнулась Сьюки. — Мне кажется, что раньше мы все это делали естественно. Ведьмовство

было просто определенным этапом жизни, как менопауза.

— Это происходило до менопаузы, — вставила Джейн. — Как раз накануне, перед тем как мы сдались. О, эта прекрасная *sang de menstrues*^[44]! Кто бы мог подумать, что мы когда-нибудь будем тос-с-сковать по ней?.. Нынешние мои спазмы куда хуже!

— Тебе нужно расслабиться. Нам всем не помешает расслабиться, — сказала Александра своим ласково-успокаивающим, материнским голосом. И подружки не стали перечить, когда она трижды обвела их по часовой стрелке вокруг магического круга. Ночь на дворе была достаточно темной, чтобы окна превратились в зеркала, отражающие их бледные дрожащие тела. Неверный свет шел снизу, от разноцветных широких приплюснутых свечей, расставленных на полу в пяти точках невидимой магической фигуры. Опасаясь, как бы не испустить газы, Александра наклонилась, отодвинула в сторону швабру с пластмассовой ручкой и вошла в открывшийся круг. Сьюки последовала за ней, потом Джейн. Три тени бесшумно кружили по низкому потолку, наплывая друг на друга, увеличиваясь и умножаясь в идущем от пяти неверных источников свете. Подружки стали вплотную друг к другу, чтобы — если какое-нибудь пучеглазое призрачное существо будет взирать на них через окно — казаться единой плотью.

Джейн непристойно грубым сиплым голосом прервала тишину:

— Что эта допотопная хлебная доска делает здесь, в середине?

— Это алтарь, — объяснила Александра с приличествующей тайне нарочитой мягкостью. — Я нашла ее в кухне, под мойкой, среди чайных подносов.

— А бронзовый таз откуда? — спросила Сьюки, стараясь звучать в той же уважительной тональности.

— Медный, — поправила ее Александра. — Он с блошиного рынка в Олд-Вике. А маленький колокольчик с другого базарчика — это чей-то обеденный колокольчик из тех времен, когда в Ньюпорте у всех были горничные и дворецкие. А эти кубки, — она передала каждой по кубку, — я купила прямо на Док-стрит. Иствик на удивление хорошо оснащен для нашего Цеха.

— Цеха, — повторила Сьюки. — Сто лет не слышала этого слова. — Она повертела в изящной руке кубок, бывший легче птички. — Он же из оловянной фольги, — догадалась она, не сильно удивившись.

— Держи его ровно, — попросила Александра. — Я наливаю.

Протянув руку и почувствовав при этом запах собственной подмышки, Александра достала с наружной части круга тяжелую стеклянную бутылку кьянти «Карло Росси».

— Ну и пойло, — сказала Джейн, тем не менее подставляя свой кубок, чтобы наложить кьянти на мартини и «Маргариту». В трепещущем тусклом свете красное вино казалось черным. Три заброшенные души подняли свои фальшивые кубки из хлипкого позолоченного картона с засохшими капельками краски, изображающими драгоценные камни, и сдвинули их в воздухе.

— За нас, — сказала Александра.

— За нас.

— Да. За нас-с-с!

Сьюки смахнула винный след с тонких волосков на верхней губе и пристально осмотрела загадочные композиции из подушек на ковре. Ее голос прозвучал покровительственно, но сочувственно:

— Лекса, голубушка, ты столько потрудились, чтобы соединить нас с Богиней.

— Соединить? Она что, обзавелась сотовым телефоном? — сострила Джейн. Ее богохульство раздражало подруг и определенно являлось признаком ее нездоровья.

— Абонент находится вне зоны действия Сети, — произнесла Сьюки автоматическим голосом электронного автоответчика. Никто не засмеялся.

Торжественно-черные окна — с теплосберегающими рамами фирмы «Андерсен», на кривошипях, работавших как часы, когда были новыми, но со временем скопившими грязь и ржавчину и ставших норовистыми и тугими, — молчаливо осуждали их за подобную легкомысленную болтовню. В безмолвной скорби они взирали на колдовские тени сомкнутого круга вдов с квадратными плечами.

— А колода карт зачем? — спросила Сьюки. Ее голос, самый беспечный и молодой среди голосов трех подруг, в ожидании тех сил, кои должны были вот-вот оказать себя, становился натянуто-звонким. — Мы собираемся сыграть в «дурака»?

И снова никто не засмеялся в ответ. Вселенная содержит огромные объемы пустоты, но эти колоссальные пустоты между звездами являются громоздкими дверьми, которые можно открыть и

впустить неожиданные ветры и бормотание лениво пробуждающихся неземных сил.

— Это карты таро, — объяснила Александра. — Я купила их в городе. Давайте сядем. — Ее голос звучал теперь ровно, ласково, но при этом твердо. — Всем удобно на подушках? Для ног места достаточно?

По правде сказать, сначала было непросто устроиться на площади, не превышающей площадь кровати, без того чтобы твои руки или ноги не мешали другим, а также — поскольку колени приходилось либо сгибать, либо разводить, — не выставив напоказ мохнатые и пахучие сокровенные части тела, названия которых на протяжении многих христианских веков было запрещено даже произносить вслух.

Александра подняла маленький серебряный колокольчик, звенящий осколок канувшей в Лету классовой системы, и легко встряхнула его, словно желала позвать прислугу. Призывный перелив кругами, все шире и шире, стал расходиться за пределы магического круга.

— Посмотрим, помним ли мы еще имена тех, кто составляет Ее свиту, — тихо сказала Александра и начала медленно перечислять: — Аураи, Ханлии, Тамсии, Тилинос, Асамас, Зианор, Ауонейл.

Джейн подхватила со страстью страдальцы, доведенной терзаниями до святотатства:

— Цабат, Мес-с-сия, Эмануэль, Элчим, Эйбор, Йод, Хи, Ву, Хи! Потрясающе: я все еще помню!

— Это было так давно, — сказала Сьюки и, запинаясь, продолжила: — Астачот, Адонаи, Агла — эти трое начинаются с «а», потом Он, Эль, Тетрагамматон, Шема, Аристон, Анафаксетон... Лекса, этого Ей вполне достаточно для свиты.

Молчание. Черные окна. Маленькие трепещущие свечные фитильки, протапливающие себе ямки в цветных восковых барабанчиках и источающие тошнотворный аромат, который перебивает любой другой запах, какой бы ни исходил из нечестивых промежностей распутниц, от гнезд некогда густых и упруго-курчавых, а ныне ставших жидкими и седыми волос, этих лобковых часов, которые десятилетие за десятилетием, невидимые под бельем, тикают, отсчитывая время.

— Богиня, ты здесь? — высоким голосом воззвала в тишине Александра. Она снова позвонила в колокольчик и после небольшой паузы спросила двух остальных: — Вы чувствуете вибрацию?

— Честно говоря, нет, — призналась Сьюки.

Джейн, все еще лелея надежду ради себя самой, рискнула ответить:

— Я не уверена.

— Мы не должны Ее торопить, — вежливо, словно бы извиняясь, произнесла Александра и снова позвонила в колокольчик, потом еще.

— Я определенно что-то чувствую. Ее! — горячо воскликнула Джейн. — У меня появилось отчетливое теплое ощущение, что все будет в порядке. Я в Ее руках!

— Хорошо, — нараспев сказала Александра, успокаивая ее, — хорошо. — Она закрыла глаза, чтобы лучше настроиться на прием. Это напоминало радио: одна станция, работающая на близких волнах с двумя другими, с которых слабо наплывает музыка, какая-то мелодия, прорывающаяся сквозь помехи статического электричества. — Внутри каждой из нас, — речитативом модулировала Александра, — существуют препятствия и запреты, которые связывают нас и тянут вниз, мешают нам быть свободными. Богиня, развяжи эти путы.

Молчание. Внизу, на парковке, по гравию зашуршали шины автомобиля. Чьего? Какого-нибудь призрака из былых времен?

— Ну и что теперь? — резко спросила Сьюки. — Сколько нам еще ждать? И чего?

Почему Сьюки является источником разлада? Или сомнений? Александра догадалась, что она ревнует к Богине. Она все еще хочет сама быть богиней.

— Заткнись, — сказала Джейн, обращаясь к Сьюки. — Пусть Она говорит.

— Наши обручальные кольца, — произнесла Александра внушенные ей слова. — Она считает, что мы не должны больше носить обручальные кольца. Они стоят между Ней и нами. Между нами и астральной реальностью. Можете их снять?

— Господи, да конечно, — сказала Сьюки. — Оно вечно спадает с пальца, когда я мою руки, и с грохотом падает в раковину. Только и гляди, чтобы его не смыло в трубу.

Оказалось, что больше всех не желало сниматься кольцо самой Александры; оно впилося в ставший слишком толстым палец. С болью, но ей все же удалось протащить его через побелевшую, сложившуюся складками кожу первой фаланги. На пальце осталась белая вмятина, словно ленточка, обвязанная вокруг крохотного деревца.

— Положите их на алтарь, — скомандовала она. —левой рукой, той, на которой вы их носили.

Три старческие руки протянулись вперед и положили кольца так, чтобы каждое соприкасалось с двумя другими: кольцо Сьюки — массивный золотой обод с выгравированной ювелиром из Гринвича надписью внутри: «Навек»; кольцо Джейн — потоньше, звено в длинной цепи предков Нэта Тинкера; и кольцо Александры — среднего размера, дольше всего носившееся, надетое на ее средний палец под прямыми лучами дневного света, лившегося в сложенную из известняка часовню, прозрачные окна которой, словно рама, заключали в себе вид на сморщенные сухие Западные горы. Когда Джим Фарландер надевал ей на палец кольцо, его собственные пожелтевшие от никотина пальцы дрожали, то ли с похмелья от вчерашнего мальчишника, то ли просто от нервов. Ей предстояло носить кольцо, ему — оковы брака. Она чувствовала его испуг через прикосновение руки и заключительные слова клятвы произнесла с лаской, какую вкладывает в свой жест ковбой, любовно треплющий по шее робкую лошадь, чтобы успокоить. Ее взгляд потеплел от этого воспоминания, и навернувшиеся на глаза слезы, быть может, стали утешительным даром Богини.

— Теперь, — громко произнесла она, — мы свободны. Какие бы путы ни сковывали наши сердца, теперь они развязаны. Пусть же Твоя целительная энергия беспрепятственно войдет в нас. Мы безраздельно в Твоей власти. — Потом она обратилась к двум другим молящим: — Моя идея состоит в том, чтобы исправить дурное деяние, совершив доброе.

— Дурное, доброе... — презрительно повторила Сьюки. — Все зависит от контекста. То, что в один день является добрым, в другой становится дурным. В любви и в войне все позволительно.

— О, давай не будем, — плачущим голосом взмолилась Джейн. — Мы же пытаемся мне помочь. Мы боремся со злом, которое насылает

Крис-с-стофер.

Сьюки разглядывала собственную руку:

— Мне нравится так, без кольца. Голая. Я люблю наготу.

— А меня пугает то, что я его сняла, — призналась Александра, которая полагала, что обручальное кольцо — путо: оно привязывает, не давая взлететь, но оно же и удерживает нас от многого.

— Лекса, что дальше? Скажи нам, что делать теперь? — попросила Джейн. Она словно двигалась вспять, даже голос у нее стал звучать по-детски.

Александра взяла колоду карт таро и разложила их на ковре лицом вверх по их четырем архаическим мастям — кубки, денарии, жезлы и мечи — плюс двадцать две карты, составляющие высший аркан. Они были маленькими яркими воротами в альтернативное царство.

— Возьмите каждая по одной, — велела Александра подругам, — по той, которая напоминает вам знакомого человека, находящегося в беде и нуждающегося в помощи. Сосредоточьтесь на ней под конусом могущества и, когда почувствуете, что перешли в астральную сферу, сожгите.

— Сжечь?

Александра взяла с алтаря и подняла над головой картонку спичек, которыми до того зажигала ароматические свечи, все еще мерцавшие и распространявшие свой пахучий дымок.

— Я постаралась найти карты с самым тонким покрытием. Итак, я начну. — Она оглядела разложенные карты и выбрала дворцовую, королеву кубков, которая, с ее пустым выражением лица, могла сойти за Веронику Марино-О'Брайен, если добавить ей царственной надменности ее матери. Склонившись над картой, Александра спроецировала на ее маленькую глянцевую поверхность свой мысленный, составленный из нейронных связей, образ человека, на которого было направлено ее колдовство, и обратилась к Богине с молитвой: «Пусть она станет плодородной. Соедини ее трубы. Да передастся ей плодовитость ее родителей, Джины и милого Джо». Александра почувствовала, что услышана, Богиня низко склонилась со звездного небосвода, и ее длинные волосы заструились хвостами комет. Просительница держала картуза верхний уголок, поднеся зажженную спичку к нижнему, и когда покрытая неким химическим составом карта, нехотя, все же занялась, бросила ее в медную

жаровню, где она горела голубым с зеленым ореолом пламенем, сворачиваясь трубочкой, пока не остался прямоугольничек пепла, разлетевшийся в конце концов, как сброшенный с высоты тончайший фарфор. Александра наблюдала за процессом окисления так напряженно и сочувственно, что на бровях, шее и загривке появилась испарина. Круг, который она начертала на ковре, был теперь основанием конуса могущества, представлявшегося ей вигвамом из бизоньей шкуры, раскалившимся от мескитовых веток разложенного посередине костра для приготовления пищи.

— Я следующая, — сказала Сьюки, — хотя и не особо во все это верю.

Она взяла валета денариев — юношу с самодовольным профилем. Показав карту двум другим злодейкам, закрыла глаза и сквозь покрытый тонкой пленкой клееный картон послала свое горячее пожелание, свою мольбу за покалеченного бывшего любовника Томаса Гортон. «Исцели, — мысленно приказала она. — Сотвори невозможное, как Ты делаешь при каждом рождении человека и каждом рождении любви». Она чувствовала Богиню внутри себя, чувствовала прилив сексуальной энергии и энергии продолжения рода, она воочию видела ленту ДНК, протянувшуюся из Африки и змеей ползущую вперед, в бурнородящее будущее, видела клетки, из микроскопических узелков вырастающие в прямоходящих мужчин и женщин, физически полноценных и прекрасных в каждом своем сухожилии и в каждом сосуде. Она взяла спички; пламя лениво занялось; рыжий огонь, расширяясь, карабкался вверх по картонному прямоугольнику, словно орды захватчиков на анимационной карте человеческой истории, постепенно заволакивая пузырящейся чернотой самодовольный профиль. Сьюки бросила еще не распавшийся квадрат пепла в медную жаровню, где он скорчился со слышимым шелестом в своем последнем молекулярном преобразовании. Обожженные пальцы на ее левой руке саднило — она слишком долго держала ими горящую карту. Подняв голову, она увидела, что синеватая дымка скопилась под потолком. Интересно, насколько чувствительна здешняя система пожарной сигнализации? — подумала она и вознесла мольбу Богине, чтобы та повысила порог ее чувствительности.

— Теперь ты, Джейн. Твоя очередь, — сказала Александра наставительным голосом ведьмы-матери, посредницы Природы, хотя

не была уверена, что Джейн внутренне способна на доброе деяние. — Возьми карту.

Дряхлая рука Джейн потянулась к козырной карте под названием Дьявол. На ней был изображен скелет в изящной позе, с перекрещенными щиколотками, державший в руках длинный лук и стрелу размером с пикку. Но рука вдруг отдернулась назад, и Джейн издала сдавленный звук, заставивший двух других ведьм моментально повернуть к ней головы; лицо Джейн налилось кровью, взгляд стал отрешенным. Потом из-под своих мужских черных бровей она гневно сверкнула глазами сначала на одну, затем на другую подругу. Выражение ее лица сделалось возмущенным. Но вслед за этим глаза закатились, а открывшийся рот почернел от излившейся в него крови.

— Детка! — закричала Александра, вдруг поняв, что любит ее и страстно желает исправить все, что пошло не так.

— Господь милосердный, — пробормотала Сьюки. Богиня испарилась. Луна, светившая снаружи через окно, склонила свой почти полный лик к невидимому солнцу. Две нагие женщины изо всех сил старались поднять тело третьей, но оно обмякло, как пустой бурдюк, несмотря на то что Джейн корчилась в конвульсиях, противясь тому — чем бы оно ни было, — что овладело ею.

— Ч-ч-черт! Как больно, — прошептала настигнутая ударом вдова. Кровь с каждым словом толчками вытекала изо рта на подбородок.

Александра вскочила, сверкнув, словно молния, трясущимся обнаженным телом, бросилась к телефону и набрала номер, который всегда находится в зоне действия, — 911.

III. Утоленная вина

Женщина на другом конце линии заверила Александру, что медики «скорой помощи» знают, где находится «Ленокс сивью апартментс». «Нужно съехать с прибрежной дороги налево, на боковую, и подняться по ней наверх», — продемонстрировала свою осведомленность диспетчер, явно расположенная поболтать. Однако прошло не менее пятнадцати мучительных минут, прежде чем сирена «скорой» послышалась сначала вдали, потом пугающе близко — ее громкий вой заглушил визг тормозов и треск гравия на подъездной аллее. В первые из этих пятнадцати минут Сьюки растирала холодеющие руки Джейн, между тем как Александра с униженной неумелостью и отвращением пыталась вдохнуть жизнь в мокрый вялый рот Джейн и запустить снова ее сердце. Она сама чувствовала, что ее действия неуклюжи, судорожны и тщетны, хотя и пыталась точно воспроизводить эпизоды из больничных сериалов, которые много лет назад празднично наблюдала по телевизору; но что в этот момент могла она сделать, чтобы не дать Джейн еще глубже сползти в пропасть, которая неожиданно разверзлась перед ней? Прижимая ухо к тощей груди подруги, она, как ей казалось, все еще слышала булькающие звуки подземного потока. Глаза Джейн были закрыты, и тело больше не сопротивлялось своему невидимому мучителю.

В первый момент волна паники начисто смыла из сознания женщин то, что они пребывали в костюме Евы, но потом, так же, как это случилось с четой в райских кущах, они осознали свою наготу и встревожились.

— Они уже в пути? — спросила Сьюки. Ее лицо так напряглось от страха, что стало гладким, в тот момент она казалась Александре снова молодой, почти девочкой. — О Господи, Лекса, нужно же одеться! И Джейн нужно одеть! Где она оставила свои вещи?

— Она принимала душ у себя, значит, одежда должна быть в ее комнате. — Неимоверный груз обстоятельств парализовал мозг Александры; чем быстрее билось ее сердце, тем медленнее двигалась она сама; ее колени и руки появлялись в поле зрения, как в кадрах, снятых неумелым кинооператором. Ей пришлось сделать огромное

усилие, чтобы заставить себя войти в маленькую, без окон, комнату Джейн, которая уже начинала обретать покой склепа. Черные слаксы, желтовато-коричневый вязаный жакет и сверху белье были аккуратно сложены на узкой одинарной кровати. Туфли, простые, без каблуков, в строго бостонском стиле, носок к носку стояли под кроватью. Какими невинными и беззащитными, какими ненужными они вдруг показались! Две подруги-постоялицы втащили Джейн обратно в комнату, куда солнечный свет проникал только сквозь мутную пластмассу слухового окошка под потолком, словно беспомощную тетушку — старую деву или непослушного ребенка. В ярком электрическом свете Александра заметила свое отражение в большом зеркале, вмонтированном во внутреннюю поверхность двери: она прижимала к груди одежду Джейн, нижняя часть тела и плечи оставались обнаженными. Ее шокировал вид собственных губ, испачканных ярко-красной кровью Джейн, оставшейся на них с того момента, когда Александра пыталась ссудить подруге собственное дыхание.

Одевание обмякшего тела привело на память неприятное ощущение одевания ребенка — вялые конечности, отказывающиеся сгибаться в нужную сторону, произвольное сваливание безжизненного веса то на один, то на другой бок.

— Помнишь пояса, которые мы носили в пятидесятые? — спросила Сьюки, помогавшая Александре тянуть и толкать тело. — С защипами на резинках для длинных чулок. Какое это было варварство!

— Ужасное, — согласилась Александра. — Жутко натирало бедра.

— Хвала Господу за колготки.

— Хвала Богине, я бы сказала.

— Ну уж нет! После всего этого не напоминай мне о Богине.

Когда они совместными усилиями натягивали на Джейн слаксы, Александра спросила:

— Ты могла себе представить, что Джейн носит такие длинные трико? Да еще и с кружевами?

— Надо же ей было поддерживать интерес в своем комичном маленьком муже. Приходилось постараться, чтобы завести его, Джейн сама мне это говорила.

— Мне тоже.

— И потом, белье бывает так трудно выбросить. Все время думаешь: какого черта, можно еще раз постирать.

Когда они приподняли Джейн, чтобы застегнуть бюстгальтер и надеть жакет, Александра боязливо спросила:

— Тебе не кажется, что она слишком холодная?

— Вообще-то я не чувствую пульса пальцами, — ответила Сьюки. — В кино про убийства всегда так проверяют.

— Можешь принести мне зеркало с алтаря? Я подержу его у нее перед ртом.

— Ой, Лекса, я тебя умоляю! В любом случае: что еще мы можем сделать кроме того, что делаем? Только привести ее в презентабельный вид.

— Я знаю, знаю. Черт возьми, я знаю, что что-то можно было бы сделать, будь мы врачами или более умелыми ведьмами.

— Будь мы более умелыми ведьмами, этого, может быть, вообще не случилось бы, — возразила Сьюки. Тем не менее отправившись за зеркалом, она замешкалась перед входом в магический круг, потом осторожно отвела то ли швабру, то ли метлу в сторону, предпочтя не переступить через нее, словно ее волшебная сила не была аннулирована. Когда зеркало, еще несколько минут назад призванное служить окном в иной мир, подносили ко рту Джейн и в нем проскользнуло ее увеличенное отражение, руки у Александры задрожали, но на зеркальной поверхности появилось маленькое пятнышко пара, свидетельствовавшее о слабом дыхании жизни.

— Как ты думаешь, что это было? — задумчиво спросила Сьюки. — Она ведь прямо как будто взорвалась.

— Она все время грешила на электричество, — вспомнила Александра. — Посмотри-ка там, как она выглядит?

Тело третьей женщины лежало вытянутым на ковре и странным образом напоминало невесту, убранную к свадебному ритуалу чужими руками. Один уголок губ был язвительно поджат, словно она собиралась изречь очередной из своих каламбуров, которые так любила. Руки, скрещенные на груди, казались слишком большими и жилистыми для такой миниатюрной женщины.

— Обручальные кольца, — спохватилась Александра. — Принеси их.

Повинуясь ее распоряжению, Сьюки сказала:

— Надо бы убрать весь этот хлам, пока не приехала «скорая».

— Не называй это хламом. Это инструменты. Или проводники энергии.

— И надо пропылесосить круг на ковре.

— Наш магический круг, — уточнила Александра, — замкнутый накоротко.

— Ты говоришь как Джейн. Все это слишком ужасно. Я не могу поверить, что это случилось на самом деле. — Сьюки присела на корточки, чтобы надеть кольцо на бесчувственный палец Джейн, ее бедра при этом утолстились, груди слегка раскачивались.

— На левую руку, — напомнила Александра.

— Разумеется, конфетка. На ту, что с мозолями.

Кольцо Александры так же не желало надеваться на палец, как совсем недавно — сниматься с него.

— Нам и самим нужно одеться, — сказала она.

— Я опять забыла, что мы голые. Ну не безумие ли?

— Ты выглядишь прелестно. — Александра виновато посмотрела вниз, на бесчувственную подругу по греху. Она ощутила необходимость какой-нибудь церемонии и проникновенно произнесла над расширявшейся пучиной: — Мы любим тебя, Джейн.

Сьюки повторила за ней:

— Мы любим тебя, Джейн. — И добавила: — Никуда не уходи.

Обе поспешили натянуть на себя одежду, поправить волосы, а Александра еще и умыться и накрасить губы. Сирена «скорой» была слышна уже где-то в миле от дома, приблизительно с середины тянувшейся вдоль берега дороги, где когда-то цвел и плодоносил яблоневый сад, пока его не превратили в район типовых домов, и ее громкое бляение становилось все громче по мере того, как машина двигалась по дамбе, а потом мчалась вокруг усадьбы, прежде чем затормозить на гравии под их окнами. Сьюки быстро собрала карты, колокольчик, зеркало, свечи, хлебную доску и медную жаровню с хлопьями пепла, оставшимися от огненного вторжения в астральные сферы, отнесла все это на кухню, сунула в шкаф и захлопнула дверцу, пока Александра возила по полу хоботом ревущего «Электролюкса», уничтожая священный круг. Гранулы «Каскада» тарахтели во внешней металлической насадке и глухо барабанили в гибком шланге,

стремительно втягиваясь в нижний мир, населенный пыльными клещами.

Резанув ухо, зазвенел звонок у входной двери. Сьюки, что-то тараторя, впустила прибывших. Лестница загромычала под их тяжелыми шагами; медики бригады экстренной медицинской помощи в своих зеленых хирургических костюмах ворвались в открытую дверь. Их было трое, двое мужчин и женщина, все моложе любого из детей трех ведьм. Мужчина, больше всех нагруженный аппаратурой, задыхаясь, сказал:

— Еле нашли. Никто не хотел указывать дорогу к этому месту.

Женщина, которая несла меньше всего оборудования, сморщила нос, вдохнув запах свечей, и явно заметила на ковре дорожки от свежей уборки пылесосом. Но объект неотложной помощи лежал перед ними на полу, и уже через десять минут они на носилках выносили из квартиры Джейн, еще живую, как они заверили, но до подбородка укутанную в серебристое одеяло с подогревом и пришпиленную к двум — по одной с каждой стороны — капельницам, из которых в оба ее запястья вливалась какая-то бесцветная жидкость.

Джейн умерла в Уэствикской больнице той же ночью или, точнее, ранним утром следующего дня, когда убывающая луна, как намокшая вафля, тускнела, сдаваясь первым чайного цвета лучам зари. У нее разорвалась брюшная аорта, и с этим ничего нельзя было поделать. Кровь залила все ее внутренности. Док Пит должен был получить расшифровку ее снимков на следующее утро, и его сын из Провиденса собирался сопроводить ее рекомендацией провести превентивную операцию, которая для женщины такого возраста, с анамнезом, свидетельствующим об отнюдь не крепком в последнее время здоровье, была весьма рискованна сама по себе. Ничьей вины в ее кончине не было, заверили двух ее потрясенных подруг высшие представители медицинского учреждения. Если говорить о смертях, то смерть Джейн была быстрой и легкой — она настигла ее в дружеском окружении и была не то чтобы совсем безболезненной, но боль она испытывала всего лишь несколько секунд, прежде чем сознание навсегда покинуло ее.

Из них трех Джейн была единственной, действительно умевшей летать; унесенная смертью, она унесла из Иствика и двух других.

Месяца не успели они провести в Иствике, как город наслал на несчастную троицу такое же проклятие, каким оно отравило его жизнь за три десятилетия до того; они испытали странное ощущение, будто за городскими пределами разумная реальность перестала существовать. Их всю весну обсуждавшиеся по телефону и электронной почте планы использовать Иствик как отправную точку для путешествий повсюду — от Провиденса с его музеями до побережья, через Новый Лондон в Ньюпорт — оказались на поверку слишком амбициозными. В соблазнительном свете повседневных привычек, посещения ресторанов, мелких забот и тройного переплетения нитей, связывавших интересы каждой с этим городом, победила инерция.

Теперь, со смертью Джейн и связанными с ней общественными мероприятиями, внешний мир набросился на них, взбадривая и смущая двух переживших ее женщин своим многоцветьем и разнообразием. Бруклайн, этот островок цивилизованного существования, льнувший к Коммонуэлс-авеню как огромный клещ, высасывающий жизненные соки из политического тела Бостона, между Бикон-стрит и дорогой номер девять представлял собой сеть кривых улочек с многомиллионными домами из оштукатуренного кирпича, расположенными на маленьких, безукоризненно зеленых, поросших натуральной сочной травой лужайках, изобилующих вручную подстриженными кустами и отборными деревьями. Двор перед домом Тинкеров простирался глубже других внутрь участка, а сам дом был выше и темнее, его венчал третий этаж с мансардой и башенкой, пустой, как церковная звонница.

Сьюки уже была знакома с хозяйкой этого имения, а Александра пока чувствовала себя неготовой к шоку, который наверняка должна была вызвать встреча с осиянным печалью чудом вековой выдержки. Смерть, похоже, предпочла не замечать эту женщину — живое свидетельство того, предположила Александра, вспоминая их с Джейн совместное путешествие, что египетский анк^[45], то есть мечта египтян о вечно продолжающейся жизни, вероятно, не так уж и беспочвенна. Необыкновенно старая дама была размером с тринадцатилетнюю девочку или тщательно спеленатую мумию. Она встретила их в парадном вестибюле, у подножия огромной широкой лестницы с перилами из орехового дерева, которая, сужаясь в перспективе,

спиралью уходила вверх, в мрак темнеющих обоев. Чтобы принять участие в поминовении снохи, старуха спустилась с верхнего этажа с помощью клетки подъемника, ствол которого был установлен внутри лестничного проема и пронизывал его словно посох Меркурия — змеиные кольца на кадудее^[46]. Поскольку ажурная конструкция лифта практически не создавала никаких преград для зрения, скорбящие, собравшиеся на террасу первого этажа, наблюдали нисхождение миссис Тинкер как чудо явления *dues ex machina*^[47]. С величайшей осторожностью, словно вверяя широкой ладони Александры хрупкое чучелко бесценной птицы, она вложила четыре высохших пальца во вспотевшую от августовской влажной жары восточного побережья руку более молодой женщины.

— Значит, вы Александра, — сказала миссис Тинкер скрипучим, шелестящим, но отчетливо произносящим слова голосом. — Джейн вас обожала.

Морщины на ее щеках были столь глубоки, что напоминали боевую раскраску индейца, вступившего на тропу войны; а лицо было иссушенным и имело желто-коричневый оттенок, какой приобретают края страниц дешевой книги, даже если на них никогда не падал луч солнца. Нижние веки обвисли, обнажив внутреннюю поверхность бледно-розового цвета.

«Обожала меня?» — мысленно удивилась Александра. Неужели это правда, притом что ее собственное обожание было отдано Сьюки и их обеих, Александру и Сьюки, немного отгалкивала серовато-синяя аура ярости и обреченности, которая окружала Джейн?

— А мы любили ее, — произнесла Александра с исключительной осторожностью, словно малейшее движение воздуха могло вдребезги разбить видение, стоявшее перед ней. Даже черные складки шелкового траурного наряда миссис Тинкер казались рискованно хрупкими.

— В таком случае я очень рада, — заявила она своим сиплым голосом, — что она была с вами двумя, когда пришел ее конец.

Ее конец — никаких эвфемизмов, никаких разговоров об «уходе», но в то же время никакого ужаса и никакого новомодного вызывающего нигилизма. Ее фраза делала смерть уютной, ясной и естественной, плодом, вызревающим год за годом, десятилетие за десятилетием, чье неизбежное в конце концов падение должно встречать со стоицизмом высшего общества исчезнувшей эпохи.

Уловив интерес Александры к затронутой теме, миссис Тинкер сказала:

— Для всех нас рано или поздно настает конец.

Тем не менее произнесла она фразу с легкостью человека, к которому это не относится, и с улыбкой поразительного умения применяться к обстоятельствам на мумифицированном коричневатом лице, на мгновение растянувшей ее гофрированные щеки и сделавшей их почти по-девичьи гладкими. Ее губы были не ярче кожи, их окружавшей, но более пухлыми. «А ведь она в свое время была красавицей», — вдруг заметила Александра.

Неожиданно для самой себя она призналась своей древней собеседнице:

— Я до сих пор еще этого до конца не осознала. Не уверена, что и Джейн поняла, что с ней происходит. В ее последнем взгляде... Хотите узнать?

— Да. Разумеется. Всегда нужно знать то, что узнать можно.

— ...я увидела в нем возмущение.

— Джейн была раздражительна, — сказала миссис Тинкер. — И тороплива. Как метроном. Вы когда-нибудь пытались играть на музыкальном инструменте под метрономом?

— Нет, — нервничая, ответила Александра, поскольку чувствовала, что позади скапливаются гости, продолжавшие прибывать через огромную парадную дверь. — У меня музыкальный кретинизм. Я всегда завидовала таланту Джейн.

— Она была метрономом, отсчитывавшим ритм слишком быстро для моего сына и на мой вкус, — заключила старуха, игнорируя реплику собеседницы. — Наш дом живет в темпе *largo*, боюсь, для моей снохи он был испытанием. А вот и очаровательная Сьюзен, — без паузы продолжила она, повернувшись ровно на столько, сколько требовалось, чтобы изменить ракурс внимания, словно стрелка часов передвинулась на одно маленькое деление циферблата. Сьюзи присоединилась к ним, привнося в атмосферу общения существенную теплоту, любопытство и определенность. — Рада снова приветствовать вас, дорогая. Как печально, что после вашего последнего визита в наш дом мы встречаемся при таких грустных обстоятельствах.

«Она — одна из нас, — осенило Александру. — Бессердечная, зоркая ведьма. Она такая же маленькая, язвительная, остроумная и

злая, как Джейн. Мужчины склонны жениться на своих матерях». Нэт женился на своей матери, и, конечно же, обеим женщинам было ненавистно пребывать в одном доме со своим двойником. Вся духовная архитектура этой семьи — две женщины, взаимоотталкиваемые, как одинаковые полюса двух магнитов, и подвешенный между ними маленький сын-муж, нашедший для себя убежище в своем антиквариате, своих клубах и своих бесполезных добрых деяниях, — воочию предстала перед мысленным взором Александры, на миг закрывшей глаза; она ощущала напряжение, все еще царившее в воздухе, и тяжесть, исходившую от пропитанных лаком деревянных панелей.

На Сьюки тоже, видимо, снизошло прозрение, и она импульсивно выпалила, обращаясь к вдове Тинкер:

— Не могу поверить, что Джейн действительно ушла от нас! Мне кажется, что она в любую минуту может появиться здесь!

— И испортить мою вечеринку, — проскрипела старая дама, еще раз продемонстрировав свою неожиданно широкую улыбку, сквозь которую просверкнула та девочка, какой она была когда-то, давным-давно, в начале минувшего века.

Гости продолжали прибывать и неприкаянно кружили по высокому мрачному вестибюлю. Свекровь Джейн повернулась и представила Александре и Сьюки нескладного крупного мужчину средних лет со скошенным затылком и тяжелой, наклоненной вперед, как у бизона, головой и костлявую женщину с чудовищным количеством косметики на лице.

— Не сомневаюсь, что вы помните замечательных детей Джейн, — сказала миссис Тинкер и со старческим пренебрежением к условностям отвернулась.

Оказавшись лицом к лицу с этой парой, Александра извинилась:

— Я вас не узнала. Столько лет прошло. Вы все сильно повзрослели.

— Не только мы, — без улыбки сказал мужчина с толстой шеей. — Но мы вас помним.

Ну конечно. Толстый мальчик и тощая девочка. Они назойливо путались под ногами в фермерском доме Джейн, вбегали на кухню, выбегали, требовали внимания и просили есть в тот вечер, когда три женщины наслали на Дженни роковое проклятие. Осваивая свою

освобожденную силу, они не проявляли терпимости к детям. Они считали, что женщины со времен Евы стали тупо покорны, — впрочем, к самой Еве это, пожалуй, не относилось, учитывая, как повернулось дело с Авелем и Каином. Так или иначе, материнство со всеми его печальями и радостями было ими полностью опробовано, и его им оказалось недостаточно.

Повисла напряженная неприязненная тишина, которую попыталась заполнить Сьюки, вытягивая из своей натренированной журналистской памяти имена детей.

— Роско и Мэри Грейс, правильно? И было еще двое — то ли старших, то ли младших, я забыла.

— Младших, — угрюмо глядя, сказал увалень в двубортном черном костюме. Это он играл в бридж по Интернету, сообразила Сьюки и представила себе огромную голову, склонившуюся к четырехугольному экрану компьютера — своему воображаемому партнеру. — Нас было четверо. Четверо маленьких Смартов. — Неожиданно его губы растянулись в невеселой улыбке, обнажив мелкие пожелтевшие зубы.

— Тогда у нас у всех было по четверо детей, — игриво сказала Сьюки.

— А ваш отец, Сэм Сمارт, — спросила Александра, — он еще жив?

— Нет, — последовал односложный ответ.

Тощая женщина с тяжелыми от толстого слоя бирюзовых теней веками решила вступить в разговор.

— Папа умер, — объяснила она, показывая свои зубы, длинные и неестественно прямые.

— Мне очень жаль, — выразила сочувствие Александра.

— Теперь они с мамой снова вместе, — сказал мужчина.

— В самом деле? А как мистеру Тинкеру понравится такой расклад?

Впечатляющий лоб Роско склонился в ее сторону.

— Все это объяснено в Библии. — Его лицо было скорбным и серым.

— Вот как? Я должна освежить в памяти этот пассаж. — Александра пересмотрела свое мнение: дело вовсе не в том, что Джейн

была нерадивой матерью, а в том, что ее дети, толстые ли, тощие ли, были гнусны.

— А двое других, — вежливо вступила Сьюки. — Они тоже здесь?

— Нет, — неохотно ответил мужчина. — Джед на Гавайях. А Нора вышла замуж за француза, и в августе их не достать — они аквалангисты и получают свой допинг в Мозамбике.

— Как удивительно устроен мир! — прочувствованно воскликнула Сьюки. — Все сближается. Овдовев, мы полюбили путешествовать. Ваша мать путешествовала вместе с нами.

— Роско ненавидит путешествовать, — сказала его сестра. — В самолете он испытывает клаустрофобию, а после приземления — агорафобию.

— Просто вы слишком много об этом думаете, — дерзко, как дева перед лицом Минотавра, рискнула посоветовать Сьюки, — выпейте в аэропорту пару стаканчиков — и очнетесь уже там, куда направлялись.

Разговор был беспощадно прерван резким тройным ударом об пол трости древней хозяйки. Одной бумажно-коричневой рукой сжимая набалдашник трости, другой ухватившись за локоть широкого в плечах афроамериканца в шоферской форме, миссис Тинкер повела сгрудившихся скорбящих наружу, под раскаленный добела липкий солнечный свет. Вереница машин ослепительно сияла и искрилась на подъездной аллее, протянувшись от крытых въездных до задних ворот и вытекая на улицу. Скорбящую свекровь усадили в головной «кадиллак» с тонированными стеклами; следом за ней ехали двое ужасных детей Джейн со своими супругами, которые, следуя обычаю этой семьи, скромно накинули на себя плащи-невидимки. Сьюки и Александра проследовали в дальний конец очереди, к темно-синему «БМВ» Ленни Митчелла. Любимый «ягуар» Нэта Тинкера, равно как и пустяки, оставшиеся в вещах Джейн — одежда и туалетные принадлежности, — были немедленно востребованы назад как часть ее имущества.

Как только они оказались в уединении машины, Сьюки возбужденно объявила:

— Я видела его.

— Кого?

— Его. Мужчину, которого Джейн встретила на Вейн-стрит, выйдя от дока Пита.

— В самом деле?

— В самом деле. Он выглядит точно так, как она описала: ангел, только немного потолстевший и потрепанный. Я заметила его в самом конце толпы: когда мы направились к выходу, он вышел из другой комнаты, одетый совершенно неподобающе для траурной церемонии.

Церковь находилась недалеко, на одной из извилистых, затененных деревьями улиц — умеренно роскошное сооружение из сероватого керамического гранита, наполовину обшитое деревом в соответствии с требованиями епископального стиля. Это была поминальная, а не заупокойная служба. Тело Джейн, это плоскогрудое круглозадое маленькое тело, соблазнившее в свое время к соитию Сэма Смарт, Реймонда Неффа, Артура Холлибрета и Нэта Тинкера, являло собой теперь урну с прахом величиной не более кастрюльки: все эти кости, сухожилия и телесные соки, этот острый язычок, резкий свистящий голос, влажные блестящие глаза цвета черепашьего панциря — все свелось к серому порошку с кальцитовыми чешуйками и уже установлено в маленькой квадратной нише на кладбище Маунт-Обурн, в двух милях от церкви, на том берегу Чарлза. Здесь был ее мир, и две ее подруги по давнему злодейству слушали, как перед публикой представала Джейн, которой они не знали.

Двое взрослых детей прочли отрывки из писем Джейн Сэмюэлю Смарту, написанных тогда, когда он служил в армии и ждал отправки морем в Корею. Это была совсем другая Джейн, более игривая и общительная, чем та, с которой Сьюки и Александра познакомились в Иствике, когда Сэм Смарт уже стал комичным воспоминанием, щепоткой мертвого прошлого, которую она иногда подсыпала в разговор ради пикантности. Она скучала по нему, свидетельствовали письма, молилась за его благополучное возвращение, жила надеждой выносить его детей, зная, что они будут красивыми и бесконечно дорогими.

Затем, чтобы соблюсти баланс между мужьями, на кафедру чопорно взошел высокий, с квадратными плечами, подчеркнуто стройный джентльмен с короткой стрижкой, в блейзере. Поначалу он говорил робко и неуверенно, что заставило паству ерзать на своих скамейках. Но затем, освоившись с непривычной высотой и

священной неприкосновенностью кафедры, он обрел звучную легкость манеры опытного руководителя застолья; склонившись к аудитории, он доверительно делился с ней своими впечатлениями о том, как его старый друг Нэт Тинкер, которого он знал с тех пор, когда они были робкими, тщедушными первоклассниками в школе Брауна и Николса, и с которым в последующие годы он играл в гольф, плавал на яхте, охотился на перепелов в Южной Каролине и на лосей на Аляске, с которым заседал в многочисленных высоких советах, как добрый старина Нэт расцвел и «открылся», когда женился на покойной «отнюдь не простой» Джейн.

— Я никогда не видел, — вещал он, поворачивая свою продолговатую, убеленную сединой голову то в одну, то в другую сторону, как голодная чайка, — такой перемены, какая случилась с моим обожаемым другом после женитьбы — заметьте, ему было уже ближе к пятидесяти, и согласно всем страховым канонам он должен был бы уже потерять надежду, — так вот, я никогда не видел такой перемены, какая случилась с ним после женитьбы на своей несказанно милой подруге сердца, дорогой, тоже покинувшей нас теперь Джейн. Даже послав мяч одним ударом в двенадцатую лунку в Загородном клубе, — развивал он свою мысль, — на поле с только короткими, но очень сложными — мне нет нужды доказывать это многим из присутствующих — лунками, с уступа, с высокой метки, Нэт не сиял от такого удовольствия и, я бы сказал, такой первозданной радости, какую таинственным образом внушала ему его супруга.

«Вот свинья, старый шовинист, сказочник», — думала Александра. Ничего таинственного в том, о чем он говорил, не было: Джейн умела быть непристойной, а мужчинам необходима непристойность, особенно привязанным к своему классу экземплярам с отстающим развитием и избытком собственности, таким, как малыш Нэт Тинкер, выдрессированный и находившийся под пятой матери, которая до сих пор не благоволила умирать. Оратор лукаво предположил даже следующее:

— Думаю, не будет преувеличением сказать, что Джейн спасла его от столь дорогих его сердцу древностей; она привнесла в его холостяцкую жизнь, отмеченную тонким вкусом и сознательным альтруизмом, нечто прекрасное — «изделие», как сказали бы в торговле, которое он мог трогать, не опасаясь сломать его.

Чутко реагирующая аудитория онемела от шока, смешки и перешептывания прекратились. Старомодный декорум епископальной церкви — готические арки и листовые орнаменты на мрачном темном дереве, витражи с иллюстрациями к Евангелию, бронзовый крест, подвешенный над головами, как гигантский инструмент чертежника, лекало прямого угла, — отчасти утративший было контроль над событиями, восстановил свой авторитет. Оратор-янки моргнул, подавив разочарование тем, что его шутка была неправильно истолкована, и поспешил продолжить:

— Джейн чисто по-бостонски привнесла в их брак легкость, безрассудное остроумие, ослепительную улыбку и озорной юмор — ах, эти ее каламбуры! — все это ворвалось в устоявшуюся, степенную жизнь моего старого друга, как дыхание свежего апрельского воздуха врывалось в помещение в дни нашей юности, когда служанки решительно распахивали окна во время первой весенней уборки. — Он откинулся назад, распрямив плечи, чтобы проверить реакцию на эту выходку.

Александру забавляло, как благовоспитанный старик с длинным клювом и ухоженными белыми волосами наслаждался фактом собственного продолжающегося долгожительства, весело балансируя на грани сплетен и скандала. Более мягким тоном, откровенно уклоняясь в область явной лжи, он поведал собравшимся:

— Было восхитительно наблюдать гармонию и привязанность, которые, мгновенно вспыхнув между Джейн и ее свекровью, воцарились в их общем доме, как в замке, вдвойне защищенном правлением двух великолепных королей. — Он склонил голову в сторону скамьи, находившейся прямо перед кафедрой. — Иона, мы все выражаем вам сочувствие в связи с вашей недавней двойной утратой — обожаемого сына и снохи, которую вы полюбили, как родную дочь, — и уверены: за столетие, в течение которого вы украшаете эту Землю, вы обрели достаточную силу духа и мудрость, чтобы укрепить не только свою душу в этот скорбный час, но и души своих близких. Да благословит вас Господь, мой дорогой, бесценный друг.

Иона Тинкер, чьего архаического имени Александра до сих пор не знала, в своих поблекших и обветшавших шелках, стойко выслушивая эту торжественную тираду, не шелохнувшись сидела на первой скамье, рядом с двумя заброшенными детьми Джейн, их старательно

державшимися в тени супругами, несколькими образчиками молодого третьего поколения и даже беспокойной мелюзгой, представлявшей четвертое. Род продолжается, хотя отдельные его члены отпадают.

Что касается Джейн, их злой колдуньи Джейн, то чем больше ее превозносили, тем более отсутствующей она казалась — лишь маленькая квадратная ниша в церковной атмосфере, витающая над их головами, как прямолинейный крест. Совершенно незаметные глазу тросы, тянувшиеся от концов его перекладки к темным мореным балкам потолка, время от времени ловили случайный отблеск света и напоминали в этот миг следы падающих звезд. Учтивый оратор нехотя закруглялся, тщетно подыскивая точное слово, чтобы закрыть дело Джейн. Он ее не любил, Александре это было ясно. Никто из присутствующих ее не любил. Она была одной из них, но все же не совсем такой, как они, а это хуже, чем быть полным аутсайдером, желающим приспособиться, такого легко простить. Только другие ведьмы, объединенные тайным бунтовским заговором против гнета условностей, могли любить Джейн. А оратор даже не упомянул о единственной страсти, которая была способна поднять ее до высот самоотверженности, — о ее музыке, ее виолончели, о постоянной боли в ее левой, несмычковой руке.

Паства с облегчением вернулась к Книге общей молитвы. Голоса взмывали в мольбе, напоминая монотонное урчание зверя, накидывающегося на каждый кусочек исполненного страданий кранмеровского^[48] текста. Хор вела хрупкая жена Роско, до тех пор остававшаяся невидимой. Ее пронзительный голос вгрызался в уши с упорством жука-долгоносика:

— Господь, ты, кто утешил Марфу и Марию в их скорби, снизойди к нам, скорбящим по Джейн, и осуши слезы плачущих.

— Услышь нас, Господи.

— Ты, прослезившийся при гробе умершего Лазаря, утешь нас в нашей печали.

— Услышь нас, Господи.

— Ты, воскресивший мертвого к жизни, даруй сестре нашей Джейн жизнь вечную.

— Услышь нас, Господи.

— Ты, посуливший Рай вору, который раскаялся, даруй сестре нашей Джейн радости небесные.

— Услышь нас, Господи.

Глаза Александры наполнялись жгучими слезами, между тем как язык и горло извергали слова, вливавшиеся в огромный бессмысленный хор. Джейн ушла; она, Александра, будет следующей. Из отдаленных провинций ее тела, из ее немеющих ног, из недр вышедшей из употребления матки уже приходят сводки, предвещающие приближение смерти; приступы головокружения и тошноты сигнализируют о том, что ее органические ткани истончились; стена между внутренним и внешним стала проницаемой. Слезы градом хлынули по ее щекам.

Сьюки, стоявшая рядом, шепотом спросила:

— Что значит идти «от силы к силе»? И «в жизни, исполненной безупречного служения»?

У Сьюки никогда не было мужа — исправного прихожанина; оба, и Монти Ружмонт, и Ленни Митчелл, были современными мужчинами, щеголями и циниками в отношении трансцендентного утешения. А вот Александрин Освальд Споффорд был истинно верующим, участвовал в работе приходских советов и задабривал детей, чтобы они ходили в воскресную школу; и у Джима Фарландера некоторые представления о сверхъестественном сохранились с тех пор, когда он был хиппи — курильщиком мескалина.

— Это касается разных небесных уровней, — ответила Александра в тот момент, когда первая строка заключительного гимна «Утро настает» взмыла со всех сторон в общем духовном подъеме престарелых бруклайнцев. — Жизнь продолжается, — поспешно добавила она. — Происходят перемены. Небо тоже не неподвижно. Там, так же, как на Земле, происходят разные события.

По окончании службы, когда они вслед за другими выходили из церкви, Сьюки, словно надоедливый ребенок, спросила:

— А что значит «покой, недоступный людскому пониманию»?

— Очевидно, дорогая, это значит, что он находится за пределами человеческого понимания. Включи мозги, ради всего святого.

Значит, вот так теперь будут складываться их отношения: мать и вечно недовольный ребенок? Смущенная из-за пролитых ею по Джейн слез, которые Сьюки наверняка заметила, Александра была раздражена.

— В приходском доме будет прием, — сказала младшая, получившая выговор. — Хочешь пойти?

— Нет. А ты?

— Да, — сказала Сьюки.

— Зачем? С тебя разве еще не достаточно?

— Нет. — Сьюки попыталась объяснить: — Меня интересуют церкви. Они такие причудливые. А что, если туда придет серебряный человек?

— Серебряный человек?

— Тот, которого Джейн видела возле дома дока Пита.

— Сладкая ты моя, не своди меня с ума.

Тем не менее Александра позволила Сьюки вместе с толпой направиться не по центральному проходу к притвору, а к двустворчатой крутящейся двери сбоку от алтаря, потом по затянутому линолеумом коридору мимо раздевалки для хористов и каких-то служебных помещений — в зал, уже наполненный гулом толпы. Здесь народу было больше, чем тех, кто получил привилегию собраться в доме Тинкеров. Миссис Тинкер, под неусыпным присмотром своего франтоватого платного прихлебателя, чей наглый голос по телефону оскорбил Александру несколько лет назад, принимала гостей, стоя в ряд с Роско Смартom и его костлявой сестрой Мэри Грейс. И снова Александру взволновало прикосновение теплой коричневой руки старой дамы: четыре параллельно прижатых друг к другу пальца, вложенных в ее ладонь, как хлебные соломки. Позади, на столе, накрытом белой скатертью, стояли блюда с домашним печеньем, кресс-салатом, бутербродами с пастой из сыра и сладкого стручкового перца, из-под которой выглядывала хрустящая хлебная корочка, и огромная хрустальная чаша с пуншем, имевшим химический цвет лимонного «Джелло»^[49]. Приходский зал повторял, в соответствующей модификации, архитектурный стиль самой церкви: темные мореные балки, пересекавшиеся под потолком в виде треугольных паутин.

Александра почувствовала, как напряглась Сьюки, стоявшая рядом. Приблизившись вплотную к старшей подруге, она сказала:

— Он тоже здесь.

— Кто? Где?

— Не поворачивай голову. Просто невзначай посмотри налево, стрелка приблизительно на два часа.

— Думаю, я вижу его. Он выглядит здесь неуместно, и никто с ним не разговаривает. Кто он?

— Лекса, это же очевидно. Как и сказала Джейн, это Крис Гейбриел.

— Кто? А!.. Брат. Я с трудом припоминаю, как он выглядел.

— Он никогда не участвовал в наших сборищах, — прошептала Сьюки с заговорщическим видом, на что Александра, старшая и подавленная ужасом — какой бы глянец на него ни наводили — теперь уже вечного отсутствия Джейн, не нашла что сказать. — Он никогда не посещал баню Даррилла, не танцевал под его музыку и даже не ел с нами.

— Да, те чудесные огненно-острые кушанья Фиделя... — задумчиво припомнила Александра. — Горячий тамаль, энчилады и та сальса, от которой слезы из глаз брызгали.

— Он был тогда ленивым подростком, — продолжала Сьюки. Ее дыхание затруднял сквозняк, подувший из внезапно отворившейся двери, за которой скрывалась лестница, ведущая глубоко в прошлое. — Не слишком дерзкий, скорее, скучный, вечно читал журналы и смотрел по телевизору «Лаф-ин» в соседней комнате. А теперь он здесь. Какое нахальство! Я собираюсь с ним поговорить.

— Ох, не надо! — инстинктивно выпалила Александра. — Не бреди прошлое.

К чему эта обреченная на провал попытка возродить ушедшее, к чему копать в его большей частью вымышленной магии? Не лучше ли им обоим окончательно распрощаться с ним, прихватив с собой лишь свою «лепту вдовицы», ту малую толику жизни, что у них осталась, и тихо разойтись с ней по своим углам: одной — в Коннектикут, другой — в Нью-Мексико?

Но Сьюки уже устремила к самозванцу, лавируя между группками Тинкерových знакомых. Мальчик, как она по старой памяти мысленно называла его, стал выше ростом, а точнее, она сама немного съежилась, кости у нее были разъедены так же, как легкие. Она подняла к нему лицо, как человек, принимающий солнечные ванны и желающий поймать последние лучи.

— Мы с вами не знакомы? — спросила она.

— Возможно, — ответил он. Его голос звучал фальшиво, как голос человека, находящего основание для разумного оправдания своей жизни скорее в собственной привлекательности, нежели в самозабвенной страсти или профессии. Этим он напомнил ей Даррила ван Хорна, но лишь в той мере, в какой этот приходский зал напоминал эффектную архитектуру церкви.

— Вы Кристофер Гейбриел.

— Вообще-то, миссис Ружмонт, я пользуюсь теперь своим сценическим именем — Кристофер Грант.

— Очень мило. Это в честь Кэри^[50] или Улисса С.^[51]?

— Ни то ни другое. Длинное имя лучше сопрягается с односложной фамилией, к тому же мне надоела постоянная шутка: «Труби, Гавриил^[52], труби!»

— Я тоже теперь не миссис Ружмонт — вот уже тридцать лет. Я вышла замуж за человека, которого звали Ленни Митчелл.

— Что с ним случилось?

— Он умер, Кристофер.

— Да, люди умирают. Кстати, примите мои соболезнования в связи со смертью вашей подруги Джейн. Мне очень жаль.

Сьюки набрала побольше воздуха, чтобы ответить:

— Сомневаюсь. На самом деле я полагаю, что вы убили ее.

Он моргнул — ресницы у него были такими же белыми, как курчавые серебристые волосы, — но ничем иным не выдал свою реакцию.

— Как бы я мог это сделать?

— Я точно не знаю. Наверное, какое-то заклятие. Но она это почувствовала. Она постоянно ощущала удары.

Он улыбнулся, не прорвав при этом приросшей к нему лакированной оболочки напускной самодовольной застенчивости.

— Как любопытно, — сказал он. Губы у него были надутые, словно распухли от укуса пчелы, такие больше подошли бы пышной женщине. Небесную синеву глаз скрадывало то, что они были глубоко и слишком близко друг к другу посажены под серебристо-белокурыми бровями, которые начинали куститься и лохматиться, как это бывает у мужчин средних лет. Должно быть, он ровесник Томми Гортон, нет, чуть моложе. В отличие от воспаленного, обожженного солнцем лица Томми его лицо было первозданно-чистым и белым, как у никогда не

выходившего из дома человека, которому лишь предстоит окунуться в жизнь. Он сохранил невозмутимость и непробиваемую враждебность юности и не смог удержаться, чтобы не похвастать: — Мистер ван Хорн, перед тем как исполнить очередной номер с исчезновением, научил меня одному зловещему фокусу с электричеством. Но вам никогда не доказать это полицейским. Они убеждены, что ваша старая приятельница умерла по естественной причине. Как умрете и вы. И я.

Сьюки почувствовала, будто изнутри у него выстрелила длинная сосулька, которая вонзилась в ее тело, вызвав ужас, ожесточив и вселив отчаянную готовность сражаться насмерть.

— Я буду следующей?

Наблюдатели из числа скорбящих, видя нетерпеливую улыбку на лице женщины, полностью поглощенной собеседником — кокетливым ангелом, к которому было обращено это лицо в обрамлении неестественно рыжих волос, могли бы истолковать эту сцену как любовную.

Крис поколебался, потом, притворно-пристыженно опустив ресницы, сказал:

— Нет. Следующей будет толстуха. Из вас трех вы всегда были мне наиболее симпатичны. Вы иногда разговаривали со мной, а не просто проносились мимо, спеша на вечеринки Даррила. И вы были добры к моей сестре. Водили ее в «Немо» выпить кофе.

— Не думаю, что я была добрее Александры, просто я более экстравертна, чем она. Журналистская привычка разговаривать с людьми.

— Нет, вы были добрее, — упрямо повторил он. Его манера вести разговор — без отклонений, без зондирования и шуток в сторону, строго придерживаясь всего нескольких мыслей, ограниченных программой, лишенной сексуальной окраски, — выдавала в нем все еще молодого человека. Такой не мог долго уживаться с Даррилом, этим дряхлым магом «ликующего отклонения».

— Расскажите мне о вас с Даррилом, — потребовала Сьюки бойким, безапелляционным репортерским тоном, обнажив в улыбке верхние десны и выдавшиеся вперед зубы. — Куда вы оба направились после Иствика?

— В Нью-Йорк, куда же еще? У него была квартирка в Вест-Сайде, в квартале от реки. Крохотулечка такая. Я-то думал, что он

живет по крайней мере в Ист-Сайде. Оказалось, что большинство произведений искусства, которые были у него в Иствике, ему даже не принадлежали, он взял их на опцион.

— А что вы делали целыми днями?

Кристофер Гейбриел пожал плечами, пожевал своими пухлыми губами и неохотно ответил:

— Ну, вы сами знаете. Слушали чилл-аут^[53]. Покуривали травку. У него была куча мерзких друзей. Поначалу я боялся выходить на улицу, слонялся по квартире, смотрел телевизор. «Мыльные оперы» натолкнули меня на мысль: почему бы мне не стать актером? Мне исполнилось восемнадцать, а тогда в этом возрасте уже можно было работать в питейных заведениях, вот я и работал официантом, разносчиком и мог таким образом оплачивать учебу в театральной школе.

— Бедняжка. И Даррил вам не помогал?

— Он познакомил меня кое с кем. Но они в основном хотели, чтобы я просто служил приманкой. Тогда о СПИДе еще никто не знал, но я все равно не хотел заниматься проституцией — понимал, что эта дорожка ведет прямо на дно. Представление Даррила о том, что значит любить кого-то, сводилось к тому, чтобы наблюдать, как этот кто-то катится в Ад. У него была масса мыслей об актерском ремесле, и он, бывало, без умолку болтал о его демоническом свойстве, обо всех этих теориях, но я твердо придерживался собственного плана. Актерская школа, в которую я поступил, исповедовала исключительно практические методы: держите голову вот так, чувствуйте диафрагмой... Как только я начал работать, он попытался заставить меня оплачивать свою долю аренды. В конце концов я от него съехал. Он был пиявкой.

— Где он теперь?

— Кто знает? Где угодно — можете ткнуть в любое место на карте. Мы потеряли связь.

— Значит, вы наводили на нас порчу по собственной инициативе?

Кристофер понимал, что им управляют; его губы отказывались шевелиться.

— А кто сказал, что я наводил на вас порчу?

— Вы сами. Только что.

— Ну... может, и так.

— Что ж, поздравляю.

— Даррил объяснил мне общие принципы электромагнетизма, но я сам сделал кое-какие усовершенствования. У него была куча идей, но не хватало пороху довести их до ума.

— А теперь расскажите мне о противоядии, — поддразнила его Сьюки. — Как дать обратный ход?

— Да бросьте. Я бы вам этого не сказал, даже если бы такое противоядие существовало. Но его не существует. Это как жизнь: дорога с односторонним движением. — Теперь он виновато озирался по сторонам, как мальчик, пойманный на лжи и испуганно ерзающий под градом вопросов излишне любопытного взрослого. «Для незрелых людей некое табу состоит в том, чтобы не говорить о себе, — подумала Сьюки. — Как для дикарей. Они стараются не выдать себя, как человек перед фотообъективом, ибо все, что ты выдашь, мир использует против тебя».

— За что вы нас так ненавидите столько лет? — спросила она и сделала шаг в сторону, чтобы заставить его смотреть ей прямо в глаза; небесно-синие лучи ударили из его глубоких глазниц, из-под уже начинавших лохматиться бровей. Вместо мягких светлых кудрей, которые она помнила, на голове у него теперь лежали густые жесткие волны выкрашенных в платиновый цвет волос.

— Для меня не было в жизни никого дороже Дженни, — выдавил он, и в его голосе наконец послышалось хоть какое-то искреннее чувство. — С самого младенчества. Она была на девять лет старше меня. И она была идеальным человеком. С тех пор как наши родители начали ссориться и отдалились от нас, она заменила мне мать. — Его словно укушенные пчелой губы задрожали.

— Крис, вы же сами сказали, что она умерла естественной смертью, — напомнила Сьюки. — Почему вы считаете, что мы имели к этому какое-то отношение?

— Я знаю, что имели, — с тупым упрямством произнес он, отводя глаза от ее горящего взгляда. — Существуют способы управлять Природой. Ее течениями.

Скорбящие потихоньку начали дрейфовать к дверям и выходить на освежающий воздух. Александра подошла к Сьюки и сообщила:

— Я только что говорила с этим невозможным человеком, с тем напыщенным снобом, который восхвалял Джейн, если это можно так

назвать. Он рассказал мне все о своих и Тинкерových общих предках: что он был троюродным братом Нэта и — по ее второму мужу — внучатым племянником старой дамы, как будто этим он мог завоевать мое расположение. Еще у него хватило наглости пригласить меня пообедать, и это после того, как он только что своими гнусными намеками облил Джейн дерьмом, но я ему сказала, что мы должны немедленно возвращаться в Род-Айленд. Разве не так?

Она то ли не заметила, то ли сделала вид, что не видит серебряного человека, стоявшего рядом со Сьюки. Но когда Сьюки повернулась к нему снова, чтобы представить их друг другу и превратить разговор в треугольное расследование, оказалось, что его уже нет, он растворился.

* * *

По пути в Иствик — с дороги номер девять на сто двадцать восьмую, со сто двадцать восьмой на девяносто пятую, с девяносто пятой через Провиденс на дорогу номер один и западный берег Наррагансетского залива — Сьюки пересказала Александре свой разговор с Кристофером Гейбриелом, опустив лишь его заявление, что следующей будет «толстуха». Но Александра, похоже, сама почувствовала это, и пропуск в рассказе Сьюки висел между ними, пока они съезжали с одной дороги на другую, с бетонки на асфальт и обратно.

— Электромагнетизм? — переспросила Александра.

— Он сказал, что Даррил показал ему что-то такое, с помощью чего он, полагаю, и наносил Джейн те удары, на которые она жаловалась. Но, рассуждая реалистично, не они убили ее, а аневризма.

— Черная магия использует процессы, уже происходящие в организме, — предположила Александра.

— Да, он говорил что-то насчет того, что можно изменять направление течений, существующих в Природе.

— Я знаю, что именно он использует в моем теле, — сказала Александра не столько Сьюки, сколько себе.

Сьюки этого знать не желала, но из вежливости вынуждена была спросить:

— И что же это, голубушка?

— Рак. Мой страх перед ним. Боязнь того, что приведет к нему. Это вроде того, как человек, боящийся высоты, идет по перекладине над пропастью и напрягается так, что оступается и падает именно от напряжения. Тело постоянно вырабатывает раковые клетки. Клеток так много, что часть из них неизбежно перерождается, но наши защитные силы — антитела и макрофаги — окружают и некоторое время поедают их. А потом организм устает от борьбы, и раку открывается зеленая улица. Ты стараешься не думать об этом, но не можешь — вся система твоего организма пузырится этими зловредными клетками. Рак кожи. Рак груди. Рак печени, рак мозга. Рак глазных яблок, нижней губы, если ты куришь трубку... Он может проявиться где угодно. Это действует как огромный компьютер: один бит, один микроскопический транзистор начинает работать в автономном режиме и захватывает весь компьютер. Опухоли обладают способностью создавать собственные вены и артерии и поражать все больше и больше крови!

Сьюки чувствовала, как монолог Александры растет под ней безобразным мокрым новообразованием, проникающим внутрь через отверстия, на которых она сидит.

— Лекса, прошу тебя! — взмолилась она. — Ты сама себя заводишь. Так до истерики договориться можно.

— До истерики? — иронично переспросила Александра. — Ты говоришь, как мужчина, который считает женщину низшим существом потому, что у той есть матка. А самое ужасное в раке то, что рост опухоли очень напоминает вынашивание ребенка, она растет в тебе, хочешь ты того или нет. Ты вспомни, каково это: тебя рвет, тебе постоянно невыносимо хочется спать. Организм ребенка борется с твоим за питательные вещества. Ребенок — паразит, такой же, как раковая опухоль.

Сьюки молчала, пытаюсь осмыслить это шокирующее сравнение.

— Я вот думаю, — сказала она, — чтобы быть в безопасности, не уехать ли тебе обратно в Нью-Мексико, подальше от нас? Нас, жителей восточного побережья. — В ней зрела идея спасения Александры, ради этого она была готова даже пожертвовать собой.

Александра рассмеялась, демонстрируя пренебрежение к опасности.

— Я не собираюсь позволить какому-то чудаковатому мальчишке запугать и выжить меня отсюда. Мы оплатили аренду за два месяца, к тому же я разрешила в августе пожить в моем доме старым друзьям из Денвера. Они обожают оперу в Санта-Фе.

— Он не мальчишка, — возразила Сьюки. — И я не знаю точно, насколько он чудаковат. Что я знаю наверняка, так это то, что он имеет на нас зуб и хочет убить. Он сам мне это сказал.

— Пусть попробует. Мужчины имеют зуб на женщин испокон веков, а мы все еще живы. Ты можешь сказать, что он прав, что мы не должны были так поступать с его сестрой. Ведь единственное, в чем была «виновата» Дженни, — это то, что она вышла замуж за человека, который попросил ее об этом. Так поступает большинство из нас. — Она помолчала, пока Сьюки сосредоточенно следила за дорогой, чтобы не пропустить съезд с девяносто девятой на юг. — Так или иначе, — заключила она, — я не могу уехать из Иствика, пока не улажу отношения с Марси. Когда я с ней, я становлюсь высокомерной сварливой теткой. Она обвиняет меня в том, что я недостаточно внимательна к ней и ее детям. И она права. Я эгоистична. Я больше заботилась о тех глиняных малышках, которые когда-то делала, чем о собственных детях, своей плоти и крови. Малышки были моими, а дети — чем-то, что навязали мне Оз и Природа. С самого начала, нянча беспомощных милых малышек, младенцев из плоти и крови, я чувствовала, что извлекаю из этого выгоду. Использую. Я не желала быть больше ничьей молочницей.

— Ты слишком строга к себе, — сказала Сьюки, подтвердив свое суждение тем очаровательным сложением губ, какое было свойственно только ей: как будто она смаковала во рту что-то очень вкусное. — Я видела, какой ты была матерью. Исключительно любящей. Я видела, как ты обнимала на пляже своих рыженьких детишек... и все такое прочее. Ты была гораздо лучшей матерью, чем Джейн.

— И это одна из причин, по которой я любила Джейн: она была такой плохой матерью, что рядом с ней я чувствовала себя хорошей. Она ненавидела своих отпрысков. И достаточно было увидеть сегодня двоих из них, чтобы понять почему.

— Мне показалось, что они были весьма трогательны. Конечно, обаянием они не блещут, но в отличие от двух младших эти по крайней мере появились и прошли через все. Похороны матери — странная

обязанность. Общество ждет от нас ее исполнения; мы точно не знаем почему, но сотрудники похоронных бюро и священники пристально наблюдают за нами во время церемонии. Мы не в состоянии постичь умом то, что с нами происходит, — все эти вехи. Женитьбы и похороны. Вручение дипломов и разводы. Кончины. Церемонии сопровождают нас на протяжении всей жизни. Они вроде повязки на глазах для человека, стоящего перед расстрельной командой.

Даже Сьюки, подумала Александра, стареет. Она вгляделась в профиль младшей подруги, ведущей машину; когда та щурилась, всматриваясь в дорогу, морщинки веером разбегались от уголков глаз до самой линии волос на виске. Под глазами у нее появились исчезающие лиловатые тени, а когда она улыбалась, там, где десны сходили на нет над верхними клыками, виднелись маленькие темные прогалины. Тем не менее Александра все еще любила ее и, не удержавшись, легко коснулась покоившейся на руле изящной руки, покрытой теперь не только веснушками, но и старческими пятнами.

— А как насчет тебя? — спросила она. — Ты бы хотела уехать из Иствика и вернуться в Стэмфорд? Смерть Джейн омрачила наше дальнейшее пребывание здесь, правда? Для человека с Запада, вроде меня, Иствик — нечто вроде веселого развлечения, но для тебя — это то же самое, что твой дом, только расположенное дальше по побережью.

— Нет, — ответила Сьюки, морщась от садившегося на западе слепящего солнца, бившего в грязное лобовое стекло. — Мы обе останемся. У меня дома нет ничего, кроме костюмов Ленни, висящих в шкафу, — не хватило духу отдать их в Армию спасения. Я подумываю о том, чтобы в конце концов перебраться в Нью-Йорк. Глупо одинокой женщине жить в пригороде. Чего бы хотела Джейн? Она хотела бы, чтобы мы остались. Она бы сказала: «Да пошел он, этот дурак Крис-с-с. Он вс-с-егда был дурно вос-с-питанным сопляком».

Возникло впечатление, что голос покойной подруги вселился в подражавшую ей Сьюки, породив иллюзию присутствия самой Джейн, что вызвало у женщин испуганный нервный смех. Покоившаяся на руле рука Сьюки вспорхнула и ласково опустилась на плечо Александры — успокоительный жест, свидетельствовавший о том, насколько уязвимыми и беспомощными были две эти проклятые души.

— Я не знала, что ты сдала свой дом в Таосе. У тебя так туго с деньгами? — спросила Сьюки.

— Джим оставил мне достаточно, но не более того. Все так подорожало в последнее время. Даже глина.

Вскоре «БМВ» Сьюки съехал с дороги номер один на один «а». Они миновали разъезд Коддингтон, потом живописный Олд-Вик — собрание федералистских домов, сгрудившихся, словно в попытке защититься от неминуемого разрушения, вокруг стоявшей на пересечении разбегающихся дорог гостиницы, обретшей новое смелое руководство и кичившейся свежей белой покраской, крокетными воротцами, шезлонгами, разбросанными по лужайке, и врытой в землю вывеской, золотыми буквами обещавшей «ПРЕВОСХОДНУЮ ЕДУ». И вот уже Иствик: пригородная Орчард-роуд; придорожный рекламный щит супермаркета «Стоп энд шоп», расположенного на запруженном людьми моле; россыпь непривлекательных магазинчиков, торгующих рамками для фотографий, видеокассетами, диетическими продуктами и выглядящих неуместно на этой обширной, по-хозяйски высокомерной и дорогостоящей площади, покрывшей асфальтом многие акры земли, которая больше никогда не родит ни сладкой кукурузы, ни картошки, ни клубники. Слева показалась унитарная церковь с ее приземистой восьмиугольной башней, увенчанной медной, побитой непогодой лошадьё, легким галопом несущей на себе всадника в остроконечной шляпе; а справа, между деревьями, за порыжевшими валунами волнореза, сверкнула соленая вода фосфоресцирующего желчного цвета. Материализовались задние двory Оук-стритс их детскими качелями и вытасненными на берег плоскодонками. Впереди была поилка с голубой мраморной лошадьё, щеголявшей своей крохотной рощицей. Усталое сердце Александры забилося чаще при виде знакомых магазинных витрин и обшитых деревом зданий, дошедших из прошлых веков; здесь она жила, жила полной жизнью, с детьми, с мужем, с любовниками и друзьями, хотя тяжелой поступью проходившие перед ее мысленным взором тогдашние обязанности, заботы и счета, требовавшие ежемесячной оплаты, приглушали благословенное сияние тех давно минувших дней. Сейчас долгие июньские и июльские дни уступали место постепенно становившимся все более ранними августовским сумеркам. Было начало восьмого,

время ужина, огни из глубины домашних окон разгорались все ярче. Длинные тени легли поперек Док-стрит от обочины к обочине. Более решительно обозначившаяся вечерняя прохлада воодушевляла подростков в едва прикрывающих наготу бледных одеждах; они кучковались вдоль всей линии магазинных витрин, под чахлыми деревьями, увитыми белыми рождественскими гирляндами лампочек, и болтали чуть громче, чуть более вызывающе, чем обычно, выжимая последние положенные им капли веселья из сгущающихся сумерек. Вдоль Оук- и Вейн-стрит горожане постарше и приезжие, в одиночку или парами, нарочито неторопливо прогуливались по тротуарам и темным викторианским лужайкам; дневные тени в свете фонарей резко меняли свой рисунок, распадаясь на электрические фрагменты и пятна, чей паутиный узор, образованный листьями и ветками, дрожал и колыхался под вечерним ветерком, дувшим с моря.

— Что нам нужно? — спросила Сьюки, ловко свернув в найденное по большому везению свободное место возле «Бэй-сьюперетта».

— Молоко? — предположила Александра. — Клюквенный сок? Йогурт?

Казалось, они отсутствовали так долго, участвуя в похоронах Джейн в бостонских окрестностях, что в холодильнике все должно было испортиться. Им было страшно возвращаться в свою квартиру вдвоем.

— Как насчет замороженной пиццы? Разогреем ее в микроволновке. — Не дождавшись ответа, Сьюки приняла решение сама: — Пойду посмотрю, не вдохновит ли меня что-нибудь на месте. — Она выскользнула из «БМВ», хлопнув издавшей дорогостоящий звук дверцей. Сьюки обожала демонстрировать себя на Док-стрит.

Александра охотно отпустила ее в «Бэй-сьюперетт» одну, поскольку чувствовала себя более защищенной в машине, которую шум городского центра обтекал снаружи. Флуоресцентный неоновый свет витрин причудливо играл на лицах сновавших мимо подростков — иствикских детей, похваляющихся своей растущей силой, игнорирующих старую женщину в припаркованном автомобиле, желающих привлечь внимание сверстников — девочки заливистым хохотом, мальчики громогласными шутками, — проверяющих границы

своей свободы, размахивающих руками и слизывающих мороженое с вафельных рожков из «Бена-энд-Джерри», который занял в ряду лавочек место бывшей парикмахерской Да Рю. Как же мало они знают, думала Александра, о том, что ждет их впереди. Секс, ловушки, усталость, смерть. Она хотела, чтобы Сьюки поскорее закончила демонстрировать свои прелести (оранжевые волосы с их фальшивым сиянием и белые искривленные зубы с их искусственным блеском) в кричаще ярких интерьерах «Бэй-сьюперетта», вернулась и отвезла их, двух одиноких женщин, домой по прибрежной дороге, той же самой, если не считать десятка новых домов с видом на море, по которой Александра, бывшая тогда на тридцать лет моложе, носилась в своем тыквенного цвета «субару» на пляж или — с бьющимся в такт дробному стуку двигателя сердцем — в «Ленокс сивью апартментс» в те дни, когда там жил Даррил ван Хорн, каждый день устраивавший вечеринки, открывавшие перспективы, которые могли с легким щелчком отпереть заклинившийся кодовый замок ее жизни.

* * *

Иствик, как многие очаровательные городки по всей Новой Англии, в стремлении привлечь туристов и занять местных жителей приурочивал разнообразные празднества специально к августу, словно стараясь компенсировать недостаток официальных торжеств в этом месяце. Последовавшее за сбросом двух атомных бомб окончание Второй мировой войны никогда не удавалось красному дню в календаре. Вместо этого проводились широко рекламируемые экскурсии по заброшенным трикотажным фабрикам с экспонатами под стеклом музейных витрин и увеличенными фотографиями эпизодов промышленного прошлого, выставленными между рядами навсегда остановившихся станков. В бывших фермерских сообществах устраивались ужины по случаю начала жатвы и сельскохозяйственные ярмарки, хотя количество соревнующихся за приз Самой большой тыквы или Самого откормленного борова сокращалось год от года, равно как и количество желающих участвовать в состязании по стрижке овец или перемещению тяжестей запряженными мулами. В бывших пуританских поселениях дома первого периода освоения

здешних земель, построенные до 1725 года, открывали свои двери для платных экскурсий, и местные старые девы, облачившись в длинные юбки, отороченные кружевами фартуки и льняные чепцы, просвещали публику, изображая хозяек этих старинных домов. Стилизованные старинные ярмарки, книжные ярмарки, ярмарки произведений искусства заполняли деревенские лужайки и рощицы палатками, и искатели выгодных приобретений, шаркая ногами, добродушно топтали траву, которая распластывалась по земле и становилась бурой. В Иствики устраивались регаты в самых разных категориях судов: от гребных рыбачьих плоскодонок до управляемых с помощью штурвала яхт под всеми парусами. На берегу, в утешение детям и сухопутным жителям, на территории, принадлежавшей конгрегационалистской, а ныне унитарной церкви, проводился веселый карнавал; попечители церкви когда-то приобрели эту землю для новых церковных помещений, которые так и не были построены. Уже и то, что каждые пять лет существующее грандиозное сооружение покрывали новым слоем белой краски, а каждые двадцать ремонтировали гниющие колокольню, половые доски и подоконники, забирало все средства.

Сьюки было не оттащить от суеты и сверкания огней, между тем как Александра по возвращении с поминальной службы испытывала отвращение к тому и другому. Проходя мимо электрических приборов в квартире, она начала чувствовать не то чтобы явные разряды, но некое неприятное покалывание, проникавшее глубоко в замкнутое пространство ее существа. Однажды, стоя возле телефонного столба напротив почтового отделения на Док-стрит и пытаясь вспомнить, что, кроме необходимости послать поздравительную открытку и небольшой чек ко дню рождения своему сизтлскому внуку, привело ее в центр города — такие провалы ближней памяти случались у нее все чаще и чаще, пугая внезапными пробелами, начисто стиравшими то, что было полчаса назад, это было вызывающе очевидным и абсурдно банальным, — она вдруг едва не была сбита с ног невидимым разрядом, вызвавшим судорогу всех мышц той стороны ее тела, которая была обращена к столбу. Хотя никто из немногих людей, оказавшихся рядом и сосредоточенных на собственных делах, не заметил этого феномена, он хлестнул ее, как громко выкрикнутое оскорбление, и оставил ощущение тошноты, какое появляется, когда

машина резко виляет, объезжая неожиданно возникшее на пути препятствие. Земная, освещенная солнцем сцена вокруг нее — сверкающий тротуар, упитанные люди в шортах, отбрасывающие приплюснутые самодовольные тени, привядшие циннии на клумбах возле цементных ступенек почтового отделения, американский флаг, обвисший высоко на столбе, — показалась вдруг безвкусно-неуместной, как шикарный десерт, поданный на завтрак. Чувство отвращения сопровождало ее весь остаток дня. Она была потрясена. У нее уже начал пропадать аппетит. Когда перед ней ставили еду, организм с трудом вспоминал, для чего она нужна. Ее слюнные железы постепенно переставали функционировать.

Во время карнавала искусственное веселье — пронзительные вопли, доносившиеся со стремительно крутящейся подвесной карусели, когда ее клетки, свисающие с длинных раскачивающихся тросов, бросали своих добровольных затворников из стороны в сторону; время от времени менее возбужденные вскрики испуга с судорожно вращающегося «чертова колеса», когда оно останавливалось, чтобы выпустить пассажиров из нижней кабинки и впустить новых, между тем как остальные зависали, раскачиваясь, на разных уровнях и у тех, кто оказывался на самом верху посреди ночного холода, вырывались панические восклицания, — угнетало ее, приводило в оцепенение, изгрызало и сжевывало ее прочную сердцевину, прежде всегда уверенно приветствовавшую сюрпризы и свежие ощущения. Она ловила на себе подозрительные взгляды окружающих; люди то ли чувствовали ее нынешнюю отчужденность, то ли вспоминали дурную репутацию, которую она приобрела здесь три десятка лет назад.

Сьюки ворчала:

— Кончай кукситься, Великолепная. Здесь нужно веселиться.

— Веселиться? Кажется, мое веселье закончилось.

— Не говори так. Посмотри на этих счастливых детей.

— По мне так они выглядят ужасно. Им давно пора быть в постели, и они это знают.

Дети утыкались лицами в бумажные кулечки сахарной ваты или старались пошире разинуть рот, чтобы откусить кусок облитого глазурью засахаренного яблока. Взрослые рявкали на них, побуждая принять участие в какой-нибудь бросающей вызов смерти гонке или

рискнуть пометать кольца на опасно острые штыри, лишая их безопасности и тишины детской постели, соблазняя смехотворными посулами чего-то особенного, что они смогут наблюдать, если пробудут здесь достаточно долго. Александра и сама делала то же самое, в этом же самом городе, но то было столетия назад. И в тех ночных ожиданиях принимал участие другой человек, какая-то другая женщина, с более здоровым желудком и более жизнерадостным взглядом на жизнь.

— Ты посмотри! — воскликнула Сьюки. — Это же Крис Гейбриел!

— Скорее! Прячемся!

— Почему? Зачем нам прятаться? Ты же сама сказала: «Да пошел он!»

— Я так сказала? Это ты сказала, когда превратилась в Джейн.

Видение в белых артистических штанах и футболке с каким-то девизом на груди направилось к ним, повинувшись призывному кивку Сьюки. В свете карнавальных огней мужчина выглядел молодым, его лицо — ангельски гладким, губы были пухлыми, словно надутыми, волнистые платиновые волосы поредели только на темени и двумя тусклыми залысинами надо лбом, образовав треугольник, с которого свободно спадал единственный тщательно уложенный локон. Он напоминал Джеймса Дина, если бы Дин жил в Средние века и был выше ростом. С кривой полуулыбкой, характерной для этой кинозвезды, он спросил:

— Как поживаете, дамы?

Хотя талия его уплотнилась за последние годы и лицо огрубело, голос остался высоким и ленивым, как у того подростка, которого они смутно помнили. Надпись на футболке в двух строках — зеленой и красной — гласила: «Жги зерно, а не нефть». Его фигура обладала странным отражательным свойством, Александре казалось, будто она окутана светонепроницаемыми парами ртути. Было трудно поверить, что он имеет столь грубое намерение — убить ее. Однако слух об этом способствовал возникновению между ними своего рода эротической связи, необходимого для любовного флирта напряжения, которое Сьюки тут же закоротила своим нетерпеливо-ревнивым голосом.

— У нас все хорошо, — ответила она, заправляя волосы за уши и подняв лицо, чтобы заглянуть ему в глаза.

— Прекрасно, — сказал он, немного обеспокоенный ее уверенным тоном.

— А что вы здесь делаете? — продолжала Сьюки. — Вы по-прежнему живете у этой мерзкой Греты Нефф?

— Да. Отчасти.

Интересно, что он имеет в виду, подумала Александра: что Грета только «отчасти» мерзкая? Вслух она сказала более любезным тоном:

— Мистер Грант, вы пробудете в Иствике до конца лета?

Престарелый юноша, этот стройный мальчик, превратившийся в дряблого мстителя, уставился на нее своими голубовато-бесцветными, как свет электрической лампочки, зрачками, обрамленными синим ореолом радужки. Она почувствовала, что он действительно может причинить ей серьезный вред подобно тому, как это может сделать невинное существо вроде медведя или работающий механизм, или закон слепой Природы.

— У меня есть дела, которые нужно закончить, — ответил он вполне любезно. — Они могут потребовать времени.

— Похоже, вы не злоупотребляете пребыванием на солнце, — сказала она, надеясь за улыбкой скрыть, как потряс ее его смертоносный, бездушный взгляд. — Иначе в августе в здешних местах у вас должен был бы быть прекрасный загар.

— Я пользуюсь средством от загара номер сорок пять, — сообщил он. — Вам тоже не мешало бы. Рак кожи — не шутка.

— В моем возрасте, — сказала Александра игриво, в душе ненавидя затронутую тему, — это почти шутка, существует много куда более худших разновидностей.

Он посерьезнел, приняв вид профессионала.

— Тем, кто работает на телевидении, ограничивают допустимую степень загара. Режиссеры терпеть не могут, когда вы являетесь в понедельник на площадку загорелым. Загар невозможно скрыть. Если вам нужен загар, купите его в бутылке, говорят там, особенно актрисам. Во время порносъежек в Долине им объясняют: следы от бикини на телах актрис отвлекают зрителя на размышления о том, как эти актрисы выглядят в купальных костюмах, с кем они ездили на море, что было у них в корзинках для провизии и каковы эти женщины в нормальной жизни, а подобные мысли способны убить фантазию.

Сьюки нетерпеливо вклинилась в разговор:

— А может, разжечь? Сделать девушку более реальной?

«Ей незачем стараться защищать меня, — подумала Александра. — Я сама в состоянии себя защитить, если решу, что оно того стоит».

Кристофер, казалось, засомневался:

— Парни, которые смотрят этот хлам по телевизору, — люди незамысловатые. Им не нужен настрой на реальность.

— Вы знакомы со многими порноактрисами? — спросила Сьюки.

— С несколькими. Они приятней и нормальной, чем вы думаете. Многие из них занимаются йогой. Она помогает поддерживать стройность фигуры и укрепляет дух, а также помогает им расслабиться в перерывах между съемками. Все говорят о том, как трудно мужчинам сниматься для порно — по мне так вовсе не трудно, — но и для женщин это не сахар. Эти раскаленные софиты, эти пресыщенные рабочие и ассистенты, глазающие на них... В этом бизнесе преуспевают только те женщины, которые не позволяют тоске одолеть их.

Кокетничая, чтобы подавить ужас — ибо вечность смерти выступила из-за вымученной шумихи гулянья и бессмысленной скрежещущей музыки, чтобы столкнуть ее с неумолимостью свинцовой реальности, — Александра спросила:

— Выходит, это таким актерством вы занимались?

Его запавшие небесно-голубые глаза, когда он вновь обратил их на нее, на сей раз смотрели мягче, он воспринимал ее как уже свершенное деяние, мысленно уже достигнутую цель.

— Может быть, — сказал он. — Но если и так, то я неважно справлялся. Для этого нужно, чтобы кошечка тебе очень нравилась. Фильмы — если это не однодневки, которые с ходу лепят в номере мотеля с помощью ручной видеокамеры, — делаются, как я уже сказал, в Долине, вблизи западного побережья. Я же не хотел уезжать из Нью-Йорка. Нужно быть безмозглым дураком, чтобы это сделать.

Немного задыхаясь, как это теперь ей было свойственно, Сьюки, уловив настроение Александры, спросила:

— А вам совсем не нравятся женщины?

— Я сказал, они должны «очень нравиться». Снимаясь в порнофильмах, вы либо любите их, либо ненавидите. Ненавидеть не так уж плохо для этой цели. Они — звезды, вы — мясо. Я не возражал

ни против того, ни против другого. Режиссеры говорили мне, что в этом мой недостаток. Я сейчас имею в виду не только порно. Я имею в виду актерство как таковое. Все женщины такие самовлюбленные и агрессивные по сравнению с моей сестрой!

— Она была очаровательна, — мгновенно подхватила Сьюки.

— Такая способная и милая, — согласилась Александра. — Какое несчастье, что с ней это случилось.

— Да, — неуверенно произнес он, несколько обескураженный таким единодушием.

— Послушайте, Крис, — сказала Сьюки, — почему бы вам как-нибудь не зайти к нам выпить? — Теперь обескуражена была Александра. Сьюки поспешила добавить: — Уверена, вам будет интересно посмотреть, что сделали с домом Леноксов внутри. А нас можете любить или ненавидеть, — шуткой смягчила она свое предложение.

— Ну, я не знаю... — начал он, но Сьюки перебила:

— Оттянемся шампанским. Как в старые времена, с Даррилом.

— Я не пью, — сказал он. — Похмелье лишает это занятие удовольствия. И снижает тонус кожи. Она начинает выглядеть дряблой.

— Тогда приходите на чай! — воскликнула Сьюки, становясь, на взгляд Александры, немного надоедливой, ее голос сделался странно высоким и пронзительным, словно она внутри своего старого тела сократилась, превратившись в девочку. — Мы приготовим чудесный травяной чай, правда, Александра?

— Ну, если ты так говоришь... — Неотменимый факт грядущей смерти все еще сдавливал Александре горло.

— Тогда в следующий вторник, — продолжала уговаривать Сьюки. — Чай втроем, в четыре. В половине пятого. Вы же знаете, где мы живем, не так ли? Третий этаж, вход с парковочной площадки.

— Да, но... — опять забормотал Крис.

— Никаких но! — отмела возражения Сьюки. — Признайтесь честно, ведь у Греты Нефф такая тоска! В конце концов, сколько кислой капусты вы способны съесть?

— Ладно, — сказал он, обращаясь к Сьюки с видом неуклюжего подростка. Потом его взгляд снова вернулся к Александре. — Вы знаете, — сказал он ей, — в таком оборудовании, — он обвел рукой

подвесную карусель, надувную комнату смеха, вращающуюся под звуки механической музыки наземную карусель, обсаженную едва держащимися на ногах от головокружения детьми, голые цветные лампочки, подвешенные на протянутых от киоска к киоску проводах, — которое постоянно разбирают, перевозят из города в город и на скорую руку собирают на новом месте с помощью кучки алкоголиков и наркоманов, остается много оборванных проводов. Вы еще не почувствовали на себе никаких электрических разрядов?

— Несколько совсем слабых, — призналась Александра. — Я решила не обращать на них внимания.

— Напрасно, — заявил он, вымучив кривую ухмылку своими пухлыми губами красивого мальчика и повторив широко охватывающий круговой жест, шикарный, но неуклюжий, в стиле, который вызвал в памяти обеих женщин видение его исчезнувшего наставника Даррила ван Хорна. — Электроны, — сказал Крис, — они повсюду. Они составляют самую жизнь.

— Расскажите об этом во вторник, — поспешила вмешаться Сьюки. — На нас начинают обращать внимание.

Толпа поредела, открыв взору печально примятую траву— растоптанный салат следов под кричаще-ярким электрическим светом. На спине майки Кристофера, когда он удалялся от них в этот меланхолический последний час карнавала, женщины прочли две строки — одну зеленую, другую черную: «Голосуйте за Эла, долой Даблью»^[54]. Это была старая майка.

Две женщины, склонившись друг к другу, поговорили еще несколько минут, стоя за киоском, торговавшим сахарной ватой. Над полосатой пластмассовой лоханью тощая механическая рука продолжала сворачивать бумажные кулечки с сахарной пряжей, для которых уже не было покупателей. Детей наконец увели домой спать, остались только усталые старшеклассники и рабочие в засаленных комбинезонах, начинавшие сворачивать оборудование. Александра спросила Сьюки:

— Что на тебя нашло?

— А что? Почему бы и нет? Надо держать его поблизости и присматривать за ним. Это наш единственный шанс. — Сьюки говорила своим репортерским голосом, категоричным и в то же время небрежным, ее поджатые губы придавали лицу самоуверенный вид.

— Он хочет нас убить.

— Я знаю. Так он говорит. Но это может быть обыкновенным сотрясением воздуха, а Джейн — просто совпадение.

— Должна тебе заметить, дорогуща моя, что меня очень раздражило то, как ты пыталась подлизаться к нему. Ты была слишком уж льстива. Что у тебя на уме?

Ореховые глаза Сьюки невинно расширились; в микрокосме золотистых крапинок ее радужных оболочек плавали отраженные карнавальные огни.

— Ничего, кроме твоих самых насущных интересов, душечка, — призналась она.

— Миссис Ружмонт! — Должно быть, ее окликали уже второй раз, но Сьюки услышала голос не сразу: идя по Док-стрит, она размышляла о добродетели и самопожертвовании (существуют ли они на самом деле или все это лишь лицемерие и попытка пустить пыль в глаза ради собственных целей?), одновременно держа перед мысленным взором образ Дебби Ларком, ее ладную белокожую фигуру, облаченную в простое серое платье, как бледное пламя в пелену дыма.

Недовольная тем, что ее прервали, Сьюки обернулась, ожидая увидеть спешащего к ней Томми Гортон, грузного человека с почти сомнительной репутацией, длинными, как у хиппи, волосами, неухоженной бородой, недостающим зубом и покалеченной рукой. Но борода и волосы были у него аккуратно подстрижены, а осанка стала более прямой. Она уловила дуновение самонадеянной юности, коей был некогда полон этот человек, влюбленный тогда в нее, но, кроме того, влюбленный в собственную красоту, которую она же ему и открыла.

— Том, — сказала она с тщательно отмеренной теплотой, — очень мило. Как поживаешь?

Ему не терпелось выложить свои хорошие новости, его обветренное красное лицо так и светилось ими.

— Смотри, — сказал он, подняв свою бедную искореженную руку. Несколько пальцев на ней медленно шевелились. — Они начали двигаться. И чувствительность возвращается.

— Ну так это же замечательно! — произнесла она, ошеломленная. — Что говорит твой врач?

— Она говорит, что это чудо. Велит разрабатывать их дальше.

Сьюки обратила внимание на неожиданное местоимение. Впрочем, конечно, теперь среди врачей, включая ее собственного в Стэмфорде, много женщин. В Средние века мужчины насильственно лишили ведьм возможности практиковать искусство врачевания, а теперь оно к ним возвращается, поскольку, как заметил Нэт Тинкер, серьезные деньги в медицине больше не вращаются. Ее докторица, хоть была выше ростом и старше Дебби Ларком, обладала такой же, как та, способностью успокаивать улыбкой и такой же сдержанной внутренней страстью, словно действенная добродетельность приносила ей чувственное вознаграждение — что-то вроде грудного вскармливания младенца. Наконец женщины начинают наследовать мир, предоставляя мужчинам все больше увязать в своих презренных фантазиях о насилии и собственном превосходстве.

— Я так рада за тебя, Томми, — сказала Сьюки, но душа ее витала далеко от радости за Томми Гортон; он был чем-то наподобие магазинчиков на Док-стрит, отчаянно, но тщетно пытавшихся приманить покупателей, или мерцания безуспешно стремившейся в открытое море воды на их задворках — осколком былых приключений, дорогих для нее прежде всего тем, что она их пережила, сумев уберечь свою яркую, чистую индивидуальность от шрамов. — Когда это началось? — спросила она из вежливости, поскольку Томми явно хотелось поговорить об этом событии.

— Вот это самое главное. Около двух недель тому назад. Я сидел дома, смотрел по «ящику» какое-то идиотское игровое шоу с участием знаменитостей, пока Джейн прибирала в кухне, и вдруг почувствовал покалывание в руке. Меня прямо подбросило в кресле, я двадцать с лишним лет ничего подобного не ощущал. А потом, ближе к ночи, начался дикий зуд. Я не мог спать, но мне было наплевать на это. Что-то происходило. Утром я посмотрел на свою руку, и мне показалось, что я могу шевелить пальцами, чуть-чуть. И еще мне показалось, что кости встали в более нормальное положение. С тех пор это повторялось каждый день, каждый день происходило небольшое улучшение. Да, мне бывает при этом больно. Но это боль, которая дает результат. Я уже могу держать вилку в этой руке. Посмотри! — Он

несколько раз сложил пальцы все еще уродливой багрянистой и вялой руки щепоткой. Сьюки смущало то, что они беседуют, стоя посреди оживленной утренней Док-стрит, но складывалось впечатление, что прохожие сознательно не обращали на них внимания, вероятно, все они уже слышали историю Томми. — А суть в том, — продолжал он, стараясь глазами, покрасневшими от старости, пьянства и жалости к себе, притянуть к себе блуждающий взгляд Сьюки, — что это наверняка сделала ты. Ты и твои подруги.

— Что такого мы могли сделать? — спросила она. В памяти возникли картинки стародавних, как теперь казалось, времен, когда Джейн была еще жива: они втроем, обнаженные, перед алтарем Богини, устроенным Александрой, в очерченном гранулами «Каскада» круге, являющем собой основание конуса могущества; карты таро, неохотно превращающиеся в пепел на медной жаровне; ее выбор валета денариев — простодушно-самодовольного красавчика, — и за неимением лучшей идеи поспешная просьба к Ней совершить невозможное, и все это за минуту до того, как рот Джейн наполнился кровью и она прошептала: «Черт. Как больно». — Сьюки затопталась, полуотступая: — Конечно, мне было ужасно жаль, что это с тобой случилось, но...

— Я понимаю, что ты не можешь об этом говорить, — сказал Томми. — Дело это темное. Но я тут слонялся вокруг пожарного депо и услышал последние сплетни: фельдшеры, которые выезжали на вызов, говорят, что там, на месте, был странный запах и что ковер был только что вычищен пылесосом, и что панталоны жертвы были надеты наизнанку. Сложив два и два, я чуть не вскрикнул. А если честно признаться, я вскрикнул. Ты всегда была потрясающе добра ко мне.

— Я эгоистически получала удовольствие, Томми. Ты был красавцем.

Изрядно напугав, он приблизился к ней на шаг прямо среди бела дня и, понизив голос, чтобы никто не услышал, произнес:

— Я еще могу снова им стать. После того, что ты для меня сделала, забудь, что я говорил тебе о Джейн. Она поймет. А если не поймет, пусть катится знаешь куда? Она холодная сука. Говорит, что все, чего я требую от нее в постели, противоречит ее религии.

Он предлагал себя, и его бесстыдство тронуло ее, но даже с двумя руками — а насколько полным может быть исцеление, купленное за

одну жалкую карту таро, неизвестно — он был вчерашней новостью. Она предпочла бы пасть перед Дебби Ларком — о, этот черный треугольник меж белых бедер!

— Нет, Томми, даже не заикайся. Свое дело мы сделали давным-давно. Тогда было другое время, время много для чего. Теперь время совсем иное, а я — старая дама.

— Ты такая же сногшибательная. Уверен, что ты все еще и такая же — как мы это называли? — сумасшедшая.

Почему-то этот намек оскорбил ее. А может, она лишь искала повод, чтобы оскорбиться.

— Не настолько сумасшедшая, чтобы продолжать молотить с тобой чепуху на виду у всего города, — фыркнула она. — Прощай, Томми. Берегите твою руку вместе с докторицей.

Отвергнутый, он на глазах скукожился, как будто она взмыла в воздух и смотрела с высоты флагштока на этого жалкого лысеющего рыбака, брошенного на тротуаре, пестревшем укороченными фигурами в легкой простой одежде, составлявшими летнюю уличную толпу.

Сьюки и Александра так нервничали, готовясь принять Криса Гейбриела на чай, что несколько раз наталкивались друг на друга, снуя по квартире.

— Ты собираешься открыто обвинить его? — спросила Александра, едва разминувшись в тесной кухоньке со Сьюки, когда та несла блюдо красиво разложенных печений от «Пепперидж фарм» в виде мужских фигурок со вкусом поочередно лимона и имбирного ореха, а Александра шла навстречу с маленькой японской пиалой соуса из рубленых мидий и крабового мяса под майонезом, который подавался к рисовым крекерам со вкусом морских водорослей, продававшимся только в магазинчике деликатесов, арендовавшем помещение у «Стоп энд шоп».

— Я уже это сделала, — ответила Сьюки. — После поминальной службы по Джейн. Он ничего не отрицал. Только не сказал, как он собирается это сделать. — Она снова опустила тот факт, что Крис, по его собственному признанию, наметил следующей жертвой «толстуху». После того как впервые умолчала об этом в машине по дороге домой, Сьюки начала выстраивать систему размышлений и

намерений, скрытых от сестры-ведьмы так же, как в свое время она скрывала от родителей факт занятия мастурбацией и намерение уехать из дома — душного кирпичного полуотдельного дома в маленьком городке, на карте напоминающем тупой красный ноготок на конце одного из Пальчиковых озер в центральной части штата Нью-Йорк. Держа в тайне взрослеющую часть самой себя, она начала тогда видеть родителей в ином свете, они представились ей жалко-глупыми; и хотя она никогда не допускала даже мысли о своем превосходстве над Александрой, следовало признать, что по мере того, как в ее воображении развивалось представление о собственных добродетельности и самопожертвовании, старшая ведьма казалась ей все более сонной, рассеянной и пассивной. Она напоминала ей большую белую личинку, парализованную паучихой и живьем поедаемую изнутри выводком крохотных паучьих младенцев.

— И не надо спрашивать! — воскликнула Александра. — Я об этом даже думать не могу. Если мы воочию представим себе способ, то невольно начнем сами воплощать его.

Эта мысль показалась Сьюки настолько странной, что она спросила:

— Ты как вообще-то?

— Устала, — призналась Александра.

— Плохо спишь?

— Я с трудом заставляю себя не спать днем, а ночью наоборот: несколько часов глубокого сна, потом вскидываюсь — и уже ни в одном глазу. Птенцы на пруду так шумят! Что такого они находят, чтобы всю ночь болтать об этом друг с другом? Их перевозбуждает луна. В последние дни она так ярко светит, что птицы на дереве начинают щебетать среди ночи. Я встаю, выглядываю в окно и вижу ее там, высоко над деревьями, словно какой-то ужасный белый глаз, заполняющий все поле зрения. Весь мир старается спать, а она идиотически все сияет и сияет. Показывает нам, как мало мы значим.

— Но сейчас почти новолуние. Ты вспомни, как убывала луна, когда мы...

— Пожалуйста, давай не будем об этом, — взмолилась Александра.

— ...когда мы молились Богине, — закончила тем не менее Сьюки, как будто Богиня была неудачной идеей именно Александры.

— Какой же сукой Она оказалась, — признала старшая подруга. — Мы никогда не узнаем, о чем попросила ее Джейн и за что получила такой ответ на свою просьбу.

— А моя просьба удовлетворена, — доверительно сообщила Сьюки. — На прошлой неделе я встретила в городе Томми Гортон, его калечная рука, похоже, выздоравливает. Появилась чувствительность и кое-какая подвижность. Не знаю, как далеко может продвинуться исцеление, но он был в такой эйфории, что предложил трахнуть меня.

— Правда? Почему ты мне раньше об этом не рассказала? Это потрясающе!

Сьюки подумала: скорее всего она оставила это событие при себе потому, что оно вплеталось в ее сугубо личную воображаемую картину. Колдовской ритуал все еще оказывал некое галлюциногенное воздействие. Сьюки не хотела напоминать Александре о своей слабости к более молодым мужчинам, поскольку это могло раскрыть секретный замысел, тайную мечту, которую она лелеяла. Внезапно на нее снизошло видение: идеальный юноша, Актеон или Гиацинт, обнаживший перед луной свою безупречную гладкую грудь с восхитительными, красиво очерченными сосками.

— Не знаю, — уклончиво ответила она. — Наверное, не хотела сглазить, Томми был так полон надежды. Боюсь, чудо на том и закончится, как это чаще всего случается. — Вдруг онемев от своего мистического видения, будто была чуточку пьяна, она перешла к окну, выходящему на автомобильную стоянку, и сменила тему: — Я волнуюсь... что, если прилив окажется слишком высоким и Крис не сможет проехать через дамбу?

— Крис? Голубушка, насыпь давно нарастили. Кто стал бы снимать квартиру в кооперативе, в который нельзя добраться?

— В газетах столько пишут о наводнениях. Глобальное потепление климата — какая мерзость!

Прижавшись к стеклу щекой, она могла видеть дальний конец дамбы. Да, сине-стальные воды прилива покрывали идущую по ней дорогу, но расходящаяся рябь, от которой колыхались болотные травы, указывала на то, что там только что проехала машина.

— Что ты сказала, когда Том предложил трахнуть тебя?

— Разумеется, я сказала — ответ отрицательный. — Сьюки сожалела о том, что хоть немного, но допустила другую женщину в

свою приватную жизнь; ей было неловко вспоминать, что несколько недель тому назад они сидели друг перед другом голыми.

— Ты скучаешь по сексу? — вдруг спросила Александра с дивана, на котором она, словно римлянка на пиру, полувозлежала перед красиво расставленными закусками. — Я ловлю себя на том, что нисколько не скучаю. Все это такая обуза. У нас с Джимом все было очень поверхностно, хотя, благослови Господь его добрую душу, он старался, чтобы мне все-таки не было скучно.

— Я тоже не скучаю, — солгала Сьюки.

Обе резко встрепенулись, когда у основания лестничной клетки, резанув слух, заскрежетал дверной звонок. Звук был неподобающе громким и грубым, как сирена охранной сигнализации, но подружки не знали, как сделать его потише; банк, хозяин дома, обналичивал их чеки, но на звонки туда никогда не отвечал человеческий голос — только автоматическая запись, предлагавшая множество путей, приводивших в конце концов к безответной тишине. Шаги на лестнице были такими быстрыми и молодыми, что подружки испытали еще один шок, когда дверь открылась и на пороге, тяжело дыша, появился по-городскому изнеженный гермафродитного вида мужчина средних лет.

— Простите, простите, — задыхаясь, произнес он.

— Вы не опоздали, — ободрила его Сьюки, хотя часы на запястье Александры показывали, что он, конечно же, опоздал.

— Дамбу залило, как в былые времена, — продолжал он, постепенно справляясь с одышкой, — и я не сразу решил, рисковать или нет. Не хотелось утопить этот драндулет под гордым названием «хонда», его одолжила мне Грета.

— Эта несчастная машина все равно на ладан дышит, — сказала Сьюки.

— Тем более с ней следует обращаться деликатно, — подхватил он, придав голосу притворную учтивость, и, словно выполняя поставленную режиссером задачу, пересек сцену и вручил Александре банку соленых орешков кэшью марки «Плантерс». — Презент хозяйке.

— Хозяйкам, — ревниво прошипела Сьюки.

— Конечно. Хозяйкам.

— Грета знает, что вы поехали к нам? — спросила с дивана Александра.

— Да. Знает. И сказала, что, если я не вернусь через два часа, она позвонит в полицию. Бедная девочка боится, как бы мне не причинили зла. — Он временно сменил угрюмую лаконичную манеру речи невоспитанного подростка на театральную, без сомнения, оставшуюся от тех времен, когда он участвовал в дневных «мыльных операх» с их безвоздушной студийной акустикой и дотошно аккуратной версией повседневной одежды. По сегодняшнему случаю он облачился в белые джинсы с медными заклепками, мягкие мокасины фирмы «Л.Л.Бин» на резиновой подошве и листериново-голубую футболку с витиеватой надписью «Метс», на спину он набросил желтый кашемировый свитер с V-образной горловиной, завязав рукава на груди. Оглядевшись, он с прежней мальчишеской живостью воскликнул: — Невероятно! Это же здесь у Даррила была японская деревянная баня с репродукторами и сдвижной крышей, открывавшей вид на звезды.

— В комнате, где жила Джейн, можно до сих пор видеть кое-какую арматуру, — подхватила Сьюки. — Ее только покрасили той же краской, что и стены.

Упоминание имени Джейн сразу изменило тональность происходящего. Сьюки замолчала с приоткрытым ртом, словно о чем-то внезапно задумавшись, а Кристофер устался в винно-красный ковер и даже — кто бы мог подумать? — покраснел.

— Чай, — поспешила прервать молчание Александра, понимая, что она ответственна за этих двух детей. — Кристофер, обычный с кофеином — у нас есть «Липтон» и «Английский завтрак» — или травяной? У нас есть ромашковый, «Сладкие грезы» и зеленый «Добрая земля» с лимонником.

— Травяной я не пью, благодарю, — ответил он, — это слишком старомодно, и после двух не употребляю кофеина. Даже крохотный кусочек шоколада лишает меня сна на всю ночь.

— Значит, чай отменяется, — заключила Александра.

— А что еще у вас есть из напитков? — спросил Кристофер.

— Вино? — робко, неуверенно предложила Сьюки. — Бутылка откупорена, но она была закрыта плотной пробкой.

— Какого цвета? — спросил он. — Красное. Кьянти.

— Какой марки?

— Что-то калифорнийское. «Карло Росси».

— О Господи. Гигантская экономная расфасовка.

— Это Александра купила.

— Дамы, вы не слишком балуете себя, не так ли?

Александра вмешалась, обратившись к Сьюки так, словно этого мужчины рядом не было:

— Зачем ты стелешься перед этим молокососом? Мы его звали на чай — значит, будет чай. А если он такой привередливый, дай ему стакан воды.

— Капля скотча с водой будет еще лучше, — уступая, произнес Кристофер более легкомысленным голосом, которым, видимо, тоже пользовался на телевидении.

«Интересно, когда он играл в последний раз? — подумала Александра. — Какой жалкий „бывший“. А может, и „небывший“». Тем не менее вот он, в некотором роде гость. Его откровенно заявленное намерение убить их создавало между ними некую интимную связь.

— Я поищу, — подобострастно сказала Сьюки.

Пока из темной комнаты Джейн раздавались звуки выдвигаемых ящиков и открываемых шкафных дверей, Александра сочла себя обязанной поддержать разговор:

— Мы теперь много не пьем. Да, когда-то выпивали, в прошлой жизни, в той, в которой вы нас знали.

— Это было ужасно, — нагло сказал он, — слышать из-за стены, как ваша компания становилась все глупее и шумнее, а потом вообще начинала пронзительно вопить. Эти вопли и жуткий смех... Как я мог спать в такой обстановке?

— Мне жаль — забота о вас не входила в нашу повестку дня. Но теперь... Нет, выпивка может оказаться ловушкой для вдов. А мы пытаемся продлить себе жизнь.

— Желаю удачи, — сказал он, искоса бросив на нее театрально долгий взгляд, словно позировал для крупного плана перед объективом с переменным фокусным расстоянием, между тем как за кадром, нарастая, вызывая дрожь, звучала органная музыка, символизирующая дурное предзнаменование.

Раскрасневшаяся, оживленная и очаровательная Сьюки с победным видом вернулась в гостиную, неся бутылку скотча «Дьюарс» объемом в пинту.

— Нашла! Чертовка Джейн почти все выпила! И ни разу не предложила нам!

Отрывисто бормоча: «Лед? Вода? Сколько? Достаточно?» — Сьюки щедрой рукой смешала два скотча со льдом, между тем как Александра с неодобрительным видом упрямо налила себе чаю. Она выбрала «Сладкие грезы», понятия не имея, каков он на вкус. Оказалось — никакой. Это был вкус воды, слишком горячей, чтобы пить.

— Угощайтесь, — предложила она Кристоферу, протягивая блюдо с тщательно разложенными печеньями.

— О, что вы! Мучное и сладкое? Мне и так нужно сбросить фунтов десять.

— Мне кажется, после определенного возраста плоский живот у мужчины выглядит отталкивающе, — сказала Сьюки. — В Стэмфорде полно этих помешанных на физических упражнениях парней, которые думают, что выглядят в деловых костюмах подтянутыми, а на самом деле после определенного возраста они выглядят высушенными, как мумии. Они не позволяют мужскому организму пройти естественную эволюцию.

Александра, раздраженная вызванной желанием угодить болтовней Сьюки, обратилась к Кристоферу:

— Вы собирались рассказать нам об электронах.

Он мгновенно зажегся, отставил свою сценическую инертность и, начав объяснения, принялся взволнованно и порывисто жестикулировать. По мере того как говорил, он становился все больше и больше похож на Даррила ван Хорна — взрывные, плохо скоординированные движения, захлебывающаяся речь, претензии на авторство теории, которая позволит ему править Вселенной, вырвав ее из рук Создателя.

— Они удивительны, — говорил он. — Из них складывается *все*, что нас окружает. Возьмите ток силой в один ампер. Угадайте, сколько электронов проходит через сечение провода в секунду? За одну ничтожную секунду? Ну, попробуйте догадаться.

— Сто, — воинственно ответила Александра.

— Десять тысяч, — предположила Сьюки, стараясь добросовестно участвовать в игре.

— Держите свои шляпы, дамы: шесть, запятая, два-четыре-два-ноль в восемнадцатой степени — это более шести квинтиллионов! А в кубическом дюйме меди их содержится один, запятая, три-восемь-пять в двадцать четвертой степени — это приблизительно один и одна треть септиллиона. А теперь возьмите водород, простейший атом: один протон и один электрон. Идеальное равновесие, хотя вес электрона составляет лишь тысячу восьмьсот тридцать седьмую часть веса протона. Но Боже ж мой, как они сильны! Их отрицательная электростатическая сила вмиг разорвала бы любой кусок меди, достаточно большой, чтобы его можно было увидеть невооруженным глазом, не будь она уравновешена положительным зарядом протона в атоме. — Его руки, пухлые и менее мужские, но более человеческие — кожа, складки, волосы, — чем были у Даррила ван Хорна, воспроизвели в воздухе резкое разрывающее движение. — А как вам такое? Этот несчастный старый медный сосуд, что стоит на столе, не просуществовал бы и наносекунды без протонов и нейтронов. И мы с вами тоже. Вот что я пытаюсь вам втолковать: мы полны электронами, под завязку полны. Потенциально мы — динамит.

Сьюки и Александра были так потрясены его демоническим сходством с Даррилом ван Хорном, что едва слышали, что он говорил. Квинтиллионы, септиллионы, суперсупер-тьмы-тьмушие — что означали эти числа, если каждый человек существует в единственном экземпляре? Одна жизнь, одна душа, один ход в игре.

— Протон своей электростатической силой, — продолжал Кристофер, вытирая большим и средним пальцами слюну в уголках губ, — притягивает электрон, в то время как электроны друг от друга отталкиваются. Одновременно. В противном случае не было бы никакой Вселенной. Ни единой частицы, ни грана материи — только хаотическое бурление высоких энергий; Большому взрыву не было бы нужды происходить. Бог мог сидеть сложа руки. Что следует добавить, так это то, что, когда в теле создается избыток электронов или протонов, они ищут выход, и накапливается электрический заряд. Если электронов оказывается меньше, чем следует, заряд положительный. Если меньше протонов, заряд отрицательный. Когда он истекает в воздух, получается искра. Когда он скапливается в теле, вы испытываете удар-разряд. Не слишком приятное ощущение, как я слышал. С течением времени это оказывает на вас определенное

воздействие. Вы постоянно излучаете электричество; ваш мозг, ваше сердце, ваши мышцы реагируют на это. Любая материя состоит из электронов и атомных ядер — протонов и нейтронов, в свою очередь состоящих из «верхних» и «нижних» кварков. Нейтрино, да, они существуют, но лишь непостоянно, а мюоны и тау-частицы и того недолговечней — эти частицы нестабильны. Вот и все, дорогие мои. Электроны — они повсюду, и ток, а также электрическое напряжение существуют везде. И если вы уловили ход моей мысли, то понимаете, что ничего не стоит подтолкнуть электрический ток в ту или иную сторону.

Он выжидательно посмотрел на них.

— Это как любовь, — вдруг объявила Сьюки. — Сила, которая пронизывает всю Вселенную.

— Она у нас слишком романтична, — извинилась за подругу Александра.

Кристофер нахмурился: вмешательство женщин нарушило ход его рассуждений.

— Любовь — это другое. Она не существует в том смысле, в каком существуют электроны. В отрыве от наших душевных порывов и сексуального влечения ее просто нет.

— А ведь вы любили свою сестру Дженни, — заметила Сьюки.

Александр показалось, что он покраснел, как тогда, когда упомянули Джейн и он смущенно уставился в винный ковер.

— Я зависел от нее, — сказал он. — У нас были поганые родители.

— Ваш отец был милейшим человеком. Таким наивным. Таким неприкаянным.

— Сьюки! — Решительный тон Александры предостерег младшую подругу от интимно-сентиментальных откровений о ее бывшем любовнике, отце Кристофера, трагически доведенном до смерти. — Дай ему закончить. Насчет электронов.

— Я не собираюсь забивать вам мозги, — сказал их гость, приложившись к стакану с виски. — Даррил... Мистер ван Хорн...

— Мы знаем, кого вы имеете в виду, мистер Грант, — грубовато перебила его Александра. Она видела, что скотч начинает оказывать свое воздействие на мужчину, манера его поведения менялась, в ней становилось больше самоуверенности, высокомерия, ленивого

мужского самодовольства. А ведь они обещали ему лишь чай — чай, который пила теперь только она, несмотря на то что он был безвкусен и быстро остывал.

Брови Кристофера, более жесткие, чем те серебристо-светлые, словно карандашом нарисованные, которые были у Криса-подростка, то чванливо взмывали вверх, то хмуро опускались. Пухлые губы кривились, словно он давал понять невидимому мужскому существу, присутствовавшему в комнате, как болезненно ощущает свое превосходство над этой женской компанией.

— Итак, учитывая вездесущность и практически бесконечное количество электронов, ими нетрудно управлять. Чтобы создать электромагнитное поле, не нужны даже провода; Максвелл еще в 1864 году теоретически доказал, что электромагнитное поле вокруг тока смещения^[55] действует так же и так же поддается измерению, как поле, возникающее вокруг провода, а Герц на своем осцилляторе в 1880 году измерил скорость распространения и длину его волн. Скорость оказалась равной скорости света, что показывает, что эти волны являются формой существования света, или наоборот. Что касается длины, то, как, вероятно, известно даже вам, когда она достаточно велика, когда расстояние между вершинами волн составляет не миллиметры, а метры и даже километры, получаются радиоволны, благодаря чему мы имеем беспроводной телеграф, радио, радары и телевидение. Далее, — настойчиво продолжил он, видя, что женщины готовы начать задавать вопросы или сменить тему, — на нашего старого друга Даррила ван Хорна Максвеллово центральное интеллектуальное построение — мысль о том, что электричество являет собой несжимаемый поток и это открывает фантастические перспективы, — произвело огромное впечатление. Казалось бы, такого не может быть. Но уравнения, выстроенные на этом гипотетическом основании, идеально соответствовали реальному функционированию электромагнитных полей. Такая петля из реальности в фантазию, — он руками, как это делал Даррил, очертил в воздухе траекторию, — и обратно заморозила его. Другая вещь, которая показалась ему весьма перспективной, — это призрачность квантовой теории. Двойственность волновых частиц, принцип неопределенности Гейзенберга и взаимозависимая поляризация двух связанных между собой частиц, электронов или фотонов, — из чего вытекает, что,

измерив спин^[56] одной, можно быть уверенным, что спин другой будет дополняющим, даже если они находятся на расстоянии световых лет друг от друга, — автоматически рожают восхитительную возможность телепортации со скоростью, превышающей скорость света. Для Даррила эти алогичные, но очевидные факты были все равно что грубые швы, оставленные на изнанке ткани, извините за выражение, Творения. Щели, которые Бог не смог заделать. И они могут быть использованы так же, как дефекты человеческого восприятия и интуиции могут быть использованы для создания иллюзии сценической магии. Но магия может обращаться реальностью, так же как реально беспроводное электричество. Квантовая реальность связи между частицами на расстоянии может быть распространена и на мир, выходящий за пределы мира частиц. Например, электронно-лучевой осциллоскоп способен направлять луч электронов с помощью горизонтальной и вертикальной металлических отклоняющих пластин. Он может заставить светиться флуоресцентный материал; он также может насыщать вещество, включая ткани человеческого тела, избыточным количеством электронов, придавая им отрицательный заряд, то есть он сам как бы представляет собой провод, только без изоляции.

Обе женщины, как он и предполагал, прервали его наконец не имеющими никакого отношения к тому, что он говорил, речами.

— Катод! Катар! — выкрикнула Сьюки. — Ересь, выросшая из корня романтической любви! Вы все равно говорите о любви!

— Значит, вот что вы каким-то образом сотворили с Джейн! — воскликнула Александра. — А теперь принялись за нас!

Кристофер покраснел.

— Вовсе нет, — солгал он. И, обращаясь персонально к Александре, добавил: — Существуют технические трудности, объяснением которых я не хочу отнимать у вас время. Мистер ван Хорн столкнулся с ними и, по обыкновению, ушел в кусты. У него было невероятное количество идей, но он никогда не доводил их до конца. Кроме того, он все время переезжал с одной квартиры на другую и бросал на старом месте все оборудование. Вот почему я порвал с ним в конце концов — мне нужна стабильность. Меня осаждали продюсеры, мне было двадцать с небольшим, и я был, как они это называли, телегеничен, но я не мог показаться на съемочной

площадке после его пьяных ночных разгулов. Он вечно приглашал кучу народа — бесполезного народа: людей с улицы, развратных прихлебателей и отъявленных мошенников. Когда я жаловался, он говорил: «У них тоже есть души» — как будто это должно было меня с ними примирить. Плевать мне было, есть у них души или нет! Я хотел лишь регулярно питаться и каждую ночь спать в одной и той же постели. А он был неугомным. Хотел побывать везде — чем дальше, тем лучше: в Албании, в Узбекистане, Зимбабве, на Фиджи, в Судане, Ираке. Ему просто нравились эти названия; он легко схватывал языки, поверхностно, конечно: счет, «да», «нет»... Китай. Эта идея приводила его в полный восторг. «Миллиард с четвертью душ! — восклицал он бывало. — На пороге всех пороков капитализма, и не осталось ни единого бога, чтобы их защитить!»

— Мы втроем ездили туда, — сообщила ему Сьюки. — Это было забавно, но все еще вполне невинно. Даррил умер бы от скуки.

— Когда мы водили с ним знакомство, — заметила Александра, — он так скучал, что даже *мы* забавляли его. И даже Неффы и Холлибреды.

— Он был неразборчив, — пожаловался Кристофер, глядя в свой стакан, в котором осталось лишь два полурастаявших кубика льда. — Есть еще скотч?

— Я поделюсь с вами, — предложила Сьюки, бескорыстно выливая ему остатки своего. — А сама переключусь на вино.

— Я тоже, — сказала Александра. — Травяной чай — надувательство.

Кристофер скосил на нее глаза:

— Как у вас с аппетитом в последние дни?

— Так себе, — призналась она. — Меня немного подташнивает, особенно по утрам и вечерам. Это ваша работа?

Прежде чем ответить, он глотнул виски и задумчиво облизнул губы.

— Это ваша собственная работа, — сказал он. — Вы испытываете вину перед моей сестрой.

— И перед своей дочерью тоже, — согласилась Александра. — Той, что живет здесь, в Иствике. Она никогда никуда не уезжала, бедняжка. Приклеилась к этому месту и ищет чего-то, что я ей недодала.

— Внимания, — предположил он. — И правил, по которым следует жить.

— Ох, пожалуйста! — запротестовала Сьюки. — Давайте обойдемся без психологии. Я проголодалась. Крекеры с водорослями кончились, нечего макать в соус. Принесу каких-нибудь других из кухни. Думаю, обычные «Ритц» тоже сойдут.

Она вышла.

— Люди сами вызывают у себя рак, — мрачно сообщил Александре Кристофер.

— Я знаю, — ответила она. — Чувством вины или стрессом.

— Это доказанное психофизическое явление, — тоном лектора добавил он.

— Представьте себе, что сделал бы Даррил, будь он здесь? — крикнула из кухни Сьюки. — Он бы сыграл на пианино!

— У нас нет пианино. У нас нет даже магнитофона, — сказала Александра и тут же поняла, что устарело даже само это название.

— У нас есть радио! — откликнулась Сьюки. — Чтобы слушать прогноз погоды и безрадостные новости. — Она вернулась с ослепительной улыбкой во все зубы и блюдом нового печенья. — Найдите радиостанцию WCTD, — распорядилась она. — Девяносто шесть и девять FM. Они вечерами транслируют джазовую музыку.

Занятно, размышляла Александра, чувствуя, что вечеринка катится уже на другой скорости, насколько старательнее работают женщины, когда их двое, чтобы ублажить мужчину и польстить ему, даже такому, как этот, по большинству параметров никчемному типу, упитанному гомосексуалисту, пытающемуся излить на престарелых женщин месть за свою скучную маленькую сестру, давно умершую... Давно умершую: Дженни была пустой скорлупой, лежавшей в своем гробу на новой территории Кокумскуссокского кладбища, и бледным тайным образом, все больше и больше тускневшим в памяти Александры; тайным и робким — невестой вечной ночи. За малую долю секунды — словно мгновенно открылись лепестки круговой шторы на гигантском объективе или разъехался сдвижной потолок, когда-то существовавший здесь, — она заглянула в бездну собственной смерти, в чистоту вечного Ничто. Но, слава Богу, шторы сразу же затянулись — плотно, как анус. Она все еще была здесь, в ярко освещенной комнате.

Сьюки сама нашла нужную волну, сигнал из Эшэвея, Род-Айленд, был достаточно сильным, чтобы его мог уловить даже их маленький приемничек, чьим основным назначением было сообщать время крупными красными цифрами любому временному постояльцу, который, пробужденный позывом мочевого пузыря или тревогой обремененного чувством вины сознания, шаркая, брел в замешательстве через гостиную в глухой послеполуночный час. Из приемника вырвалась музыка, засоренная треском статического электричества, — глубокий страйд^[57] фортепьяно, парение кларнета, выкрики корнета, громкие дробы барабанов, прорывающиеся сквозь настойчивый медный ритм заносчивых тарелок; каждый инструмент по очереди исполнял свое соло, после чего со стародавней учтивостью отступал назад под всплеск аплодисментов, снова вливаясь в ликующий строй ансамбля. «Да, да, да!» — выпевало собрание инструментов, пока последний такт не оповестил конец глухим ударом барабана.

— Помнишь Даррила и его «Буги соловья с Беркли-сквер»? — спросила Сьюки в наступившей на миг тишине. — Он был ужасен, но мог быть таким чудесным.

Радио заговорило, не молодым голосом университетского студента, а утробным басом престарелого любителя джаза, профессора или швейцара, которому было позволено несколько вечерних часов исполнять роль диск-жокея. Он сообщал место происхождения (Новый Орлеан, 1923 год, или Чикаго, 1929-й, или Манхэттен, 1935-й) и называл состав ансамбля и солистов (Кинг Оливер, Луи Армстронг, Бенни Гудман) с печальной серьезностью, приличествующей прекрасному, но отжившему свое музыкальному жанру.

— Интересно, как люди танцевали под это? — поинтересовался Кристофер.

— Они линдили^[58], они джиттербагили^[59], — сказала Сьюки. — Хотите покажу?

— Нет, благодарю.

Но вот другой диск («А теперь, друзья, для смены ритма — медово-спокойный свинг, который возглавлял список наиболее популярных пластинок в 1940 году, великая композиция Гленна Миллера „В настроении“!») был поставлен на проигрыватель где-то за двадцать миль, на границе с Коннектикутом, и благодаря чуду

электромагнитных волн музыка неудержимо полилась с треском из маленького коричневого радиоприемника в Иствике. Сьюки стояла возле клетчатого кресла с пологой спинкой, на котором, делая вид, что не замечает ее, развалился гейбриеловский отпрыск.

— Вот так, — сказала она, перенося свой вес с одной ноги на другую. — Смотрите на меня. Шаг в сторону левой ногой, раз-два, затем приставить правую ногу, три-четыре, на носочки, на каблуки, теперь заводим левую ногу за правую, быстро, и назад правой ногой, а теперь все сначала. Слушайте музыку! Прочувствуйте ее! Слышите эти тромбоны? В настроении! Ду-ди-да-ду! В настроении! Ду-ди-дада! — Сьюки раскачивалась и щелкала пальцами перед несуществующим партнером. Испытывая неловкость за нее, Кристофер наконец, словно подхваченный невидимой магнетической силой, встал, позволил ей взять себя за одну руку, другую положил ей на спину, как в фокстроте. — Да, — сказала она, когда он начал скованно имитировать ее движения. — Не бойтесь наступить мне на ногу, я этого не допущу. Когда я чуть сожму вам руку, оттолкните меня, а потом снова прижмите к себе. Помните: два такта на одной ноге, потом быстрый шаг левой назад. Чудесно! Вы схватили суть!

Александра онемела от такой чрезмерной естественности, от зрелища неповоротливого мужчины, плененного оживленной, гибкой пожилой женщиной. Сьюки переживала лучшие моменты былых времен, покрываясь испариной в комнате с низким потолком; она вела Кристофера, не то чтобы совсем против его воли, в королевство, полное опасностей, на том самом месте винного ковра, где Джейн получила на свою мольбу к Богине, в чем бы эта мольба ни заключалась, кровавый ответ.

Музыка кончилась. «Итак, вы слышали это, друзья, — произнес серьезный старческий голос. — „В настроении“ с его фантастическим финалом. Изначально этот двенадцатитактный блюз был сочинен Джо Гарландом и Энди Разафом. Основная мелодия впервые прозвучала под названием „Негритянский бумажный стomp“^[60] в исполнении трубача и руководителя джаз-банды Манона „Уинги“. Легенда гласит, что после того, как запись Миллера стала хитом, от Манона откупились, чтобы он не подавал в суд. Рок-музыкант Джерри Ли Льюис позднее сделал версию для малого джаз-банды, а те из вас, кому медведь на ухо не наступил, наверняка различают несколько фраз из

вступления в коде битловской „Все, что тебе нужно, — это любовь“». Этот диск-жокей не любитель, решила Александра, чем дальше, тем больше он представлялся ей профессором. «А теперь еще один сентиментальный подарок, — пророкотал он, — пластинка, которая вызовет слезы на и без того слезящихся глазах тех из нас, кто перевалил за определенный возрастной рубеж. Бани Бериган, который играл и в оркестре Миллера, и у Пола Уитмена, и в „Дорсиз“, и у Бенни Гудмана, и руководил собственным не долго просуществовавшим оркестром; он же Роланд Бернанд Бериган, родившийся в Хилберте, Висконсин, и умерший в возрасте тридцати трех лет в Нью-Йорке от цирроза печени, одаривший нас как своим превосходным вокалом, так и своей изобилующей перепадами настроения, заикающейся игрой на трубе, музыкант, визитной карточкой которого стало исполнение записанной в 1937 году композиции „Я не могу начать“ великого Вернона Дьюка на слова Айры Гершвина. Слушайте же все!»

Песня начиналась в томном темпе, под который танцевать можно было лишь медленный танец, тесно прижимаясь друг к другу.

— Хватит, — решила Сьюки после тщетных попыток заставить Кристофера сделать несколько парных шагов. Они разошлись, оба покрасневшие и вспотевшие. На «метсовской» футболке Кристофера темнели потные пятна — одно на груди и два, в форме крыльев, на спине, там, где ткань соприкасалась с лопатками.

Слегка задыхающаяся Сьюки, исходя из их новых отношений, попросила:

— Расскажите нам о Нью-Йорке. Как вы думаете, мне понравилось бы там жить?

— Нет, — ответил он. — То, как там дерут теперь за аренду квартиры, не влезает ни в какие ворота.

— Муж оставил меня не бедной. А этот город всегда был дорогим.

— Теперь он стал еще хуже. Арабы. Все богатые арабы и латиноамериканцы покупают квартиры на тот случай, если их страны взорвутся. Соединенные Штаты стали для всех аварийным люком.

Александра вклинилась в их тет-а-тет, обратившись к Кристоферу:

— Кажется, Грета Нефф хотела, чтобы вы вернулись через два часа? Вы можете еще успеть, учитывая то, что дорога на дамбе

высохла.

— Ох, Лекса, — укоризненно произнесла Сьюки, — Кристофер рассказывает очень интересно. Мы начинаем ему нравиться. — Она налила красного вина из стеклянной бутылки в его стакан из-под скотча и выключила радиоприемник, который продолжал шелестеть бессмертным джазом. Красные цифры показывали 8.47, когда он наконец отбыл. Свои «благодарю вас» и «прощайте» он произнес глубоким, исполненным достоинства голосом истинного джентльмена, но взгляд бледно-голубых глаз был взглядом сбитого с толку захмелевшего юноши.

— Не думаю, что он что-то нам рассказал, — с упреком заметила Александра, когда его машина прохрустела гравием у них под окнами. — Вы с ним, похоже, получили удовольствие друг от друга, но для меня вечер прошел практически впустую. В какой-то мерзкий момент в середине вечера мне пришло в голову, что единственное, чего он желает, — это чтобы я умерла, а ты при этом давала ему уроки джиттербага и сливала остатки Джейниного виски.

— Ему это было необходимо, его гомосексуальное театральное окружение сделало его зажатым. Все они несбыточно мечтают о том, чтобы стать богатыми и знаменитыми, а сами живут впроголодь в квартирах без горячей воды, бедняжки.

— Бедняжки? Он приехал сюда, чтобы накачать нас электронами.

— Или он так думает. Не уверена, что у него было еще что-то существенное нам сообщить. Он, как попугай, повторяет мысли Даррила, не очень-то их понимая.

— Если они вообще поддаются пониманию. Сомневаюсь, что я и тебя продолжаю понимать. Слишком уж ты увлеклась этим маленьким монстром.

— Он не такой уж маленький.

— В моем представлении — маленький. Ребенок-братец, которого Даррил похитил. А теперь он вернулся, чтобы убить нас, как какой-нибудь старшеклассник, который решил, что было бы забавно устроить свой «Колумбайн»^[61].

— Нас? Меня тоже?

— Почему бы и нет? Ты тоже там была. Нас было трое. И ты тоже злилась на Дженни.

Сьюки надула губы и, состроив обворожительно-недовольную гримасу, задумалась.

— Все это было так давно, трудно поверить, что мы действительно это сделали.

— Наверное, так же думают и священники-педерасты, когда церковь привлекают к ответственности за разложение. Но их все равно тащат в суд. Справедливость торжествует. Сьюки, скажу тебе откровенно: в глубине души мне страшно.

— Не бойся, Великолепная. Мы все еще обладаем магической силой, не так ли?

Александра опустила взгляд на свои руки. Они напоминали двух жирных ящериц. Тыльная сторона ладоней загрубела и покрылась веснушками от вечного солнца — сказались дни, проведенные на пляже, дни, проведенные в огороде, верховые прогулки по пустыне или по горным фермам, когда руки держат уздечку, открытые солнцу... Ногти потрескались от сухости; артрит скрутил суставы, поэтому узловатые пальцы смотрят в разные стороны. Это были руки какого-то другого человека — человека, с которым ей не будет жаль расстаться.

— Ты — может быть, — ответила она. — Моя же магическая сила, боюсь, иссякла. Меня тошнит даже при мысли о том, чтобы сотворить заклятие.

— Мама, ты похудела! Что-нибудь случилось?

— Разве похудевшей я выгляжу не лучше? — сказала Александра и поняла, что говорить этого не следовало. Ее болезненный вид отразился в испуганном выражении лица дочери. «Мы похожи, — пришло ей в голову, — одинаково склонны к полноте, и лица слишком широкие, чтобы быть красивыми. У Марси даже есть такая же расщелинка на кончике носа, хотя менее явная...» От отца ребенок унаследовал неуверенность в себе — Освальд Споффорд всегда трогательно стремился быть принятым в круг, стать одной из безупречных овец в отаре. Большинство людей, пыталась она ему втолковать, не стоят того, чтобы стремиться в их круг. Лучше показать им свое презрение прежде, чем они покажут свое презрение к тебе. Быть волком среди волков.

Дома, глядя в зеркало, она, должно быть, льстила себе: поворачивала голову так, чтобы разгладить морщины, опускала

подбородок, чтобы скрыть складки на шее, которые обозначились резче, когда убыл подкожный жир, но от испытующего взгляда старшей дочери ничего не скроешь.

Август с его душно-влажными периодами, с зелеными завязями на фруктовых деревьях, становящимися больше день ото дня, с достигшими пика размножения насекомыми, кусающими, жалящими и разъедающими листву в кружева, стремительно катился к концу. Александра во исполнение своего обещания приехала к Марси на ужин, когда ее внуки Роджер и Говард-младший вернулись из лагеря. «Возьми с собой подруг», — предложила ей во время предыдущей встречи Марси, но когда мальчики приехали, Джейн уже две недели не было в живых, а у Сьюки в городе появилась таинственная привязанность, которая отнимала все больше и больше ее времени. Невозможно было заранее сказать, будет ли она есть вместе с Александрой и сможет ли Александра воспользоваться ее «БМВ», чтобы поехать по своим ничтожным делам: погулять по пляжу, когда солнце опустится достаточно низко, чтобы не спалить ей кожу, посетить сонную иствикскую библиотеку, чтобы взять книгу кого-нибудь из западноамериканских авторов (Кормака Маккарти или Барбары Кингсолвер), которых предпочитали в ее таосском читательском кружке, съездить в «Стоп энд шоп» за мясом и свежими овощами, чтобы приготовить приличную еду, если удастся уговорить Сьюки поужинать вместе дома. В обращении с Александрой Сьюки приобрела теперь небрежно-высокомерный тон сравнительно богатой, легкомысленно-непочтительной и рассеянноравнодушной подруги с какими-то важными сугубо личными делами, которые она с ней не обсуждала. Три женщины начали свой летний отдых, решительно настроившись исследовать этот маленький штат вдоль и поперек: регулярно посещать концерты и спектакли по всему побережью Наррагансеттского залива, съездить на экскурсию в Ньюпорт и посмотреть знаменитые роскошные «коттеджи» или отправиться на пароме из Галили на Блок-Айленд, или включить приятный обед в придорожном ресторане в посещение дома, где родился Гилберт Стюарт, или — в знак воспоминания о своих ведьминских днях — посетить трогательно скромный, печально-пасторальный так называемый Замок Кузнеца — реликт легендарного плантаторского прошлого. Но когда Джейн заболела и умерла, такие увеселительные

поездки для двух оставшихся в живых стали невозможны. Александра чувствовала себя так, будто присоединилась к иствикским уроженцам в их оцепенелой повседневности, когда делать было практически нечего, но дни тем не менее пролетали с нарастающей скоростью, съедая ее праздную жизнь так же, как насекомые поедали летнюю листву. Однажды, когда она пожаловалась Сьюки на ее неуловимость, рыжая — чье собственное лицо в моменты самозабвения сморщивалось и уменьшалось, словно постепенно исчезало в невидимом огне, — огрызнулась:

— Ты что, не понимаешь, идиотка? Я пытаюсь спасти твою жизнь!

Жизнь сделалась для Александры такой нереальной и сомнительной, что она не стала добиваться объяснений, а просто повернулась и ушла, как отвергнутая любовница, в надежде своим молчанием нанести ответную рану.

Сегодня случилось что-то — звонок по сотовому Сьюки, ее ответный звонок, все без объяснений, — для чего Сьюки понадобился ее «БМВ», поэтому она высадила Александру у «Литтлфилдов» в заросшем сорняками конце Кокумскусок-уэй, велев извиниться от ее имени и попросить кого-нибудь из «них» привезти ее обратно домой. Когда совершенно сбитая с толку Александра незадолго до того позвонила дочери сказать, что Сьюки в последнюю минуту узнала, что не сможет воспользоваться гостеприимством «Литтлфилда», Марси твердо произнесла:

— Хорошо. Так даже лучше. Ты достанешься только нам.

Мальчики лениво вылезли из потертых, измазанных пятнами от еды кресел, вяло обняли бабушку и позволили ей их поцеловать. Роджер подставил лицо с откровенно враждебным выражением, но маленький Говард, более жизнерадостный из них двоих, стоял смиренно, пока она клевала его в щеку. Роджер заметно вырос, его фигура стала явно напоминать жилистую отцовскую, и на верхней губе у него уже просматривалась темная тень — отдаленное эхо избыточной коричневой растительности, ниспадавшей с головы и прикрывавшей уши.

— Сколько тебе сейчас лет? — спросила его Александра.

Он взглянул на нее с некоторым удивлением и ответил:

— Тринадцать.

— Он только что отпраздновал свой переход в подростковый возраст, — вмешалась Марси.

Александра ощутила холодный укол вины.

— О Господи!.. Когда? Боюсь, я забыла о твоём дне рождения.

— Забыла, — спокойно подтвердил Роджер. Его глаза, на удивление темно-карие, находились почти на одном уровне с её глазами.

— Позавчера, мама, — напомнила Марси ласковым, прощающим голосом.

— Я сама от себя в ужасе — совершенно забыла, что в августе есть и прекрасные события.

— Все в порядке, бабушка, — галантно успокоил её мальчик, вполне удовлетворенный смущенным видом провинившегося взрослого.

— Раз так, я не уйду отсюда, пока ты не шепнешь мне на ухо, что бы ты хотел получить в качестве подарка, — сказала Александра, притворно входя в единственно возможную для неё в данной ситуации роль провинившегося, который искренне раскаялся. Поскольку ни тени выражения не промелькнуло на лице мальчика, она сочла необходимым добавить: — Может, вместо того, чтобы придумывать себе подарок, ты предпочитаешь небольшой презент наличными? Хотя что понимать под небольшим?.. — Её представления о том, что можно купить на доллар или на десять долларов, заморозились где-то на уровне шестидесятых, хотя стандарты расходов с тех пор выросли, а олицетворением богатства были теперь уже не миллионеры, а миллиардеры. — Ну, ты подумай, — заключила она немного резковато и повернулась к младшему внуку. Говард-младший был светлее мастью и мягче характером, чем старший брат; в свои девять лет он имел по-детски круглое лицо, дырку на месте выпавших передних зубов и выказывал нормальную для своего возраста веселую жадность. Александра попыталась вспомнить себя в те времена, когда была исполнена сил хотеть чего-то всем сердцем. В шесть лет она хотела иметь белые фигурные коньки, как у Сони Хени, в двенадцать — чтобы ей прокололи уши и купили в ювелирном отделе «Денвер драй гудс компани» сережки-гвоздики с горными хрусталиками, а в семнадцать мечтала о вечернем платье без бретелек из тафты цвета бронзы для школьного бала и о том, чтобы отец (её мать к тому

времени умерла) разрешил ей гулять с кавалером — длинноногим квотербеком дублирующего состава школьной команды — до двух часов. Спустя десятилетия ее желания свелись к волшебному слову «освободиться» — она отчаянно хотела освободиться от своего брака с Озом, милым, услужливым, доброжелательным Озом, хотя причина, по которой ей этого хотелось, осталась вылинявшей от времени загадкой, вероятно, то было отвращение не к этому конкретному заурядному человеку, а к ограничениям, коими была обставлена жизнь замужней женщины вообще.

— Как тебе понравилось в лагере? — спросила она младшего мальчика.

Старший ответил за него.

— Все было нормально, — произнес он врасстяжку, давая понять, что на самом деле это вовсе не так. Глубокая непонятная тень упала на его лицо, ее можно было принять за тень от густой копны свисающих темно-каштановых волос.

— Там было здорово, — срывающимся на фальцет голосом проговорил Говард-младший; дырка между зубами казалась чем-то вроде проблеска света, отпечатавшегося на негативе его солнечного личика. — Мальчик из моей палатки сломал руку, упав с качелей.

— Расскажи бабушке, чему вы научились в лагере, — подсказала Марси.

— Как грести «ласточкой» на каноэ! — радостно выпалил младший.

— Как плести канат, — сказал старший. — Это было глупо. Вожатые вообще были глупыми. Этим подросткам только и нужно было выяснять отношения друг с другом в лесу.

— Теперь ты и сам подросток, — напомнила ему Александра, что, если подумать, было бессмысленно и не слишком подобало бабушке. Увы, видно, таков уж был ее удел — попадать впросак, даже притом что ее лишенная чувства юмора дочь внимательно следила за разговором.

Но Марси, пребывая не в самом дурном настроении, не была склонна осуждать ее, а ее вернувшийся с работы муж оживил атмосферу в их разноуровневом фермерском доме, странно сочетавшем в себе захудалость засаленного белого ковра и новизну огромного ТВЧ-телевизора. В этом мужчине, таком же долговязом и

гибком, таком же рукастом, как Джим Фарландер, что-то было; у Александры и ее дочери был одинаковый вкус в выборе мужчин. В своей чистой рабочей одежде — рубашке и брюках, — он словно привнес в дом центр тяжести. Потрепав по солнечно-светлым волосам обхватившего его за ноги Говарда-младшего, он подставил открытую ладонь старшему сыну для дружеского хлопка; насторожил Марси более теплым, как отметила Александра, поцелуем, чем та ожидала, и даже приложился щекой к щеке тещи, приобняв одновременно за талию.

— Великолепно выглядите, бабуля, — сказал он, едва взглянув на нее.

— Не лги, — ответила Александра. — Когда я появилась на пороге, твоя жена от ужаса чуть в обморок не упала. Я старуха, Говард. — Как благосклонно относится время к мужчинам, подумала она; он мог бы составить пару обеим — и матери, и дочери.

— Как там с этими электрическими разрядами?

— Я все еще их ощущаю, но, может, это все только мое воображение. Это не самое худшее, что есть в моей жизни.

— Да? А что худшее? — Он сделал остановку в привычном обходе домашних «опорных точек», бросил взгляд на плоский жидкокристаллический экран, где перебрасывались шутками двое ведущих теленовостей, задержался, чтобы почесать голову домашнему любимцу, перекормленному золотистому ретриверу, нетерпеливо бившему тяжелым хвостом по ножке стула. — Что самое плохое? — подсказал он. У него был необычно для мужчины широкий и подвижный рот и довольно длинный нос, будто сплюснутый по бокам, как на рисунке с немного неверной перспективой. Когда в ожидании ответа он улыбнулся, его неровные зубы напомнили ей о несовершенствах собственной внешности.

— Это трудно объяснить словами, — сказала она, обращаясь к нему и его внимательно прислушивавшейся семье. — Чувство уныния. Ощущение, — попыталась объяснить она, — что я раздражаю клетки собственного организма. Им надоело служить пристанищем моего духа.

— Мама! — воскликнула Марси в искреннем, как казалось, испуге. — У тебя что-нибудь болит? Ты обращалась к местному врачу?

— Джейн несколько недель тому назад ездила к доку Питу, и я думаю, что это ускорило ее смерть. Помнишь, я спрашивала тебя насчет электрических ударов, так это она их испытывала; а теперь — я.

Напуганная больше, чем обычно, Марси спросила:

— А миссис Ружмонт... или как там теперь ее фамилия? Как ее здоровье?

— Митчелл. Прекрасно. Но она еще не достигла моего возраста. Она моложе на шесть лет и всегда была более активна. А я... Ты же знаешь меня, дорогая, я всегда боялась... — она не сумела заставить себя произнести название болезни, — ...Природы. Того, как она убивает, когда в организме что-то идет немного не так. Не пугайся — я старая и должна приучать себя к мысли о смерти, было бы инфантильно прятаться от нее в кусты. Но, пожалуйста, давайте не будем больше говорить об этом в присутствии мальчиков. Да, ребята?

Роджер улыбнулся, скосив рот на одну сторону, как отец, но вывод сделал неутешительный.

— Это как в песне поется, бабуля, — заявил он, — жизнь высасывает, и ты умираешь. Курт Кобейн^[62] не боялся умереть. Он сам этого захотел. А теперь это — раз плюнуть. Смертники в Ираке только и делают, что кончают с собой. — Он как будто просто сообщал новости, как те ведущие на слишком широком, дающем слишком правдоподобную картинку телеэкране.

— Замолчи, детка, — сказала Марси.

— Да, — продолжила Александра мысль внука, — я иногда думаю, не слишком ли много сейчас в мире людей — не знаю, сколько миллиардов теперь живет на Земле; когда я была девочкой, их было два, — что молодые, более чувствительные и менее эгоистичные, чем когда-либо была я, заразились неким глобальным инстинктом смерти? Я имею в виду не только тех, кто устраивает стрельбу в школах, и исламских смертников; газеты каждый день сообщают о жертвах передозировки и погибших в автокатастрофах, о подростках, которые на скорости девяносто миль в час врезаются в дерево, а потом их друзья и соседи рассказывают перед телекамерами, какими веселыми и идеально нормальными девочками и мальчиками те были.

— Мама, прошу тебя. Не провоцируй его. Даже в порядке шутки.

— А кто шутит? Прости, дорогая. Я знаю, что ты чувствуешь, я тоже не хотела увидеть, как умирают мои родители. Для этого даже не обязательно любить их. Их смерть умаляет значение и твоей собственной жизни. Они перестают наблюдать за тобой.

Маленький Говард, с расширенными глазами следивший за разговором, который велся над его головой, проблеял:

— Бабуля, мы тебя любим.

— Спасибо, Говард. И я люблю вас.

Старший Говард, заботливо взглянув на нее, сказал:

— Александра, в городе, кроме дока Пита, есть и другие врачи. Он сохраняет свою вывеску только для того, чтобы направлять пациентов к сыну в Провиденс. Через два дома от меня на Док-стрит, за почтой, открыл практику блестящий молодой врач из нью-йоркского Слоуна-Кеттеринга^[63]. Он молодой и в курсе всех последних достижений. Он мне сказал, что не хочет всю жизнь прогрызать себе ход в Большом Яблоке, платя тройные налоги и баснословную квартирную плату. Жизнь в маленьком городе, где много зелени и никто не запирает дома на ночь, прекрасно ему подходит. Как и небольшая дружная семья. Две девочки, хорошенькие, как бутончики. Он хочет держать их в государственной школе до девятого класса, пока гормоны не улягутся. Вам было бы неплохо ему показаться. Я могу замолвить словечко и устроить для вас визит еще до Дня труда.

— Хоуи, — вклинилась Марси, — я думаю, маме нужно меньше Иствика, а не больше. Она и ее подруги думали, что возвращение сюда омолодит их, но, разумеется, этого не произошло. Мама, ничего, что я так говорю? Это не несправедливо? Ты разочарована. Волшебства, на которое ты рассчитывала, не случилось. Я не слишком углубляюсь в психологию?

Эта розовая бородавка у нее на носу, думала Александра. Почему она ее не выведет? Бородавки могут перерождаться. Еще месяц тому назад она бы отмела попытку дочери анализировать ее положение, но сегодня она чувствовала себя обессиленной и только сказала:

— Нет, это не несправедливо. Я не уверена, что это правда. Не могу точно сказать, зачем мы сюда приехали. Может, затем, чтобы оказаться лицом к лицу с тем, что когда-то сделали, и исправить или хотя бы отчасти исправить, прежде чем...

— Умереть! — пропищал маленький Говард, показывая свои щербатые зубы в сияющей улыбке. Должно быть, он доставляет много радости своим учителям.

— Говард! — рассердилась Марси. Она называла сына Говардом, а мужа Хоуи.

Но в наивно произнесенном ребенком запретном слове Александра воочию увидела единственный ответ смерти: продолжение жизни — в ее генах. Во внутренней борьбе семейной жизни, в ее топорных попытках приспособления и прощения, в комедии вступления в клуб, который вынужден принимать тебя в свои члены в момент твоего рождения.

Пока они рассаживались за столом и приступали к еде, которую Марси — милая, неловкая, скромная Марси — заботливо приготовила, Александра представила себе уровни, и пласты наследственности и родства, невидимо разветвляющиеся, с карточками, выдаваемыми отсутствующим, умершим и еще неродившимся игрокам. Каждый получает свою роль. Муж, Говард, и мама, Марси, уселись на противоположных концах стола, а бабушка и мальчики — по бокам, напротив друг друга, Александра — как третий ребенок, от которого всегда можно ждать, что он поведет себя как-то неправильно. Стул рядом с ней остался, хотя прибор, предназначенный для Сьюки, убрали.

Стол, старый, красного дерева, довольно тяжеловесный, определенно казался смутно знакомым. Может, он перекочевал из денверского дома как часть Александрино наследства и достался Марси, когда ее мать, покинув Иствик, уехала на Запад? Сейчас, когда он был покрыт вышитой скатертью и уставлен здоровыми низкокалорийными яствами — цыпленок с фигурными макаронами под легким сметанным соусом, брокколи с изюмом и нарезанной кубиками морковью, салат из помидоров с собственного огорода, — Александра не могла точно вспомнить. Она подумала о других своих детях: Линда — стройная и гибкая имитация «южной красавицы», в Атланте; Бен — оптимист и республиканец, в Монклере; и Эрик, ее любимец, седеющий хиппи, обеспечивающий себе пропитание в Сиэтле на смутном пересечении музыки и электроники, управляющий магазином под названием «Добрый вибрафон». Эрик отплатил за то, что был ее любимцем, наибольшей схожестью с ней, он развивал свой

скромный талант в богемном анклавe, расположенном там, где Америка, истончаясь, превращается в Нэвер-Нэвер-лэнд^[64]. Он усмирал свой мозг наркотиками, в то время как она бессмысленно искала самоосуществления в ведьмовстве. Природа, у нее за спиной, независимо от нее, вырастила и довела до зрелости ее истинное самоосуществление, ее потомство и потомство ее потомства, тех, кто среди миллиардов земного населения обязан ей своим существованием так же, как она обязана им своим генетическим бессмертием. Семьи были глупы, но менее глупы и эгоистичны, чем отдельные индивиды. И тем не менее в окружении родных она скучала по подруге, своей ровне в злодействе и вольном нарушении всех традиций, той, что должна была бы сейчас сидеть рядом с ней.

— Тебе нравится?

— Нравится, — сказал он каким-то мальчишеским, немного напряженным голосом.

— А есть разница, женщина это делает или мужчина?

— Небольшая.

— В худшую сторону?

По его молчанию она не могла понять, думает ли он над тем, как ответить, или витает мыслями где-то далеко. Она надеялась, что второе предположение неверно, хотя, в сущности, это была проблема, знакомая всем женщинам: твое внимание начинает блуждать в тот момент, когда интерес партнера усиливается. Но то, о чем ты думаешь, становится настолько важным, что тело расслабляется и из него уходят все ощущения. Сейчас у нее такой проблемы не было; ее внимание было сосредоточено на другой интеллектуальной и психосоматической проблеме, стоявшей перед ней здесь, в полумраке мотельной комнаты, слабо освещенной лишь светом снова начинавшей прибывать луны. Они обратили внимание на этот молодой месяц перед тем, как открыть дверь своего номера в обшарпанном мотеле на задворках хибарки-пиццерии с закрытыми ставнями: его продолговатое опрокинутое лицо, печальное и застывшее, висело в соленом воздухе над собственным вытянутым отражением в неподвижной воде залива, запечатлевшимся там, где Восточный пляж, в двух милях от широкой полосы городского, видимого из окон поместья Леноксов, становился каменистым и узким. В начале их свидания, до того, как оно

приобрело для нее такой интерес, она встала на колени на кровати, отдернула грубую штору, шершавую, как джутовая мешковина, и выглянула наружу. На фоне кромки прибоа, освещенной луной и окаймленной пенными бурунчиками мелких волн, показались тени каких-то молодых людей. Когда она задергивала штору, слышались их юные беззаботные голоса, заглушившие ритмичный шепот накатывающих волн. Плетение волокон на шторах было таким грубым и редким, что сквозь ткань снаружи просачивались воздушные иголочки сияния, от которого они были отделены, запечатанные в этом номере, как в подzemелье. Она начала целовать и посасывать его прелестные, четко очерченные мужские соски, окруженные нимбами щекочущих волосков. Ощущение вызвало у него смех, но ей не было смешно.

— Нет, — ответил он после долгого раздумья, — не в худшую. Приятно. Твои духи напоминают мне мамин запах. — Ее голова заскользила вниз по его груди и животу, но сладкий аромат продолжал тянуться вверх, к его носу. — А может, это твой шампунь. Мама не душилась, по крайней мере к тому времени, когда я ее знал: считала, что это неестественно и портит окружающую среду.

— Не думай о матери. Это тебя отвлекает.

— Тебе виднее.

— О да! Мне это видно.

— Хочешь, чтобы я дошел до кульминации?

— Я бы не возражала. Но не хочу тратить тебя зря. Если ты изольешься сейчас, сможешь ли сделать это потом снова?

— Как скоро? Сколько у нас еще времени?

— Ну, в конце концов нам обоим придется возвращаться.

— А она?..

— Любит ли? Да. Она меня любит. Не так, но любит. И я ее люблю.

— А вы когда-нибудь?..

— Были ли вместе? Да. Возможно, один раз мы были близки.

— Ты не помнишь?

— Мы были пьяными. И сонными после той горячей тиковой ванны. Мы тогда, кажется, все перемешались друг с другом.

— Надо было и мне выйти и присоединиться к вам.

— Ты был слишком юн. Для тебя это было бы что-то совсем другое.

Оба поймали себя на мысли, что их уводит в сторону, и снова сосредоточились.

— Ты можешь?..

— Что? Спрашивай.

— Спуститься еще пониже.

— Бог ты мой! Да я же подавлюсь.

— Спуститься до веснушки.

— До какой веснушки?

— Я думал, ты близорука. До той веснушки. — Его указательный палец напоминал рыбу, тыкающуюся носом в коралловую кущу.

— Как тебе удалось устроить себе веснушку в таком месте?

— Загорал. На Лонг-Айленде.

— И парням, с которыми ты был, удавалось достать до этой веснушки, не давясь?

Он замолчал, оскорбленный ее вторжением в его интимную жизнь. Она подождала, не сникнет ли он и не начнет ли пикироваться с ней. Нет. Она заскользила языком, наслаждаясь извращенностью, соревнуясь с его парнями с молодежных пляжей.

Словно прочтя ее мысли в просачивавшемся снаружи лунном свете, он поинтересовался:

— А своих любовников ты тоже мысленно называешь кучей «парней»? У меня их, кстати, было не так много. Тут силен фактор ревности, к тому же с тех пор, как открыли СПИД, приходилось проявлять осторожность. Между прочим, у меня нет вируса иммунодефицита, чтобы ты знала. Я пользуюсь репутацией труса. Но пример показал Даррил. В этом смысле он был чрезвычайно осторожен.

— Я знаю. С нами тоже. Он не любил терять контроль над собой.

— А ты любишь.

— Я просто не боюсь этого. Для меня это как сон: можно быть по ту сторону и при этом оставаться собой. Эй, да ты готов. Какая красота! Дай-ка мне испить из этого источника юности. — Она вся сжалась: свела колени, ступни и, приподнявшись на локтях, приняла на влажной постели позу готовности.

— Нет, — сказал он своим глубоким, снова приобретшим оттенок театральности голосом и коснулся ее макушки. Широкий белый пробор; густая мягкая спутанная копна, выкрашенная в янтарно-рыжий цвет, когда-то бывший ее естественным цветом, только чуть более нежным. — Если ты можешь делать это со мной, — объяснил он, — то я не уверен, что смогу делать это с тобой.

— Слишком гинекологично, да?

— Не то чтобы я никогда прежде не был с женщиной, но...

— Я знаю. Мы тоже это испытываем. Отвращение.

— Не отвращение, зачем ты так? Просто для меня это немного странно, я пока не привык.

— А хочешь привыкнуть? То есть ты говоришь, что хочешь меня трахнуть?

Он поколебался, потом заявил:

— Я хочу быть с тобой, поскольку ты решила, что хочешь быть со мной, — не знаю точно почему.

— Почему? Я обожаю мужчин помоложе.

— Я не помоложе.

— Чем я — определенно.

— Да, но...

— Мне нравится твой толстый живот. Он шелковистый и колышущийся, как у щенка. И я не хочу, чтобы ты трахал Грету Нефф.

— Прощу тебя — не надо нелепости! Она же мужик.

— Что ты называешь нелепостью? Это все нелепость, если посмотреть в определенном ракурсе. Впереди нас ждет нечто совсем другое, но прежде чем оно за нами придет, надо кое-что довести до конца. Хочешь трахнуть меня сзади? Представь, что я — еще один мальчик.

— Не смогу. К тому же я обычно был кетчером.

— Кем? — Ей пришлось немного подумать. — А-а, понимаю. Жаль, у меня нет нужной оснастки, чтобы быть питчером. Ай-ай. Но я могу купить ее. Такую штучку. Искусственный член. Тебе только придется помочь мне приделать его.

— Послушай, почему мы не можем просто полежать, обнявшись, и поговорить? Прижаться друг к другу. Женщины не любят прижиматься?

— Они любят все, кроме одного: когда их игнорируют. — Она подняла голову, чтобы посмотреть ему в лицо поверх пушистой выпуклости внизу его живота. — Я готова на все, чего ты хочешь. Мне нравится идея обзавестись пенисом. Наконец. Но не будет ли здоровее для тебя и для наших отношений, если ты привыкнешь быть другим? Питчером.

— Может, ты и права. — У него пересохло во рту от открывающихся прямо здесь, в подzemелье, новых перспектив.

— Почему ты не можешь представить себе, что я — мальчик? Жаль, я не подумала о том, чтобы захватить вазелин.

От этого у него стало еще суше во рту.

— А ты знаешь, — предупредил он, — даже с вазелином это иногда бывает больно.

— Знаю. Я бывала с такими парнями. К тому же я понятия не имею, насколько ты большой.

— Извини. Просто это не в моих силах.

— Не говори таких слов, Крис. Теперь ты питчер. Лучше говори что-нибудь вроде: «Вот так, детка, вот он весь. Принимай по самую рукоятку в свою скважину. Я достану тебя до самой утробы, сука!» Но это если бы речь шла о влагалище, а этого я пока не собираюсь тебе навязывать.

— Меня бы вполне устроили твой рот — у тебя прелестный рот — и твоя рука.

Она игриво рассмеялась и облизала его набухшие яйца шершавым языком, не сводя взгляда с его лица. Он видел полумесяцы ее глазных яблок в свете, проникавшем сквозь грубую штору.

— Ах, тебя бы они устроили, вот как? — поддразнила она его.

— Расскажи мне, — попросил он, начиная действовать в качестве питчера, — про тех парней, которым ты позволяла трахать себя в зад.

— Не ревнуй, — продолжала дразнить его она. — Одним из них был мой первый муж. Монти. Монтгомери Ружмонт. Он был скрытым гомосексуалистом, теперь, пожив дольше, я это понимаю. Презирал женщин. Если они вели себя высокомерно, называл их коблами. Мне он впаривал, что это удобный способ контрацепции. Вообще-то мне было наплевать, но в следующий раз я приняла героин.

— Что касается моего размера, то Даррил...

— Давай не будем приплетать сюда Даррила, солнце мое. Разве нам не хорошо вдвоем?

— Да, но он...

— Давай сосредоточимся на нас. Хочешь увидеть мою вагину? Ты когда-нибудь вообще видел вагину?

— Конечно.

— Почему «конечно»? Многие мужчины не видели. «Правильные» мужчины. Они боятся. Для них это как голова Медузы, которая может превратить их в камень. О-о! Ты теряешь свою твердокаменность. Думаю, ты еще не готов думать о вагинах.

— Нет, я готов. Я буду готов. Но...

— Я знаю, дорогой, знаю.

Больше она не сказала ничего, теперь ее прелестный рот был занят другим до той самой минуты, когда восставший член изверг семя, залив ей все лицо. Она захлебнулась и отвела его от своего рта, не переставая тереться щекой и подбородком о мошонку. Мужчина поднялся рывком, словно его ударило током, и сел, продолжая ощущать пульсирующие толчки, шедшие откуда-то из глубины, от анального отверстия, ему хотелось закричать, но он не знал, как назвать ее. «Миссис Ружмонт» — было единственным именем, под которым он ее знал. Господи, она же старуха — и вот пожалуйста! Под шум прибоя, в точечках света, проникавшего в эту мотельную комнату на дальнем конце Восточного пляжа, ее лицо блестело от его семени. Она опустила голову на его подушку и, казалось, ждала, чтобы он ее поцеловал. Ну что ж, почему бы и нет? Это же было его семя. Извергнув его, он почувствовал привкус печали и потребность пережить ее в одиночестве; но возможности избавиться от женщины не было.

— Называй меня Сьюки, — сказала она, прочитав его мысли. — Я высосала твоего петушка.

— Это точно. Спасибо. О-о! — Его голос прозвучал совсем по-мальчишески. Он поцеловал ее блестящее лицо; жидкость уже начинала высыхать. Пряди волос, упавшие ей на лицо, были липкими и затвердевшими.

— Был ли я так же хорош, как настоящий мужчина?

— Лучше, — ответила она, но в ее голосе и безжалостно-железной хватке пальцев появилась жесткость, которой он не уловил.

Она поудобнее устроилась на подушке, не заботясь о том, чтобы умыться лицо, и глядя на него одним глазом.

— Расскажи мне о Нью-Йорке. Я там никогда не жила, тебе придется научить меня. Ленни обожал пригороды, и мы ездили в город все реже и реже. Ты должен знать кучу особых, закрытых мест. Частных художественных галерей, маленьких внебродвейских театров. Клубов на дальнем конце Вест-Сайда. Я все еще люблю танцевать.

— Все меняется: места, которые модны в одном году, выходят из моды в другом.

Она снова прочла его мысли и спросила:

— Я слишком стара, чтобы быть партнершей по танцам? Мне еще нет и семидесяти. Ты боишься, что я опозорю тебя перед твоими друзьями-геями? Почему? Они смогут понять. Никто не остается молодым навечно, и каждому художнику требуется покровитель. Думаю, мы бы прекрасно смотрелись вместе. Все говорят, что я не выгляжу на свои годы. И то, что было сегодня... Я не спрашиваю, нравлюсь ли тебе я, но разве тебе не понравилось это?

— Понравилось. Ты шикарно отсосала.

— И разве ты не хочешь жить в Нью-Йорке, в чудесной большой квартире, которую сам поможешь мне выбрать, а не в полуподвальной тараканьей дыре, в каких ты жил прежде вместе с кучей подонков?

— Разумеется, — согласился он. — Здорово.

— В следующий раз, — сонливо-доверительно сказала она, — будет моя очередь испытать оргазм.

За все те годы, что они оставались любовниками, Александра ни разу не побывала в доме Джо. Он находился в той части Иствика, которая не входила в круг посещаемых ею мест, в так называемом Польском районе, хотя там было гораздо больше потомков португальских и итальянских иммигрантов, чем поляков. Район состоял из плотно теснившихся друг к другу узких домов, расположенных весьма далеко от воды, в пяти или шести кварталах позади Казмирчак-сквер, которую янки и летние отдыхающие по-прежнему называли Лэндинг-сквер, хотя городское собрание еще тридцать лет тому назад подавляющим большинством голосов официально постановило переименовать ее в честь павшего на вьетнамской войне солдата, жившего в этих краях. Большая

краснокирпичная католическая церковь с глухим, если не считать двустворчатой двери и высоких полых пилястров, встроенных в кирпичную кладку, фасадом вздымала свой покрытый зеленой патиной медный крест над рядами залитых асфальтом крыш. Дом Джо был одним из лучших в округе, узкий, но простирающийся далеко в глубину принадлежавшего семье земельного участка площадью в акр, где Джо, по итальянской традиции, разбил два огорода, между которыми построил из камня арку, ведущую к полудюжине фруктовых деревьев — яблоневых, грушевых, сливовых, персиковых, — которые называл своим садом. Александра вспомнила, как она, разведенная и жаждущая любви, проезжая мимо, украдкой заглядывала в этот сад и мечтала о такой же заботливой преданности, о какой тот свидетельствовал, особенно в апреле, когда деревья начинали цвести. Рука Джо была видна повсюду. Вдоль восточной стены дома цвел дикий виноград; он впитывал в себя утреннее солнце, а во второй половине дня и ранним вечером его листья осеняли тенью стоявшие во дворе стол и стулья. Джо привнес свой средиземноморский душевный склад в суровые американские условия. Сразу после того, как Александра позволила Джо трахать ее, растения в ее собственном саду пошли в буйный рост, особенно помидоры и ревень — у Джо был особый дар или дух плодородия.

Припарковав машину у бордюра, сплошь уставленного старыми детройтскими моделями, и отважившись на восхождение по цементным ступеням, которые Джо отлил собственными руками и по которым так часто ступали его ноги, она чувствовала, как стучит и трепещет в груди ее сердце — словно мотылек, бьющийся о раскаленную лампу. Она так похудела, что Марси ударилась в панику, но док Пит, с сияющей лысиной и почти ослепший на один глаз, заверил: ей ничто не угрожает — это, мол, просто неизбежная работа Природы. Преимущество престарелого врача состояло в том, что он не обнаруживал у пациентов ничего, что требовало бы его вмешательства. Электрические разряды в последнее время загадочным образом, казалось, сходили на нет, а вот провалы в памяти стали еще хуже; Александра с утра до вечера двигалась, словно во сне, и зачастую с удивлением оказывалась в неожиданном для самой себя месте. Вечерами, когда она укладывалась в постель, у нее болели пальцы и судорогами сводило ступни, по всему телу пробегала тошнотворная

волна страха, как будто все, что она съела за день, вопияло: «Зачем? Какой смысл?» Испуганная, она просыпалась около четырех, и для нее начинался новый тягучий день. Запоры чередовались с диареей, а в затылке ощущались боли — словно ее череп размягчался. Даже без обуви собственные ступни казались ей деревянными чурками, и их контакт с землей был крайне неуверенным, то и дело кружилась голова, ее качало. Мушки перед глазами мешали видеть, а шум в ушах — слышать. Когда она лежала в постели или безучастно сидела в кресле, ей была невыносима даже мысль об обычных домашних передвижениях — встать, пойти пописать, поесть, ответить на телефонный звонок; после семи с лишним десятков лет жизни привычные дела уже не скрашивались смутной надеждой на какую-нибудь чудесную неожиданность в конце. Теперь будущее сулило лишь неприятности, и безысходность придавала ей какую-то извращенную отвагу, иначе она никогда бы не рискнула позвонить в дверь дома Джинны Марино.

Вдова — безошибочно узнаваемая враждебная темная приземистая тень — открыла внутреннюю дверь и недовольно выглянула наружу через прозрачную сетку передней.

— Что тебе надо?

— Вообще-то, Джина, я пришла повидать Веронику. Она дома?

— Она всегда дома. Я не могу выгнать ее на улицу. Тридцать девять лет, а прячется, как ребенок. Майк сдался — он теперь вечно пропадает в «Бронзовой бочке».

— Я думала, что бывшую «Бронзовую бочку» превратили во что-то другое — кажется, она называется теперь спорт-баром?

— Как бы она ни называлась, смысл один: напиться и забыть. — Тень головы за алюминиевой сеткой склонилась набок, а рука потянулась к ручке двери. — У тебя к Веронике дело?

— Мне нужно кое о чем ее спросить. Это займет меньше минуты, но я не хотела говорить об этом по телефону, это слишком личное. Если ты не хочешь впускать меня в свой дом, Джина, то, может, Вероника сама приедет ко мне? Мы живем в поместье Леноксов, в конце прибрежной дороги. Я пробуду там еще неделю.

— Интересно, как это она туда доберется, если машина целыми днями у Майка? Ладно, входи. Мы с тобой обе не становимся моложе.

Она пошарила рукой в поисках дверной цепочки, потом дверь открылась, скрипнув несмазанными петлями, — ей явно не хватало мужского ухода.

— Ронни! — позвала Джина так громко, как будто, чтобы преодолеть расстояние между ней и дочерью внутри дома, звук должен был пробиться сквозь глухой лес.

Вероника ответила сверху унылым робким голосом:

— Что, мама?

— Тут к тебе пришли. — Джина взглядом показала Александре наверх и кивнула: — Иди.

Александра потащила на своих бесчувственных ногах по крутой, покрытой ковровой дорожкой лестнице. Проникнуть в дом и его секреты оказалось на удивление легко, это напоминало спонтанное соращение. В доме стоял запах, который она не могла точно определить: затхлый, но уютный — дух, который сохраняется за диванными подушками, куда завалились монетки и шпильки для волос, спертый воздух изолированного пространства, подслащенный дуновениями жизни, чистящих средств и чесночного хлеба, испеченного в домашней печи. Джо приносил и в ее дом этот запах, запах надежности, особенно остро ощущавшийся в зимние дни, когда дети уходили в школу, синички в черных шапочках порхали вокруг кормушки, Орчард-роуд сияла от выпавшего накануне снега, сосульки начинали нарастать по краям карнизов, а ее собственная покрасневшая кожа пылала после ванны, принятой в предвкушении его визита. Он парковал свой грузовичок за домом, входил через застекленную террасу и сбрасывал на сплетенный из лоскутов коврик свою заношенную, в сальных пятнах, массивную дубленку и щегольскую шляпу-котелок с узкими полями; от грязного шерстяного рабочего свитера, воротника рубашки и старомодной майки-безрукавки, открывавшей пену волос под мышками, в нос ударял его кисло-сладкий мужской запах, и она, в синем банном халате, под которым ничего не было, бросалась ему в объятия.

От верхней лестничной площадки обклеенный обоями коридор расходился в обе стороны: к передней части дома, где, как догадалась Александра, Джо спал с Джиной, и вглубь, где Вероника бездетно жила с Майком О'Брайеном. Она вышла в коридор встретить гостью.

— Миссис Споффорд!

— Фарландер, — поправила ее Александра, улыгнувшись при мысли о том, как естественно звучит ее старое имя здесь, в Иствике. — Я действительно носила фамилию Споффорд, когда ты была маленькой девочкой, но это было давным-давно. Где мы можем поговорить?

— Здесь, наверное, — сказала молодая женщина, отступая в сторону без улыбки, но отнюдь не недружелюбно. Она была выше ростом и худее Джины, от Джо она унаследовала римский нос и печеночные тени под глазами — черты, увы, не добавлявшие красоты женскому лицу. Похоже, ей, так же, как Марси, не были привиты воспитанием основы обходительности и умение обдумывать каждый свой шаг. Она неловко провела Александру в комнату, которую О'Брайены, видимо, держали за гостиную. Закрытые двери предположительно вели из нее в спальню и ванную. Посреди гостиной стояли гладильная доска и корзина с бельем, только что извлеченным из сушилки, находившейся тут же. Запах чуть прижженного белья, обычно сопровождающий этот требующий терпения процесс, поднялся откуда-то из глубин Александринного детства; ее сердце уютно наполнилось любовью: она вспомнила, как гладила ее мать, пробуя горячую подошву утюга облизнутым кончиком пальца, тыкая утюговым носом в уголки вокруг воротника мужской рубашки, демонстрируя своей маленькой дочке одно из важных умений, из которых складывается понятие дома.

— Эта лестница... — сказала Александра. — Я прямо ослабела от нее.

Даже если бы Вероника жестом указала ей на стул, чего она не сделала, Александра предпочла бы стоять. Впервые в жизни она чувствовала себя осквернительницей домашних устоев Джо. Он сам всегда приходил к ней; она принимала его в свой дом и в свое тело, остальная часть его жизни принадлежала только ему.

— Я скоро уеду из Иствика, — сказала она, — и хочу задать тебе один простой вопрос. Простой и личный.

Вероника смотрела на нее со свойственной ее матери непроницаемостью иностранки, но ее глаза были более светлыми.

— Задавайте, — сказала она.

— У тебя была задержка в этом месяце?

Смысл слов дошел до Вероники не сразу. Потом ее усталые глаза округлились.

— Боже мой, — тихо произнесла она. — Так вы действительно ведьма. Я думала, это просто сплетни.

Александра порозовела от удовольствия, впервые за много дней кровь быстрее побежала по ее жилам.

— Когда-то, до второго замужества, я пробовала себя в этом деле, — призналась она. — Должна ли я понять, что твой ответ — да?

— Да... Я никому об этом не говорила. Даже Майку. Даже маме. Я так боюсь, что просто вообразила себе это или что это лишь случайная задержка. Мне страшно потерять его. Я слишком стара, чтобы иметь детей.

— Тебе еще целый год до сорока, — возразила Александра. — В нынешние времена это для женщины далеко не старость. И почему ты должна его потерять? Вспомни обо всех тех женщинах в истории человечества, которые не смогли избавиться от беременности, как бы отчаянно они об этом ни молились. Природа не хочет, чтобы мы теряли своих детей. Она хочет, чтобы мы их вынашивали. Ты куришь? Пьешь?

— Нет. Бокал вина время от времени, чтобы составить компанию Майку.

— Больше никакого вина. Пусть Майк теперь составляет тебе компанию. Насколько я понимаю, он составляет ее тебе достаточно часто, чтобы быть отцом ребенка?

Вероника соображала медленно, но когда сообразила, покрылась румянцем.

— О да. Он все еще хочет меня, особенно после нескольких бокалов. Как можно, чтобы это был кто-то другой?

— Ну, способы существуют, впрочем, не бери в голову. Вижу, что к тебе они неприменимы. Вы с ним хотите мальчика или девочку?

— Наверное, мальчика, но будем безмерно благодарны за любого ребенка.

— У меня по два каждого пола, — сказала Александра, углубляясь в ту часть своего опыта, к которой обращалась крайне редко. — С девочками легче в первые пятнадцать лет, но после этого легче с мальчиками. Девочки становятся скрытными. А мальчики — менее наглыми. Мне кажется, что у тебя будет мальчик. Есть способ

определить пол ребенка, когда беременность перевалит за первую треть. Привяжи обручальное кольцо на длинную нитку, и пусть твой муж держит ее за кончик у тебя над животом. Если кольцо начнет вращаться — значит, девочка. Если ходить маятником — мальчик.

Вероника рассмеялась, издав непривычный резкий звук, смутивший ее самое. Она прикрыла рот покрасневшей от домашней работы ладонью, потом отняла руку.

— Почему вы сделали это для меня? — спросила она.

— Это сделала Природа; нет никаких доказательств, что что-либо сделала я. Их вообще не бывает. Я всего лишь задумала желание и немного помолилась. — Александра замялась, прежде чем сделать следующее признание: — Твоя мать попросила меня об этом.

— Моя мать? Но что она сказала? И почему?

— Она не сказала. Она намекнула. В начале прошлого месяца у входа в «Стоп энд шоп».

— Но почему...

— Почему она попросила или почему я повиновалась?

— И то и другое.

Александра снова замялась.

— Люди говорят, что я у нее в долгу. Она это знала. А я знала, что она знает. Я так рада за тебя, рада, что это сработало. Но меня благодарить не надо. Благодарю Майку. И Деву Марию, если еще веришь в нее.

Губы Вероники разомкнулись, ее ресницы затрепетали, но она не допустила ведьму в этот уголок своей души.

— Мне пора идти, — сказала Александра. — Твоя мать, наверное, уже недоумевает.

Вероника заволновалась, желая быть вежливой и благодарной, но при этом боясь показаться смешной.

— Вы сказали, что уезжаете из города?

С каждым днем солнце заходило за горизонт над морем на несколько минут раньше. В полях, на концах своих увядающих плетей созревали тыквы. Луна отбрасывала тени.

— Еще до Дня труда. Вначале я жила здесь с двумя подругами; одна умерла, а другая ищет себе квартиру в Нью-Йорке.

— Вас это печалит? Вы сказали, что чувствуете слабость.

— Это печально, но это жизнь. Или Природа. Или старение. Или смерть. Или что-то еще. Эта слабость может быть просто плодом моего воображения. В отличие от твоего ребенка.

У Вероники снова вырвался смех, но она взяла себя в руки, сомкнув губы в милой улыбке, застенчивой и одновременно гордой, очаровательно самодовольной, такой же, какая бывала у Джо, когда, оттрахав Александру и одевшись, он незаметно выскользнул за дверь на яркий свет Орчард-роуд, мокрой от растаявшего и раскисшего под колесами машин снега. Вероника смутилась, почувствовав, что ее гостю хочется еще немного поговорить.

— Каково это было для вас, — спросила она, — снова оказаться этим летом в Иствике?

— Это было... полезно, — нашла слово Александра. — Я укрепилась в подозрении, что принадлежу какому-то другому месту. Здесь осталось меньше, чем я помнила.

— Думаю, даже те из нас, кто никогда никуда не уезжал, чувствуют то же самое. Но разве это не относится к любому месту на земле?

— Да. Это внутри нас... Все зависит от того, как мы сами смотрим на вещи. Определенное место, определенный период жизни кажутся нам волшебными. В основном — когда мы смотрим на них с высоты возраста.

Вероника полуобернулась, намереваясь снова приступить к глаженью и прежней жизни, теперь менее одинокой в ожидании нового члена семьи, зависимого от нее, уже обожаемого друга, которого сотворило ее тело.

Голосом, достаточно твердым, чтобы остановить собеседницу, Александра сказала:

— Я знаю, что мне пора уходить и что ты умираешь от желания броситься вниз и все рассказать матери. Но мне кое-что пришло в голову. Ты вышла замуж в тот год, когда умер твой отец, да?

— Правильно. В тысяча девятьсот девяносто девятом.

— Ты ведь знала, что я была с ним знакома?

Невинная женщина заморгала:

— Да, в общем... я это знала.

Зловредная старая ведьма не смогла удержаться, чтобы не примешать ко всему этому Джо, и доставила себе удовольствие, вызвав

с огромной дистанции времени его дух во всей его былой силе, силе, которая так волновала ее и которую в жадной опрометчивости тех дней она, не слишком ценя, радушно принимала в себя, в свою темную ипостась, плодоносящую, естественную ипостась, в которой противозачаточная спираль аннулировала всхожесть семени Джо. Ей было необходимо произнести вслух его имя в обмен на милость, которую она оказала этой стареющей девочке.

— Думаю, — сказала она Веронике, — если бы Джо прожил еще год-другой, если бы он был рядом, чтобы благословить вас с Майком, ты бы забеременела сразу же. У него был особый дар плодородия.

Она поцеловала будущую мать в щеку и повернулась, чтобы преодолеть крутой спуск по лестнице на своих нетвердых ногах.

«Джорджиана дю Пеллетье с наслаждением вытянула бледные соблазнительно округлые руки, словно хотела поймать прозрачный воздух этого чудесного карибского утра. Ее изящные губы, розовые безо всякой помады, с кошачьей грацией растянулись в зевке, открыв кокетливо выгнувшийся язык того же жизнерадостного цвета, что и губы, уголки которых приподнялись в улыбке, ставшей еще шире при воспоминании об удовольствии; две пикантные ямочки-близнецы обозначились на щеках, и легкий румянец покрыл их светлую, но уже поцелованную солнцем кожу.

Ее глаза — небесно-голубые с оттенком морской волны, какой она бывает там, где коралловое мелководье обрывается глубокой бездной, — с трудом сосредоточивались на сегодняшнем дне с его многочисленными заботами. Но здесь ее протянутая рука с изысканно утонченными кончиками пальцев неожиданно ткнулась в прозрачную москитную сетку, и это ощущение напомнило ей об иной поверхности — лоснящейся, темно-коричневой, покрывающей мощную мускулатуру, той, которую она ласкала во сне на дальнем берегу моря».

Сьюки хотела было написать: «Она в экстазе глубоко вонзила свои тщательно отполированные и обточенные ногти в широкую, то вздымающуюся, то опускающуюся спину Эркюля», но убедила себя, что настоящий любовный роман не должен содержать сексуальных подробностей, чтобы не соскользнуть в порнографию и не вывести женщин за пределы категории мечтательных, неудовлетворенных

существ, в каковой они должны в нем пребывать. Подробности могут напугать читателей. Женщинам известны факты, но они не любят, когда о них говорят вслух. На карнизе окна Сьюкиной квартиры грязные голуби ворковали, охорашивались и раскачивали своими маленькими головками с бусинками глаз. Они совокуплялись в сердитом возбуждении, распушая перья и застывая с раскинутыми крыльями; наблюдать за этим вблизи на высоте двадцатого этажа было жутковато. Далеко внизу раскинулась улица — река, в которой отражались солнечные блики, которую обволакивало марево выхлопных газов и оглашали пронзительный скрежет тормозов и блеяние клаксонов автомобильного потока. Стоял сентябрь, и город все еще был во власти летней истомы и жары.

«Пение тропических птиц, скромное чириканье маленьких озабоченных желтых пташек, сиплые крики живущих парами лапасов с огромными клювами проникали сквозь жалюзи спальни. От зари работавшие в поле рабы оплакивали свою судьбу в ритмичных народных балладах на певучем местном наречии, обрабатывая белые гектары длинноволокнистого хлопка. Домашние рабыни за окном тихо обменивались сплетнями, развешивая белье на сушильном дворе, — весьма вероятно, сплетни касались сердечных дел их хорошенькой хозяйки. Покойный муж Джорджианы, лихой и беспощадный плантатор Пьер дю Пеллетье, словно предчувствуя свою гибель в кораблекрушении по дороге на Ямайку, наставлял жену, если в результате какого-нибудь посланного небом несчастья она станет вдовой, править плантацией решительно, железной дланью. Хоть была изящна фигурой и мелка в кости, она крепко держала в руках свое стадо, состоявшее из двух сотен чернокожих рабов, управляя им с эффективностью, которая удивляла белого надсмотрщика, ирландца Джерома „Пустозвона“ Мэлони — человека с растрепанными вихрами цвета воронова крыла, презрительно кривящимися алыми губами и зелеными глазами, которые ощупывали ее фигуру обескураживающим взглядом будущего обладателя, от чего дрожь порой пробегала по прямому, но гибкому позвоночнику Джорджианы.

Доходы от плантации росли как на дрожжах при ее скрупулезном и притом гуманном руководстве. Она запретила пускать в ход хлысты, а тяжелые железные оковы, которые болезненно сдирали кожу со

щиколоток, ржавели теперь в пустующих темницах и ямах для наказания провинившихся. Благодарные рабы расцвели. Пустозвон Мэлони предупреждал: они обнаглеют, начнут бунтовать, и остров окажется залитым кровью так же, как это случилось на Санто-Доминго. Она, шутливо хлопнув его сложенным веером по изрытому оспинами носу, раз и навсегда решительно заявила в ответ, что до этого ужасного дня ее слово здесь — закон. Казалось, даже ослики с обрамленными длиннющими ресницами томными глазами и стадо бумажно-белых коров породы „брахма“, привезенное с Цейлона, знали и радовались тому, что верховодит здесь женщина.

Двойная дверь из выбеленного тикового дерева, ведущая в ее *chambre á coucher* с потолком, обшитым звукопоглощающими панелями, открылась, и вошел Эркюль, молодой помощник дворецкого, в нелепом, хотя и очаровательном папоротниково-зеленом костюме домашнего слуги: плотно облегающих бриджах до колен, камзоле с высоким воротником без лацканов, белым кантом и фалдами, как у фрака, а под ним — в жилете с золотыми пуговицами и батистовом шейном платке; все это элегантно великолепие заканчивалось не узкими черными туфлями-лодочками и шелковыми чулками со стрелкой, какие были бы на слуге-европейце, а эбеново-черными щиколотками и широкими босыми ступнями — чтобы бесшумно (игриво отметила Джорджиана) ступать по слегка скрипявавшему полу из драгоценного дерева пельтогине, привезенного из покрытых облачной пеленой лесов северной Бразилии. Бесшумно, если не считать едва слышного шарканья босых подошв по дереву — ей пришлось задержать дыхание, чтобы услышать его, — Эркюль подошел к кровати и поставил на ее лишь слегка прикрытые одеялом колени, чуть пульсировавшие от тайного желания пописать, поднос, изобильно, как на многокрасочных пышных голландских натюрмортах, уставленный утренними яствами».

Хотя канон любовного романа не допускал сексуальных подробностей, он позволял и даже поощрял детальное описание еды. Правда, кулинар из Сьюки всегда был никудышный. И это вызывало определенное сожаление, поскольку и Монти, и Ленни мнили себя мужчинами, любящими жизненные блага и умеющими красиво пожить, и весьма высоко оценили бы кулинарный талант жены,

который избавил бы их от дорогостоящих услуг ресторанов с их манерными, но невнимательными официантами, с их требованием одеваться в шикарный костюм и быть при галстуке, а также платить незаслуженно щедрые чаевые. Читателям любовных романов описание еды заменяло описание сексуальных усад, и Сьюки приходилось напрягать воображение. Она высунула кончик языка между очаровательными губами, как будто пытаюсь этой коротенькой розовой антенной поймать вкусовое вдохновение.

«Сок гуавы в высоком узком бокале, предназначенном для шампанского, тонко нарезанные грудки колибри на оладушках из толченого маиса размером с монетку, рубленое филе только что выловленной рыбы-бабочки, запеченное в ее же черно-полосатой коже. Сбоку на тарелке лежали пропитанные медом полоски нарезанного вдоль банана, темные и блестящие, как лакированная поверхность скрипки. Есть их было невозможно, но было приятно прикасаться к ним, а потом один за другим облизывать пальцы. Два миниатюрных круассана, которые рабы называли „рожками дьявола“, ждали, чтобы их, разрезав и распластав, намазали нежнейшим манговым маслом цвета предвещающего ураган заката. Кофейник серебряной чеканки с пузатым круглым телом и ручкой, украшенной стилизованными выпуклыми изображениями растений, принадлежал роду дю Пеллетье со времен Короля-Солнца, сейчас Эркюль твердой рукой наливал из него в Джорджианину тонкую, как яичная скорлупа, чашку северского фарфора кофе, насыщенный крупинками нерафинированного тростникового сахара до консистенции дегтя. Только после трех обжигающих глотков этого напитка она смогла окончательно открыть глаза и лицезреть волшебное присутствие своего грациозного матово-черного слуги.

Прошлой ночью он держал ее в своих объятиях. Он проник в нее до самой ее души. Тем не менее даже сейчас, когда он, снова наполняя ее чашку, опустил глаза, чтобы не пролить ни капли кофе, оставалась в нем некая чуждость. Ничто в его лице, даже легкое подергивание нерва, не напоминало о восторгах прошлой ночи, о Джорджианиной полной самоотдаче. Что могла она знать о его мыслях? Он принадлежал другой расе, родился на другом континенте, который можно было бы полным основанием назвать другой планетой. Их тела разговаривали

на языке любви через глубокую бездну запретов. Даже когда ее чресла сомкнулись вокруг пульсирующего извержения его семенной сущности, в ее голове молоточком стучала мысль: „Он хочет меня убить“. Он мог умертвить ее ослепительным утром восстания рабов без малейших колебаний, несмотря на то что накануне ночью вкушал от ее нежности и щедро осыпал поцелуями и ласками ее шелковую алебастровую кожу. Не было ли в его глазах бледное сияние ее кожи свидетельством болезни, которую следовало стереть с лица земли? Даже эта почтительность, с которой он сейчас ей прислуживал, могла быть лишь убийственной иронией с его стороны. Его темное присутствие в ее светлой комнате казалось чужеродным, как вонзившийся в плоть металл.

Джорджиана отмела эти тревожные мысли. Она переменяла положение ног, затекших под стоявшим на них постельным подносом, и выставленные на нем фарфор и серебро звякнули друг о друга. Когда Эркюль низко склонился над ней, чтобы убрать тяжелую обузу, ее окатил его мужской запах, и она рискнула спросить:

— Тебе понравилась прошлая ночь, *mon bel esclave*^[65]?

Она почувствовала, как он напрягся; посуда на подносе задрезжала. Птичье пение и неразборчивые пересуды под окном прорвались сквозь жалюзи, но тут же замерли, словно при приближении хищника. Выбритый наголо круглый череп Эркюля, поддерживаемый гладким конусообразным столбом шейных мускулов, низко навис над ней.

— Не понимаю, о чем вы, мисси, — сказал он. Его глаза были до краев наполнены страхом: радужки — черные, как сваренный им кофе, а налившиеся кровью белки имели желтоватый оттенок, свойственный его расе. Она почувствовала, что пропасть между ними вдруг стала непреодолимой. — Миста Пустозвон, он следит, — пробормотал Эркюль».

Сьюки прекратила печатать — набивать, как это теперь называют, — в неуверенности: не послышалось ли? Глаза жгло от того, что она напряженно смотрела в экран, не моргая. «Чаще моргайте», — советовал ей ее офтальмолог. Звуковой фон Верхнего Ист-Сайда, преобразованный ею в звуковой фон коварного карибского острова, снова превратился в то, чем он был на самом деле: в звонкий мусор на

грязном полу безнадежно перенаселенной метрополии. Занятая приготовлением эротически заряженного завтрака на острове, где рабам неизбежно суждено восстать, она подсознательно отметила, что на ее этаже открылась, а потом закрылась дверь лифта. Она подождала и услышала, как в замочной скважине поворачивается ключ Кристофера, а потом в передней шуршат его скользкие осторожные шаги.

— Это я! — крикнул он, как мальчик, вернувшийся из школы или с прогулки. Его бесшумно ступающие ноги в мягких кроссовках, самых дорогих из новой коллекции «Нью бэланс»^[66], проследовали через гостиную и остановились на пороге крохотной комнатки, изначально предназначенной для прислуги, где Сьюки устроила себе кабинет. На вымышленном ею острове Санта-Магдалина было утро; здесь, в реальности, день клонился к вечеру, тени небоскребов накрыли улицы, и спешащие с работы жители пригородов заполнили тротуары, как термиты, спасающиеся из горящего дома. Огонь — красное солнце на западной оконечности пересекающихся улиц — полыхал в Нью-Джерси. Для Манхэттена наступал час менять «скорость» — начинать думать об ужине: либо о ресторане, либо о собственной кухне и холодильнике с остатками вчерашней еды. Кристофер, однако, появился на ее пороге, сияя утренней свежестью посланника другого мира, появился с обнадеживающей, судя по всему, новостью, такой, какую получила Магдалина в своем потревоженном жилище, или Мария в начале своей святой жизни, когда сидела и читала в своем девственном одиночестве. «Не бойся, — казалось, говорил ей Кристофер. — Успокойся!»

— Ну, как движется дело? — спросил он, прислонившись к притолоке. Он немного похудел. Вернувшись в город, не искушаемый больше немецкой стряпней Греты Нефф, он стал регулярно заниматься физическими упражнениями и в порядке защиты от избыточных ресторанных порций и нежелания Сьюки готовить взял на себя магазинные и кухонные обязанности, придерживаясь диеты, включающей лишь нежирную рыбу, коричневый рис и *al dente*^[67] со свежими овощами. Он делал также всю работу по дому; рев стиральной машины или пылесоса разрывал тишину как раз в тот момент, когда Сьюки пыталась сосредоточиться. В некотором роде у нее появилась жена.

— Нормально, — ответила она. — Конечно, я понимаю, что это макулатура, но когда пишу, мне кажется, что это нечто другое. Быть может, правда. Где ты был сегодня?

— Ну... сама знаешь... Зашел к Макс — он закинул удочку насчет меня в два-три ситкома. Часок позанимался с гириями и на велотренажере в клубе. Прогулялся вдоль реки до Девяносто шестой. Повидался со старыми приятелями, мы посидели на скамейке, поболтали. Они говорят, что в Куинсе строят новый небоскреб, рядом с тем зеленым, на котором написано «Citi». Мы пришли к общему мнению, что любим Куинс таким, какой он есть, малоэтажным и закопченным, чтобы там мог позволить себе жить рабочий люд, а не снобы и богатые иностранцы, как на Манхэттене.

Он слишком много говорил — явно что-то скрывал. Обычно он отвечал лишь: «Да так... ничего особенного», или, если она спрашивала, куда он идет, коротко отрубал: «На улицу», иногда добавляя: «Глотнуть воздуха» — или даже: «Не понимаю, как ты можешь корпеть тут весь день?..»

Макс был его агентом, актерскую работу он получал только через него. Кристофер пребывал в крайне неблагоприятном возрасте: все еще слишком моложав для ролей отцов или степенных бизнесменов, но слишком стар и толст для тех романтических ролей, в которых время от времени представлял перед камерой двадцать пять лет назад. Посмотрев несколько его старых фильмов, Сьюки спросила, как ему нравилось играть в любовных сценах с поцелуями. Он ответил, что ничего не имел против; в конце концов, секс большей частью всегда игра. Это заставило ее задуматься. Она всегда считала себя энтузиасткой секса, мастерицей завести какого-нибудь симпатичного петушка, умелицей вывернуться наизнанку в процессе акта, если иметь в виду акт, как он происходил сначала на пыльных плюшевых сиденьях довоенных семейных седанов, которые ее партнеры брали на вечер, или на диванах, коврах или кроватях предоставленных на короткое время домов того самого города-ноготка на севере штата Нью-Йорк, а потом, когда она стала старше, — в легально снятых гостиничных номерах и летних домиках. Нельзя сказать, что это всегда было легко даже для самой свободной и здоровой женщины. Секс был искусством, быть может, сродни самым ранним пещерным рисункам охрой на влажных стенах, изображавшим бизонов, мохнатых лосей,

тонконогих антилоп, чьи контуры процарапывались кремневыми наконечниками настоящих копий, теми же самыми, которыми художник наносил на рисунок раны, подразумевая, что они магическим образом трансформируются в настоящие во время охоты и помогут убить зверя. Добраться до этих рисунков было не так легко, как кажется, если судить по фотоальбомам: пещерному художнику приходилось протискиваться ползком через множество узких и извилистых проходов, скользких и душных, прежде чем он спрыгивал в самую потайную камеру, где мог атаковать или создавать свои убедительные образы. Так же достигается кульминация в сексе. Задним числом размышляя над пластическими номерами и унижительными положениями, которые требовались от нее все эти годы, Сьюки задавалась вопросом: было ли это игрой и кто составлял зрительскую аудиторию? И ответ был: она сама — она была и сценой, и исполнительницей, и зрительницей. Секс с Кристофером — а инициатором тут не всегда выступала она — был шарадой, но это была осознанная игра в шарады, поэтому порой она предписывала переодевание в одежду друг друга и использование комичных пластмассовых приспособлений вопреки, быть может, естественным склонностям их подлинной натуры, но этим она лишала силы ощущение извращенности, преступления граней и механического упорства, которое пришло на смену юношески-сентиментальному возбуждению и иллюзии открытия хладнокровного знания, которая сама по себе вызывает возбуждение.

Машина нуждается в пригонке и будет работать отлично, если производить пригонку деликатно. Их совместное проживание, разумеется, требовало такта: от него — стараться не дать ей почувствовать ее возраст, от нее — избегать темы его бедности и унижительной финансовой зависимости. Они оба были адептами двойственности. Среди всемирных странников они путешествовали налегке. В отличие от гетеросексуальных мужчин, отягощенных социальными императивами, яростной ревнивостью и грубым чувством собственника, он никогда не причинял ей физической боли. Они сидели рядом на концертах и спектаклях, посещали кино и музеи, проявляя непосредственный, почти детский интерес к стряпне, которая проходит под названием Культура. Оба любили ходить по магазинам и следовали — на расстоянии — поворотам моды. Он оказался

искренним болельщиком «Метс», и она в первый же месяц жизни в городе поймала себя на том, что ей нравится сидеть посреди гигантской чаши орущих людей в солнечный сентябрьский день и видеть, как над головой пролетают сверкающие пассажирские лайнеры, заходящие на посадку над Ла-Гуардиа. Ей нравилось, после стольких лет жизни в пригороде, ездить в метро с его беспрепятственной скоростью, экономностью и расовым смешением; она сожалела, что пришла к этому так поздно, когда для входа требовался бумажный билет, а не солидный металлический жетон.

Тем не менее, при всей беспечности их союза, взаимной терпимости и необременительности, их брачная шарада имела для Сьюки один адский аспект — то был не огненный ад, а ледяной. Жилые дома этаж за этажом складывались из кубов льда, и они с Кристофером Грантом являли собой еще один замерзший блок снобов и иностранцев. Они были зомби; их окружал запах гниющих яиц, запах проклятия. Сьюки согласилась на нечто меньшее, чем совершенство, и это, по ее романтическим представлениям, являлось грехом. За это полагалось возмездие — бунт и всепоглощающий пожар на их острове. Но еще не теперь. Джорджиана и Эркюль пройдут свой путь до конца. Они будут вечно жить в объятиях друг друга; вот какую книгу она писала.

Хэллоуин или около того...

Дорогая старушка Великолепная!

Я необязательный корреспондент, знаю, знаю, но я купила новый компьютер, чтобы свести роман, над которым сейчас работаю, на один диск — именно в таком виде крохоборы издатели требуют теперь представлять тексты. Это ноутбук, который я могу возить с собой, если мы с Крисом куда-нибудь отправляемся; «Майкрософт» напихал в программу кучу новой умной чертовщины, так что теперь вместо мышки имеешь одно из тех встроенных приспособлений, которые меня бесят, — волшебный металлический квадратик в середине под клавиатурой, чуть больше, чем спичечная картонка, но меньше, чем пачка сигарет (мне по-прежнему хочется курить, особенно на

вечеринках или когда я работаю, хотя уже много лет, как мне поставили диагноз «эмфизема» и в весьма категоричной форме обрисовали выбор: бросить курить или умереть), этот квадратик достаточно лишь поглаживать пальцем, но малейшее прикосновение к нему посылает стрелку курсора далеко в сторону, на какую-нибудь ненужную иконку, в результате чего либо меняется шрифт, либо текст разделяется на три колонки, либо приобретает чудовищный цвет, и ты понятия не имеешь, как вернуть все в прежнее состояние. Иногда мне хочется заплакать и разбить проклятую машину вдребезги, я слишком стара для всех этих новых технологий, без которых в наши дни ничего нельзя сделать, даже водить автомобиль. Я сменила свой «БМВ» на более компактную и экологически чистую «тойоту-гибрид», так что могу теперь ездить по городу, не боясь, что ее украдут — кому нужен гибрид? Так вот, у нее приборная доска — как у бомбардировщика-невидимки: сплошь какие-то хитроумные международные значки и кодовые слова. Я никак не могу понять, чего она от меня хочет. Я даже не могу переключить радио с FM на AM, чтобы не напороться на какую-нибудь спортивную тарабарщину, где какие-то парни звонят в студию и орут на ведущего, а он начинает орать на них, при этом все трещит от статического электричества, идущего от всех проводов этого оплетенного проводами города. Электричество — кому оно нужно? Крис говорит, что электричество — неправильное название, что, строго говоря, никакого электричества нет, есть электроны, а электричество — термин-свалка для ленивых. Существуют лишь частицы с зарядами, а некоторые — без. В Нью-Йорке гораздо больше отвлекающей суеты, чем в Стэмфорде, полагаю, именно поэтому молодежь валом валит сюда, хоть многим приходится жить буквально в упаковочных ящиках под мостами, а Крис всегда при мне, чтобы ходить на разные бессмысленные мероприятия вроде дурацких хеппенингов, где какая-то женщина без конца режет себе руки и трогает свои гениталии. У Монти и Ленни хватало

благоразумия на время оставлять меня одну, чтобы я имела возможность помечтать, но, и то правда, у них была работа. Забавно, тебе не кажется, что мельчайшие детали воспоминаний о покойных мужьях вдруг становятся драгоценными? В то время я считала, что их работа — чушь собачья. Всучивать людям то, что им, по большому счету, совершенно не нужно, — вот все, к чему пришел капитализм. Да еще истощать невозполнимые природные ресурсы, в то время как Африка голодает.

Но к настоящему моменту у «Метс» наступил перерыв в играх — Крис бейсбольный фанат, кто бы мог подумать? — а в Таосе, должно быть, наступила идеальная осенняя погода, и ты снова скоро будешь здоровой и цветущей. Тебе необходимо набрать вес, сердце мое. Я никогда не видела тебя такой осунувшейся, как тогда, когда мы уезжали из кондоминиума. (Прости, что повесила на тебя столько забот в последнюю минуту; этот банк оказался настоящей вонючкой — видишь ли, не хотел возвращать нам залог, пока мы не покрасим заново потолок! Не видела я на нем никаких пятен от дыма, он и до того был желтый.)

У тебя были тогда проблемы со здоровьем, но они есть у всех нас. Например, мочевые пузыри у женщин с возрастом становятся капризными. Иногда ни капли не выдавишь, хоть очень хочется, а в другой раз стоит засмеяться или чихнуть — и тут же трусы обмочишь. Это все показывают по телевизору, смотришь — и узнаешь в себе жалкую развалину. Мои, у меня, к примеру, кожная аллергия на солнце, мои легкие слишком изношены изнутри, десны усохли до того, что образовался периодонтит. А что касается тебя, то мой диагноз: ты просто была в депрессии. Может быть, из-за смерти Джейн — она была пилюлей, горькой пилюлей, но мы должны были ее проглотить. А может, из-за того, что ты — старшая из нас всех, но ты всегда была нашим лидером: старшей сестрой, которая, предполагается, должна быть мудрой, и ты была самой сильной в магии, несмотря на то что Джейн умела летать,

немножко, как летающая белка. Но я думаю, то, что Богиня сделала тогда с Джейн, заставило тебя (тебя, Лекса) задуматься: не бессмыслица ли все это? Ладно, пусть бессмыслица. Я сейчас живу в общенациональном штабе распространения бессмыслицы, но не поддаюсь ей. Я принимаю жизнь такой, какова она есть, день за днем. Если смотреть прямо вверх, мимо всех этих новых конструкций (чертовы «Дампстеры»^[68] загоразвивают все парковки!), то еще можно увидеть кусочек голубого неба. Где-то посреди всего этого — я имею в виду, всего того, что существует, не зря же оно существует миллиарды световых лет — должен все-таки быть смысл существования, и его немало.

Мне удалось вытянуть из Криса, как он устраивал нам те разряды-удары; я говорю — нам, хотя меня он, судя по всему, приберегал напоследок. Это было основано на экспериментах Даррила, и делал он это с помощью оставшегося от него оборудования. Согласно квантовой теории, которая является не столько теорией, сколько беспомощным описанием того, как безумно устроен мир, что неоднократно доказано, если вы расщепляете частицу, фотон, например, одна ее половина начинает вращаться по часовой стрелке, а другая — против; и когда вы измеряете спин одной, вращающейся по часовой стрелке, даже если половинки разлетелись далеко друг от друга, другая будет неизменно вращаться в обратном направлении с тем же спином, пусть у них и не будет никакой возможности общаться. Это называется взаимодействием между разделенными системами. И это — одно из призрачных явлений, касающихся частиц: они представляют собой не только частицы, но одновременно и волны, и одиночный фотон, проходящий через две позиции, образует интерференционные схемы сам с собой; электрон и его антивещество, позитрон, возникают из ниоткуда и вступают во взаимодействие, пусть и всего на одну миллиардную или триллиардную долю секунды. Приблизительно. Так ученые объясняют возникновение

Вселенной — какое-то антивещество забыло нейтрализовать вещество. Или какая-то виртуальная частица соскользнула в не-виртуальность. Идея Даррила, когда он все еще надеялся стать великим изобретателем и заработать кучу денег, которые были ему нужны, чтобы путешествовать и вести экстравагантный образ жизни, — он надеялся продать свою идею армии США, но на самом деле этот способ позволяет убить только одного человека за раз, да к тому же довольно медленно, — так вот, его идея состояла в том, чтобы соединить этот принцип взаимодействия между разделенными системами со своим экспериментом над электронами. Это похоже на колдовство, основанное на внушении, которое мы когда-то практиковали. Одна из особенностей такого колдовства заключается в том, что оно действует только на людей из твоей, так сказать, собственной деревни, на тех, кого ты знаешь. Для воздействия электронами на расстоянии нужно, чтобы жертва находилась достаточно близко, как минимум в пределах маленького города. Даже молния не может пролететь больше одной-двух миль. И еще надо располагать чем-нибудь из личных вещей жертвы, в которых сохраняется ее электронное вещество. Почему тебя, когда ты, пройдя через комнату, берешься за ручку двери, бьет током? Потому что при трении подошв о ковер на них скапливаются электроны с ковра, а их избыток притягивается протонами дверной ручки. Тебе кажется, что разряд входит в тебя, между тем как на самом деле он выходит. Помнишь, как комбинация прилипала к ягодицам, когда женщины еще носили комбинации, и как это бесило, хотя комбинации и не искрили так, как искрят волосы, когда расчесываешь их в темноте. Это были лишние электроны, которые искали то, что называется электростатическим равновесием.

Дальше (знаю, знаю, меня это тоже уже утомило): еще одна странность (даже вызывающая гадливость, но ведь Даррил и впрямь вызывал гадливость, хотя бывал таким забавным) состоит в том, что со времен наших теннисных

турниров и банных развлечений в поместье Леноксов Даррил сохранил кое-какие предметы нашего туалета, которые мы, будучи то ли слишком пьяными, то ли слишком распущенными, то ли находясь под влиянием чувства вины, забывали забрать, когда наконец отбывали домой к своим несчастным, покинутым безгрешным детям. Шорты и тенниски, носки, головные повязки, гребни, трусы и даже лифчики, наверное, оставались в раздевалке или на бортике тиковой бочки, и он хранил их вместе с сувенирами, остававшимися от других душ, которые он пытался поймать, а когда Кристофер сообразил, чьи это вещи, и когда Грета Нефф, которая (в отличие от нас) отнеслась к нему с большим сочувствием после того, как он осиротел, предупредила его, что после долгого отсутствия мы возвращаемся в Иствик, он раскопал электронную пушку, хранившуюся в лаборатории Даррила (они вообще-то стоят гроши, в каждом телевизоре есть такая трубка, она излучает крохотные точки, которые движутся к электронно-лучевому экрану от основания катодно-лучевой трубки, откуда она их выстреливает в процессе термоэлектронной эмиссии, и проходят через отверстие в аноде — я все это сама изучила, никогда не принадлежала к числу тех ленивых авторов, которые нанимают лакеев, чтобы те проводили за них подобные изыскания), вдул в нее из Джейниных, а потом и твоих интимных вещей, на которых пот высох тридцать лет назад, кучу электронов и в соответствии с теорией взаимодействия разделенных систем стал обстреливать вас ими. В ваших телах создавался избыточный заряд, который не только генерировал «удары», но и нарушал функционирование всех ваших внутренностей, а также подрывал моральный дух. Это было жестоко. Но Крис и впрямь страшно злился из-за своей сестры. Метод действовал весьма приблизительно, но мир квантов вообще неточен, все это лишь вероятности; ни о чем нельзя сказать наверняка, что оно действительно существует; пока нечто не измерено, оно остается призраком, а измерительные инструменты, вторгаясь в

структуру, так нарушают ее, что последующие измерения становятся невозможными. Как бы то ни было, ни о чем больше не волнуйся, моя старая любовь. Кристофер поклялся, что электронная пушка Даррилла сломалась — она стала барахлить после того, как вызвала у Джейн аневризму, — и он сам понятия не имеет, как ее починить, а платить специалисту нечем. Деньги у нас — деликатная тема, но это вообще из другой оперы.

Нью-Йорк, как я уже сказала, — это бесконечная суета и раздражение, и все же, вспоминая Иствик, я вижу, что и там есть свои отрицательные стороны. (Томми Тортон прислал мне вырезки из дешевого, отпечатанного на ксероксе листка, который ни в какое сравнение не идет со «Словом». Оказывается, «Немо» наконец продали, правда, «Данкен донатс» пообещал сохранить некоторые его исторические особенности при обновлении. Унитарийцы отложили свой антииракский поход на после Дня труда, а потом идея потихоньку и вовсе рассосалась, война в Ираке не вызвала такого бурного протеста, как вьетнамская, добровольцы и призванные национальные гвардейцы продолжают умирать, а людей больше беспокоит состояние экономики.) Так вот, рассказываю дальше: однажды вечером, после того как мы погуляли по городу с Кристофером, — знаю, я слишком часто и надолго бросала тебя в те последние десять дней, но я боролась за спасение твоей жизни: соблазняла человека с очень слабым сексуальным потенциалом и сердцем хладнокровного убийцы в придачу, — я проводила его до дома Неффов (Грета всегда язвительно выражала ему недовольство, если просекала, что он встречался со мной), осталась одна где-то между Хемлок- и Вейн-стрит и направлялась к началу Док-стрит, где припарковала свой «БМВ», когда вдруг очутилась в жуткой, кромешной тьме, словно окунулась в бездонную лужу, я даже не могу тебе этого описать. Это случилось возле унитарийской церкви, которая когда-то была конгрегационалистской, а до того — пуританским молельным домом, где проводились эти их трехчасовые

бдения, во время которых помещение обогревалось только ящиками-подставками для ног, где тлели угасающие угли, разве что не дававшие замерзнуть насмерть. Нигде не горели ни уличные фонари, ни свет в окнах. Я стояла возле какого-то дома, но не знала, кому он принадлежит, — если подумать, в Иствике много домов, чьих хозяев мы не знаем, хотя казалось, что мы знаем в этом городе всех. Так вот, я стояла в этой первозданной тьме, словно в ошметке, оставшемся от леса, когда здесь повсюду еще был лес и люди в жалких дереушках ложились спать, дрожа от страха, что после захода солнца на них нападут индейцы. Я не видела ничего, лишь слабые контуры деревьев и кустов — высоких, возможно, это была туя — на фоне чуть более светлого неба, на котором не было ни звезд, ни луны, и казалась себе совершенно потерянной и слепой, находясь всего в нескольких кварталах от «Бэй-сьюперетта», лившего потоки света на тротуары и освещавшего путь припозднившимся катерам, возвращавшимся в бухту, и детям, которых еще не хватились дома и которые шумно толпились возле «Бена-энд-Джерри», где когда-то была парикмахерская. Я слышала шуршание автомобильных шин, но была одна, как в пустыне, и чувствовала себя, словно ребенок, которого заперли в шкафу, — помню, мои родители-неандертальцы грозились сделать это со мной в детстве, но, кажется, так и не сделали. Вот тогда я и подумала: как же непрочно держится цивилизация на этом континенте. Эта первобытная тьма всегда готова поглотить ее снова.

Крис до смерти любил ходить на могилы Дженни и своих родителей на новом участке Кокумскусокского кладбища, и там при дневном свете было хорошо видно, насколько состарились гранитные плиты, как они потемнели от перегона и покрылись лишайником, на многих почти нельзя было уже разобрать имен и дат. Но имелось много и свежих могил, края плит здесь были еще острыми, люди, которых я знала в старые времена в Иствике, гнили под ними в своих длинных ящиках под землей, но продолжали жить в моем сознании; перед моим мысленным взором

возникали яркие картинки, лица знакомых людей: кто-то смотрел прищурившись, кто-то смеялся или что-то говорил... Их живые лица пребывали во мне, как будто моя голова была кладбищем другого рода, подвижным, усеянным искрами, вспыхивающими, словно светлячки, так же, как маленькие, никем не высаженные ромашки сами по себе вырастают из-под земли там и сям на настоящем кладбище.

Но давай мы с тобой не будем поддаваться страху. Мы выжили. Так же, как Крис. Пока я это писала, он был дома, уходил, возвращался. Я советовалась с ним по поводу кое-каких технических терминов, хотя вряд ли тебе так уж важна точность. Среди того, чему он меня научил, есть удивительное объяснение причины, по которой мы видим что бы то ни было: оболочка, состоящая из проносящихся вокруг нас электронов, окружающих каждое атомное ядро, отбрасывает фотоны назад, нам в глаза. И еще электроны всегда ищут просвет, который можно заполнить, так что это действительно похоже на любовь, хоть вы и подняли меня на смех, когда я это сказала. Он просит передать тебе привет и сказать, что приносит свои извинения, если у тебя остались еще какие-то неприятные ощущения, и что он был сумасшедшим, когда винил колдовство в чем-то реально случившемся.

Micho ator (теперь здесь все говорят по-испански).

«Сьюки» было нацарапано красным с той нервной корявостью, которая свойственна людям двадцать первого века, отвыкшим держать в руках ручку. Под своим именем она написала телефонный номер с кодом 212 и свой ист-сайдский адрес. Александра бегло прочла страницы плотно набранного на компьютере текста и положила письмо на стеклянный столик; стекло в горизонтальной проекции отражало оконные рамы, обрамлявшие вид на рыжевато-коричневую, заросшую травой землю высоких сухих прерий такой же скромной, но любимой палитры Запада, как и украшения в ее просторной гостиной, — глиняные горшки племен навахо, зуни, ислета и менее тяжелые, не так тонко изукрашенные сосуды, сделанные Джимом

Фарландером; глядя на них, она видела его деликатные руки, ласкающие крутящуюся глину. Маленький навахский коврик был младшим братцем большого, прибитого к саманной стене на несолнечной стороне. Кожаные стулья и глубокие диваны, обитые тканью, повторяли ту же цветовую гамму или ее недостаток, что и скотоводческий край за окном.

Александра вернулась к отсутствию: отсутствию буйной иствикской зелени и такому же звонкому, как утреннее пение петуха, отсутствию Джима. Ей казалось, что ощущение его отсутствия со временем сгладится так же, как затягивается рана или каждую весну возрождается к жизни дерево. Но нет, с мужским упорством, которое она так любила, сжав губы, он оставался далеко и дарил ее тишиной, в которой мысли могли свободно ходить по кругу, что они и делали.

Забот было много. Его магазин, который в жаркие месяцы мог позволить себе отдохнуть в истоме, нужно было открывать снова и наполнять товаром. Она должна вернуться к гончарному кругу, чтобы создавать свою собственную, пока пробную, фарландеровскую керамику. А еще она могла начать снова лепить своих малышей, свои маленькие феминистские фетиши, не соревнуясь больше с мужем за место у печи для обжига. За время ее отсутствия дел поднакопилось, хотя она платила своей уборщице Марии Грейвульф, чтобы та присматривала за домом и пересылала ей счета и письма, которые выглядели важными. Среди корреспонденции, которая, сточки зрения дальновидного понятия о приоритетах коренной жительницы Марии, не была достаточно важной, чтобы ее пересылать, скопилось много уведомлений о собраниях консультативного совета Дома Мейбел Додж Лухан, несколько налоговых квитанций, увы, прискорбно просроченных, письмо от Уорда Линклейтера, оплакивающее ее отсутствие и приглашающее ее на ужин, как только она вернется, а также зловеще напоминающее в постскриптуме, что ни он, ни она не становятся моложе. Еще одно письмо пришло от хозяина галереи в Санта-Фе, который хотел поговорить с ней об устройстве ретроспективной выставки «неоиндейской» керамики Джима Фарландера, — ей не нравилось слово «неоиндейская», но, вероятно, оно было образовано по аналогии с «постмодерном». Она будет рада видеть, что Джим удостоен такой чести, ответила она.

Ей нравилось снова ездить на собственной машине, хотя допотопный «форд-пикап» нуждался в починке коробки передач. Нравилось опять видеть вокруг яркие желто-красные номерные знаки с надписью «Страна очарования» вместо род-айлендских холодных бело-голубых с надписью «Океанский штат». Ее воскресший телефон без конца звонил, донося до нее требования и приглашения ее таосских приятелей — брюзжащих и сильно пьющих художников. Александра чувствовала себя теперь лучше, здесь она больше была самой собой. Неприятные ощущения в организме, в которых она подозревала симптомы рака, и изматывающая тошнота отступили. Аппетит возвратился после первой же ложки горячей сальсы с сухой маисовой лепешкой и первого же мексиканского обеда, состоявшего из кесадильяс^[69], черных бобов и риса. Ноги стали меньше неметь, хотя она все еще спотыкалась на неровной земле и с трудом вставала с дивана. Да, она была старой дамой, от этого никуда не денешься. Смерть притаилась за углом вместе с Уордом Линклейтером, приглашавшим на ужин. Но, вернувшись сюда, на Запад, она перестала ощущать свою старость. Она чувствовала себя, как один из тех внезапно вспыхивающих ослепительно белых грозовых фронтов, которые не теряют силу, обрушиваясь дождем, как бы высоко над горами ни поднимались. Ее старый черный лабрадор Пепел пережил эти два месяца в собачьей конуре, и они с ним возобновили свои прогулки по желто-коричневому высокогорью — собака и женщина, одинаково прихрамывающие от артрита и слабости ног.

* * *

Какие коварно-обманчивые иллюзии, можете вы сказать, позволяют себе эти Богом забытые женщины! Прощая себе непростительное, сбрасывая с себя чувство вины так же легко, как в молодости сбрасывали одежду. Одна из них грязными руками лепит из глины маленьких пухлых идолов, другая — зыбкую связь с наперсником самого дьявола, третья отправилась в предуказанное небытие, и конец ее был непристойным. Господь ведет точный учет; Ему до последнего пенни известна сумма долгов, которые взыщет смерть. И окончательный счет ревизии не подлежит — ни

возрождениями нового явления, ни упокоения нет. В лучшем случае для избранных есть блаженное забытие, которое кладет конец всем желаниям, страхам и мучительному смятению. Мы возблагодарили Небеса за то, что дали увидеть нам, как нечестивые распутницы во второй раз бежали, покидая наше неистребимо-надежное селение у моря.

Поглощенная повседневными радостями возобновившейся настоящей жизни, Александра несколько месяцев не отвечала на письмо Сьюки. Рождественские дни выдались холодными, солнечными и были заполнены визитами внуков и взрослых детей; все четверо — Марси, Бен, Линда и даже Эрик, полными составами — сумели приехать. Марси, пользуясь прерогативой старшей сестры, организовала это по электронной почте. Александра противилась такому напору предписанного правилами внимания. Неужели смерть ее действительно так близка, что они сочли необходимым собраться все вместе? Елки у нее не было, но она соорудила перуанский рождественский вертеп из глиняных кукол на подоконнике, среди своего собрания миниатюрных кактусов. Он привел в восторг ее младших внуков, которые без конца накалывали пальцы шипами. Один из них, сын Линды, маленький Боргард уронил и разбил фигурку младенца Христа, лежавшего в своих яслях из раскрашенной глины. Малыш заплакал от ужаса, поняв, что совершил святотатство, и рыдал, пока Александра несколькими ловкими движениями, натренированными в процессе изготовления «малышек», тщательно не склеила все осколки.

— Лучше, чем был, — заверила она смотревшего на нее широко раскрытыми от удивления глазами ребенка.

Позднее, когда новый год стал постепенно разворачиваться вокруг нее, письмо Сьюки начало точить одинокую матрону. В нем чувствовалась поддержка, рука, протянутая вдовой вдове. Она живо представляла себе веселое и жадное до жизни лицо подруги с выцветшими веснушками и пухлой верхней губой, в минуты задумчивости придававшей ему выражение неуверенности и ранимости.

Однажды холодным ветреным январским днем, когда шедший всю ночь снег запорошил олеандр и опунцию на ее оконной картине, а

далеко на востоке засияла, покрывшись свежим белым покровом, вершина Сангре де Кристо, она неожиданно для самой себя набрала номер, который Сьюки написала ей красными чернилами. Аппарат на дальнем конце зазвонил так часто, что она ожидала услышать механический голос автоответчика, но вместо этого услышала голос Сьюки: «Алло?» По сдержанному глухому тону, каким было произнесено это единственное слово, Александра поняла, что Кристофер бросил ее; он снова растворился в своей половине мира, той, которую унаследовал от Даррила ван Хорна.

— Лекса? — с ведьмовской интуицией догадался этот настороженный голос.

— Ну? — ответила Александра, польщенная. — Куда мы отправимся вместе в этом году?

---

notes

Примечания

Известная аристократка и интеллектуалка, чьи салоны в Нью-Йорке и Флоренции привлекали артистическую и интеллектуальную элиту. Ее друзьями были Пабло Пикассо, Гертруда Стайн, Андре Жид, Артур Рубинштейн, Джон Рид. — *Здесь и далее примеч. пер.*

2

Фильм Стивена Спилберга.

Американский архитектор 1870–1880 гг., мастерски использовал массивные, внушительные формы романского стиля для создания подчеркнуто солидных, эффектных, иногда как бы навеянных романтическими легендами композиций.

4

Пригород Бостона.

5

Игра слов: fuck — трахаться (*англ.*)

Джорджия О'Киффи (1897–1996) — американская художница, член американской Академии искусств, чьи работы представлены во всех крупных музеях современного искусства в США.

Деревушка в 80 км от Нью-Мексико, в которой Джорджия О'Киффи прожила сорок лет.

Пригород Бостона.

Один из террористов, захвативших самолет рейса № 11 авиакомпании «Американ эрлайнз». Предположительно именно он находился за штурвалом самолета, который нанес удар по южной башне Всемирного торгового центра.

10

Не за что (*φρ.*)

Высокая мода (*фр.*)

12

Высокий сосуд, в который клали внутренности покойного, вынутые при бальзамировании.

Столица объединенного Египта во время правления XVIII–XX династий. Теперь на месте Тебеса находится Луксор.

Лондонский блиц — ночные бомбежки Лондона немецко-фашистской авиацией в 1940–1941 гг.

Веймарская легавая.

Здесь: очень (*исп.*)

Имеется в виду всемирно известный бренд шотландской фабрики шерстяных тканей.

Квадратный закрытый двор; четыре его стены образованы четырьмя одноэтажными жилыми зданиями, двери которых открываются во двор.

Так называют вращающийся на высокой ножке поднос с разными кушаньями, который устанавливается в центре стола, чтобы каждый мог, поворачивая его, брать то, что хочет.

Полудекофеинизированный кофе-эспрессо.

Известный первопроходец, натуралист и писатель, посвятивший свою жизнь изучению и сохранению Йосемитской долины.

Стилвелл, Джозеф Уоррен (1883–1946) — генерал-лейтенант армии США, во время Второй мировой войны являлся начальником штаба генералиссимуса Чан Кайши.

Один из самых известных туристских маршрутов в Ирландии, протяженностью 166 км.

Обычай самосожжения вдовы на погребальном костре мужа.

Анна Хатчинсон (1591–1643) — выступала не только против религиозной догмы, но также против того, что женщинам было отказано в праве голоса в церкви.

Скорее всего имеется в виду комедийный сериал, демонстрировавшийся по каналу Эй-би-си с 1974 по 1984 г. и на примере одной семьи представлявший идеализированную версию американской жизни середины XX в.

Эй, эй, дьявол, дьявол, прыгай сюда, прыгай туда, поиграй здесь, поиграй там! (*фр.*)

Один из крупнейших розничных продавцов и арендодателей техники и промышленного оборудования.

Торговая сеть, являющаяся крупнейшей на планете по продаже стройматериалов и инструментов для ремонта.

Компания розничной торговли, владеющая сетью магазинов по продаже товаров для улучшения жилища.

Ведьмы (*ит.*)

Чары. Магія (*ит.*)

Роджер Уильямс (1603–1683) — основатель колонии Род-Айленд.

Медленно (*ит.*)

Имеются в виду районы, где возводились недорогие типовые дома фирмы «Левитт и сыновья».

«Алая буква» (1850) — направленный против пуританских нравов роман классика американской литературы Натаниэля Готорна (1804–1864).

Один из важнейших догматов буддизма, постулирующих отсутствие атмана («Я»), или самости индивида.

Болезнь и страдание.

Переход, череда перерождений, жизнь (*санскр.*) — круговорот рождения и смерти, одно из основных понятий в индуистской философии.

Финальное слово в проповедях буддистских и ламаистских монахов.

Отмечается 1 августа и имеет много названий, но наиболее распространенное среди них — Лугнасад (Lughnasadh), которое переводится как «сборище Луга» или «свадьба Луга». Луг — один из богов кельтского пантеона, покровитель земледелия и многих ремесел.

Имеются в виду банки с горючей жидкостью из денатурата, предназначенные для подогрева пищи в полевых условиях.

Ритуальный нож с черной ручкой, которым чертят магические круги и другие фигуры, необходимые, чтобы творить заклинания.

Менструальная кровь (*фр.*)

Египетский крест, символ жизни.

46

Золотой жезл, оплетенный двумя змеями и увенчанный двумя крылышками; символ врачевания.

Букв.: бог из машины (*лат.*)

Томас Кранмер (1489–1556) — один из отцов английской Реформации, доктор богословия, архиепископ Кентерберийский с 1533 г.

Пудинг-мороженое.

Имеется в виду Кэри Грант (1904–1986) — знаменитый американский актер.

Имеется ввиду Улисс Симпсон Грант (1822–1885) — 18-й президент США.

Имя Гейбриел (Gabriel) произносится по-английски так же, как имя архангела Гавриила.

Стиль электронной музыки.

Имеются в виду Альберт Гор и Джордж Буш-младший, являвшиеся соперниками в президентских выборах 2000 г.

Понятие из области теории классической электродинамики. Введено Дж. К. Максвеллом при построении теории электромагнитного поля для описания слабых токов, возникающих не при течении, а при смещении заряженных частиц в диэлектриках.

Собственный момент импульса элементарных частиц, имеющий квантовую природу и не связанный с перемещением частицы как целого.

Джазовый стиль фортепьянной игры.

Линди — негритянский танец.

Джиттербаг — быстрый танец под джазовую музыку с резкими, дергаными движениями.

Род джаза.

Имеется в виду массовое убийство в школе «Колумбайн». 20 апреля 1999 года Дилан Клеболд и Эрик Харрис ворвались в школу «Колумбайн» и убили 13 человек.

Курт Кобейн (1967–1994) — американский вокалист, гитарист, барабанщик, создатель группы «Нирвана».

Мемориальный онкологический центр имени Слоуна и Кеттеринга.

Волшебная страна, в которой живет Питер Пэн, герой сказки Д. Барри.

Мой прекрасный раб (*фр.*)

Фирма, выпускающая в США и Великобритании спортивную одежду и обувь.

На зуб (*um.*)

Фирменное название большого металлического мусоросборника.

Сытная острая закуска из курицы и фасоли.